

1423.16-113
320

Е. БАЛАБАНОВИЧ

МАКАРЕНКО

ЧЕЛОВЕК И ПИСАТЕЛЬ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

Антон Семенович
МАКАРЕНКО

Е. БАМБАБАНОВИЧ

ЧЕЛОВЕКЪ ПИСАТЕЛЬ

МОСКОВСКИИ РАБОЧИИ 1963

ОТ АВТОРА

«Удивительный Вы человекиче и как раз из таких, в каких Русь нуждается»¹, — писал М. Горький Антону Семёновичу Макаренко.

Для того чтобы до конца понять всю значимость этой оценки, надо вспомнить, каким огромным содержанием было для великого писателя наполнено слово «человек», воплотившее всё самое лучшее в мире: светлый разум, героическое, жизнеутверждающее начало, преобразующий действительность творческий труд. А ведь в данном случае это слово было употреблено М. Горьким в превосходной степени! Такое же чувство удивления, восхищения и самого живого интереса к биографии, педагогическому и литературному творчеству Макаренко испытывают многочисленные советские и зарубежные читатели.

Макаренко — художник по натуре, по темпераменту, по отношению к миру. Писатель нового типа, Макаренко пришёл в литературу, как он сам говорил, с педагогического фронта, и работа педагога вовсе не была эпизодом — Макаренко отдал ей свою жизнь. Творчество писателя органически выросло из его участия в деле воспитания подрастающего поколения. Тема формирования нового человека стала основной темой художественных произведений Макаренко.

Задача настоящей книги — раскрыть редчайшее, молотное единство писателя и человека, воссоздать, во всей конкретности, основные этапы жизни и творчества Макаренко.

¹ *А. М. Горький. Письмо к А. С. Макаренко, 12 июля 1926 г.; А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 339.*

Осуществление этой увлекательной, сложной задачи связано с рядом серьёзных трудностей, и прежде всего с отсутствием многих необходимых источников. Не сохранились ни дневники, ни записные книжки, ни подавляющая часть писем Макаренко, относящихся к периоду его биографии примерно до середины 1920-х годов. В годы второй мировой войны на Украине погибло много рукописей и документов, которые могли быть ценными материалами для биографии писателя.

Тем большее значение представляет личный архив Макаренко 1927—1939 годов, полностью сохранённый благодаря неутомимой энергии жены и друга писателя Галины Стахиевны. Пользуясь содействием Г. С. Макаренко, автор настоящей книги широко использовал эти необходимые для исследователя первоисточники. Кроме того, им были привлечены материалы, хранящиеся в архивах Москвы, Ленинграда и Украины, а также некоторые документы, находящиеся в частных собраниях.

Ценными биографическими источниками являются свидетельства современников. Работая над книгой, автор поставил одной из своих задач собирание, систематизацию и критическую оценку мемуаров, особенно относящихся к периодам биографии писателя, мало ещё освещённым. Многие, знавшие Макаренко, откликнулись на обращение и написали воспоминания или ответили в письменной форме на интересовавшие автора вопросы. В Москве и во время поездок в макаренковские места автором записаны воспоминания десятков лиц, общавшихся с Антоном Семёновичем в разное время его жизни. Автор считает своим долгом выразить искреннюю благодарность друзьям, соратникам и ученикам Макаренко за содействие в работе.

Автор с глубокой признательностью вспоминает о большом творческом участии в подготовке этой книги Галины Стахиевны Макаренко, скончавшейся в сентябре 1962 года. Г. С. Макаренко знакомилась с главами книги, принимала участие в её редактировании, делилась воспоминаниями о А. С. Макаренко.

Автор приносит сердечную благодарность старшему научному сотруднику Института истории и теории педагогики Академии педагогических наук В. Е. Гмурману, который взял на себя труд прочтения рукописи настоящей книги и дал ряд полезных советов.

ГЛАВА I

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Жизнь Макаренко в дореволюционное время является примером формирования новой, демократической интеллигенции, неразрывно связанной с народом. Вместе с тысячами людей из народа Макаренко завоевал культуру в борьбе, в повседневной работе над собой, в неустанном движении вперёд. Сын маляра стал образованным человеком с широким диапазоном интересов в области науки и литературы.

«Я вышел из той социальной среды, в которой большинство моих товарищей уходило в «мальчики» — кто к сапожнику-кустарю, кто к жестянику, маляру и т. п.»¹ — так охарактеризовал Макаренко своё ближайшее окружение в юные годы.

1. БЕЛОПОЛЬЕ

Антон Семёнович Макаренко родился 1(13) марта 1888 года в городе Белополье Харьковской губернии, ныне районный центр Сумской области Украинской ССР.

Старинное поселение, основанное ещё в XVII веке, Белополье с давних времён числилось заштатным горо-

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 384.

дом, что никак не соответствовало его экономическому значению. Город, насчитывавший в конце XIX века более 15 тысяч жителей, был крупным торговым центром. Ежегодно здесь происходило пять больших ярмарок, на которых шла крупная торговля рогатым скотом, лошадьми, солью, дёгтем и сельскохозяйственными товарами. Находясь вблизи большого железнодорожного узла Ворожба, Белополье экспортировало хлеб за границу.

Однако семья Макаренко была далека от торговых интересов многих жителей города. Отец писателя Семён Григорьевич был сыном рабочего из города Харькова и сам работал старшим маляром Белопольского железнодорожного депо Харьковско-Николаевской железной дороги. Мать писателя Татьяна Михайловна, урождённая Дергачёва, была дочерью николаевского солдата.

Семён Григорьевич Макаренко прожил большую жизнь. Он рано потерял родителей и был отдан в учение малярному делу к мастеру-каретнику. Тяжело приходилось сироте «в людях», но трудные обстоятельства не согнули молодого человека. Он рано научился быть выдержанным, не жаловался на тяготы, умел скрывать свои безотрадные мысли и чувства от окружающих. Эта сдержанность, иногда переходившая в суровость, была присуща С. Г. Макаренко до последних дней жизни.

Испытавший на себе несправедливость социального строя, основанного на угнетении человека человеком, С. Г. Макаренко с горячим сочувствием относился к борьбе своих товарищей по железнодорожным мастерским за лучшую жизнь. Характерно, например, что однажды, когда слесари депо, бросив работу, потребовали удаления старшего мастера, избивавшего рабочих, Семён Григорьевич, в знак солидарности, вывел своих маляров во двор мастерских, где собрались другие рабочие. На вопрос начальника мастерских, почему он, Макаренко, присоединился к забастовавшим, Семён Григорьевич спокойно, с достоинством ответил: «Где рабочие одного цеха, там должны быть все рабочие».

Прямота, рабочая гордость, независимость отца,

¹ Анкета А. С. Макаренко. Архив А. С. Макаренко. После смерти Г. С. Макаренко архив писателя передан в Центральный государственный архив литературы и искусства — ЦГАЛИ.

Родители А. С. Макаренко — Семён Григорьевич и Татьяна Михайловна.

никогда не сгибавшегося ни перед каким начальством, являлись повседневным примером для юного Макаренко и воспитывали в нём с самых ранних лет чувство человеческого достоинства.

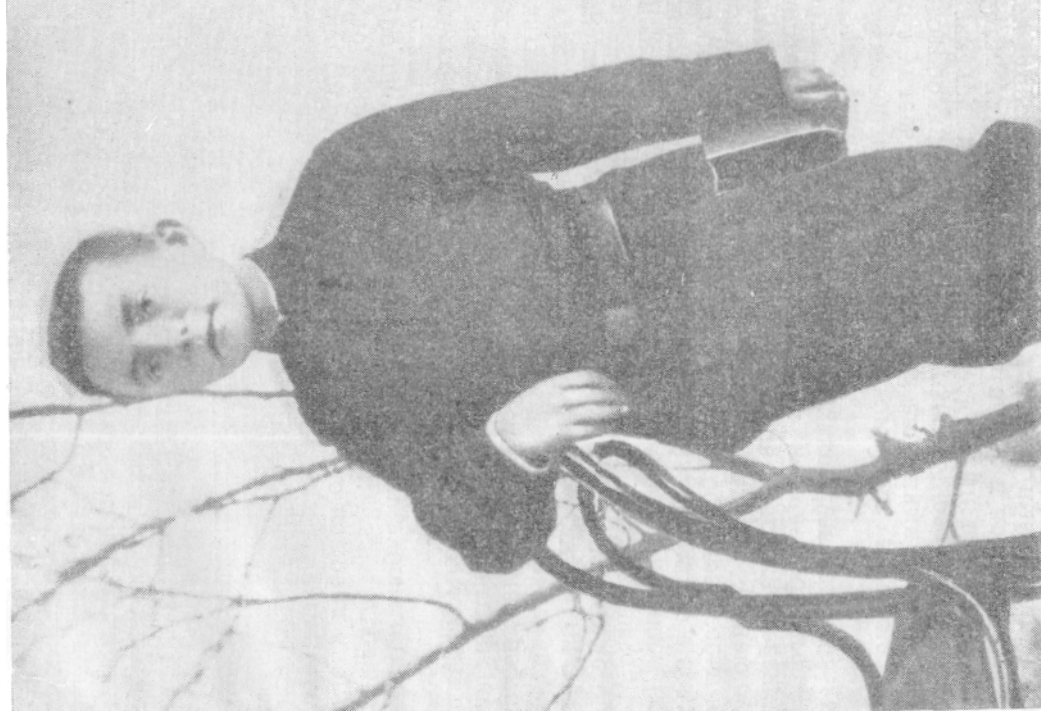
Вспоминая своего отца, писатель рассказывал: «Он ежедневно, в течение десятков лет, подымался в пять часов утра, по гудку. Через пятнадцать минут он уже шагает вдоль серых заборов песчаной нашей улицы, и в руках у него всегда красный узелок с завтраком. В шесть часов вечера он приходит с завода пыльный и серьёзный и прежде всего выкладывает на табуретку в кухне аккуратно сложенный красный платочек, в котором так давно он носит свой завтрак»¹.

Организованность повседневной трудовой жизни, любовь к порядку, бережное отношение к вещам трудящегося человека, который знает их настоящую цену, были характерными чертами личности отца писателя.

Семён Григорьевич был строгим и непреклонно требовательным не только к членам семьи, но прежде всего к самому себе. Его слово не расходилось с делом, и он сумел заставить сына почувствовать значение крепкой семейной дисциплины, серьёзного, ответственного отношения к окружающим людям, к жизни. Честно и добросовестно работая, он требовал такого же честного отношения к своим обязанностям от домашних. Юный Макаренко рос в атмосфере дружбы, доверия, взаимной помощи, уважения к труду.

В противоположность сдержанному по натуре Семёну Григорьевичу мать писателя Татьяна Михайловна была общительным, живым, весёлым человеком. Татьяна Михайловна любила и умела увлекательно рассказывать, знала много народных поговорок и пословиц, была одарена большим чувством юмора. Прекрасная хозяйка, она любовно заботилась о быте семьи; это сказывалось во всей скромной обстановке домика. Глиняные стены были всегда чисто выбелены, полы тщательно вымыты, посуда на кухне вычищена до блеска и в образцовом порядке расставлена на полках.

Родители, каждый по-своему, горячо любили сына. Сдержанный и замкнутый отец почти никогда не выражал

А. С. Макаренко в школьные годы.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. IV, М., 1957, стр. 28.

своего чувства. Татьяна Михайловна относилась к сыну с глубокой любовью и нежностью и не стеснялась это высказывать. Одухотворённое материнское чувство светилось в её взгляде, звучало в самых обыденных словах. Интересно, что отец всегда называл сына полным именем «Антон», мать уменьшительным, ласкательным — «Гося». В детстве, как и в зрелые годы, Макаренко был исключительно любящим, заботливым, нежным и почтительным сыном.

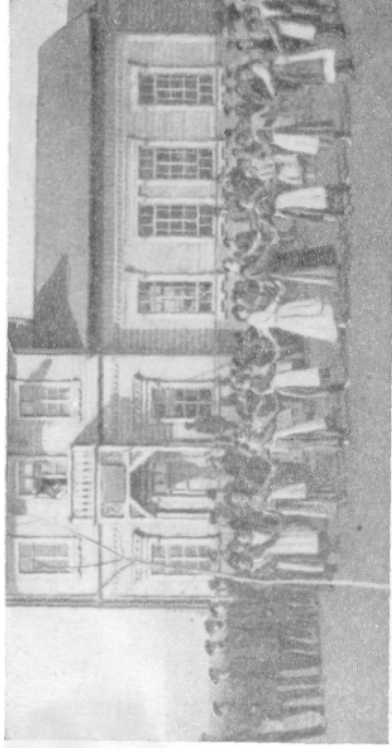
Отец и мать писателя не получили школьного образования. Тем не менее они хорошо понимали значение и силу знания и сумели оценить рано пробудившуюся у сына любовь к книге. Уже в пятилетнем возрасте Макаренко свободно читал. Мальчик горячо полюбил книгу и часто, забывая обо всём окружающем, зачитывался до глубокой ночи. Особенно нравились ему лубочные книжки с яркими обложками, которые продавались на белопольском базаре за несколько копеек. Маленького Антона захватывали описания небывалых подвигов героев этих книг, чёткая, ясная, увлекательная фабула, простой, понятный язык.¹

«Батько мой был человеком старого стиля, он учил меня на медные деньги, впрочем, других у него не было»,² — говорил Макаренко. В 1895 году семилетнего Макаренко отдали в двухклассное начальное училище. Для каждого человека встреча со школой, знакомство с педагогами, с новыми товарищами — это большое событие. Часто первые школьные годы оказывают решающее влияние на формирование интересов человека. Ребёнку-Макаренко «повезло»: его первым учителем был горячо любивший своё дело и своих учеников Константин Максимович Сальник.

Молодой педагог, человек живой и увлекающийся, сумел увлечь детей школьными занятиями. Но больше всего любил ученики уроки чтения. Много внимания он уделял трудовому воспитанию. Каждый из школьников работал на опытном участке в школе и должен был завести огородик возле своего дома. Юный Макаренко с увлечением

¹ Из воспоминаний А. С. Макаренко, записанных его женой Галиной Стахивной.

² А. С. Макаренко. Максим Горький в моей жизни. Рукопись. Архив А. С. Макаренко.

Школа в Белополье, где учился А. С. Макаренко.

занимался сельскохозяйственными работами. Мальчик, обладавший прекрасным слухом, пел в школьном хоре, учился играть на скрипке, неплохо рисовал и был первым по успеваемости в своём классе.

Здание училища находилось недалеко от станции, возле железнодорожных путей. Мимо школы проходили тяжёлые товарные составы, пронеслись пассажирские и скорые поезда. В морозные, ясные дни высоко в небо поднимались освещённые солнцем облака пара, в ненастье по земле низко стелился густой, едкий дым. Гулко раздавались голоса грузчиков, скрежетание и лязг вагонов, протяжные гудки паровозов. В темноте таинственно мигали зелёные, жёлтые и красные огни семафоров. Уходили куда-то в неизведанную даль рельсы. Все эти впечатления незаметно отлагались в сознании мальчика. И не случайно образ дороги стал одним из любимых у Макаренко-писателя.

Макаренко с детских лет жил в окружении красивых мест. Белополье находится на границе Украины и центральной чернозёмной области. Окрестности города как бы соединили в себе поэтическую прелесть украинского и среднерусского пейзажа.

Город Белополье широко раскинулся на невысоком плато возле речек Криги и Виры. Белые и голубые домики со ставнями и живописными подзорами на

стенах у фундаментов. Несколько каменных двухэтажных зданий. Много зелени, воздуха, неба. За речками — пологие холмы, поля, перелески, синюющие дали. Здесь не покидает ощущение удивительного простора.

В конце 90-х годов XIX века на родине матери писателя, в Крюкове-Посаде, были открыты большие железнодорожные мастерские. Сюда набирали рабочих из разных мест Украины. В январе 1901 г. переехала в Крюков и семья Макаренко.

2. КРЮКОВ-НА-ДНЕПРЕ

Крюков занимает значительное место в биографии писателя: с ним связаны почти два десятилетия его жизни. Здесь прошли юношеские годы Макаренко, здесь Антон Семёнович начал педагогическую работу, здесь руководил школой в годы гражданской войны.

Сравнительно с Белопольем Крюков был ближе к культурным центрам Украины. Вблизи посёлка, на другом берегу Днепра, расположился один из крупных городов Украины — Кременчуг. Соединённый длинным железнодорожным мостом с Кременчугом, Крюков, в сущности, был предместьем этого большого города.

Пейзаж Крюкова мало походил на белопольский. Крюков находится на левом — низком берегу Днепра, среди невысоких песчаных холмов, рядом с большими песчаными отмелями. Случалось, что во время весеннего половодья, в годы высокой воды, Днепр широко разливался и затоплял часть крюковских улиц.

Посёлок рассекала на две неравные части железнодорожная насыпь. Справа и слева от насыпи тянулись, обсаженные тополями и акациями, немощёные пыльные улицы, застроенные одноэтажными домиками. В одном из таких домиков с побелёнными стенами поселилась семья Макаренко.

Семён Григорьевич поступил старшим маляром в Крюковские железнодорожные мастерские (позднее его, пре-красного работника, назначили мастером малярного цеха). Юный Антон Макаренко стал учеником Кременчугского четырёхклассного городского училища. О поступлении в гимназию нечего было и мечтать, ведь детям рабочих вход туда был закрыт.

Городское училище в сравнении с начальной школой представляло собой учебное заведение повышенного типа. В то же время его программа была меньше по объёму, чем программа средней школы — гимназии или реального училища. Срок обучения в училище был шестилетний — первые и вторые классы имели двухгодичный курс.

Макаренко «проходил» в Кременчугском городском училище русский язык, арифметику, географию, историю, естествознание и физику, закон божий, черчение и рисование, пение, гимнастику. Несогласованность программ и особенно отсутствие в учебном плане иностранных языков делало для окончившего городское училище невозможным поступление в высшие классы гимназии и, следовательно, закрывало дорогу в университет.

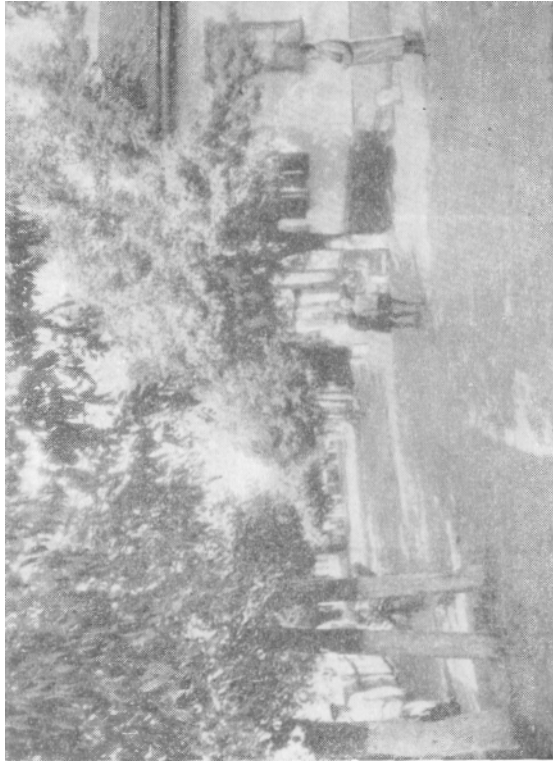
В школе учились дети городской бедноты — мелких служащих, рабочих, ремесленников. Ближайшим товарищем Макаренко стал сын отставного фельдфебеля Мирон Кондратенко. Да и состав учителей был более демократическим, чем в гимназии.

Как можно судить по воспоминаниям школьных товарищей Макаренко, Кременчугское городское училище ничем по своему уровню не выделялось из ряда подобных школ дореволюционной России¹. Были педагогические формалисты, «люди в футляре», которых ученики единодушно ненавидели. Были учителя-служаки, стремившиеся добросовестно давать ученикам всё, что было предусмотрено школьными программами. Были и преподаватели, общение с которыми сыграло положительную роль в жизни юноши Макаренко.

Особенно благотворным было влияние на Макаренко учителя русской литературы и языка Григория Петровича Каминского. Человек прогрессивных взглядов, пользовавшийся любовью и уважением учеников, Каминский обладал большими знаниями и талантом преподавателя. Он прекрасно раскрывал богатство русской литературы, умело воспитывал интерес к родному языку. Учащиеся заучивали наизусть стихотворения Пушкина, Лермонто-

¹ В настоящей главе использованы воспоминания товарищей Макаренко по Кременчугскому городскому училищу Х. И. Миргородского, П. А. Иванова, Ф. Г. Келембета, написанные по просьбе автора настоящей книги.

Улица в Крюкове, на которой жил А. С. Макаренко.

ва, Некрасова, Жуковского, Алексея Толстого и отрывки из поэтической прозы Гоголя, С. Аксакова, Тургенева.

Не ограничиваясь классными занятиями, преподаватель пригласил учеников к себе домой, беседовал с ними, помогал отстающим, устраивал литературные чтения. С особым вниманием Каминский относился к Макаренко, как способному, трудолюбивому ученику, и очень ценил его школьные сочинения, написанные простым, сжатым, точным языком.

Молодой учитель Иван Владимирович Иванов, преподававший рисование и черчение, пробудил у Макаренко любовь к изобразительному искусству. Страстно увлекавшийся искусством и педагогической работой, Иванов сумел заинтересовать учеников своим предметом. Преподаватель знакомил юных слушателей с античным искусством и русской живописью. Он стремился донести до них всю красоту и художественное совершенство памятников искусства. Ученики, которых обычно трудно было заставить после уроков оставаться в школе, охотно посещали дополнительные внеклассные занятия по рисованию.

Макаренко тоже с большим увлечением занимался в этой своеобразной студии. Лучшие рисунки, в том числе многие работы Макаренко, представлялись на выставке в школьном зале.

Макаренко был не только прекрасным учеником. Он вызывал уважение окружающих своим нравственным обликом. Правдивый, скромный, вежливый, приветливый, с подлинным благородством относящийся к сверстникам, Макаренко пользовался большим авторитетом среди товарищей.

«Его спокойствие, выдержка, вдумчивость и характерная невозмутимость особенно влекли нас к нему»¹; «Он смотрит на вас прямо, и взгляд его как будто чувствует у себя в сердце. «Я не мог ему сказать неправду... солгать ему не мог»², — говорят товарищи Макаренко по школе.

Товарищи особенно ценили всегдашнюю готовность Макаренко помочь слабым ученикам. Антон Семёнович приходил в класс за час или полчаса до начала урока и занимался с отстающими, спокойно и обстоятельно разъясняя какое-либо трудное учебное задание. Сам он никогда не получал меньше пяти за письменные работы или устные ответы.

Макаренко рос подвижным, живым, остроумным мальчиком. Он увлекался спортивными играми и особенно любил игру в мяч. Он настолько успешно занимался гимнастикой, что по поручению преподавателя, мало интересовавшегося своим предметом, проводил занятия по гимнастике с одноклассниками.

Много радости доставлял Макаренко и его школьным друзьям Днепр. Весной, когда спадала полая вода, большие заливные луга покрывались ковром цветов, и тут-то наступало раздолье для школьников! Начинались каникулы. Теперь можно было беспрепятственно совершать экскурсии на реку и на покрытые молодой зеленью днепровские острова. Здесь ловили рыбу, купались, играли. Иногда после купания молодёжь отправлялась к родителям Мирона Кондратенко, жившим в крошечном домике на берегу Днепра. Отец и мать приятеля Макаренко, гостеприимные, добрые люди, угощали

¹ Из воспоминаний Х. И. Миргородского.

² Из воспоминаний П. А. Иванова.

мальчиков простым, вкусным обедом — солдатским борщом и гречневой кашей.

Вместе с наиболее близкими товарищами по классу Антон Семёнович увлекался театром, отдавая последние гроши за билет на галёрку. Очень нравились юным любителям театра постановки украинской труппы знаменитого Кропивницкого, гастролировавшей летом в Кременчуге. Театральные впечатления были настолько глубокими, что получили своё продолжение в жизни Макаренко и его товарищей.

На школьном дворе во время большой перемены, продолжавшейся целый час, устраивались ученические импровизированные спектакли-игры. Ставили сцены из «Недоросля» и «Ревизора», инсценировали «Тараса Бульбу» и «Пропашую грамоту». Конечно, это не были спектакли в обычном смысле слова со сценой, костюмами и т. д. Вряд ли даже все исполнители как следует знали свои роли. Но зато каждый из них с увлечением переживал ещё раз то, что он ещё недавно видел на сцене или слышал в классе.

Как вспоминает один из участников этих своеобразных спектаклей, Макаренко был очень хорош в ролях гордничего и казака, играющего в карты с вельмами. С тех пор любовь к театру осталась у Антона Семёновича на всю жизнь, а «Ревизора» Макаренко потом часто ставил в школах, где работал.

Много времени Макаренко уделял чтению. Он всегда был с книгой: в классе, на школьном дворе во время перемены, в вагоне по дороге из Крюкова в Кременчуг и обратно. Он перечитал всё наиболее интересное, что было в школьной библиотеке. Его особенно интересовали произведения русских классиков и, прежде всего, Гоголя и Чехова, исторические романы Вальтера Скотта, Сенкевича, Гюго, книги о путешествиях, в частности «Фрегат Паллада» Гончарова.

Отец писателя Семён Григорьевич выписывал популярный тогда иллюстрированный дешёвый журнал «Нива» с приложениями. В 1900—1905 годах «Нива» давала в качестве приложений сочинения Гоголя, Чехова, Лескова, Жуковского, Салтыкова-Щедрина. Впоследствии писатель говорил, что в ранней юности книжки приложений к «Ниве» имели для него большое значение. Превосходная память помогала Макаренко легко воспроизводить

наизусть большие куски стихотворного текста. Товарищи по школе вспоминают, с каким чувством и как выразительно читал Макаренко поэмы и стихи Пушкина, любовь к которому Антон Семёнович пронёс через всю свою жизнь, стихотворения Ломоносова и особенно знаменитые строки:

Держайте ныне ободрённые
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Совершенно исключительную роль сыграли для Макаренко книги М. Горького. «Моя жизнь прошла под знаком М. Горького»¹, — так определил Антон Семёнович место великого писателя-революционера в своей биографии. Конечно, это не преувеличение, ради «красного словца», вообще несвойственное Макаренко: именно вся жизнь, а не какой-либо отдельный, даже большой её период.

Об этом рассказал сам Макаренко в статье-воспоминаниях «Максим Горький в моей жизни», написанной в 1936 году. Большой интерес представляет первоначальный вариант статьи, несколько расширенный сравнительно с текстом, появившимся в печати. Мы приведём несколько отрывков из рукописи этого автобиографического этюда, ещё неизвестной читателям, в которых Макаренко рассказывает, когда он познакомился с творчеством М. Горького и какие именно произведения писателя особенно повлияли на молодого человека.

«В нашу глушь...— пишет Макаренко,— это имя [М. Горький]² пришло с опозданием: я прочитал «Песню о Буревестнике» в 1903 году. Для нас, рабочей молодёжи, было радостно, что по скучным российским дням вдруг зашагал большой, уверенно новый человек Максим Горький»³. Характерно, что Макаренко говорит здесь не только о себе, а о своём поколении молодёжи, вышедшей

¹ А. С. Макаренко. Максим Горький в моей жизни. Архив А. С. Макаренко.

² В квадратных скобках здесь и в дальнейшем даны авторские пояснения.

³ А. С. Макаренко. Максим Горький в моей жизни. Архив А. С. Макаренко.

из пролетарской среды и испытавшей на себе огромное революционизирующее влияние М. Горького.

«Горький приходил к нам только изредка и вдруг огненной стрелой резал наше серое небо, а после этого становилось ещё темнее. Но мы уже не могли забыть об огненной стреле и мучительно старались понять, что мы увидели в мгновенном её сверкании. Одной из таких молний был и «Челкаш». Мы не могли отдать себе отчёта в том, почему «Челкаш» забирает нас за живое. Но нам уже было ясно, что Максим Горький не просто писатель, который написал рассказ для нашего развлечения, пусть и больше: для нашего развития, как тогда любили говорить. Мы чувствовали, что Максим Горький искренней и горячей рукой взял нашу душу и выворачивает её наизнанку. И оказывается, что изнанка нашей души вовсе не такая плохая, ибо с лицевой стороны на нашей душе много накопилось той гадости, которая, как потом оказалось, была крайне необходима для нашего прозябания.

Разве в потёмках тогдашней жизни мы не были обречены переживать нищенские идеалы Гаврилы, разве наши пути были так уж далеки от Гаврилиных? Как-нибудь, на «крепкий грош» пристроиться к обочине жизни, равнодушно «завести коровку» и ещё более равнодушно вместе с этой коровкой перебиваться с хлеба на квас... На этой обочине жизни кишело такими Гаврилами...

Нас приучали к мысли, что обочина неизбежна, что все проблемы жизни заключаются в том лишнем гроше, который нам удаётся заработать. Это была мерзкая жизнь, и наибольшей мерзостью в ней был так называемый «кусок хлеба». Это была та жизнь, которую научились по-настоящему ненавидеть только после Октября, несмотря даже на то, что «кусок хлеба» в первые годы революции часто бывал недоступной роскошью. Многие из нас не умели ненавидеть господ, мелькавших на дорогах жизни, могли быть, потому, что верили в их фатальную необходимость.

И вдруг перед нами появился Челкаш. Его не стесняли никакие фатализмы, обычаи и правила, его не связывали никакие люди...

И вот этот грязный оборванец, пьяница и вор, обратился к нам с короткой речью и... назвал нашу жизнь гнусной. А когда мы швырнули в его голову камнем, он вывернул

карманы и бросил нам все наворованные деньги, бросил потому, что презирал нас больше денег. И только тогда мы поняли, что наша жизнь действительно гнусная, что пьяницы и воры имеют право называть нас нищими и высокомерно швырять нам наворованные деньги. Челкаш прошёл мимо нас в блеске неожиданной молнии, которой осветило наше небо задорное, гневное и уверенно близкое имя Максим Горький.

Так в мои 15 лет началось новое моё сознание гражданина. Я не могу отделить его от имени Горького, и вместе со мной так чувствуют многие. И тут же Максим Горький, показавший нам гнусность нашей жизни, следя не только укором, но и нашей радостью, когда село и страстно сказал:

— Буря!.. Скоро грянет буря!¹

Это не просто высказывание Макаренко о своих читательских интересах. Антон Семёнович раскрывает здесь основное направление процесса своего внутреннего роста, происходившего под активным воздействием творчества М. Горького.

Характерно, что где-то рядом с «Песнью о Буревестнике» встал для юноши рассказ М. Горького «Челкаш». Макаренко рисует процесс своего формирования как осознание необходимости изменения жизни, неразрывно связанное с преодолением влияния мешанского мира, как очищение от искажающей человека власти собственности.

Идеи Горького падали на благоприятную почву. Чуткий юноша мог на каждом шагу наблюдать социальные контрасты, видеть людей, подобно горьковскому Гавриле отравленных жадной накопленности. Его интересовал и мир людей «дна», из которого вышел горьковский Челкаш.

Один из бывших учеников Кременчугского городского училища, Х. И. Миргородский, вспоминает, что Макаренко с товарищами иногда посещал толкучий рынок — самое бойкое в торговом отношении место города. Подростки бесцельно толпились в толпе продавцов и покупателей. Иногда, если были деньги, они покупали папиросы или принимали участие в так называемой американской лотерее, из-за чего, случалось,

¹ Архив А. С. Макаренко.

опаздывали на школьные уроки. Но для Макаренко это не было пустым развлечением.

«Антон больше всего интересовала «обжорка». Это был вместительный деревянный балаган, на столах которого были расставлены в изобилии горшки с борщом и супом, казаны с кашей, подносы с фаршированной и жареной рыбой, котлетами, мясом, кусками варёной и жареной печени и т. д. Сплошной шум, пьяные выкрики, песни неумолкаемо неслись из этого балагана. Антон подолгу стоял где-нибудь в стороне и наблюдал внимательно всё происходящее в нём. Иногда его внимание привлекали аферисты, игравшие в карты в «красное и чёрное» или в «цепочку». Сам же он никогда не принимал участия ни в одной из этих игр.

Однажды один из наших товарищей, Дмитрий Забегайленко, спросил у него: «Антон, что тебе за интерес торчать в этой «обжорке»? Хотя бы ты что купил, а то стоишь и рассматриваешь пьяные рожи?» — «А ты что-нибудь читал Горького?» — ответил Макаренко¹. Тот же товарищ Макаренко по школе вспоминает, как однажды Антон Семёнович принёс ему книжку с пьесой М. Горького «На дне» и настоятельно рекомендовал её прочитать.

Макаренко волновала мысль о судьбе обитателей «дна», он не мог не проникнуться чувством ненависти к тем, кто обрёк людей на нищенское, недостойное человека существование, на жестокие страдания и жалкие пьяные радости. Так, творчество буревестника революции переплеталось с окружавшей Макаренко действительностью, входило в жизнь, становилось её неотъемлемой частью.

Антон Семёнович связывал пробуждение своего гражданского самосознания с чтением «Песни о Буревестнике» М. Горького. Это было в 1903 году, когда Макаренко исполнилось пятнадцать лет. 1902—1903 годы отмечены и резким подъёмом революционного движения в Кременчуге и Крюкове. О том, что происходило в местах, где жил тогда Макаренко, говорит большая корреспонденция из Кременчуга, напечатанная 1 июня 1902 года в ленинской «Искре».

Автор этой корреспонденции утверждает, что Кременчуг всецело оправдывает афоризм Карла Маркса:

¹ Воспоминания Х. И. Миргородского.

«Мы страдаем не столько от развития капитализма, сколько от его недостаточного развития», и говорит, что до самого последнего времени местное рабочее движение ограничилось почти исключительно выступлениями ремесленников и внешними проявлениями освободительной борьбы здешняя жизнь была небогата. Далее автор рисует картину подъёма революционных настроений как среди рабочих Кременчуга и Крюкова, так и среди более широких кругов демократической части населения города: «Переживаемый в настоящее время Россией революционный Sturm und Drang (буря и натиск) отразился и на нашем движении. За последнее время среди здешних рабочих, как ремёсл, так и фабрик, заметен подъём революционного духа и развитие политического самосознания; движение мало-помалу начинает охватывать лучшие круги фабричных и заводских рабочих... спрос на легальную и нелегальную литературу растёт очень быстро; с особенным интересом читаются «Искра» и «Южный рабочий», всякие сведения о происходящих в последнее время демонстрациях схватываются на лету и с необычайным энтузиазмом передаются друг другу...»

Незадолго до 19 февраля¹ по городу разнеслись слухи о предполагающейся будто бы демонстрации... В день 19 февраля в разных концах города были спряганы отряды солдат; по городу вплоть до конца масляницы ходили патрули, главные улицы были сплошь усеяны полицейскими и шпионами; мост, соединяющий Кременчуг с Крюковым, был оцеплен солдатами и сообщение прервано. Население было крайне взволновано, и, казалось, недоставало лишь искры, чтобы вспыхнуло пламя...

13 марта по городу были распространены в количестве 1 200 экземпляров прокламации: «Ко всем рабочим и работникам Кременчуга и Крюкова», боевого политического характера... Прокламации производили довольно сильное впечатление на рабочих...»²

Любопытно, что, по словам автора корреспонденции, растерявшаяся кременчугская полиция в поисках

¹ Официально ежегодно отмечаемая в то время годовщина освобождения крестьян в 1861 г.

² «Искра», 1 июня 1902 г.

«крамолы» «накрыла» несколько совершенно невинных вечеринок молодёжи, носивших увеселительный характер, нагрянула на участников и зрителей домашнего спектакля (ставили пьесу Шиллера «Разбойники») и даже арестовала двух участников спектакля. На следующий день грозный судейский трибунал во главе с кременчугским полицмейстером подверг допросу детей и подростков, игравших в «крамольной» пьесе. Автор корреспонденции не без юмора рассказывает: «Когда полиция врывается в «театр» и пристав обращается к «артистам» с вопросом, кто из них главный участник, один карапуз выступает вперёд и мужественно восклицает: «Берите меня: я участник!»¹

Как утверждает рукописная «История Крюковского вагоностроительного завода»², «чрезвычайно низкая оплата труда в мастерских, 12—14-часовой рабочий день, штрафы и обчёты способствовали росту недовольства и сплочению передовой части рабочих». В 1903—1904 годах происходят забастовки в Крюковских железнодорожных мастерских, затронувшие широкие круги рабочих. Старые рабочие-крюковчане — очевидцы и участники стачек В. Т. Еллинский, Т. П. Молчанов, С. Ф. Макаренко (однофамилец писателя) рассказывают, что массовки происходили во дворе мастерских на шпалах, на берегу Днепра в зарослях лозняка и на днепровских островах³. Сын крюковского рабочего, жадно впитывавший в себя впечатления окружающей действительности, очевидно, был в курсе событий, всколыхнувших жизнь большого южного города и его заводского предместья.

Началась русско-японская война. Несмотря на героизм солдат и матросов, русская армия и флот терпели поражение за поражением из-за бездарности царского командования. С большой болью переживали Макаренко и его товарищи известия с фронта. Перед ними, как и перед многими тысячами русских людей, раскрывалась безотрадная картина гнилости и разложения самодержавного режима.

«Русско-японская война не пользовалась у нас популярностью, — говорит Ф. Г. Келембет. — Открыто против неё в школе не выступал никто, были только «недоразумения» во

¹ «Искра», 1 июня 1902 г.

² Рукопись была предоставлена автору данной работы общественными организациями завода.

³ Воспоминания С. Ф. Макаренко, записанные автором книги.

время общей молитвы перед началом занятий, а также во время пения гимна, которое сразу превращалось в «кошачий концерт» или вдруг неожиданно обрывалось и никак не могло наладиться. Отдельвались тем, что сваливали вину на то, что большинство «не обладало музыкальным слухом», а пять заставляли всех...»¹

Ранее пробуждение общественных интересов отразилось и на первых литературных опытах Макаренко. Антон Семёнович начал писать ещё в 1903—1904 годах, будучи учеником Кременчугского училища. Эта дата отделена от времени появления в печати первого художественного произведения Макаренко необычайно длительным промежутком времени — почти тремя десятилетиями.

Нужно ли на этом основании игнорировать тридцатилетний, «скрытый», период формирования писателя? Конечно, нет. Как бы ни были ещё несовершенны, может быть, наивны первые литературные попытки крупного писателя, они всегда заслуживают самого пристального внимания.

Прежде всего должен быть отмечен самый факт начала литературной работы, её внутренняя связь с событиями данного периода биографии писателя, круг тем первых стихов или рассказов. Ведь в них со всей непосредственностью сказывается характер будущего художника слова, его тяготение к изображению тех или иных сторон действительности, его ранние эстетические вкусы. И даже если поэт или прозаик далеко уходит потом от первых литературных опытов, они должны быть учтены, как закономерный этап его творческого пути.

Как это иногда бывает, прозаик Макаренко начал со стихов. Но это не были обычные для молодых людей его возраста стихи о любви или восторженные описания красот природы — кто в юности не писал таких стихов! В стихах пятнадцатилетнего Макаренко проявилась одна из характерных черт будущего писателя — юмор.

Антон Семёнович дружески посмеивался над неудачами товарищей и особенно над своим приятелем, добродушным и неуклюжим Мироном Кондратенко. Но

¹ Ф. Г. Келембет. Мои воспоминания о А. С. Макаренко. Рукопись предоставлена автору книги.

самый обильный материал для юмористических стихотворений Макаренко доставляли, конечно, педагоги-чиновники и директор училища.

В юношеских стихах Макаренко преломлялись впечатления, полученные на уроках литературы. Школьная программа уделяла довольно много внимания, как тогда говорили, ложноклассическим одам и поэмам. И вот юный поэт сатирически изображал жизнь городского училища в торжественном стиле этих литературных произведений XVIII века, многие из которых школьники обязаны были заучивать наизусть. Взбравшись на парту, Макаренко декламировал свои стихи. Слушатели помирали со смеху, узнавая в возвышенных и знакомых по форме рифмованных строках самих себя, своих товарищей и учителей.

Интересно, что Макаренко не ограничивался только такого рода «внутришкольной сатирой». Как вспоминает Ф. Келембет, Макаренко в 1905 году высмеивал распоряжения градоначальника, стремившегося подавить революционное брожение в городе, и даже смело расклеивал свои краткие сатирические стихи под приказами кременчугского диктатора. Об этом знали только самые близкие Антону Семёновичу товарищи¹.

По свидетельству преподавательницы Крюковского железнодорожного училища И. П. Найдя-Иринеевой, Макаренко в 1904—1905 годах вёл дневник, отдавая на его страницах самому себе отчёт о каждом прожитом дне². Этот дневник, который мог быть ценным источником для биографии Макаренко, не сохранился. Вполне возможно, что Антону Семёновичу пришлось его уничтожить во время полицейского террора 1908—1911 годов.

В 1904 году Макаренко окончил Кременчугское городское училище с высшей оценкой «отлично». Перед юношей возник вопрос: что делать дальше? Большинство товарищей по классу готовилось к поступлению в технические железнодорожные училища, иным пришлось пойти на любую работу, где только требовался грамотный человек и,

¹ Воспоминания Ф. Г. Келембета о А. С. Макаренко в письме к автору книги.

² И. П. Найдя-Иринеева. Воспоминания о А. С. Макаренко. Архив лаборатории по изучению наследия А. С. Макаренко при Академии педагогических наук.

наконец, единицы мечтали о военной карьере. Макаренко принял решение стать народным учителем.

Что побудило молодого человека выбрать именно этот путь? Сам Антон Семёнович вспоминает о требовании отца: «Будешь учителем», а решение отца было в семье законом! Но есть все основания полагать, что здесь имели место и другие причины, и прежде всего интерес самого Макаренко к педагогической работе. Вероятно, здесь сыграл роль и благородный пример любимых учителей.

В августе 1904 года Макаренко стал слушателем односторонних педагогических курсов при Кременчугском городском четырёхклассном училище, имевших целью подготовку преподавателей начальных школ. Учебная программа курсов сочетала теоретическую часть — прохождение общеобразовательных предметов в объёме, требовавшемся для экзамена на звание народного учителя, с педагогической практикой. Учащиеся курсов посещали уроки преподавателей городского училища и давали самостоятельные пробные уроки в школе.

Для педагогической практики и для заработка Макаренко взялся рететировать по русскому языку одну молодую девушку. Как вспоминает его ученица, шестнадцатилетней Макаренко «оказался рьяным учителем и держал меня в ежовых рукавицах... он любил давать мне сочинения на отвлечённые темы и ставил оценки как настоящий учитель¹». Может быть, не без влияния Антона Семёновича его юная ученица выбрала профессию педагога и впоследствии стала товарищем Макаренко по работе.

Весной 1905 года Макаренко успешно окончил курсы и получил свидетельство, дававшее право преподавать в начальной школе.

¹ И. П. Найдя-Иринеева. Воспоминания о А. С. Макаренко. Архив лаборатории по изучению наследия А. С. Макаренко при Академии педагогических наук

ГЛАВА II НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ

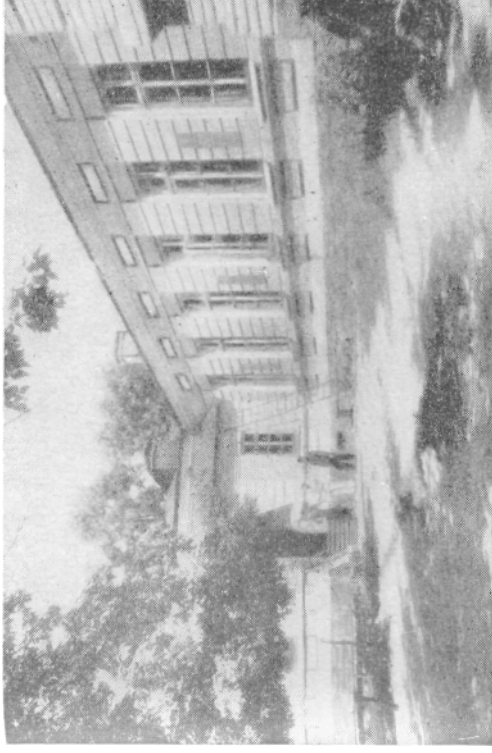
В одном из своих последних педагогических выступлений Макаренко говорил: «Многие считают меня специалистом по работе с беспризорными. Это неправда. Я всего работал 32 года, из них 16 лет в школе и 16 лет с беспризорными. Правда, в школе всю свою жизнь я работал в особых условиях — в заводской школе, находящейся под постоянным влиянием рабочей общественности, общественности партийной...»¹.

Это высказывание очень важно для правильного понимания значимости «школьного» периода педагогической деятельности Макаренко и для уяснения своеобразия условий формирования Макаренко — человека и писателя. Начало педагогической работы Макаренко совпало с первой русской революцией. Захватывающие картины тех незабываемых дней тесно связались в сознании молодого учителя с первыми, памятными на всю жизнь, впечатлениями от школы, преподавателей и учеников.

1. ШКОЛА В КРЮКОВЕ

Первого сентября 1905 года Макаренко приступил к работе в Крюковском двухклассном железнодорожном начальном училище. Школа, где стал учителем Антон

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 110.

Крюков. Дом, где находилось железнодорожное училище, в котором работал А. С. Макаренко в 1905—1911 и 1918—1919 гг.

Семёнович, мало походила на обычное начальное училище. Она находилась на территории железнодорожных мастерских в специально построенном каменном здании с пятью большими классными комнатами. Учились здесь в основном дети рабочих.

Учитель и ученики Крюковского железнодорожного училища были социально близки друг другу, о чём хорошо говорил Макаренко: «Я сам был сыном рабочего, и мои ученики были такого же сорта. Официальные люди того времени называли нас мастеровыми. Всё же у меня были дети мастеровых более высокого ранга — железнодорожников. Родители их были народом квалифицированным: заслуженные деятели паровозных и вагонных парков, машинисты, их помощники, токари, попадались между ними и начальники станций.

Железнодорожники жили лучше других рабочих и даже несколько гордились своей хорошей жизнью. И детей своих учили не в каких-нибудь «начальных» трёхлетках и не в церковноприходских школах, а в специально для них придуманных «пятiletках»¹.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 392.

Макаренко всегда высоко ценил эту живую связь школы, где он работал, с крюковскими пролетариями. Надо отдать справедливость рабочим-железнодорожникам — они не упускали из поля своего зрения училища. «В железнодорожной школе, где я учительствовал, воздух был несравненно чище, чем в других местах, — вспоминал Макаренко, — рабочее, настоящее пролетарское общество крепко держало школу в своих руках, и «Союз русского народа» боялся к ней приближаться. Из этой школы вышло много большевиков»¹.

Начинающему педагогу «повезло» ещё в одном отношении. Директором школы был не какой-нибудь чиновник, что было нередко в те годы, а передовой учитель Михаил Григорьевич Компанцев. Вышедший, как и Макаренко, из народа, человек огромной энергии, неисчерпаемого оптимизма, превосходный организатор, он сумел сплотить педагогический коллектив в единую трудовую семью. М. Г. Компанцев стал для Антона Семёновича старшим товарищем и первым руководителем на педагогическом пути.

Среда, которая окружала Макаренко вне школы, была тоже рабочей — люди труда, демократическая интеллигенция. Антон Семёнович вспоминал, как в дни молодости ему пришлось для заработка готовить к переезду двенадцатилетнего сына богатого полтавского помещика. Соприкоснувшегося тогда с чуждой ему средой Макаренко поразила своим духовным ничтожеством семья помещиков-аристократов, за внешне блестящим бытом которой стояла забота о накоплении, жадность, прикрываемая чопорностью и мишурой светского этикета. Всё это резко контрастировало с жизнью людей, окружавших Макаренко.

«Возвращаясь в свою рабочую семью, — говорит Макаренко, — я был глубоко убеждён, что побывав в мире антиподов, настолько для меня чуждых и отвратительных, что с рабочим миром невозможно никакое сравнение. Мой мир был неизмеримо богаче и ярче. Здесь были действительные создатели человеческой культуры: рабочие, учителя, врачи, инженеры, студенты. Здесь были личности, убеждения, стремления, споры, здесь была борьба. Приятели моего отца, такие же, как он, старые «мастеровые», были умнее,

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 297.

острее и человечнее аристократов. Кум моей семьи, маляр Худяков, пришёл в воскресенье к батьку, сел против меня, ехидно скривил шерватый рот и сказал: — А ты спросил, захочу я их компании? А к чёртовой матери! Ты мне дармоеда мёдом обмажь, деньгами обсыпь, а я с ним рюмки водки не выпью. Я вот приду к Семёну Григорьевичу, посидим, посчитаем, куда-сюда; без князей можно жить, а без нас, маляров? Чёрта пухлого! Какая будет жизнь без маляров? Некрашенная жизнь!»¹

Презрение к праздности и тунеядству, достоинство трудящегося человека было органически присуще людям, среди которых жил Макаренко.

Обучение в железнодорожном училище продолжалось пять лет. Первый класс, где ученики находились в течение трёх лет, по своей программе соответствовал обычной трёхлетней начальной школе. Второй класс давал учащимся некоторый дополнительный материал, что позволяло им по окончании школы поступать в техническое железнодорожное училище. Путь в среднюю школу выпускникам железнодорожных училищ был практически закрыт, так как в программе школ отсутствовали предметы, необходимые для поступления в гимназию или реальное училище, — естествознание, физика, иностранные языки.

Макаренко стал учителем русского языка, рисования и черчения — как раз тех предметов, которые были его любимыми предметами в Кременчугском городском училище. Уже в те юношеские годы Макаренко резко выделялся из числа преподавателей. Одна из первых по времени учениц Антона Семёновича Е. И. Депутатова так рисует образ молодого учителя:

«Антон Семёнович приходил в класс всегда светлым, одухотворённым. На пороге комнаты он останавливался, здоровался с нами. Внимательным, упорным взглядом голубых близоруких глаз он осматривал весь класс, каждого из нас. Эту манеру Макаренко, непонятную тогда для меня, я называла: «Антон Семёнович взял нас к себе. И тогда, и позже я видела, что другие учителя не берут нас к себе», а просто приходят, здороваются, раскрывают журнал и, проверив ребыт, вызывают, рассказывают и потом уходят... Каждый из нас знал, что

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. IV, М., 1957, стр. 29-30.

Антон Семёнович увидит всех и осматривает каждого. Каждый понимает, что после установленного контакта с ним каждый будет у него на счёту, ни один не ускользнёт от его зоркого внимания, все останутся в поле его зрения¹.

Макаренко раскрывал перед своей аудиторией всё богатство, красочность и гибкость русского языка, воспитывал любовь к русской литературе. Он использовал для этой цели не только обычные уроки, но и дополнительные занятия по объяснительному чтению. Поэму «Мцыри» Антон Семёнович знал на память. Макаренко очень любил «Вечера на хуторе близ Диканьки». «Мёртвые души» и многие страстицы гоголевской прозы читал наизусть. Читались рассказы из «Записок охотника» Тургенева, произведения Чехова и Короленко.

Учитель хорошо знал по недавнему ещё опыту собственных школьных лет, какое значение для воспитания литературного вкуса и умения правильно излагать свои мысли имеют сочинения на свободную тему. Он часто давал ученикам такие работы. Иногда Макаренко приносил в класс репродукции с картин русских художников, открытки или книги с рисунками и предлагал ученикам выбрать одну из картинок, внимательно рассмотреть и написать сочинение. Потом лучшие сочинения собирались на школьных «семинариях».

В воспоминаниях учеников Макаренко предстаёт перед нами как учитель-художник, тонко чувствующий образную силу, красоту, выразительность слова. Когда он читал, замечал весь класс, и даже отягченные сорванцы старались проронить ни одного слова.

«Как сейчас вижу,— рассказывает Е. И. Депутатова,— встаёт такая картина. Класс... Тихо-тихо... Антон Семёнович читает нам «Лес шумит» Короленко. Окончил... Тишина... «А лес шумит...» — произнёс задумчиво Антон Семёнович, и я не поняла: это написано или он сам сочинил. Все молчали. Антон Семёнович протянул мне книгу и сказал: «Прочти». Я стала читать «Огоньки». Когда я окончила, Антон Семёнович спросил: «Кто передаст содержание?» Молчали все и я — тоже. Я не поняла, о чём там шла речь.

¹ Воспоминания Е. И. Депутатовой о А. С. Макаренко в письме к автору книги.

Антон Семёнович начал читать сам то же самое. Прочёл всё, потом повторил конец... Медленно, как будто о чём-то думая, Антон Семёнович повторил: «Мне часто вспоминается теперь и эта тёмная река, затённая скалистыми горами, и этот живой огонёк... Много огней и раньше и после манили не одного меня своей близостью. Но жизнь течёт и всё в тех же угрюмых берегах, а огни ещё далеко. И опять придёт налегать на вёсла... Но всё-таки... всё-таки впереди — огни!»

Звонок... Антон Семёнович сидел над книгой, но не читал. Потом медленно поднялся... Мы зашумели. «А всё-таки впереди — огни!» — громко повторили многие. Окружив Антона Семёновича, ребята двинулись с ним из класса. Лицо у Антона Семёновича было задумчивое, погрузневшее. Мне очень понравились «Огоньки», и я их потом выучила наизусть¹.

Вспомним время, когда всё это происходило, — началась реакция, и мы поймём, что настроение произведения Короленко явственно переключилось тогда с мыслями и чувствами самого Антона Семёновича.

После занятий в классе начались весёлые игры. Макаренко был одним из самых увлекающихся участников общих игр. Это, разумеется, не мешало ему быть высокоавторитетным, требовательным учителем, любимым учениками.

Замечательной чертой молодого педагога было его постоянное стремление не только учить, обогащать знаниями своих учеников, но и *воспитывать* их. Антон Семёнович это с успехом делал на уроках. Кроме того, он отдавал школе большую часть своего внеслужебного времени. Для инициативного, любящего детей учителя здесь открывалось широкое поле творческой работы.

По окончании уроков Антон Семёнович устраивал репетиции спектаклей, учащиеся разучивали стихи, готовили костюмированные вечера, детские утренники, ёлку, сажали деревья на школьном участке. Макаренко старался вносить в небогатую впечатлениями жизнь детей рабочего посёлка как можно больше радости. Он сплачивал учеников, заражал их своим энтузиазмом, энергией.

¹ Воспоминания Е. И. Депутатовой о А. С. Макаренко в письме к автору книги.

Преподаватели Крюковского железнодорожного училища.
А. С. Макаренко в центре, справа директор училища М. Г. Компанцев

За стенами Крюковского железнодорожного училища происходили великие и грозные события, ускорившие процесс созревания педагога и человека. Правда, Макаренко не был свидетелем революционных событий 1905 года в Петербурге, не на его глазах разыгралась героическая эпопея декабрьского вооружённого восстания в Москве, но широка революционного движения, всколыхнувшего рабочие и крестьянские массы всей страны, заставила юношу со всей непосредственностью ощутить могучую силу революционного взрыва.

Это впечатление сохранилось в памяти Антона Семёновича до последних лет жизни. В уже цитированном рукописном варианте очерка «Максим Горький в моей жизни» Макаренко сумел передать всю свежесть своего тогдашнего восприятия событий 1905 года:

«Буря действительно грянула. Российская история вдруг пошла вихрями, по-новому закопошились [горьковские] Гаврилы, и уже трудно стало различать, где до рога и где обочина. Господские экипажи заспешили в разные стороны, заметались за ними волны пыли, а скоро к ним прибавились и дымные волны пожарищ, тысячами встали новые люди, так мало похожие на Гаврил, и впереди них великаны, каких ещё не знала история. Ударил вдруг по нашей земле целым снопом раздирающих молний 1905 год»¹.

Макаренко не был активным участником революции. Он лишь принадлежал к той части демократической молодёжи, на которую события 1905 года оказали могучее влияние и раскрыли для неё новые перспективы творческой работы на благо народа.

Макаренко не мог не откликнуться на многие революционные события, происходившие в стране, и в частности на юге России.

Для этого прежде всего надо представить себе географическое положение города, где жил тогда Макаренко. Кременчуг и Крюков находятся на пересечении основной водной артерии Украины — Днепра и железнодорожной линии, ведущей из Харькова к берегу Чёрного моря — в Николаев. Город и его предместье занимали центральное положение по отношению к пунктам

¹ Архив А. С. Макаренко.

Украины, где с особенной силой развернулись события 1905 года. Это в первую очередь Харьков, район Донбасса, Одесса, ионское восстание на броненосце «Потёмкин», близ Одессы; вооружённая борьба рабочих в Екатеринославле, Харькове, Николаеве, Одессе, Горловке, Луганске; крестьянское движение в ряде губерний Украины (в том числе Полтавской, уездным городом которой являлся Кременчуг).

Но можно указать на события, непосредственным образом которых был сам Макаренко. Естественно, что центром революционного движения в Крюкове стали железнодорожные мастерские, где в ту пору работало около тысячи человек. Уже 3 февраля 1905 года были прекращены работы на большей части предприятий Кременчуга. Забастовавшие ходили по фабрикам и заводам, призывая товарищей присоединиться к забастовке. За рабочими следовал отряд конной полиции. Достижная тысяча человек, толпа через днепровский мост двинулась в Крюков.

Здесь к кременчугцам присоединились рабочие крюковских предприятий, расположенных на берегу реки, и толпа, возросшая до двух тысяч человек, направилась в железнодорожные мастерские, находящиеся в двух километрах от Днепра. Состоялся митинг, который длился несколько часов. Когда участники митинга начали расходиться, на них набросилась внезапно появившаяся сотня казаков. Крюковские железнодорожные мастерские тоже объявили забастовку.

Воспоминания М. Г. Компанцева запечатлели Антона Семёновича в эти бурные дни: «Подходим к закрытым воротам мастерских, у которых толпятся сотни забастовавших рабочих. Налетают казаки и хлещут плетями. Антон Семёнович, возмущённый расправой, негодуяще кричит в адрес насильников: «Негодяи!» Казачья плеть обращается на него, но ему удаётся скрыться в толпе»¹. Это свидетельство подтверждает и товарищ юношеских лет Макаренко — П. С. Ковалёва. После митинга Антон Семёнович пришёл к ней и сказал: «Сейчас чуть не заработал казацкой плётки»². Революция нарастает. В октябре происходит всероссийская

¹ М. Г. Компанцев. Ещё о А. С. Макаренко. Рукопись представлена автору книги.

² Воспоминания П. С. Ковалёвой о А. С. Макаренко в письме к автору книги.

политическая стачка. 11 октября прекратилось движение поездов по Харьковско-Николаевской железной дороге в районе Кременчуга. 13 октября состоялся политический митинг в Крюковских железнодорожных мастерских. Территорию железной дороги охраняли войска. По улицам ходили полицейские патрули.

Уже в конце ноября рабочие Крюковских железнодорожных мастерских решили систематически по воскресным и праздничным дням устраивать массовые митинги. По сообщению газеты «Полтавщина», в митинге 4 декабря участвовало до шести тысяч человек. «Преобладали рабочие, было также много крестьян, разночинной публики и несколько солдат местного гарнизона»¹.

Та же газета отмечала: «Устраиваемые в Крюковских железнодорожных мастерских народные митинги пользуются большим успехом среди местного населения и с каждым разом привлекают всё больше и больше народа, который с необыкновенной жадностью, по нескольку часов, слушает свободные речи ораторов, высняющих современное положение России и значение современного движения. На митинге 6 декабря было свыше 10 000 человек рабочих, крестьян, железнодорожных служащих и разной городской публики»². Можно думать, что среди присутствующих был и семнадцатилетний учитель А. С. Макаренко.

М. Г. Компанцев рассказывал, что он и Антон Семёнович написали себе в 1905 году большевистскую левгальную газету «Новая жизнь» и были её внимательными читателями³. Здесь Макаренко прочитал ряд статей В. И. Ленина и среди них статью «Партийная организация и партийная литература», а также, высоко оценённые В. И. Лениным, «Заметки о мешанстве» М. Горького. Следует отметить, что в нескольких номерах «Новой жизни» были помещены краткие телеграммы из Кременчуга, а в номере от 1 ноября — большая корреспонденция о событиях в городе после манифеста 17 октября и, частности, о еврейском погроме, учинённом бандой черносотенцев в Крюкове.

¹ «Полтавщина», 9 декабря, 1905 г.

² «Полтавщина», 10 декабря, 1905 г.

³ Из воспоминаний М. Г. Компанцева, записанных автором книги.

Одним из основных очагов революционного движения на Харьковско-Николаевской железной дороге (в систему которой входили крюковские мастерские) в 1905 году была станция Люботин, вблизи Харькова. Здесь созывались делегатские собрания рабочих и служащих дороги. Сюда приезжали и представители крюковских рабочих-железнодорожников. В декабре 1905 года здесь произошли события, известные в истории революционного движения под именем «Люботинской республики».

Центральный комитет союза железнодорожников Харьковско-Николаевской железной дороги, находившийся в Люботине, взял в свои руки руководство движением поездов и железнодорожным телеграфом. Представители царской администрации были смещены. Организована вооружённая народная милиция в составе двухсот человек. Боевые дружины железнодорожников, забаррикадовавшиеся в железнодорожных мастерских и депо, оказали упорное сопротивление карателям, и царские войска подвергли артиллерийскому обстрелу станцию Люботин и депо.

«Люботинская республика» вместе с общим подъёмом революции в стране, несомненно, повлияла на рост революционной активности крюковских железнодорожников. «Бюллетень № 3 Екатеринославского боевого стачечного комитета», вышедший 15 декабря, отмечает: «Движение поездов прекратилось, забастовали Крюковские железнодорожные мастерские» (забастовка началась, по-видимому, 10 декабря).

Макаренко — вместе с забастовавшими рабочими. «Голпы рабочих у ворот железнодорожных мастерских. Но ворота уже раскрыты настужь. Казаков нет. От станции движется во двор мастерских железнодорожный состав, разукрашенный красными флагами и гирляндами из еловых ветвей. Делегаты Харькова, Полтавы, Кременчуга приехали организовывать на борьбу с самодержавием рабочих Крюковских мастерских. Митинг в одном из корпусов. Раздаются страстные призывные речи ораторов-большевиков. Гром аплодисментов. Антон Семёнович — весь слух и внимание. Он восторжен. Затем Люботинский съезд учителей. Макаренко бегаёт, агитирует учителей ехать на съезд. Всех увлёт, все поехали... Съезд прошёл бурно: речи, воззвания, резолюции. Антон Семёнович самый активный

среди учителей. Возвратились домой восхищённые, воодушевлённые»¹.

Революционно настроенные рабочие пришли в стены Крюковской школы. Здесь происходили заседания рабочих организаций. По инициативе директора школы и переродовых учителей был создан родительский комитет, который связывал училище с семьями рабочих.

Революция 1905 года ускорила процесс внутреннего созревания Макаренко.

Вслед за годами революционного подъёма наступила эпоха реакции. Началась полоса черносотенного террора, мрачная волна военно-полевых судов, карательных отрядов, массовых расстрелов, арестов, тюрем. Реакционное начальство обратило внимание на «красных» учителей Крюковской школы.

Грозный инспектор народных училищ, самодур и черносотенец Антиох Лудкевич вызвал к себе на расправу директора училища М. Г. Компанцева, Макаренко и ещё одного молодого педагога. «Седая, окладистая борода, зелёные свирепые глаза, зычный голос: «Так что же вы, милостивые государи, в р...революцию играть вздумали, съезды устраиваете, р...разгоню, сгною...»²

У деятеля казённой педагогики не было никаких юридических оснований, чтобы засадить в тюрьму Макаренко и его товарищей — слишком уж массовый характер в период революции приняли нарушения чиновничьих правил, но обстановка в школе резко изменилась. М. Г. Компанцев, который так много сделал для школы и всегда поддерживал педагогические начинания Макаренко, вынужден был оставить Крюковское училище. В 1910 году в школу был назначен новый заведующий-монархист и взяточник.

Работать в таких условиях становилось всё труднее. Со свойственной ему прямотой Макаренко открыто возмущался администратором-реакционером и однажды в глаза назвал его взяточником. Хотя судебное разбирательство, начатое по инициативе заведующего школой, подтвердило справедливость этого обвинения, Антону Семёновичу пришлось, в конце концов, уйти из училища.

¹ М. Г. Компанцев. Ещё о А. С. Макаренко. Рукопись предоставлена автору книги.

² Там же.

2. ДОЛИНСКАЯ

Первого сентября 1911 года по распоряжению инспектора народных училищ Херсонской губернии Макаренко был переведён в железнодорожное училище на станции Долинская. Здесь ещё раньше стал работать заведующим М. Г. Компанцев. Долинская — железнодорожная станция на линии Кременчуг — Николаев — по сравнению с оживлённым Кременчугом казалась Макаренко глухим местом. Впоследствии в одном из автобиографических произведений Антон Семёнович так описывал новое место своей работы:

«Станцию и посёлок при ней можно было охватить одним взглядом. Нас окружала степь, однообразная, ровная, молчаливая. А что там было в степи? Два кургана на горизонте, да скрытое в балке село, да на большой дороге столбы и пыльные вихри.

На станции было маленькое депо, так называемое обротное; работало в нём народу несколько десятков человек, и на самой станции ещё меньше, — тихое было место, пыльное и бедное...

Где-то там, далеко, далеко за степями и курганами, на каких-то недоступных концах дорог и проводов, протекала всё-таки какая-то жизнь, взбудораженная тысяча девятьсот пятым годом. Она доходила до нас в сборниках «Знания», в изданиях «Донской речи», в «Журнале для всех» и, разумеется, в газетах. И в своём захолустье мы видели серую, свинцовую «обложную» тучу реакции, видели и редкие вспышки молний рабочего движения, крестьянских волнений, подпольной работы революционеров².

В Долинской школе учились в основном дети стрелочников, путевых сторожей, мелких служащих, живших вне станции на протяжении нескольких десятков километров железнодорожной линии. Поэтому для учеников был создан интернат на 60 человек. Это внесло нечто новое в педагогическую работу Макаренко. Антон Семёнович стал воспитателем в учебном общежитии вместе с приехавшим из Крюкова учителем Г. В. Орловым, также спасавшимся от администратора-реакционера. Молодые педагоги поселились в здании общежития и, таким образом, находились среди детей буквально день и ночь.

¹ Выписка из трудового списка А. С. Макаренко. ЦГАЛИ.

² А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 67.

Труд педагога железнодорожной школы, совмещающего основную работу с воспитательской, был тяжёлый. Он требовал большой выдержки, полного напряжения душевных и физических сил. У преподавателя русского языка (а им был Макаренко) ещё много времени уходило на проверку тетрадей школьников. Прожить на более чем скромную заработную плату, особенно с семьёй, учителю было нелегко.

В 1913 году большевистская «Правда» опубликовала корреспонденцию о буднях жизни учителей железнодорожных школ, подписанную «Учительница». Этот документ должен найти место в биографии Макаренко, хотя в нём описывается другая школа — очень уж он характерен. Автор корреспонденции рассказывает:

«Далеко за полночь. А я только одну треть тетрадей исправил. Я хорошо знаю, что лучше и интересней с детьми заниматься, когда выплусь, но... бросать неоконченную работу для того, чтобы выспаться, не хватает духа.

Однако толку мало. Кончить бесконечно длинную работу при отсутствии физических сил невозможно. Я засыпаю, сама не знаю как. Просыпаюсь, когда уже весёлый мартовский день смело глядит в окно и зовёт к жизни.

Я только теперь замечаю, что спала я обутая, одетая и с горящей и по сию пору лампой на столе.

С утра заботы: заказать обеды для детского общежития при школе, выдать всё необходимое для них, послать требование: либо на керосин, либо на дрова, на то, которое имеет способность расходоваться в школьном хозяйстве; проглотить стакан чаю, и... уж звонят.

Пять часов работы с тремя отделениями, когда не только творишь и видишь творчество детей, но просто дуреешь, бомбардируемая расспросами, ответами, сомнениями пятидесяти юных душ.

Но вот незаметно подкапало и 3 часа пополуночи. Сачуживое самое пониженное. Добрый час абсолютно неспособна на что-либо разумное. Для поднятия жизнедеятельности, отсутствие которой производит мертвенно-неприятное чувство, выпиваешь стакан слишком крепкого чая или кофе и... за дело... — 10 часов вечера. Тетради и тетради... И неуспешная борьба духа с плотью

продлить сегодняшний день выше нормы, установленной испокон веку, — дальше полночи.

О, как я «нехороша»! Забыла «стыд» и спала! Но «Правда» спасла меня от угнетающих душу укоров. Ведь человек я! Мне необходим отдых, досуг, в котором я могла бы просто мыслить, если уж нет ни общества, ни книг, способствующих дальнейшему развитию, столь необходимому в положении человека, просвещающего умы детей, будущих граждан, борцов за идею, за лучшую жизнь.

И так проходят годы для нескольких десятков лиц учительского персонала на Московско-Виндаво-Рыбинской жел. дор. в железнодорожных училищах¹.

Таковы были условия работы преподавателей железнодорожных школ, на которые обращал внимание читателей центральный орган большевистской партии. Только безгражданная любовь к делу, понимание общественного значения работы, горячая привязанность к детям помогали учителю преодолеть все трудности, стоящие на его пути, и не «обрасти мохом» усталости и равнодушия к своему труду.

Труден был путь народного учителя в дореволюционной России. Тяжёлые условия жизни, постоянные придирки и унижения со стороны «начальства», нищета, зависимое, бесправное положение — всё это не испугало тысячи юношей и девушек, отдавших свои силы на служение угнетённому и эксплуатируемому народу.

Известно, с каким большим сочувствием относился В. И. Ленин к положению русского народного учителя, как возмущался жалкими условиями, в которые он был поставлен господствующими классами России. По словам Н. К. Крупской, Владимир Ильич «высоко расценивал роль народного учителя» и «всегда учитывал тот факт, что громадное большинство учителя близко стоит к рабочему классу и к трудящейся части крестьянства, живёт их интересами»².

Макаренко был типичным представителем этой народной интеллигенции. Он всегда ощущал себя органической частью народа. Антон Семёнович никогда не жаловался

¹ «Правда», 29 марта 1913 г.

² Н. К. Крупская. Педагогические сочинения в десяти томах. М., 1958, стр. 286.

на трудности. Деятельная, активная натура, любовь к жизни и людям помогали Макаренко преодолевать препятствия, стоявшие на пути, находить в работе высокую радость и творческое удовлетворение.

«...Важно, велик и священ сан воспитателя: в его руках участь целой жизни человека», — говорил В. Г. Берлинский. Макаренко уже в те годы высоко ценил значение работы педагога, видя в ней большое, необходимое людям дело. С исключительной щедростью, не жалея своих сил, отдавал себя Макаренко воспитанию подрастающего поколения.

Официально должность Макаренко в Долинском железнодорожном училище именовалась «надзиратель» (видимо, для слуха начальства слово «воспитатель» звучало слишком крамольно). Оно, это название, резко контрастировало с существом работы молодого педагога. Не пассивное наблюдение, не мелочная регламентация жизни общезжития, а любовь к детям и поиски разумных форм организации их жизни составляли смысл работы Антона Семёновича.

Макаренко понимал, что силами одного воспитателя, как бы ни была велика его трудоспособность и энергия, невозможно организовать жизнь шестидесяти детей. Поэтому он привлёк к себе в помощь школьников — дежурных по интернату. Во время однодневных летних экскурсий в окрестности Долинской Макаренко участвовал в леске у большого пруда что-то вроде лагеря. Участники экскурсии были разбиты на группы, одна группа добывала топливо для костра, другая — ловила рыбу, третья — готовила обед. Старшие ученики посменно стояли на часах и наблюдали за порядком в лагере. Создавая кружки учащихся «Берегите птиц», Антон Семёнович выдавал каждому члену кружка значок и удостоверение на право ношения значка.

Макаренко хорошо понимал, что детей спланивают не только уроки, но и школьные праздники, дружная подготовка к ним. Ещё чаще, чем в Крюкове, Антон Семёнович устраивал детские спектакли, костюмированные вечера, живые картины. Под его руководством ученики с увлечением репетировали сцены из пьес, сами шили

¹ В. Г. Берлинский. Избр. педагогические произведения, М., 1948, стр.

костюмы. В школе был организован духовой оркестр, которым руководил рабочий железнодорожного депо. Музыка воспитывала эстетическое чувство, поднимала настроение, организовывала детей.

Обычно весёлый, жизнерадостный и подвижный, Макаренко мог быть сдержанным и серьёзным. То смеющийся от души, то сосредоточенный и задумчивый, то гневный, Антон Семёнович всегда был одинаково правдивым, глубоко искренним и человечным. Всем, кто встречался тогда с Макаренко, запомнилось его «весёлое, жизнерадостное, полное энергии лицо с серо-голубыми, умными, наблюдательными глазами и с проказливо сверкающими в них искорками»¹.

В этом невысоком, худощавом, бледном молодом человеке жила неиссякаемая жизненная энергия. Его работоспособность, внимание к ученикам, требовательность к самому себе и скромность уже в те далёкие годы вызывали глубокое уважение окружающих.

Макаренко умел найти простые, сильные, идущие прямо от сердца слова, убеждавшие детей. Выступая на торжественном выпуске учеников Долинской школы, Антон Семёнович, как вспоминает М. Г. Компанцев, «прекрасно говорил о том, как должны окончившие вести себя в жизни, бороться за счастье людей, о том, что дала учащимся школа. Макаренко говорил с таким жаром и нервным подъёмом, что мальчики и девочки огласили зал плачем; заплакал и оратор, плакали мы все — такова была любовь к детям у этого особенного, молодого тогда педагога»².

Уже в эти годы будущий автор «Книги для родителей» тесно связан с родителями учеников, рабочими железнодорожного депо. Он запросто их посещает, подолгу беседует о воспитании в семье. По словам одной из тогдашних учениц Макаренко В. Мороз, «даже железнодорожники, у которых не было детей, приходили на школьную площадку и восхищались человеком, который сумел так хорошо организовать десятки и сотни детей»³.

¹ Из воспоминаний Н. Е. Кисловой о А. С. Макаренко в письме к автору книги.

² М. Г. Компанцев. Ещё о А. С. Макаренко. Рукопись предоставлена автору книги.

³ Воспоминания В. Мороз о А. С. Макаренко в письме к автору книги.

Годы работы в Долинской и Крюкове много дали Макаренко. Пришедший в Крюковское училище буквально со школьной скамьи, Антон Семёнович накопил здесь и в Долинской драгоценный для педагога опыт практической работы. Как бы ни были в тогдашних условиях ограничены возможности воспитания, Макаренко мог в какой-то степени работать свободно, не чувствуя себя связанным мелочной опекой. Это было очень важно для творческого роста молодого учителя.

Организационно-педагогический опыт тех лет пригласился Макаренко позднее, когда Антону Семёновичу пришлось стать руководителем Полтавской трудовой колонии. Вспоминная уже в конце жизни о своей дореволюционной работе в школе, Макаренко говорил, что этот опыт имел для него «большое значение».

Самое благотворное влияние на молодого Макаренко оказали труды деятелей русской педагогики. К началу XX века наша прогрессивная педагогическая мысль накопила поистине драгоценный фонд. Здесь достаточно назвать работы К. Д. Ушинского, Н. И. Пирогова, В. Я. Стоюнина, В. П. Острогорского, П. Ф. Лесгафта. Огромную роль в формировании передовой педагогической мысли России сыграли труды великих русских мыслителей-революционеров В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, а также Д. И. Писарева и Л. Н. Толстого.

Макаренко внимательно следил за новыми трудами по педагогике, за педагогической прессой. Как вспоминает И. П. Найда-Иринева, Макаренко и его товарищи по работе в школе «читали много педагогической литературы, делились своими методами работы», причём «особенно много рассказывал Антон Семёнович».

Макаренко глубоко изучил труды основоположника русской науки о воспитании К. Д. Ушинского, который создал свою педагогическую систему на базе прогрессивного принципа народности. Великий педагог-демократ глубоко обосновал идею соединения обучения с воспитанием, столь близкую Макаренко и в молодые годы.

Одним из важнейших средств воспитания Ушинский, в частности, считал родной язык и литературу. Уроки русского языка и литературы позволили Макаренко широко использовать возможности воспитательного влияния, заключённые в бессмертных произведениях русских писателей.

Первоочередным делом Ушинский считал формирование у воспитанников любви к труду. Огромное значение он придавал непосредственному нравственному влиянию личности педагога. «...Преподавание есть только одно из средств воспитания... Влияние *личности* воспитателя на молодую душу составляет ту воспитательную силу, которой нельзя заменить ни учебниками, ни моральными сентенциями, ни системой наказаний и поощрений»¹. Эту формулу Ушинского Макаренко

¹ К. Д. Ушинский. Собрание сочинений, т. 2. М., 1948, стр. 28-29.

ГЛАВА III

ПУТЬ К КУЛЬТУРЕ

«...«Мои университеты» были в значительной степени «самодельные», и я даже благодарю судьбу за это: она не сделала из меня чинушу»¹, — говорил Макаренко. «Университетом» Макаренко была сама жизнь: рабочая среда, педагогическая работа, самообразование. Сын рабочего, Макаренко сумел взять у окружавшей его пролетарской среды её глубокий демократизм, чувство товарищеской солидарности, ненависть ко всему, что угнетает человека.

Много дала Макаренко и педагогическая работа. Конечно, при всей своей исключительной одарённости, Антон Семёнович, проучившийся только год на педагогических курсах, не мог сформироваться как педагог «сам по себе». Уже тогда, в молодые годы, Макаренко впитал в себя всё лучшее, что дала педагогическая мысль. Макаренко творчески воспринял это наследие и существенно обогатил его.

О значении педагогического наследия для своего формирования с полной определённостью сказал Макаренко в одном из последних выступлений: «Глубоко уважаю старых педагогов. Много их читал и многому научился у них»².

¹ А. С. Макаренко. Максим Горький в моей жизни. Архив А. С. Макаренко.

² А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 515.

стремился воплотить в жизнь. Пройдёт ещё немного лет, и уже после Октябрьской революции Макаренко до конца поймёт всю недостаточность влияния личности воспитателя и придёт к своему новаторскому положению о коллективе, как главном орудии воспитания.

В период работы в Крюкове и Долинской Макаренко шёл за Ушинским и в некоторых частных методах педагогической работы. Так, например, Ушинский, выступавший против педагогов-чиновников, за внутреннюю близость воспитателя и воспитанника, считал, что преподаватель может и должен участвовать в играх вместе с учениками, не боясь уронить своего достоинства, ибо, по словам Ушинского, «...значение [воспитателя] основывается вовсе не на одной важной начальной физиономии»¹. Макаренко последовательно проводил в школе это положение.

Антон Семёнович в молодые годы настолько блестяще знал Ушинского, что, по словам друга Макаренко, педагога Е. Ф. Григоровича, мог цитировать труды Ушинского «почти дословно и целыми страницами». Е. Ф. Григорович вспоминает, что под влиянием Макаренко она в 1910—1911 годах увлеклась произведениями Ушинского и Белинского². Макаренко высоко ценил педагогическое наследие Н. А. Добролюбова. В частности, Антону Семёновичу были близки выступления великого критика, направленные против официальной педагогики, искажавшей личность ребёнка³. Лишь опираясь на теоретические основы трудов классиков русской педагогики и методический опыт передовых русских педагогов, Макаренко мог добиться больших успехов в своей работе и приумножить эти достижения в дальнейшем.

Отсутствие прямых упоминаний имён классиков русской педагогической мысли в работах Макаренко или цитат из их трудов объясняется, во-первых, нелюбовью Антона Семёновича цитировать, излагать чужие мысли; во-вторых, на том этапе жизненного пути Макаренко, к которому относятся его основные высказывания и выступления по теоретическим вопросам — 20-е и 30-е годы, — Антон

¹ К. Д. Ушинский. Собрание сочинений, т. 3, М., 1948, стр. 225.

² Воспоминания Е. Ф. Григоровича о А. С. Макаренко в письмах к автору книги.

³ См. об этом в статье В. Е. Гмурмана «А. С. Макаренко — выдающийся педагог-марксист». «Советская педагогика», 1952, № 1.

Семёнович уже был целиком обращён к будущему: он создавал свою новаторскую методику коммунистического воспитания; наконец, в-третьих, вероятно, невозможно было найти в дореволюционные годы передового русского педагога, который не испытал бы на себе благотворного влияния классиков отечественной педагогики. Об этом не нужно было особо говорить, это само собой разумелось.

Круг интересов молодого учителя был очень широк. Все, знавшие тогда Макаренко, поражаются, как много времени и сил уделял он чтению. Макаренко читал буквально каждую свободную минуту и нередко даже во время прогулки. Книги как бы раздвигали перед ним страницы затерянного в степной глуши посёлка. Он ощущал свою связь с жизнью родины, с её великой культурой, с её прошлым и настоящим.

Большое влияние на духовное формирование Макаренко оказала русская классическая литература. Его любимые писатели — Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Чехов, Короленко. Идеиная значительность их произведений, художественное совершенство, высокая человечность, горячий патриотизм — всё это было созвучно душевному строю Макаренко.

С новой силой ощутил Антон Семёнович воздействие идей М. Горького в эпоху революции 1905 года и в последующие годы. «Если понимание истории, — говорит Макаренко, — приходило к нам по другим путям, по путям большевистской пропаганды и революционных событий, по путям нашего бытия в особености, то Горький учил нас ощущать эту историю, заражал нас ненавистью и страстью и ещё большим уверенным оптимизмом, большей радостью требований: «Пусть сильнее грянет буря!»¹

М. Горький стал для Макаренко не только любимым писателем. Его книги, его удивительная биография были для Антона Семёновича источником размышлений, нравственной и культурной работы над собой. Макаренко, как других русских читателей-демократов, покорило горьковское жизнеутверждение, неисчерпаемый оптимизм, глубокая вера в человека.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 297.

«Ни с чем несравнимым», по словам Антона Семёновича, стала для него пьеса Горького «На дне». Она потрясала его своей художественной и философской глубиной, поэзией и правдой, трагической напряжённостью противоречия между социальной обречённостью обитателей «дна» и их человеческой сущностью. Можно представить, с какой силой прозвучали для Макаренко слова Сатина, утверждавшие честь и достоинство человека.

«Когда я перелистываю страницы моей жизни, — говорил Макаренко, — в памяти возникают ужасающие годы беспросветной реакции, наступившей после 1905 года. Для нас имя Горького было маяком»¹.

Образ Горького-человека, его творчество ярко светили во мраке тех лет, поддерживали у Макаренко веру в прекрасное будущее, давали направление внутреннему развитию. Молодой педагог тянулся к Горькому ещё и потому, что он видел в нём, бывшем булочнике и маляре, как бы часть себя, свой путь к культуре.

Не только художественная литература была близка Макаренко. Антон Семёнович очень любил музыку. Он самозвучно выучился играть на скрипке, недурно играл на мандолине, пел (у него тогда был баритон приятного тембра) и даже руководил хором в школе.

Как учитель железнодорожной школы, Макаренко имел бесплатный билет для проезда по железной дороге, что позволяло ему бывать в Киеве. Конечно, приобщение к культурной жизни этого большого города было важно для Антона Семёновича. Здесь он посещал оперу, слушал симфоническую музыку, бывал и на спектаклях драматического театра. Внимание Макаренко, со школьных лет проявлявшего большой интерес к истории, привлекали также замечательные памятники искусства древнего русского города — Софийский собор с его изумительными мозаиками, Золотые ворота, поэтическая Аскольдова могила, расположенная на высоком берегу Днепра.

Макаренко не бросил так удачно начатые в школьные годы занятия рисованием. Он рисовал акварелью, копировал картины русских художников, делал портреты. Особенно хороши были карикатуры Антона Семёновича. Здесь со всей наглядностью обнаружилось умение Макаренко подмечать смешные стороны окружающей жизни.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 291.

Знакомые Макаренко узнавали друг друга в талантливых шаржах, сделанных рукою Антона Семёновича. Кое-кто боялся его острого карандаша. Интересно, что одним из частых объектов макаренковской сатиры был реакционер Антиох Луцкевич.

Художественная натура Макаренко сказала и в его отношении к природе. Ещё с юношеских лет полубил он поэтические просторы Днепра, широко разлившегося между Крюковом и Кременчугом. Он часто после работы на велосипеде уезжал далеко за город, там отдыхал где-нибудь на пригорке и любовался степными далями, золотом созревшей пшеницы, освещённой заходящим солнцем.

Антон Семёнович давно хотел побывать в Москве и Петербурге. Летом 1914 года такая возможность представилась. Макаренко отправился в путь вместе с группой знакомых педагогов. Как вспоминают участники поездки, Антон Семёнович переживал в это время чувство большого душевного подъёма, много смеялся, шутил, жадно впитывал в себя новые впечатления.

Особенно восхитила Макаренко архитектура Московского Кремля. Антон Семёнович без усталости бродил по улицам древней столицы России, любовался на Москву с Воробьёвых гор. За короткое пребывание в Москве Антон Семёнович ухитрился несколько раз побывать в Третьяковской галерее и провёл почти целый день в Музее изящных искусств (Макаренко очень любил скульптуру). К сожалению, из-за летнего времени ему не пришлось посетить театры.

В Москве Антон Семёнович расстался со своими спутниками и уже один отправился в Петербург. Хотя город, его музеи очень понравились Макаренко, общительному и жизнерадостному Антону Семёновичу здесь было не по себе: не с кем было поделиться впечатлениями, пошутить. Об этом со всей непосредственностью говорят строки неопубликованного письма Макаренко от 14 июня 1914 года: «Вторые сутки молчу в Питере! Вы думаете, легко молчать, и молчать, и молчать...»¹

Поездка в Петербург и Москву расширила кругозор Макаренко, познакомила его с новыми местами, со

¹ С. Макаренко. Письмо к доктору Богаевскому 14 июля 1914 г. Письмо хранится у В. Я. Костешкой.

многими замечательными произведениями искусства. С тех пор на всю жизнь Москва стала для Антона Семёновича самым дорогим, любимым городом.

Молодой учитель страстно стремился к культуре ещё и потому, что он рано поставил перед собой трудную цель — стать писателем. Макаренко хорошо понимал, что без овладения культурой он не может приблизиться к этой высокой цели.

«...Я очень много над собой работал и, собственно говоря, всю жизнь готовился к писательской работе», — говорил Макаренко. В этом нет никакого преувеличения. Начавший «сочинять» ещё в школьные годы, Макаренко позднее, как это часто бывает, не бросил мысли о литературе. Стремление писать снова с большой силой вспыхнуло у Макаренко в первые годы работы учителем.

Здесь педагог помог будущему писателю. Ведь труд серьёзного, вдумчивого воспитателя, если подходить к нему творчески (и иным он, по существу, и не может быть), требует от педагога обострённого внимания к человеку, умения видеть основные тенденции развития его личности. Глубокое понимание человека необходимо и писателю, ибо литература, по крылатому выражению М. Горького, есть человековедение.

Превосходную характеристику «человековедческой» стороны деятельности педагога дал К. Д. Ушинский. «Воспитатель должен стремиться узнать человека, *каков он есть в действительности*, со всеми его слабостями и во всё его величии, со всеми его будничными, мелкими нуждами и со всеми его великими духовными требованиями. Воспитатель должен знать человека в семействе, в обществе, среди народа, среди человечества и наедине со своею совестью; во всех возрастах, во всех классах, во всех положениях, в радости и горе, в величии и унижении, в избытке сил и в болезни, среди неограниченных надежд и на одре смерти... Он должен знать побудительные причины самых грязных и самых высоких деяний, историю зарождения преступных и великих мыслей, историю развития всякой страсти и всякого характера. Только тогда будет он в состоянии почерпнуть в самой природе человека средства воспитательного влияния, — а средства

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 152—153.

эти громады!»¹

В каждом из своих учеников Макаренко видел прежде всего *человека*, неповторимую, по-своему замечательную индивидуальность. Конечно, это не был узкопознавательный интерес, холодная любознательность педагога-экспериментатора. Молодой учитель был полон желания помочь ребёнку в его внутреннем развитии. Он обращался к лучшему в человеке. Это любовное внимание к каждому из учеников не только делало Макаренко дорогим и близким его юным воспитанникам и друзьям, — оно обогащало самого Антона Семёновича, будущего писателя.

Ранние литературные опыты Макаренко не сохранились, но есть свидетельства о них друзей Макаренко. По словам Е. Ф. Григорович, Антон Семёнович в 1908—1910 годах написал рассказ, который прочитал вслух и совершенно неожиданно, тут же на глазах своей изумлённой слушательницы изорвал рукопись в клочки. Сюжет этого произведения был таков: молодой человек переживает какую-то тяжёлую душевную драму. Ни с кем не делится своими мыслями и чувствами и чуть не доходит до самоубийства². Трудно представить, на какой почве могла возникнуть у Макаренко эта тема, ведь она была несвойственна мажорному душевному строю Антона Семёновича. Возможно, что мрачный колорит произведения каким-то образом переключался с наступившей реакцией, которую тяжело переживал Макаренко.

Несмотря на столь резко выраженное недовольство своим рассказом, Макаренко не оставил мысли стать литератором и не раз говорил друзьям: «Буду писателем». Однако никто из близких Антону Семёновичу не верил тогда, что из литературных занятий кряковского учителя выйдет что-либо серьёзное.

В настойчивом стремлении молодого педагога к писательской работе было нечто характерное не только для индивидуальности Антона Семёновича, но и для эпохи, среды, в которой жил Макаренко. «...Народился новый

¹ К. Д. Ушинский. Избранные педагогические сочинения, М., 1945, стр. 477—478.

² Воспоминания Е. Ф. Григорович о А. С. Макаренко, записанные автором книги.

читатель, который хочет не только читать, но и творить. Он не хочет уже больше слушать, что говорят другие, он хочет слушать свою мысль, своё сердце и исполнять призывы их»¹. Эти слова, взятые М. Горьким эпитафией к знаменитой статье «О писателях-самоучках», как и всё содержание статьи, свидетельствуют, что эпоха революции 1905 года вызвала к жизни не только нового читателя, но и нового писателя.

Потребность *писать* явилась одним из наглядных показателей роста сознания народных масс, формирования новой демократической интеллигенции. К этому выводу пришёл Горький, проанализировав произведения более трёхсот «писателей-самоучек» 1906—1910 годов, большую часть которых составляли люди из рабочей и крестьянской среды.

Интересно, что среди многочисленных начинающих писателей, обращавшихся за советом и помощью к В. Г. Короленко, значительную группу составляли народные учителя.

Для большинства читателей Макаренко-писатель начинается с «Педагогической поэмы». Однако этому выдающемуся достижению писателя предшествовало много лет накопления литературного опыта.

Антон Семёнович проявил удивительное упорство в овладении культурой, она не давалась готовой — её нужно было брать с бою. Да, это действительно была борьба! Сколько каждодневного упорного труда, бессонных ночей за книгами, сколько неуверенных шагов, разочарований! Лишь твёрдая воля, настойчивость, железная выдержка помогли Макаренко уже в молодые годы стать широко известным человеком.

ГЛАВА IV

ПОЛТАВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Несмотря на усиленные занятия самообразованием, Макаренко с возрастающей остротой ощущал недостаток систематических научных знаний. Получить всё, что ему было нужно, в условиях крайне напряжённой работы в школе Макаренко не мог. Надо было снова начинать учиться.

В августе 1914 года Макаренко оставил продолжавшуюся девять лет педагогическую работу и направился в Полтаву, где открывался Учительский институт. Это было учебное заведение, готовившее преподавателей высших начальных училищ. В институт принимали, в первую очередь, народных учителей, имевших стаж педагогической работы. Поступить в институт было довольно трудно: таких учебных заведений в России было тогда немного, и Макаренко предстояло пройти серьёзные конкурсные испытания.

Приёмные экзамены начались 18 августа 1914 года. Макаренко по своему образовательному, интеллектуальному уровню резко выделялся из числа поступающих в институт, что особенно наглядно обнаружилось во время экзаменов по русскому языку.

Антон Семёнович блестяще выдержал вступительные экзамены и был, в числе первых, принят в Учительский

¹ М. Горький. Собрание сочинений в 30 томах, т. XXIV, Гослитиздат, М., 1953, стр. 99.

институт. Всего же в институт было принято 26 человек из 80 экзаменовавшихся¹.

На одной из тенистых улиц Полтавы, среди живописных садов расположилось небольшое двухэтажное здание института, где 12 сентября 1914 года начались занятия. Здесь всё располагало к спокойной, сосредоточенной работе, и прежде всего малочисленность слушателей — ведь их было менее трёх десятков человек! Зато возрастной состав был самый разнообразный — рядом с юношами на скамьях аудитории сидели солидные семейные люди. Новые товарищи Макаренко были материально очень слабо обеспечены и большей частью происходили из рабочих и крестьян. Подавляющее большинство из них — 19 человек являлись ранее учителями начальных школ².

Директором института был талантливый педагог и организатор Александр Константинович Волнин. Строгий и взыскательный, он был простым в обращении со студентами, доброжелательным, справедливым человеком. Когда через 25 лет, в феврале 1939 года, Антон Семёнович увидел Волнина на юбилее школы, где преподавал бывший директор института, ставший заслуженным учителем РСФСР, эта встреча глубоко взволновала Макаренко. В своём выступлении на юбилейном заседании Антон Семёнович сказал:

«Жизненные ценности не всегда поддаются точному измерению. Часто в руках наших нет даже тех масштабов, которыми можно измерить важнейшие явления. Так и мне трудно измерить и трудно вам рассказать, как много сделал для меня и для других Александр Константинович... В то время, разумеется, директор не мог открыто быть большевиком и воспитывать большевистские характеры. Но из его рук много вышло большевиков, и многие из них положили головы на фронтах гражданской войны. Это потому, что он был всегда настоящим человеком, и он воспитывал в нас лучшие человеческие стремления. В моём же педагогическом развитии он создал самые главные принципы и навыки духа.

¹ См. газету «Полтавский день», 19 августа 1914 г.

² См. «Педагогический журнал для учащихся народных школ Полтавской губернии». Издание Полтавского губернского земства. 1914, декабрь, стр. 60—61.

А. С. Макаренко – студент Полтавского педагогического института. 1914 г.

У него я заимствовал главные положения моей педагогической веры: как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему»¹.

А. К. Волнин сумел собрать в институте сильный состав преподавателей. Слушатели института причислялись к самостоятельной работе над книгой. Большое внимание уделялось письменным работам, требовавшим углублённого изучения первоисточников.

Антон Семёнович сел на студенческую скамью, будучи зрелым человеком, и в этом был свой смысл: он мог взять от института больше, чем те, кто были моложе его. Прекрасные способности, замечательное трудолюбие давали ему возможность без особого напряжения справляться с учебной программой и оставлять время для чтения и самостоятельной работы.

В характеристике совета института, полученной в год окончания учебного заведения, отмечалось, что Макаренко «особый интерес проявил к педагогике и гуманитарным наукам, по которым очень много читал и представлял прекрасные сочинения»².

Большая заинтересованность Антона Семёновича педагогикой вытекала из самого существа работы учителя, ощущавшего настоятельную потребность теоретически осмыслить свой девятилетний опыт. Этот интерес был связан и с личностью преподавателя педагогики А. К. Волнина — превосходного лектора, большого знатока своего предмета.

Институт дал возможность Макаренко заняться систематическим изучением классиков мировой педагогики. Как ни были ограничены по своему объёму министерство народного просвещения «приспособить» труды преподавателей русской и мировой педагогической мысли, прогрессивное содержание их произведений не могло не дойти до демократического студенчества.

«А. С. Макаренко до института уже глубоко изучил наших корифеев педагогики: Ушинского, Добролюбова, Белинского, Коменского, Руссо и т. д., — говорит товарищ Антона Семёновича по институту Ф. Я. Ерёмин.—

В институте на конференциях Макаренко выступал активно и цитировал на память этих великих педагогов... Мне помнится, что А. С. Макаренко в практических вопросах особенное преимущество отдавал и в то же время высоко ценил К. Д. Ушинского»¹.

Как рассказывает Антон Семёнович, он в течение полугода работал над большим сочинением на тему «Кризис современной педагогики». Характерно обращение студента Макаренко к этой теме, осознание им кризиса педагогики 1900-х годов. А ведь в это время многие из сверстников Макаренко, да и не только сверстников, увлекались псевдонаучными статьями и книгами некоторых представителей тогдашней педагогической мысли.

К сожалению, эта первая теоретико-педагогическая работа Макаренко не сохранилась.

При институте было высшее начальное училище, где студенты проходили педагогическую практику (задачей института была подготовка преподавателей учебных заведений этого типа). Практические занятия здесь были поставлены очень хорошо. Каждый из слушателей должен был в течение года дать уроки по нескольким предметам, соответственно учебному плану. Студенты института давали рядовые уроки в присутствии преподавателя по данному предмету и отчётные уроки в присутствии группы слушателей, преподавателей и директора института. Эти уроки рецензировались назначенными дирекцией студентами, а затем обсуждались на специальных конференциях. После заключительного слова директора института выносилась оценка уроку по пятибалльной системе. Уроки Антона Семёновича всегда получали наивысшую оценку.

Макаренко был активнейшим участником педагогических конференций. «Замечания Антона Семёновича отличались глубиной анализа и были настолько содержательными, что после выступления Макаренко слушатели не много могли дополнить. Поэтому, чтобы поднять активность слушателей, приходилось предоставлять Макаренко слово для выступления в последнюю очередь. Отмечая в своём выступлении ошибки, Антон

¹ Воспоминания Ф. Я. Ерёмина о А. С. Макаренко в письме к автору книги.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 469.

² Архив А. С. Макаренко.

Семёнович по возможности указывал и пути к устранению этих ошибок»¹.

Наряду с педагогикой, Макаренко с особым интересом относился к занятиям историей. Преподаватель истории В. Н. Тарасов сумел увлечь слушателей не только талантливыми лекциями, но и образцовой постановкой студенческих рефератов. Тарасов скоро обратил внимание на слушателя, уделявшего много времени чтению работ по истории, и предложил Антону Семёновичу пользоваться книгами из своей библиотеки. Сильное впечатление на Макаренко произвели труды В. О. Ключевского. «Помню, — рассказывает В. Н. Тарасов, — как Макаренко, возвращая мне «Курс русской истории» Ключевского, с восторгом отзывался о сжатом, ярком стиле этого произведения... Восторгался Макаренко и характеристиками исторических деятелей в «Курсе русской истории»². Макаренко восхищался в Ключевском органическое соединение большого учёного и своеобразного, тонкого художника слова. Многие страницы книг Ключевского Антон Семёнович знал почти наизусть.

По словам В. Н. Тарасова, Макаренко столь блестяще отвечал на экзамене по древней истории в присутствии специалиста по этому предмету, полечителя Киевского учебного округа профессора А. Н. Деревицкого, что превосходные знания Антона Семёновича были отмечены Деревицким в книге почётных посетителей института. Знания Антона Семёновича были так глубоки и обширны, устные ответы на экзаменах и студенческие рефераты были так содержательны, что товарищи по институту думали, что Макаренко со временем непременно будет профессором истории.

Особому интересу к истории способствовал и город, где жил Макаренко. Полтава была полна историческими воспоминаниями. В центральной части города возвышался величественный памятник Славы в честь Полтавской победы 1709 года, работы знаменитого Тома де Томона: огромная, стройная чугунная колонна, увенчанная бронзовым орлом, несущим в клюве бронзовый лавровый венок.

¹ Воспоминания Ф. Я. Ерёмкина о А. С. Макаренко в письме к автору книги.

² В. Н. Тарасов. В Полтавском учительском институте. (Из воспоминаний о А. С. Макаренко) «Известия Академии педагогических наук РСФСР», 1952, вып. 3, стр. 147.

Полтавчане любовались гранитным монументом, поставленным на месте отдыха Петра I после боя, и памятник героическим защитникам города, в течение трёх месяцев отбивавшим атаки превосходящих сил врага. В окрестностях Полтавы находилась братская могила 1 345 русских солдат и офицеров, погибших в Полтавской битве.

Любимым предметом Макаренко в институте осталась литература. Его устные и письменные выступления привлекали внимание преподавателей и товарищей не только зрелостью, логической чёткостью и стройностью мысли, но и прекрасным языком. «Антон Семёнович совершенно свободно владел устным словом и, что особенно поражало в украинце, искусно владел в нём гибкой и стройной фразой на чисто русском литературном языке... Это был у него какой-то особенный дар. В течение 2—3 часов он мог излагать устно доклады вполне литературной русской речью, пересыпая её, нет-нет, украинскими выражениями с присущим ему украинским юмором, что держало на неослабной высоте внимание слушателей»¹, — вспоминал А. К. Воллин.

Макаренко был очень увлекательным собеседником и рассказчиком. Он никогда не давал почувствовать своего умственного превосходства. Простой без панибратства, скромный без самоуничижения, отзывчивый, всегда готовый помочь другому словом и делом — таким предстаёт перед нами Макаренко в воспоминаниях товарищей по институту.

Макаренко помогал советом, когда кто-либо испытывал трудности в работе над сочинением, делился книгами. «Общие» клеёнчатые тетради Антона Семёновича, где мастерски были записаны лекции преподавателей и проконспектированы прочитанные книги, стали своеобразным учебным пособием для многих студентов института.

С появлением Макаренко в аудиториях повышалось настроение, дружнее, продуктивнее становилась учебная работа. А в перерывах между занятиями он являлся центром оживлённой студенческой компании, шутил,

¹ А. К. Воллин. А. С. Макаренко в Учительском институте. Учебно-воспитательная работа в детских домах», бюл. № 2—3, 1941 г., с. 123.

А. С. Макаренко (внизу в центре) среди студентов и преподавателей Полтавского педагогического института.

бросал острые слова, с юмором рассказывал о разных случаях в своей жизни, участвовал в общем хоровом пении. Товарищи любили и уважали Антона Семёновича. Характерная деталь: в то время, когда обычно студенты звали друг друга лишь по имени или по фамилии, Макаренко все называли по имени и отчеству.

Эстетическое чувство, присущее Макаренко, проявлялось не только в отношении к природе и искусству, но и в его внешнем облике. Антон Семёнович никогда не допускал никакой небрежности, неряшливости в одежде. Вот зарисовка, сделанная преподавателем института, хорошо знавшим Макаренко: «На нём была белоснежная, накрахмаленная сорочка с чёрным галстуком. Брюки были тщательно отглажены, ботинки начищены. Чёрный сюртук, плотно облегающий фигуру Макаренко, и пенсне на чёрном шнурке...»¹ Невольно вспоминаются слова Чехова, любимого писателя Антона Семёновича: «В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

Благоприятной для Макаренко была не только обстановка в институте, но и жизнь в городе со сложившимися культурными традициями. В Полтаве с начала 1900-х годов жил один из любимых писателей Макаренко – Владимир Галактионович Короленко. Дом писателя на Малой Садовой улице хорошо все знали. Отсюда на всю Россию звучал правдивый и мужественный голос писателя, выступавшего в защиту народа против политики насилья царского правительства, против реакции.

Русских читателей потрясли своей силой книги Короленко «Сорочинская трагедия», «Бытовое явление». В 1913 году были напечатаны статьи Короленко, разоблачавшие провокаторов-антисемитов, организаторов так называемого дела Бейлиса. Писатель активно участвовал в общественной жизни Полтавы. На страницах прогрессивной газеты «Полтавский день» появлялись его корреспонденции, статьи, обзоры печати. Коренастую фигуру самого Владимира Галактионовича часто можно было встретить на зелёных полтавских улицах.

¹ В.Н.Тарасов. В Полтавском учительском институте. (Из воспоминаний о А. С. Макаренко) «Известия Академии педагогических наук РСФСР», 1952, вып. 38, стр. 143.

В Полтаве многие годы жил создатель украинского реалистического романа Панас Мирный. Жители города бережно сохраняли домик, в котором жил основоположник украинской литературы, создатель «Энеиды» и «Наталки-полтавки» И. П. Котляревский.

Превосходно знавший и любивший украинскую литературу, Макаренко не раз выступал в институте против так называемых «самостийников» — буржуазных националистов, пытавшихся оторвать украинский народ от великой культуры братского русского народа. По словам В. Н. Тарасова, Антон Семёнович был «наиболее эрудированным принципиальным их противником».

Полтава — крупный культурный центр Украины. В центральной части этого губернского города были расположены, как их тогда называли, просветительные здания имени Н. В. Гоголя: большой красивый театр, обширный музей, городская библиотека-читальня, книжный магазин. На улице, названной именем Пушкина, — здание музыкального училища с прекрасным концертным залом.

Антон Семёнович всегда был в курсе книжных новинок. Случалось, что преподаватели института узнавали о новых книгах через Макаренко. Из маленькой стипендии Антон Семёнович ухитрялся часть денег выделять на покупку книг. Через много лет при встрече с бывшим директором института Макаренко вспоминал, какую уйму книг он поглощал при подготовке докладов, уставляя ими свой рабочий стол в несколько рядов.

По инициативе Макаренко группа передовых слушателей института начала издавать подпольный сатирический журнал, редактором которого стал Антон Семёнович. Макаренко придумал оригинальное название журнала — «Институтская щель». Точно в щель подматривали сотрудники журнала всё достойное осмеяния в жизни института и рассказывали об этом своим товарищам. Как вспоминает один из активных сотрудников журнала А. Н. Ведмицкий, в первом номере было помещено большое прозаическое произведение Антона Семёновича. К сожалению, этот номер «Институтской щели» разыскать не удалось.

Но зато сохранились автографы стихов Антона Семёновича, относящихся к годам учения в Полтавском институте. Это — экспромпты, записанные в альбом одной из

знакомых Макаренко. Некоторые из стихотворений сопровождаются дружескими шаржами. Стихи не претендуют ни на особую глубину содержания, ни на законченность формы. Всё же они должны занять своё место в писательской биографии Макаренко.

Перед нами «Альбом для стихов» несколько удлинённого формата. На плотной и гладкой его бумаге строки, написанные двумя почерками Антона Семёновича — прямым, с каллиграфически вырисованными буквами и обыкновенным, белым, наклонным. На одной из страниц — натюрморт: на столе пустые чашки, куски сахара, чайник, учительская фуражка.

В стихотворениях Макаренко даны живые, полные юмора, непритязательные картинки учительского быта того времени. Тут и гости, пришедшие в отсутствие хозяев, и товарищеский чай за самоваром, и разговоры про обновку — событие на фоне учительского безденежья, и напоминание о неизбежных школьных тетрадах, ожидающих педагога.

Таково, например, стихотворение, датированное 14 декабря 1914 года. Оно обращено к учительницам, в семье которых часто бывал тогда Антон Семёнович:

Во высокому терему,
Сразу видно по всему,
Как у бар,
И прелестнейший квартал
Наклоняет средь бесед
Самовар.

Если вспомнишь про тетради
И заглянешь шутки ради,
Не гляди!
Удивляйся обстановке,
Слушай речи про обновку
И сиди.

Друг сердечный, гость беспечный,
Тем богатствам бесконечным
Ты не верь,
Ведь в кармане на аркане,
Как в известнейшем романе,
Некий зверь.

Другое стихотворение Макаренко, подписанное псевдонимом «Одна из птиц», явно выходит за пределы жанровых тем:

Ах, в рай мы приходим всё реже,
Счастливые дни миновали,

И птицы как будто всё те же,
Но перья на них подлинjali.
Ах, правда, и новые птицы
На райских ветвях распевают,
Но песни их — всё небыллицы,
И перья на них уж ливняют.
Товарищи птицы, хоть тресни,
Старайтесь в служении нашем.
Придумаем новые песни,
А перья мы скоро подкрасим¹

Вероятно, подобное стихотворение могло быть написано человеком, любящим лирику Гейне. Но вместе с тем обращают на себя внимание некоторые индивидуальные черты произведения, в частности, введение подчёркнутой разговорной интонации («Хоть тресни», «Товарищи птицы»). Здесь уже сочетание юмора и лиризма, присущее Макаренко-писателю.

Стихотворение, датированное 13 ноября 1915 года, имеет приписку автора: «Прозаик с претензией быть поэтом». В этой шутливой автохарактеристике не только отразилось ироническое отношение Макаренко к своим стихотворным опытам, но и понимание, что его настоящее призвание — проза.

Первым художественным произведением Макаренко, о котором упоминает сам автор, был рассказ «Глупый день». К сожалению, рукопись рассказа не сохранилась, и приходится довольствоваться авторским изложением его сюжета: «В рассказе [«Глупый день»] я изобразил действительное событие, — говорит Макаренко, — поп ревнует жену к учителю, и жена и учитель боятся попа; но поп заставляет служить молебн по случаю открытия «Союза русского народа», и после этого поп чувствует, что он потерял власть над женой, потерял право на ревность, и молодая жена приобрела право относиться к нему с презрением»².

Как видно, в этом сюжете Макаренко привлекла не острая любовная ситуация, а решение моральной проблемы, связанной с социальными мотивами.

Макаренко решил на смелый для молодого писателя шаг — он послал «Глупый день» Горькому, только недавно

¹ Рукопись хранится у В. Я. Костецкой.

² А. С. Макаренко. Максим Горький в моей жизни. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 297—298.

возвратившемуся в Россию. Макаренко по-разному да-тировал это памятное событие своей жизни — то 1914, то 1915 годом. Он утверждал, что рассказ был послан Горькому в редакцию журнала «Летопись»¹. Как известно, журнал начал выходить в декабре 1915 года, значит, можно с полным основанием отнести посылку рассказа Горькому к концу 1915 года или даже к началу 1916 го-да.

Характерно, что, живя в одном городе с В. Г. Коро-ленко, которого Макаренко глубоко читал, Антон Семё-нович послал рассказ всё-таки Горькому. Правда, в са-мом начале 1914 года Короленко уехал на лечение во Францию и из-за начавшейся мировой войны оставался там до лета 1915 года. Но, когда Макаренко отослал свой рассказ в Петербург, Короленко ещё был в Полтаве. Всё это ещё раз наглядно свидетельствует о том, что Горький был для Макаренко самым близким писателем.

Ответ Горького навсегда остался в памяти Макаренко, и спустя почти четверть века Антон Семёнович смог воспроизвести его слово в слово: «Рассказ интересен по-неясе, но написан слабо, драматизм переживаний по-па буйте написать что-нибудь другое»².

Отзыв Горького, как всегда прямой и правдивый, за-ставил Антона Семёновича до конца понять, как много ещё надо учиться, чтобы стать писателем. «Письмо М. Горького, — говорит Макаренко в одном неопублико-ванном позднейшем рукописном фрагменте, — отбило у меня охоту заниматься художественной выдумкой»³.

Неудача не заставила Макаренко бросить мысль о ли-тературе. Антон Семёнович стал ещё усиленнее работать над языком и стилем своих произведений и, в частности, над диалогом. По словам Макаренко, именно с 15 года он начал систематически фиксировать впечатления жиз-ни. Записная книжка стала для Макаренко своеобразной литературной школой писательского мастерства. Она

¹ А. С. Макаренко. Беседа с начинающими писателями. Стенограм-ма. Архив А. С. Макаренко.

² А. С. Макаренко. Максим Горький в моей жизни. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 298.

³ Архив А. С. Макаренко.

обостряла внимание Макаренко к миру, приучала к краткости выражения своих впечатлений и мыслей.

Начался новый этап скрытой от окружающих лабораторной литературной работы, прерывавшейся обстоятельными беседами, не зависевшими от Макаренко. Одним из таких неожиданных обстоятельств стал призыв Макаренко на военную службу.

Из-за большой близорукости Антон Семёнович был освобождён от «воинской повинности». Это дало ему возможность поступить в учительский институт, куда в 1914 году принимали только «белобилетников». Поражение русских войск на фронте, в результате преступной политики царских министров, заставило руководящие военные круги мобилизовать всех, кто только мог держать в руках оружие, в том числе и тех, кто по возрасту или по состоянию здоровья был явно неспособен к строевой службе.

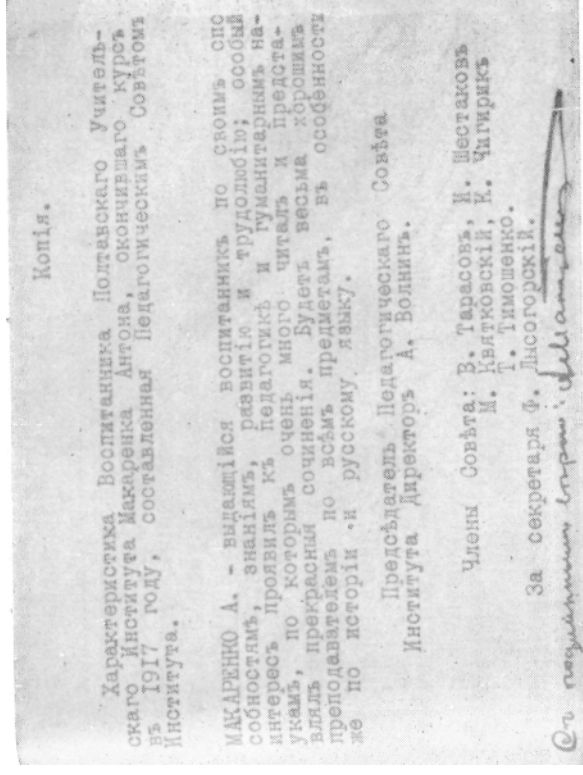
Вместе со слушателями института Макаренко проходил военную подготовку и маршировал по широкому казачьему плацу, находившемуся рядом с институтом. Осенью 1916 года Антон Семёнович был призван рядовым на военную службу и направлен в Киев. Здесь Антон Семёнович попал в 147-ю пешую Воронежскую дружину — воинскую часть, состоявшую в основном из запасных «ратников ополчения второго разряда», солдат в возрасте сорока — пятидесяти лет.

Обстановка царской казармы очень угнетала Макаренко. Антон Семёнович стал свидетелем фельдфебельского мордобоя, «словесности», издевательства отношения начальника к «нижнему чину». Всегда сдержанный, никогда не любивший жаловаться, Макаренко в декабре 1916 года писал одной из своих знакомых: «Если бы объективно оценить обстановку, в которой я живу, то и этого достаточно, чтобы разразиться проклятиями...»²

Однако скоро обнаружилось, что Макаренко совершенно неспособен к строевой службе, и его перевели в военную канцелярию. А в марте 1917 года Антон Семёнович

¹ Анкета А. С. Макаренко. Отдел рукописей Института мировой литературы Академии наук СССР.

² Письмо А. С. Макаренко к В. Я. Костецкой, 1916, декабрь. Хранится у В. Я. Костецкой.

Характеристика, выданная А. С. Макаренко Полтавским педагогическим институтом. 1917 г. Копия с автографом А. С. Макаренко.

был по состоянию здоровья вовсе снят с воинского учёта и получил возможность вернуться в Полтаву.

Пропал почти весь учебный год. Несмотря на это, в июле 1917 года Макаренко первым по успеваемости, с золотой медалью окончил Полтавский педагогический институт (в 1917 году учительский институт был преобразован в педагогический). Надо отдать должное преподавателям института, оценившим незаурядные способности Макаренко. Педагогический совет института дал Макаренко такую характеристику: «Выдающийся воспитанник по своим способностям, знаниям, развитию и трудолюбию... Будет весьма хорошим преподавателем по всем предметам, в особенности же по истории и русскому языку»¹.

Но окончание Педагогического института формально не давало законченного высшего образования, необходимого для преподавания в средней школе и для научной

¹ Архив А. С. Макаренко.

работы. Антон Семёнович решил поступить в университет, который открывал ему эти возможности.

В деле, хранящемся в Киевском государственном историческом архиве, имеется прошение Антона Семёновича о выдаче ему документов, необходимых для поступления в высшее учебное заведение. Однако Макаренко должен был отказаться от своего намерения. В 1916 году у Антона Семёновича умер отец. Мать осталась только на попечении сына. Нужно было зарабатывать на жизнь, и Макаренко впоследствии говорил жене Галине Стахивне, что не мог пойти в университет, так как сыновье чувство не позволило ему оставить горячо любимую мать¹.

Пришлось искать работу в Полтаве. В это время открылась вакансия преподавателя образцового Высшего начального училища при институте, где ещё недавно Макаренко так блестяще давал показательные уроки. Антон Семёнович принял приглашение администрации и стал учителем Высшего начального училища.

Из архивных материалов видно, что Антон Семёнович работал в училище до сентября — октября 1917 года. Собранные нами мемуарные источники говорят о том, что он оставался там до конца 1917 года, когда, по-видимому, вернулся из армии основной преподаватель. В декабре 1917 года Макаренко переехал в Кроков, с которым связано начало нового этапа биографии Антона Семёновича.

Макаренко сформировался под влиянием русской действительности эпохи 1905 года, творчества буревестника революции М. Горького, классической русской литературы, трудов передовых представителей русской педагогической мысли. Только воздействием этих столь разнообразных факторов, сошедшихся с одарённостью и замечательным трудолюбием Макаренко, можно объяснить ту высокую степень душевной и интеллектуальной зрелости, которая поражала всех знавших Антона Семёновича в дореволюционные годы.

Первые пятнадцать лет педагогической деятельности Макаренко явились временем накопления опыта, упорных поисков нового. Разумеется, нельзя переоценивать значение

этих исканий. Несмотря на всю свою педагогическую одарённость, интуицию и любовь к детям, Макаренко не смог сформировать детского коллектива, подобного тем замечательным коллективам, которые были им созданы в советскую эпоху. Без нового педагогического опыта не могла возникнуть и новая теория воспитания. Несмотря на упорное стремление к литературной работе, Макаренко ещё не раскрылся и как писатель. Но живые источники идейного роста Макаренко в дооктябрьские годы, его вдохновенный труд воспитателя, научные и литературные интересы — всё это создало почву для будущего творческого расцвета.

¹ Из воспоминаний Г. С. Макаренко, записанных автором книги.

Директором училища (инспектором по тогдашней номенклатуре этой должности) и был назначен Антон Семёнович. Здесь Макаренко проработал до осени 1919 года.

Это было время гражданской войны. Советский народ героически отражал нагиск полчищ белогвардейцев и иностранных интервентов. Украина стала полем ожесточённых битв. В родных местах Макаренко то и дело менялись власти: националистическая контрреволюционная Рада, немецкие оккупанты, гетмановцы, петлюровцы, григорьевцы, денкинцы. Красные войска заняли Крюков в первых числах января 1919 года. В августе этого года они вынуждены были временно оставить город. Лишь в декабре Красная Армия окончательно освободила Кременчуг и Крюков, а в начале 1920 года Советская власть была установлена уже на всей Украине.

В таких чрезвычайных условиях началась педагогическая работа Макаренко в Крюкове. Весь свой ранее накопленный опыт, всё, что получил он в Педагогическом институте, Антон Семёнович отдал школе. В Высшем начальном училище, где занималось несколько сот мальчиков и девочек, уроки проходили в две смены. Макаренко бывал в школе буквально с утра и до позднего вечера и покидал её только на короткий обеденный перерыв и на ночь.

Приход красных войск в Крюков и установление в начале 1919 года Советской власти в городе открыли Макаренко широкие возможности для творческой работы. Как вспоминает сотрудница Макаренко: «Выступая на педагогических совещаниях, Антон Семёнович часто говорил о том, что с царской школой чиновников не покончили... Мы, учителя, говорил Макаренко, своей дисциплинированной и преданной работой на благо советского народа должны заражать учащихся, быть для них образцом и примером, воспитать из них прекрасных советских граждан. О долге учителя перед народом, перед родиной Антон Семёнович очень часто говорил и на педсоветах и на педагогических совещаниях»¹.

Макаренко искал новые методы воспитания. Прежде

¹ К. Макарова-Безрук. Воспоминания о А. С. Макаренко. Рукопись хранится у К. Макаровой-Безрук.

ГЛАВА V

В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Великая Октябрьская социалистическая революция стала для Макаренко, как и для миллионов людей, самой значительной переломной датой, определившей его жизненный путь. Революция дала Макаренко огромную широту идейных горизонтов, вдохновенное и радостное сознание единства с освобождённым народом.

Всё, к чему стремился Макаренко, все его самые заветные мечты и желания получили невиданные перспективы. Скромный провинциальный учитель вырос в одного из крупнейших деятелей советской и мировой педагогики. Молодой литератор стал писателем, чьё творчество получило общенародное признание.

Послереволюционный, самый значительный этап жизни Макаренко был неразрывно связан с бурным творческим ростом советского народа. Он проходил в неустанной работе Антона Семёновича над собой, в постоянных поисках нового.

В начале 1918 года Макаренко вернулся в стены той школы, где тринадцать лет назад началась его педагогическая работа. Теперь Антон Семёнович стал не одним из преподавателей, а руководителем педагогического коллектива, ответственным за воспитание сотен детей. В 1917 году Крюковское железнодорожное училище было преобразовано в Высшее начальное училище.

всего он осознал, какие огромные воспитательные возможности таит в себе осмысленный, целеустремлённый, коллективный труд.

Началось всё из насущной, практической потребности. 1919 год был в Крюкове — да и не только там — голодным годом. Учителя получали 4 пачки махорки да $\frac{1}{2}$ фунта соли в месяц. Трудно жилось учащимся и их семьям. Макаренко решил помочь своим товарищам по работе и ученикам. В горисполкоме достали ордер на большой, запущенный сад и смежную с садом, заросшую травой и сорняками, давно не паханую землю бывшей лесной дачи, покрытую штабелями досок. Решили коллективно заняться садом и устроить большой огород.

Макаренко разделил учеников на отряды садоводов, огородников и цветоводов. Кроме того, был выделен особый отряд охраны. Командирами отрядов и их заместителями были назначены педагоги. Для руководства работами в саду и на огороде пригласили специалиста-агронома.

Макаренко стремился поднять в сознании учеников знание их труда, сделать его не игрой, а необходимым, серьёзным, важным делом. Антон Семёнович хотел, чтобы каждый из учеников не только знал свой участок, но был в курсе того, что делали все. После трудового дня, перед строем детей Макаренко подводил итоги сделанного, отмечая особенно успешно работавших.

Макаренко стремился украсить работу, сделать её увлекательной, весёлой. У педагогов и учащихся появились красные повязки на левой руке. В зависимости от «специальности» на такой повязке были изображены: ромашка (цветоводы), морковь (огородники), груша (садоводы) или пожарный шлем (охрана). На работу и с работы обычно шли походным строем. Впереди колонны несли знамя, за которым выступали барабанщики и горнисты. Антон Семёнович возглавлял колонну.

Осенью был собран хороший урожай фруктов и овощей, распределённый пропорционально труду каждого (в отрядах были выделены специальные учётчики «трудодней»). Но значение работы в саду или в огороде не измерялось только урожаем картофеля, яблок или помидоров. Каждый участник почувствовал себя равноправным, заинтересованным членом коллектива. И до сих пор бывшие ученики Макаренко, теперь пожилые люди, с волнением вспоминают

лето 1919 года, прошедшее в весёлой, дружной работе.

Из неотложной практической необходимости выросло и другое дело, получившее большое культурное значение не только для школы, но и для населения Крюкова, — самодеятельный театр. Для покупки оборудования физического кабинета Высшего начального училища, а также инструментов для духового оркестра нужны были деньги, которых школа в то трудное время не имела. Где же достать нужную, довольно крупную сумму? Макаренко пришла в голову мысль организовать любительский драматический коллектив, который давал бы платные спектакли в пользу училища.

Это была далеко не лёгкая задача. Желающих участвовать в спектаклях, конечно, можно было найти. Но как сделать, чтобы состав участников кружка был постоянным, чтобы любители, как это иногда бывает, не перессорились между собой из-за ролей, чтобы был интересный, разнообразный репертуар и, наконец, самое главное, чтобы спектакли получили признание зрителей?

Макаренко с той же страстью и энтузиазмом, с которыми он относился к любому общественно полезному делу, отдался театру. Он стал директором и художественным руководителем этой самодеятельной интересной труппы.

Прежде всего, для участия в спектаклях Антон Семёнович привлёк крюковских учителей, были призваны в труппу их родные и знакомые. Наряду с опытными самодеятельными актёрами на подмостки вышли и те, кто никогда не выступал на сцене. Даже школьный сторож исполнял — и не без успеха — роль сторожа в оперетте «Иванов Павел».

Вначале ставили то, что было полетче, посмешнее, что безошибочно могло обеспечить большой сбор. С такой узко утилитарной, кассовой точки зрения труппа скоро оправдала себя. Но Макаренко этого было мало. В городе, не имевшем хорошей, профессиональной труппы, спектакли должны были сыграть большую воспитательную роль. Не случайно кружок с самого начала, по инициативе Антона Семёновича, был назван именем В. Г. Короленко. Как утверждают бывшие участники спектаклей, Макаренко и его товарищи обратились к Короленко за разрешением назвать

его именем драматический кружок и получили согласие писателя¹. Конечно, это тоже обязывало ко многому.

Собрав участников труппы, Макаренко поставил перед ними вопрос о роли театра в культурной жизни города, о необходимости четкой репертуарной линии и, в частности, о постановках пьес писателей-классиков. Это собрание получило отражение в шутильной поэме «В кружке Короленко», написанной одним из участников драмколлектива. Здесь есть такие строчки:

Возвысив тон,
сказал Антон:
«Искусством долго мы шалили...
Довольно ставить волевали.
Мы будем Крюков просвещать,
Хочу с Островского начать»².

Призыв Макаренко не остался бесплодным. В репертуаре кружка имени В. Г. Короленко появились пьесы А. Н. Островского «Без вины виноватые» и «На бойком месте», «Женитьба» Н. В. Гоголя и, уж конечно, любимая пьеса Антона Семёновича «На дне» М. Горького. Драмколлектив поставил пьесу А. П. Чехова «Дядя Ваня» и «Касатку» Алексея Толстого.

Антон Семёнович был не только администратором, но и режиссёром ряда постановок. Обнаружилась и новая сторона одарённости Макаренко — он с подъёмом сыграл такие разнообразные и ответственные роли, как Войничский («Дядя Ваня»), Муров («Без вины виноватые»), Сатин («На дне»). Кроме того, как вспоминают участники спектаклей, Антон Семёнович оказался бесподобным суфлёром.

В связи с увлечением театром снова вспыхнуло у Макаренко желание писать: он написал для кружка несколько небольших пьесок, не дошедших до нас. Одна из таких миниатюр, комическая одноактная пьеса, была настолько смешной, что хохотал зрительный зал, смеялся сам автор, не выдерживали и улыбались артисты.

Ещё в 1918—1919 годах Макаренко несколько раз начал писать дневник, но рвал его говоря: «...Жизнь движется

¹ В архиве В. Г. Короленко письмо Крюковского драматического кружка не обнаружено.

² Рукопись хранится у Б. Ф. Гороновича.

быстрее — всё новое да новое, а ты отстаёшь, не успеваешь записывать. Не годится». Но всё же, как свидетельствует мемуарист, «Антон Семёнович записывал многое, связанное с педагогическими удачами и неудачами, давал характеристику прошедшего дня, зарисовывал портреты преподавателей и учеников. Писал и тогда уже чётко, ярко, красиво и легко»¹.

Прошло много лет, и Крюковские впечатления отразились на страницах одного из последних произведений Макаренко.

В романе «Честь» Антон Семёнович с большим увлечением описал кружок любителей драматического искусства в рабочем посёлке Кострома, описал не со стороны, не как зритель, а как участник, сам переживший все горести и радости сцены.

Театр был нужен не только взрослым, он расширял кругозор и был одним из средств эстетического воспитания учащихся.

Сам тонко чувствовавший прекрасное, Антон Семёнович «всегда на конкретных примерах прививал коллективу строгий, взыскательный вкус, учил видеть и ощущать настоящую красоту, отличать красивое от уродливого, действительно художественное от низкопробного суррогата. Строго контролировал культуру языка, одежды, обуви, книг, учебных пособий»². Существенную роль в эстетическом воспитании учащихся сыграли также хор, образцово поставленный духовой оркестр, экскурсии в природу.

Как и раньше, Макаренко проявлял большой интерес к жизни детей вне школы и искал пути воспитательного воздействия на семью. Он создал бригады учеников, живших на одной улице или в одном доме. Бригады учащиеся каждое утро отдавали рапорт заведующему школой о поведении членов своих бригад. Периодически назначался смотр. Во дворе выстраивалась бригада, и Макаренко вместе с её членами и старостами классов обходил квартиры, где жили ученики. Директор школы приходил туда, как

¹ Из воспоминаний о А. С. Макаренко преподавательницы Крюковского высшего начального училища А. П. Сугак, представленных автору книги. Дневники А. С. Макаренко 1918—1919 гг. не сохранились.
² Там же.

дорогой и близкий человек, как строгий и заботливый друг, как авторитетный и уважаемый руководитель.

Эта непосредственная связь директора школы с родителями получила завершение в организации родительского комитета. Вместо «почётного блюстителя» – начальника железнодорожных мастерских — шефами школы стали рабочие. Члены родительского комитета явились большой опорой в работе Высшего начального училища. Для родителей-рабочих не было ничего невыполнимого. Не считаясь со временем, они помогали школе чем только могли, начиная с постройки сцены и кончая приобретением одежды или духовых инструментов для оркестра.

Впоследствии, вспоминая о послереволюционных годах в Крюкове, Макаренко отметил как важную положительную черту своей работы эту тесную связь с отцами и матерями своих учеников: «Я был... заведующим заводской школой, которая объединяла детей рабочего одного рабочего посёлка. И я сам был членом рабочего коллектива, членом рабочей семьи».

Как вспоминает И. П. Найда-Иринеева, в 1918 году Макаренко организовал вечернюю школу для рабочих при Крюковских железнодорожных мастерских, где преподавал русский язык и историю. Школа пользовалась большим авторитетом и популярностью среди рабочих, любивших и уважавших Антона Семёновича.

Но так блестяще и в такой короткий срок поставленная жизнь школьного коллектива оказалась под угрозой гибели. Крюков заняли белогвардейцы. Они арестовали ближайшего помощника Макаренко по театральной труппе, преподавателя школы, члена Коммунистической партии П. И. Капища. Все новаторские педагогические начинания Антона Семёновича были сведены на нет. «Красному» заведующему школой оставаться в Крюкове было небезопасно и ненужно. «Приход денкинцев и разрушение ими школы и её отдельных трудовых организаций заставили меня в августе 1919 года переехать в Полтаву»¹, — вспоминал Макаренко. В губернском городе, хорошо ему знакомом по давним студенческим годам, Антон Семёнович стал

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 399.

заведующим начальной школой.

В Полтаве была восстановлена Советская власть. Антон Семёнович снова с большим энтузиазмом отдаёт себя кипучей педагогической работе и разнообразной общественной деятельностью. Помимо административных обязанностей, Антон Семёнович преподаёт русский язык и арифметику. Работать приходилось в трудных условиях: случалось, что здание не отапливалось и чернила замерзали в классе. Несмотря на это, Макаренко стремился наладить учебную работу. Того, кто бывал на уроках Антона Семёновича, поражала спокойная деловитость класса, отсутствие каких-либо нарушений дисциплины, подтянутый, собранный вид детей, их уважение и любовь к учителю.

В новой обстановке проявился в полной мере темперамент Макаренко-общественника. Прежде всего, Антону Семёновичу пришлось много сил отдать методической работе. Ведь надо было в освобождённой Полтаве, вдали от культурных центров страны, строить советскую трудовую школу.

Не следует забывать, что среди учителей, особенно средней школы, ещё далеко не были изжиты отсталые взгляды, чуждые педагогические идеи. Поэтому особое значение приобрели публичные выступления Макаренко. Антон Семёнович выступал с докладами на общегородских собраниях учителей, активно участвовал в педагогических дискуссиях.

«Интересно было наблюдать, — говорит преподавательница школы, где работал Макаренко, Т. Гайдамакина, — как на собраниях, где подавляющим большинством являлись учителя гимназий, выступления учителя начальной школы в серой шинели с белым башлыком на плечах, высказывающего иногда неодобрительные суждения по адресу корифеев педагогики и общепринятых педагогических истин, всегда спокойно, но едко оппонирующего докладчику, вызывали сначала возмущение, потом удивление, а затем всё большую заинтересованность и, наконец, признание со стороны «маститых педагогов»¹.

¹ Т. Гайдамакина. Из воспоминаний о первых шагах работы А. С. Макаренко в школе. «Начальная школа», 1949, № 3, стр. 20.

Макаренко участвовал в организации профессионального союза учителей русских школ. Он был избран членом Полтавского губернского правления союза работников просвещения¹, выступал с докладами на общеполитические и профсоюзные темы. Позднее, в 1921 году, Макаренко в качестве делегата профессионального союза работников культурных учреждений был избран членом Полтавского городского Совета. Здесь он работал в секции просвещения.

Весной 1920 года Антон Семёнович принял участие в большом культурном начинании — организации Детского дворца в Полтаве. В чрезвычайно короткой, казавшийся вначале нереальным, срок Макаренко проделал большую работу, приспособив губернаторский дом под детский клуб.

Под руководством Макаренко были оборудованы зал для собраний, библиотека, читальня, комнаты для занятий кружков и художественной студии, спортплощадка и т. д. Открытие Дворца пионеров явилось событием в культурной жизни советской Полтавы. Открытие состоялось в присутствии всего губернского съезда комитетов неземных селян [бедноты] и при массовом стечении трудящихся города и окрестностей. Пятнадцать тысяч полтавских детей прошли в этот день через залы Дворца². Антон Семёнович продумал все детали большого массового народного праздника и сам руководил его проведением.

Летом Макаренко организовал бригаду учителей. Педагоги с увлечением приводили в порядок экспонаты восстанавливаемого полтавского музея — одного из лучших музеев Украины.

В 1920 году происходила реорганизация полтавских школ различного типа в единую трудовую школу. В городе недоставало места для новых советских учреждений, и в помещении начального училища, которым заведовал Макаренко, вселили губернский отдел народного хозяйства. Школьные занятия происходили во второй половине дня. Губсовнархоз работал в первую. Приходя в классы, вспоминает Макаренко, «я всегда находил там грязные

канцелярские столы, окурки на полу и, как правило, воздух, состоящий главным образом из никотина и дыма. Занимаясь с детьми в таких условиях было очень трудно, и, разумеется, я готов был удрать куда угодно». В сентябре 1920 года Антон Семёнович принял предложение Полтавского отдела народного образования организовать и возглавить колонию для беспризорных и несовершеннолетних правонарушителей. Закончилась пятнадцатилетняя работа в школе, началась, также продолжавшаяся полтора десятилетия, работа в детских воспитательных учреждениях.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 308.

Е. Балабанович

¹ Анкета А. С. Макаренко, 1935. Архив А. С. Макаренко.

² «Второе всеукраинское совещание по народному образованию» Харьков, 1920, стр. 42.

правительство и советская общественность делали героические усилия, чтобы обеспечить наибольшее число детей необходимой помощью. Были созданы тысячи детских домов, столовых, специальных детских воспитательных учреждений. Характерны цифры, приведённые в статье А. И. Елизаровой-Ульяновой, напечатанной в «Правде» за 1920 год в день трёхлетия Октябрьской революции. Если на 1 января 1919 года в Советской России было 1 279 детских домов с 75574 воспитанниками, то к 1 июля 1920 года их было уже 3 140, а число воспитанников возросло до 210405¹.

Огромные трудности восстановительного периода, хозяйственная разруха и голод 1921 года в Поволжье ещё сильнее обострили положение. По инициативе Ф. Э. Дзержинского при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов (ВЦИК) была создана Комиссия по улучшению жизни детей, мощная организация, взявшая на себя государственную и общественную помощь детям.

В обращении ко всем трудящимся СССР председатель комиссии Ф. Э. Дзержинский писал:

«Несколько миллионов детей-сирот требуют немедленной реальной помощи».

Детская беспризорность, часто выявляющаяся в самых уродливых, ужасающих формах, как детская проституция, угрожает подрастающему поколению самыми тяжёлыми последствиями и заставляет бить тревогу...

Все на помощь детям!»²

Макаренко был одним из первых советских педагогов, кто самоотверженным трудом ответил на призыв Советского правительства.

В 20-х годах неизмеримо возросли масштабы помощи беспризорным детям, и глубоко прав был Антон Семенович, когда писал впоследствии, что «после гражданской войны и голода миллионы детей были с величайшим напряжением всей страны спасены в детских домах».

¹ А. Елизарова. Охрана детства в Советской России и участие в ней работниц. «Правда», 7 ноября 1920 г.

² Ф. Э. Дзержинский. Избранные статьи и речи, 1947, стр. 148—149.

ГЛАВА VI

НА ТРЕТЬЕМ ФРОНТЕ

Годы работы в Полтавской колонии стали решающими в формировании Макаренко — педагога и писателя. Здесь, имея дело со своеобразным и трудным контингентом детей, юношей и девушек, Макаренко вырабатывал свои новаторские воспитательные принципы, получившие широкое общественное значение. Здесь писатель встретил героев своей основной книги — «Педагогической поэмы», нашёл свою главную тему, осознал себя как художник слова. Всегда ощущавшего общественную ценность педагогической работы Макаренко увлекла мысль внести свой вклад в большое и новое дело, имевшее крупное государственное значение.

Беспризорность не была лишь порождением голода и гражданской войны. Она явилась тяжким наследием, доставшимся молодой Советской стране от царского строя. По данным 1910 года, в дореволюционной России насчитывалось два с половиной миллиона нищих, беспризорных и безнадзорных детей и подростков¹. Война 1914—1917 годов, гражданская война и интервенция увеличили эту цифру.

Несмотря на суровую обстановку военных лет и мобилизацию всех сил и средств на разгром врага, партия,

¹ Е. Н. Медынский. Народное образование СССР, Учпедгиз, М., 1947, стр. 122.

Ещё не закончилась гражданская война. Недалеко от Полтавы были войска врангелевцев и белополяков, действовали банды украинских националистов. Советская страна напрягала все силы, чтобы разбить озверевшего и страшно-го в своём озлоблении врага. Труд в тылу, в условиях голода и холода, требовал огромного напряжения. Работу учителя, воспитателя, библиотекаря, борющихся за просвещение масс, называли тогда «третьим фронтом». В. Маяковский, нарисовавший волнующий образ народного учителя тех забываемых дней, так и назвал своё стихотворение:

На третьем фронте
вставая горою,
на фронте учёбы,
на фронте книг, —
учитель
равен
солдату-герою —
тот же буденновец
и фронтовик.
Он так же
мёрз
в окопах школы;
с книгой,
будто с винтовкой,
пешком
шёл разутый,
чуть не голый,
вёрст за сорок
в город
с мешком.
С кротохой чёрствой,
с мёрзлой луковкой,
он,
слушая
вьюги шрапнельный рой,
сражался,
бился
с каждой буковкой,
идя
в атаки
со всей детворой².

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 468.

² В. Маяковский. Полное собрание сочинений, т. VI, МГослитиздат, 1957, стр. 102—103.

В 1920 году, когда ряд будущих советских писателей и среди них военный комиссар Дмитрий Фурманов и шестнадцатилетний красноармеец Николай Островский доблестно сражались в рядах Красной Армии, Макаренко начал борьбу на труднейшем участке третьего фронта. Он говорил:

«Самым удобным местом для борьбы был детский дом [Макаренко имеет здесь в виду и разновидность детского дома — трудовую колонию]. Это был действительно новый тип детского учреждения, где меньше всего можно было бояться остатков старой практики... Это были выгодные стороны детского дома. Но были и неудобства. Первое: именно в детском доме оторванная от жизни начётническая теория старалась организовать свою собственную «новую практику»; во-вторых, детский дом предлагал невероятно трудный состав детей, почти сплошь воспитанных улицей. Поэтому работа в детском доме всегда обращалась в боевой фронт»¹.

Колония для малолетних правонарушителей, где начал работать Макаренко, была расположена в 8 километрах от Полтавы, среди соснового леса, недалеко от большой дороги, откуда по ночам раздавались крики запоздалых прохожих о помощи. С большим трудом Антону Семёновичу удалось привести в порядок полуразрушенные, лишённые окон и дверей, казарменного типа дома.

Глубокой осенью в колонию приехали первые педагоги, отважившиеся пойти в лесную глушь на нелёгкую работу. Появились и первые воспитанники, присланные из изоляторов, участники вооружённых грабежей и краж. Огромной воле Антона Семёновича противостояли десятки анархических, отрицавших всякую культуру, обнажённо эгоистических характеров. В этой битве вырос и закалился Макаренко как человек и воспитатель.

Колония разместилась на территории дореволюционного приюта для малолетних преступников. Макаренко со свойственной ему иронией говорил, что главными «педагогами» полтавского приюта были дядьки из отставных унтеров, а внешним выражением их педагогических методов был такой несложный снаряд, как палка. В сущности, в словах писателя не было преувеличения,

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. II, М., 1957, стр. 397.

они подтверждаются документальными материалами, специальными исследованиями. Нельзя себе представить большего контраста системе воспитания в макаренковской колонии, чем воспитательная практика царских «приютов для малолетних преступников».

Автор одного исследования, вышедшего в 1903 году, утверждал: «Что касается внутреннего устройства и быта русских исправительных заведений, то они и в этом отношении далеко не удовлетворительны... Определённой системы управления и воспитания... не существует; в официальных отчётах, печатающихся отдельно, и в обзорах этих отчётов в «Праве», «Горемном вестнике», «Журнале министерства юстиции» и других юридических журналах не раз сообщалось, что фактическое исполнение обязанностей воспитателя поручается дядькам, которые пьянствуют и развращаются вместе с теми же воспитанниками»¹.

Положение не изменилось и в последующие дореволюционные годы. Известный советский учёный-историк С. В. Бахрушин, хорошо знакомый с системой приютов для малолетних в царской России, в статье, напечатанной в 1917 году, отмечал, что «для воспитанников приют есть первым делом место принудительного заключения с лишением свободы. Они и зовут его нередко «тюрьмою»... Жизнь стен приюта есть для них «воля»². Нечего и говорить, что пребывание в таких условиях только ожесточало малолетних правонарушителей, окончательно растлевало их психику.

Дореволюционный опыт со всей очевидностью свидетельствовал о том, какими *не должны* быть учреждения для правонарушителей. Новые методы воспитания ещё надо было найти. Для Макаренко совершенно ясна была цель — сделать из беспризорного или правонарушителя человека, полезного советскому обществу, но ещё совсем не ясны были конкретные пути перевоспитания. А ждать было невозможно. Надо было действовать немедленно, и так, чтобы уже с первых шагов не погубить начатое дело.

¹ А. Д. Коротнев. Малолетние и несовершеннолетние преступники, СПб, 1903, стр. 102.

² С. В. Бахрушин. К вопросу о постановке дела исправительного воспитания малолетних. «Призрение и благотворительность в России», 1917, апрель, стр. 259.

Никогда до того времени не работавший с беспризорными и правонарушителями, Макаренко обратился к специальной русской и переводной педагогической литературе. Как вспоминает тогдашний воспитатель колонии А. К. Сердюк, Антон Семёнович много занимался изучением педагогической психологии. На его столе всегда лежали новые книги, педагогические журналы¹. Из многочисленных книг, брошюр и статей Макаренко мог почерпнуть лишь отдельные мысли, наблюдения, рекомендации. Но они не давали самого главного орудия перевоспитания — метода.

Положение было очень трудным, почти безвыходным. «Я не мог найти никаких «научных» выходов, — вспоминал Макаренко. — Я принуждён был непосредственно обратиться к своим общим представлениям о человеке, а для меня это значило обратиться к Горькому. Мне, собственно говоря, не нужно было перечитывать его книг, я их хорошо знал, но я снова перечитал все от начала до конца. И сейчас советую начинающему воспитателю читать книги Горького. Конечно, они не подкажут метода, не разрешат отдельных «текущих» вопросов, но они дадут большое знание о человеке в огромном диапазоне возможностей... дадут человека в великольном обобщении и, что особенно важно, в обобщении марксистском... Я очень много передумал тогда над Горьким. Это раздумье только в редких случаях приводило меня к формулировкам, я ничего не записывал и ничего не определял. Я просто смотрел и видел.

Я видел, что в сочетании горьковского оптимизма и требовательности есть «мудрость жизни», я чувствовал, с какой страстью Горький находит в человеке героическое, и как он любуется скромностью человеческого героизма, и как вырастает по-новому героическое в человечестве («Мать»). Я видел, как не трудно человеку помочь, если подходить к нему без позы и «вплотную», и сколько трагедий рождается в жизни только потому, что «нет человека».

Я обратился к своим первым воспитанникам и поставился посмотреть на них глазами Горького»².

¹ Воспоминания А. К. Сердюка, записанные автором книги.

² А. С. Макаренко. Соч., т. VII, М., 1958, стр. 298-299, 300-301.

Горьковское умение видеть в людях, искажённых и развращённых капиталистическим обществом, лучшие человеческие возможности, стало одной из руководящих идей нового этапа педагогической работы Макаренко. Конечно, неслучайно в 1921 году Антон Семёнович поставил вопрос о присвоении колонии имени М. Горького. Это не было только данью хорошей традиции называть культурные учреждения именами выдающихся политических деятелей, великих писателей и учёных, а отвечало глубококому внутреннему смыслу деятельности Макаренко.

Как и на всех участках строительства социалистического государства, в деле воспитания подрастающего поколения Коммунистическая партия выступила, как руководящая, организующая сила. В первых декретах Советской власти, в постановлениях партийных съездов, в выступлениях руководителей партии и правительства была дана программа огромной созидательной работы, открывшая широкий простор творческой инициативе учителей.

«...После Октября передо мной открылись невиданные перспективы. Мы, педагоги, тогда так опьянели от этих перспектив, что уже и себя не помнили...»¹ В этих словах Макаренко передано ощущение романтики педагогических исканий первых послереволюционных лет.

Освобождённая от оков казённой царской педагогики творческая мысль бурно вырвалась на простор. Это было время настойчивых поисков, искренних, иногда ошибочных, увлечений, ожесточённых споров по вопросам образования и воспитания. Советская школа переживала период коренной перестройки. Много нового, интересного было и в воспитательной практике различных видов детских домов. «Я только один из многих людей, находящихся новые, советские пути воспитания...»², — говорил позднее Макаренко.

Большую роль в формировании революционной педагогической мысли сыграл выдающийся деятель народного образования, друг и соратник В. И. Ленина Надежда Константиновна Крупская. Один из старейших членов Коммунистической партии, Н. К. Крупская приняла активнейшее

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 298.

² Там же, стр. 418.

участие в строительстве новой жизни. В трудах Н. К. Крупской получили разработку важнейшие вопросы теории коммунистического воспитания и обучения детей.

«Одна из составных частей в той борьбе, которую мы сейчас ведём, — дело народного образования, — говорил В. И. Ленин в 1918 году.

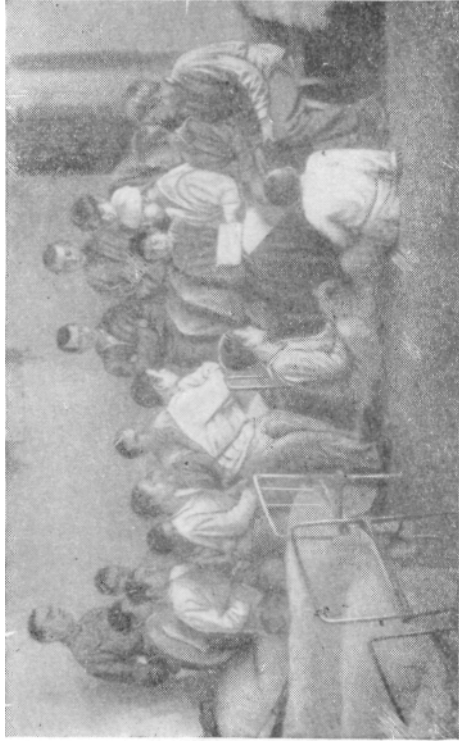
...Наше дело обеспечено тем, что массы сами взяли за строительство новой, социалистической России. Они учатся на своём собственном опыте, на своих неудачах и ошибках, они видят, насколько просвещение необходимо для победоносного окончания той борьбы, которую они ведут... Всё, что сочувствует народу не на словах, а на деле, лучшая часть учительства, придёт на помощь, — и в этом для нас верный залог того, что дело социализма победит»¹.

Вместе с передовой частью советских педагогов Макаренко откликнулся на призывы Коммунистической партии, самоотверженно и смело отдал себя целиком благородному делу воспитания. Выступления В. И. Ленина, партийные документы заставили Макаренко с новой, высокой точки зрения взглянуть на своё дело, связали его труд с общими задачами коммунистического воспитания, помогли до конца осознать общественное значение работы в колонии.

Кто из современников не помнит беспризорного тех лет: давно не мытое, покрытое коростой грязью лицо, вопалённые от ветра белки глаз, взгляд исподлобья, лохмотья... Прежде всего надо было без брезгливости, сентиментальной жалости, педагогического педантизма отнестись к колонистам, просто как к людям, попавшим в несчастные обстоятельства и нуждавшимся в помощи. Маленький педагогический коллектив, возглавляемый Макаренко, сумел с удивительным тактом, душевно, по-человечески подойти к «трудновоспитуемым».

Правдивое, открытое, доброжелательное отношение воспитателей, их бескорыстная, самоотверженная работа нашли путь к самым запущенным сердцам и вызвали ответную тёплую волну. Об этом вспоминает один из первых колонистов С. А. Калабалин (протогип Карабанова в «Педагогической поэме»):

¹ В. И. Ленин. Сочинения, 4-е изд., т. 28, стр. 68–69.

В спальне колонии имени М. Горького. Начало 20-х годов.

«Первые воспитанники колонии в возрасте 14—17 лет, часто свидетели и участники «мокрых дел», бесшабашные, озлобленные... Всеми этому тревожному, циничному миру противостоял крохотный коллектив, нравственно чистоплотный, морально смелый, с А. С. Макаренко — центром и мозгом всего неизданного, нового дела... Даже их [воспитателей] физическое благополучие было сомнительным. Но их ум, страстный труд, подкупающая справедливость и уважающая человека требовательность, их изумительные человеческие качества пленили нас. Мы всегда хотели их видеть и слышать, общаться с ними. Мы по ним тосковали, как тоскуют по матери, отцу, старшему любимому брату, сестре и другу. Они были нашими учителями, советчиками, утешителями, друзьями, сёстрами, матерями»¹.

Если преподавание в обыкновенной начальной школе требовало тогда от учителя едва ли не героических усилий, то работа в колонии для правонарушителей была неизмеримо более трудной. Это была напряжённая ежедневная борьба, где полем битвы являлось сознание людей, зарожжённых пережитками старого мира.

¹ С. А. Калабалин. О кадрах и людях. Рукопись хранится у С. А. Калабалина.

Но лучше всего о героической работе первых воспитателей колонии говорит документ тех лет — письмо заведующего колонией А. С. Макаренко: «Не может быть даже речи о сравнении работы воспитателя детской колонии и учителя любой школы или воспитателя детского дома. Независимо от числа недельных часов, нагрузка работы определяется в колонии тесной общинной жизнью колонистов, когда и свободное время воспитателем отдаётся всё только детям... Характер самой обстановки жизни колонии почти не оставляет возможности личной жизни, потому что отсутствие какого бы то ни было другого общества приводит к тому, что ни о чём другом, кроме колонии, воспитателю и думать не приходится»¹.

Сам Макаренко в течение ряда лет, по его словам, работал «без перерыва, без отпусков, без бюллетеней, без выходных дней». Делу воспитания была отдана вся без остатка жизнь этого удивительного человека. Будучи строгим к самому себе, Антон Семёнович требовал и от сотрудников такого же самоотверженного отношения к работе. Один из воспитателей — В. Н. Терский рассказывал, что при поступлении в колонию Антон Семёнович спросил у него: «Вы к нам на время или на всю жизнь? Если на время, то не советую». Только подходя с подобным требованием, Макаренко мог вырастить таких преданных своему делу соратников, как В. Н. Терский, Е. Ф. Григорович, Т. Д. Тагаринов и другие.

Макаренко с самого начала отказался от всего, что могло напомнить колонисту о тюрьме: от заборов с колючей проволокой или охраны, вооружённой винтовками. Уйти или убежать из колонии воспитанник, если бы он этого захотел, мог когда угодно. Это имело большое педагогическое значение: колония в глазах её обитателей стала не тюрьмой, а «волей», свободным объединением свободных людей.

Работу пришлось начинать в условиях крайней бедности и голода. Изодранные пиджаки — «клифты», полустлевшие рубашки, отсутствие обуви у колонистов. Совершенно недостаточная и крайне скверная по качеству пища, иронически называемая «кондёром». Так же были голодны и бедны воспитатели. Макаренко рассказывает,

¹ Из письма А. С. Макаренко к заведующему губсоцвосом, 1923 г., ЦГАЛИ.

что у него в течение всей первой зимы 1920/21 года не было целых подмётков на сапогах. Первый помощник Антона Семёновича и один из основателей колонии Е. Ф. Григорович вспоминает о сапогах невероятных размеров — подарке красноармейца, которые в трудные моменты надевались всеми: и заведующим, и педагогами, и воспитанниками.

Необходимо было если не ликвидировать совсем, то в возможной степени уменьшить голод и холод. Только на этой основе можно было надеяться добиться какого-то подъёма образовательного, культурного уровня колонистов. Макаренко хорошо понимал, что путь для улучшения суровых условий жизни в колонии только один — общий дружный труд. Но колонисты как раз менее всего хотели работать.

В одной из статей начала 20-х годов Макаренко отмечал это, как характерную черту новичков. «В большинстве случаев прибывающие в колонию дети неграмотны или полуграмотны, почти не умеют считать, даже те, которые занимались спекуляцией, принципиально не признают учения и поэтому знают меньше самого неудачного школьника... Но при более близком знакомстве с ними они поражают огромной эрудицией, ибо видели *пол-России*, ездили и в поездах и на пароходах, воевали во всех армиях и на всех фронтах, работали или служили то на фабрике, то в типографии, то в кондитерской, то просто «у одного человека», что, впрочем, большею частью не мешает им быть в глубоком убеждении, что «работа дураков любит» и что «на наш век дураков хватит»¹.

Макаренко начал с категорического требования к каждому из колонистов — честно трудиться, безусловно подчиняться воспитателям, выполнять решения, принятые общими собраниями воспитанников. Колонист, систематически не выполнявший этих требований, должен был уйти на все четыре стороны.

Главный принцип отношения Макаренко к человеку был сформулирован в таких словах. «Если бы кто-нибудь спросил, как бы я мог в краткой формуле определить сущность моего педагогического опыта, — говорил Макаренко, — я бы ответил, что как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему. Я убеждён, что эта формула есть формула вообще советской дисциплины,

есть формула вообще нашего общества...

Наши требования, предъявляемые к личности, выражают и уважение к её силам и возможностям, и в нашем уважении предъявляются в то же самое время и требования наши к личности»¹.

Как ни трудно, порой мучительно было приучение к труду людей, привыкших думать, что «работа дураков любит», оно скоро дало первые положительные результаты. Колонист не отвлечённо, а из повседневной практики видел, что от его собственных усилий и от работы его товарищей зависит благосостояние колонии. А работы становилось всё больше! Колонисты не только обслуживали текущие хозяйственные нужды коллектива, они трудились в кузнице, столярной, сапожной и корзинной мастерских, обрабатывали 12 десятин земли, использованной главным образом под огород.

Менее чем через год после поступления на работу в колонию — в июне 1921 года — Антон Семёнович писал одному из своих сотрудников по крюковской школе, Б. Ф. Гороновичу: «Вот что, голубчик. Не пора ли тебе расстаться с... Крюковым и немножко поездить. Я мало представления имею о твоей настоящей жизни и так сказать деятельности, но почти уверен, что ты недоволен — ведь в Крюкове и людей не осталось и дела никакого не может быть интересного. Я тебе ничего особенного не предлагаю и горы золотые не выставляю напоказ, но будешь более или менее сыт, получишь приличное по терпешним временам жалование, а самое главное, попадёшь в большое творческое дело и в хорошую компанию. Я сейчас заведу колонию малолетних преступников. Ты не пугайся: преступники эти довольно сносные ребята». Далее Макаренко рассказывает о «делах и днях» колонии и заканчивает письмо так: «Я тебе советую со- глашаться и приезжать»².

Это неопубликованное письмо — наглядное свидетельство заботы заведующего колонией о воспитательских кадрах, что тогда, да и позднее, было сложной проблемой. Оно говорит об увлечении Антона Семёновича своим делом, о полном понимании его творческого

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 148–149.

² А. С. Макаренко. Письмо к Б. Ф. Гороновичу, 7 июня 1921 г. Хранится у Б. Ф. Гороновича.

характера.

Проработав в колонии в течение двух лет, Макаренко накопил много ценного педагогического опыта, наблюдений и мыслей о воспитании. Снова, как в 1914 году, у Антона Семёновича возникла настоятельная потребность теоретически осмыслить свою работу, поделиться с другими своим опытом, творчески воспринять всё то ценное в педагогике, что было создано за первые годы революции. Это стремление было настолько велико, что Макаренко решил на время оставить колонию и начать учиться.

24 августа 1922 года Антон Семёнович подал заявление в Московский центральный институт организаторов народного просвещения с просьбой о зачислении в число студентов основного отделения. Это было высшее учебное заведение, созданное для повышения квалификации руководителей работников народного образования, людей, за плечами которых было не менее пяти лет опыта административно-педагогической работы.

В своём заявлении Макаренко писал: «Два года, проведённые мною в колонии в обществе 5 воспитателей с 80 воспитанниками среди большого соснового леса, дали мне возможность при самой тяжёлой обстановке создать одно из интереснейших учреждений».

В настоящее время колония процветает, но мне бы хотелось огромный опыт двух лет, вызвавший множество восторгов, обработать научным образом. Занятый ежедневно по 16 часов, вдали от научных центров, я не имею возможности сделать это, оставаясь в колонии... Мне делают очень лестные предложения, но только педагогическая научная работа в Москве представляется мне заслуживающей того, чтобы оставить колонию»¹.

Антон Семёнович просил приёмную комиссию института освободить его от устного коллоквиума, так как напряжённая работа последних лет не дала ему возможности систематически заниматься вопросами, которые могут быть темой вступительного собеседования. Макаренко приложил к заявлению письмо, названное «Вместо коллоквиума». Письмо это является ценнейшим источником для биографии Макаренко. Оно даёт достоверное, полное, конкретное представление о характере научных и литературных

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, Л., 1958, стр. 399.

интересов Макаренко начала 20-х годов. Вот что писал Макаренко:

«В области предметных дисциплин систематические знания получил я в Учительском институте».

Математикой никогда особенно не интересовался, поэтому арифметика, геометрия, алгебра, тригонометрия и физика мне знакомы только в пределах курса дореволюционного Учительского института. К настоящему дню из тригонометрии помню только общие основания, забыл многие теоремы алгебры и законы физики, с логарифмированием сейчас, пожалуй, не справлюсь.

Природоведение. Разумеется, совершенно свободно себя чувствую в области физиологии животных и растений. Анатомические знания слабы. Забыл многие частности из геологии. Астрономию знаю хорошо и занимаюсь практически в Полтавском музее. Впрочем, знания по астрономии и космографии у меня продукт увлечений юношества.

Солидные знания имею в общей *биологии*. Несколько раз прочитывал всего Дарвина, знаю труды Шмидта и Тимирязева, знаком с новейшими выражениями дарвинизма. Читал Мечникова и кое-что другое.

Химию – практически не знаю, забыл многие реакции, но общие положения и новейшая философия химии мне хорошо известны. Читал Менделеева, Морозова, Рамзая. Интересуюсь радиоактивностью.

Географию знаю прекрасно, в особенности промышленную жизнь мира и сравнительную географию. Свободно чувствую себя в области экономической политики, знаком с её историей и зародышами будущих форм. Всё это, разумеется, не из учебников. Очень интересуюсь Австралией и Новой Зеландией.

История мой любимый предмет. Почти на память знаю Ключевского и Покровского. Несколько раз прочитывал Соловьёва. Хорошо знаком с монографиями Костомарова и Павлова-Сильванского. Нерусскую историю знаю по трудам Виппера, Аландского, Петрушевского, Кареева. Вообще говоря, вся литература по истории, имеющаяся на русском языке, мне известна. Специально интересуюсь феодализмом во всех его исторических и социологических проявлениях. Прекрасно знаком с эпохой Великой французской революции. Гомеровскую

Грецию знаю после штудирования «Илиады» и «Одиссеи».

В области политической экономики и истории социализма штудировал Туган-Барановского и Железнова. Маркса читал отдельные сочинения, но «Капитал» не читал, кроме как в изложении. Знаком хорошо с трудами Михайловского, Лафарга, Маслоу, Ленина.

Логику знаю очень хорошо по Челпанову, Минто и Троицкому.

Читал всё, что имеется на русском языке по психологии. В колонии сам организовал кабинет психологических наблюдений и экспериментов, но глубоко убеждён в том, что науку психологии нужно создавать сначала.

Самым ценным, что было до сих пор сделано в психологии, считаю работы Петражицкого. К сожалению, читал многие его сочинения, но «Очерки теории права» не удалось прочесть. Индивидуальную психологию считаю несуществующей — в этом больше всего убедила меня научная судьба нашего Лазурского. Независимо от вышеизложенного люблю психологию, считаю, что ей принадлежит будущее.

С философией знаком очень несистематично. Читал Локка, «Критику чистого разума», Шопенгауэра, Штирнера, Ницше и Бергсона. Из русских очень добросовестно изучил Соловьёва. О Гегеле знаю по изложениям.

Люблю изящную литературу. Больше всего почитаю Шекспира, Пушкина, Достоевского, Гамсуна. Чувствую огромную силу Толстого, но не могу терпеть Диккенса. Из новейшей литературы знаю и понимаю Горького и А. Н. Толстого. В области литературных образов много приходилось думать, и поэтому мне удалось самостоятельно установить их оценку и прочувствовать сопоставление. В Полтаве пришлось довольно успешно поработать над составлением вопросника к отдельным произведениям литературы. Я думаю, что обладаю способностями (небольшими) литературного критика...

В своей специальной области — педагогике много читал и много думал. В Учительском институте золотую медаль получил за большое сочинение «Кризис современной педагогики», над которым работал 6 месяцев.

Основными проблемами педагогической науки считаю:

1) Создание научного метода педагогического

исследования. В настоящее время считается азбучкой, что объектом педагогического исследования является ребёнок. Мне это кажется неверным. Объектом исследования со стороны научной педагогики должен считаться педагогический факт (явление).

2) Усиление внимания к детскому коллективу как к органическому целому, для этого необходима перестройка всей психологии школьного работника.

3) Полное отрешение от мысли, что для хорошей школы нужны прежде всего хорошие методы в стенах класса. Для хорошей школы прежде всего нужна научно организованная система всех влияний.

4) Психология должна делаться не основанием педагогики, а продолжением её в процессе реализации педагогического закона.

5) Русская трудовая школа должна совершенно ново перестроиться, так как в настоящее время она по идее буржуазна. Основанием русской школы должна делаться не труд-работа, а труд-забота. Только организация школы как хозяйства делает её социалистической»¹.

Этот документ как бы фотографирует личность Макаренко в её отношении к миру человеческих знаний (конечно, следует помнить, что это не итог развития Макаренко в целом, а лишь документ начала 20-х годов). Поражает широка диапозона научных интересов Антона Семёновича. В его поле зрения не только гуманитарные дисциплины: история, политическая экономия, философия, литература, психология, педагогика, но физиология, астрономия и биология.

Замечательно, что здесь уже сформулированы некоторые мысли, которые были широко развиты в дальнейшей педагогической работе Макаренко (коллектив, соединение обучения с производительным трудом, необходимость создания научной теории воспитания).

Такой документ не мог остаться незамеченным. Он свидетельствовал о научной, интеллектуальной зрелости Макаренко. Антон Семёнович был принят в институт без экзаменов, несмотря на большой конкурс. Как сообщила газета «Известия», из 900 человек желающих

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 400—402.

в институт поступили только 163 человека¹. Осенью 1922 года Макаренко приехал в Москву и с увлечением принялся за учебные занятия. В самый короткий срок Антон Семёнович подготовил реферат на тему «Гегель и Фейербах».

Макаренко был рад снова увидеть Москву. Советская Москва жила полной культурной жизнью. Литературные вечера, художественные выставки, симфонические концерты, оперные и драматические спектакли — всё это привлекало внимание Антона Семёновича, страстно любившего искусство. Но Макаренко пришлось очень недолго побывать в столице.

«Когда я уезжал в Москву, была сплошная истерика... А в Москве меня бомбардировали письмами с требованием немедленного возвращения и посылали ко мне жалобы на разных провинившихся²», — вспоминал Макаренко. Наконец, был получен телеграфный вызов от заведующего полтавским Губсоцвосом. Макаренко не мог уже более оставаться в Москве и в конце ноября 1922 года выехал в Полтаву.

Опять для Макаренко началась тяжкая борьба с нищетою, анархическим своеволием, презрением колонистов к труду. Хотя по возвращении в Полтаву Антон Семёнович сумел ликвидировать начавшийся процесс распада, обстановка в колонии всё ещё была трудной. По-прежнему было голодно и холодно, не хватало одежды. В состав колонистов вливались новички с улицы. То и дело давали себя знать рецидивы прошлого, особенно кражи.

Первые успехи покупались ценой крайнего напряжения сил маленького коллектива воспитателей. Иногда педагогам казалось, что их усилия напрасны, и только огромная выдержка Макаренко помогла преодолеть душевную и физическую усталость.

С увеличением числа воспитанников становилось всё теснее и уютнее в казармах бывшего приюта для малолетних преступников. Встал вопрос о расширении колонии. Надо было искать новые места. В нескольких километрах от колонии, на берегу живописной речки Коломак, находилась заброшенная усадьба фабриканта Трепке, при которой было сорок десятин основательно заросшей сорняками

¹ См. «Известия», 15 октября 1922 г.

² А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 452.

пахотной земли.

Территория усадьбы представляла довольно неприглядную картину. От былого великолепия остались только парк и красивая аллея столетних лип — въезд в имение. Здания стояли полуразрушенными, без окон и дверей — население окрестных деревень использовало усадьбу как своего рода базу для пополнения запасов кирпича и других строительных материалов.

Всё же бывшая усадьба Трепке представляла для колонии большой интерес. Здесь после ремонта можно было свободно разместить не только наличный состав колонии, но и значительно увеличить число воспитанников. Пустующие чернозёмные земли могли быть засеяны хлебом и так необходимыми расширяющемуся хозяйству колонии кормовыми культурами.

Макаренко со свойственной ему энергией добился ордера на усадьбу. Колония начала капитальный ремонт домов. В трудных условиях начала 20-х годов это было очень сложным делом. Не хватало средств, квалифицированной рабочей силы, материалов. Вот почему восстановительные работы затянулись на несколько лет.

Положение усложнялось ещё напряжёнными отношениями колонии с её непосредственными соседями — крестьянами, у которых были свои и притом самые хищнические виды на усадьбу. Среди крестьян было немало несознательных и откровенно враждебных колонии кулацких элементов. Всё это приводило к столкновениям колонистов с обитателями окрестных хуторов и деревень, доставлявшим немало тревог и огорчений Макаренко.

В неопубликованном письме, написанном в декабре 1922 года, через месяц по возвращении из Москвы, Антон Семёнович нарисовал картину одного из таких столкновений. Отвечая на вопрос своего корреспондента, Макаренко писал: «Мои крылья. К сожалению, я прижён ими пользоваться больше для всяких кляузных путешествий в Полтаву. Какие-то шаромыжники из Губзёмотдела, Госконтроля и ещё откуда-то наехали без меня «в Трепку» [в бывш. усадьбу Трепке] и продали постройки нам, без всякого нашего ведома, четыре постройки на слом, нас же обвинили в акте ни больше, ни меньше, как «в преступном расхищении госимущества».

Мрачными красками описаны разрушенные дома и даже найдена свежоотломанная доска в двухэтажном доме!

Я был в Полтаве, когда туда прискакал Браткевич¹ с известием, что селяне уже разбирают ту хагу, которую мы недавно отремонтировали... Пока я в Полтаве летал по Губисполкомам и милициям, крестьяне успели развалить хагу. Гордей и мой помощник заведующего колонией перепугались и ничего не предприняли. Волнение в колонии было такое, что Бойко не выдержал, спёр из канцелярии обреза и отправился вечером во вторую колонию [«Трепке»] и там целую ночь тыкал обрезаном под нос мужикам, оставшимся для охраны разваленной постройки...

Дядьки² никак не хотели признавать добытой мной к черу бумажки с запрещением разборки построек, и я на следующее утро принуждён был перейти в наступление со всею моею армией. Мужиков было всего человек двадцать, у нас же, понятно, дикое воодушевление, так что после мгновенного мордобития дядьки отступили по всей линии и на другой день подали в Полтаву на нас страшную жалобу. Я со своей стороны подал прокурору клеузу и на мужиков и на шаромыжников из Госконтроля и Губземотдела. Сейчас перемирие самого вооружённого типа. Стоит паре дядьков появиться на территории второй колонии, как уже к нам летит тревожный гонец...»

В конце письма Антон Семёнович писал о воспитанниках колонии: «Хлопцы по-прежнему. Мало им всё-таки пищи, голодные, как собаки, и потому всегда не прочь стянуть кусок. На их месте я обязательно тоже тащил бы, и меня временами даже огорчает их умственное недоразвитие: мало всё-таки тащут. Сейчас я пишу под шум репетиции. Зозуля и Лидочка готовят ужасную драму, я пока понадеялся, что в ней какой-то изверг отравляет одну жену, а другой при всей публике проваливает топором голову. Вероятно, в последних двух актах с этим мерзавцем будет поступлено не менее сценично. Впрочем, Зозуля говорит: «Чудова пьеса»³.

¹ Прототип Братченко в «Педагогической поэме».

² Так в колонии называли крестьян.

³ А. С. Макаренко. Письмо к О. П. Куриловской, 26 декабря 1922 года. Рукописный отдел Ленинградской публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Письмо написано в бодром, даже весёлом тоне, но и сквозь юмористическую интонацию видно, какого огромного напряжения требовала от Макаренко работа заведующего колонией. Есть и такие строки: «Если мне станет плохо, то удеру в Харьков... Но в общем я доволен, получается что-то интересное»¹.

Разумеется, Макаренко, если бы он захотел, мог оставить колонию, тем более, что к этому были реальные возможности. В июне 1922 года к Макаренко обратилась администрация Южных железных дорог с предложением принять заведование отделом социального воспитания Южных железных дорог. В марте 1923 года Антон Семёнович получил письмо месткома и цеховых старост Крюковских вагонных мастерских с просьбой взять на себя заведование школой, где Макаренко работал в 1918–1919 годах.

Макаренко отказался от перехода на более лёгкую и спокойную работу. В письме к Крюковской учительнице А. П. Сугак Антон Семёнович мотивировал свой отказ так:

«Меня очень трогает такая настойчиво высокая оценка моей особы, которую проявляют Крюковчане. Я очень и очень рад и тому, что для меня представляется возможность возвратиться в Крюков и помочь маме. Наконец, и в самом деле, до каких же мне пор сидеть в колонии и пропадать, как вы все там думаете. Нужно жить и прочее.

Но вся беда в том, что вопрос не решается для меня одним желанием. Я теперь человек крепкий, такой крепкий, каким Вы меня никак не представляете. Таким меня сделала колония. Вы как раз, сударыня, патетически восклицаете: «Что вам дала колония?» Столько дала, Антонина Павловна, что Вам и не приснится никогда. Я следовал другим человеком, я приобрёл прямую линию, железную волю, настойчивость, смелость и, наконец, уверенность в себе...

Трёхлетний колониальный опыт — это вся моя будущая работа. Что бы я ни сделал потом, начало всё-таки нужно будет искать в колонии...

¹ А. С. Макаренко. Письмо к О. П. Куриловской, 26 декабря 1922 года. Рукописный отдел Ленинградской публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Ваше основное представление, что здесь кто-то пропадает, большая ошибка. Я считаю, что в колонии мы живём разумнее и веселее, чем очень многие в городе. Наконец, мы живём гораздо свободнее и независимее. Но даже и не в этом дело. Самое главное — мы можем здесь так работать, что работа доставляет нам удовольствие.

И не думайте, что моя энергия здесь пропадает даром. Ничего подобного. Здесь мы производим опыт, который будет иметь большое значение не только для колонии малолетних преступников... Я уверен, что ещё через год наша колония получит ещё большее значение и только потому, что здесь что-то напряжённо творится. А Вы так говорите о колонии, как будто здесь действительно какое-то прозябание...

Ехать в Крюков служить — значит сознательно разрушить колонию и разогнать всех воспитанников в разные стороны, в прежнюю пустыню бродяжничества, воровства и грабежа¹.

К этому документу трудно что-либо прибавить. Он говорит сам за себя. Вероятно, Антон Семёнович, в полемических целях, несколько заострил свою мысль об изменениях, которые внесла колония в его характер. Он всегда был смелым, сильным, целеустремлённым человеком. Но, несомненно, что годы в колонии развили и укрепили эти качества.

Ещё в начале 20-х годов Макаренко сумел осознать принципиальный смысл своей работы и считал необходимым подвести некоторые итоги. В 1923 году в полтавской газете «Голос Труда» появилась статья Антона Семёновича «Колония имени М. Горького», а во второй книжке полтавского журнала «Новыми стёжками» («Новыми тропами») — статья «Опыт образовательной работы в Полтавской трудовой колонии имени М. Горького». Не скрывая трудностей, Макаренко правдиво рассказывал о колонии, о большом политическом воспитательном смысле общей борьбы за лучшую жизнь.

«Колония подвигается вперёд исключительно за счёт огромного расходования энергии колонистов и воспитателей», — писал Макаренко. — Чтобы справиться с требованиями развивающегося хозяйства... колонисты принуждены

А. С. Макаренко. 1923 г.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 450–452.

отказывать себе во многом, и часто наша община прямо дышала от нужды. Так, летом колонисты не могли даже увеличить дневную пайку хлеба, хотя приходилось работать в поле «от солнца до солнца»... Зимой колонисты сами заготавливают дрова в лесу, часто без одежды и обуви, почти для десятка зданий¹.

«Жизнь колонии уже в течение двух лет представляет непрекращающуюся напряжённую борьбу за лучшее существование. По нашему мнению, такой должна быть жизнь всякого детского учреждения. Только в такой борьбе закаляется рабочая дисциплина и выковывается гордость трудящегося. Но параллельно с этой борьбой всегда должна происходить другая — борьба с неполным сознанием, с неточным представлением о своём собственном труде. Без этого самое начало борьбы может обратиться в желудочное урчание, в погоню за ближайшим удовлетворением»².

У бывшего беспризорного и правонарушителя выковывалось новое сознание, понимание значения общего труда, презрение к дармоедам и тунеядцам. Характерно, что, несмотря на рецидивы прошлого, уже в 1923 году, как отмечает Макаренко, колония не имела наёмных кладовщиков. Всё имущество, ключи от кладовых и амбаров находились в руках у воспитанников.

Труд Макаренко усложнялся: ему приходилось руководить не только основной, так называемой первой колонией, но и развернувшимися широким фронтом работами по восстановлению усадьбы Трепке, где уже завязалось ядро второй колонии. Наряду с ремонтом «Трепке» всё большего внимания и сил требовали сельскохозяйственные работы на новых землях.

Борьба за усадьбу, за её восстановление имела большой воспитательный смысл. Она сплачивала колонистов, поднимала значение коллективного труда. От успешного завершения работ в «Трепке» зависело улучшение условий жизни в колонии, — это хорошо понимал каждый из колонистов и воспитателей.

Летом 1923 года колония очутилась перед лицом нового испытания. Ушли почти все «кадровые» воспитанники.

¹ А. С. Макаренко. Колония имени М. Горького. «Голос труда» (Полтава), 4 февраля 1923 г.

² А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 377.

Влилось 70 человек «новичков», сплошь малограмотных. Уход из колонии лучшей, наиболее дисциплинированной, передовой части колонистов и пополнение совсем сырой, не имевшей никаких трудовых навыков массой беспризорных снизили уровень жизни колонии.

В докладе о состоянии колонии от 30 июня 1923 года Макаренко писал: «В течение осени колония вообще пережила тяжёлый кризис, когда, казалось, Педагогическому совету не удастся оборудовать новое ядро. К концу года эта опасность миновала, однако не для второй колонии, в которой общее настроение до сих пор оставляет желать много лучшего»¹.

Потом, по мере созревания коллектива, вопрос об «ядре» не стоял так остро. Макаренко удалось обеспечить непрерывность пополнения лучшей, наиболее активной части колонистов. Общими усилиями кризис был преодолён. Из массы колонистов выделилась новая группа актива. Заметно возросла роль второй колонии. В ноябре 1924 года закончилось восстановление усадьбы Трепке, и колония, до этого расеродоточенная в двух местах, воссоединилась на берегу Коломака. Эта важная памятная дата завершает первый период работы Макаренко в колонии имени М. Горького.

Уже в первые годы работы в колонии имени М. Горького Антон Семёнович не оставлял мысли о литературе. Это был период накопления материала для самого значительного произведения писателя — «Педагогической поэмы». Макаренко осваивал литературное мастерство прежде всего в записных книжках и в дневниках, которые он вёл в то время. К сожалению, они не дошли до нас.

Макаренко придавал большое значение записной книжке, как важному элементу творческой лаборатории писателя. При этом писатель подчёркивал, что записная книжка, куда заносится только то, что способно держаться в памяти очень короткое время, не должна заменять систематическую фиксацию основного хода жизни. И если в первое время Макаренко вносил в свою записную книжку отдельные мысли, афоризмы и сентенции,

¹ А. С. Макаренко. Доклад о состоянии Полтавской трудовой колонии имени Горького. 30 июня 1923 г. ЦГАЛИ.

то потом здесь появились портреты, диалоги, пейзажи, сравнения и художественные детали.

Интересно, что Макаренко завёл записную книжку ещё в самом начале 20-х годов. Е. Ф. Григорович (прототип Екатерины Григорьевны в «Педагогической поэме») утверждает, что Макаренко «подробно записывал слова и поступки Калины Ивановича», ставшего потом персонажем книги. Один из первых воспитанников колонии — С. А. Калабалин (Семён Карабанов в «Поэме») рассказывает, что Макаренко «каждый день вёл записи, причём были записаны особенности моего языка, речи колониста Супруна (Буруна в «Поэме»)»¹.

Макаренко говорил: «Хороший воспитатель должен обязательно вести дневник своей работы, в котором записывать отдельные наблюдения над воспитанниками, случаи, характеризующие то или иное лицо, беседы с ним, движения воспитанника вперёд, анализировать явления кризиса или перелома, которые бывают у всех ребят в разных возрастах. Этот дневник ни в каком случае не должен иметь характера официального журнала»².

Бывший воспитатель колонии Александр Калинин Сердюк рассказывал, что Макаренко в 1920–1922 годах не только находил время сам подробно вести дневник жизни колонии, но и требовал от дежурных педагогов ежедневных записей в дневнике не в порядке сухого, формального отчёта, а в свободной, литературной форме³.

Как вспоминал заместитель Макаренко по колонии Т. Д. Татаринов, дневник — длинная книжка, вроде телефонной, — обычно лежал на столе перед Макаренко. Мельчайшим, бисерным почерком вписывал сюда Антон Семёнович и деловые сведения об итогах дня, и картинки из жизни колонии, и сжатые характеристики людей. На вопрос, зачем ему, имеющему такую прекрасную память, заметки, Макаренко отвечал: «Пригодятся когда-нибудь!»⁴

Калина Иванович Сердюк рассказывает, что Макаренко у себя в кабинете во время работы то и дело отрывался

¹ Из воспоминаний С. А. Калабалина, записанных автором книги.

² А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1959, стр. 88.

³ Из воспоминаний А. К. Сердюка, записанных автором книги.

⁴ Из воспоминаний Т. Д. Татаринова, записанных автором книги.

от текущих занятий и что-то записывал в толстой «обшей» тетради¹.

Даже официальные документы — отчёты, докладные записки, статьи — Макаренко не мог и не хотел писать штампованным языком служебных бумаг. При всей своей деловитости, точности, сжатости, эти записи эмоциональны, образны и обличают в авторе литератора.

Вот характерный пример. Одна из докладных записок А. С. Макаренко начиналась такими словами: «Я не помню, где-то у Достоевского сказано приблизительно так: «[Если] Вы прохода случайно ласково поглядели на ребёнка, вы сделали важное дело». Так вот и ваш привет такое же важное дело» (1923 г.)².

Своеобразными литературными опытами для Макаренко были и устные рассказы. Антон Семёнович был превосходным рассказчиком, умевшим удивительно тонко нарисовать портрет, передать особенности языка, понять характеры людей.

Бывшая сотрудница Полтавской колонии О. П. Ракович рассказывает об одном эпизоде, относящемся к началу 20-х годов. Как-то О. П. Ракович пригласила Макаренко на празднование дня своего рождения. Было довольно много гостей, сверстников тогда очень молодой хозяйки дома. Гости веселились от души, танцевали. В это время Антон Семёнович скромно сидел у стола и что-то писал. Когда ушли гости, Макаренко передал О. П. Ракович четыре исписанных листка. Это были портреты некоторых из присутствовавших, удивительные по меткости и точности, так что О. П. Ракович усомнилась и спросила Макаренко, не знал ли он её гостей раньше. Оказалось, что он видел всех их в первый раз³.

Хорошо знавшему Макаренко профессору И. А. Соколянскому в 20-х годах не раз приходилось бывать вместе с Антоном Семёновичем на различных педагогических заседаниях. Он рассказывает, что постороннему человеку казалось, что Макаренко скучает и не проявляет интереса к тому, что говорят участники затянувшегося собрания. После заседания Антон Семёнович совершенно

¹ Из воспоминаний К. И. Сердюка, записанных автором книги.

² Архив А. С. Макаренко.

³ Из воспоминаний О. П. Ракович, записанных автором книги.

но неожиданно восхищал своими краткими, психологически глубокими характеристиками участников собрания¹.

С. А. Калабалин вспоминает, как однажды Антон Семёнович очень правильно описал человека, с которым он никогда не встречался, только по фотографической карточке².

Диалог, в слабости которого упрекал Горький автора рассказа «Глухой день», теперь щедро вводился Антоном Семёновичем в дневник. Диалог и язык оттачивались, совершенствовались также в сценках и пьесах для самодеятельного театра, которые сочинял Макаренко.

Любимым развлечением колонистов было разыгрывание шарад в спальне за занавесью-простыней. Макаренко стал писать для таких импровизированных спектаклей сценки из жизни колонии. Часто какой-либо проступок колониста изображался в комической форме. Сценки были написаны с большим юмором и неизменно возбуждали дружный смех зрителей (ни одна из этих пьесок не сохранилась).

Записные книжки, дневники, театральные миниатюры, устные рассказы — всё это было своеобразной школой литературного мастерства Макаренко.

Нужно сказать, что Макаренко вообще был человеком с очень развитым поэтическим чувством. Даже в самое трудное для колонии время он хорошо чувствовал поэтичность её жизни. «...Здесь много поэзии в работе и в жизни»³, — писал Антон Семёнович в 1921 году. О том, что это настроение было не преходящим, говорит другое письмо Макаренко, датированное 24 марта 1923 года, где есть такие слова: «Не кивайте так презрительно на посевную кампанию. Это настоящая поэзия... Какой воздух, какая работа, какие работники, песни, лошади!»⁴ Пройдёт ещё немного времени, и это поэтическое восприятие окружающей жизни получит воплощение в «Педагогической поэме».

¹ Из воспоминаний И. А. Соколянского, записанных автором книги.

² Из воспоминаний С. А. Калабалина, записанных автором книги.

³ А. С. Макаренко. Письмо к Б. Ф. Гороновичу, 7 июня 1921 г. Хранится

у Б. Ф. Гороновича.

⁴ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 453.

ГЛАВА VII

БОЛЬШИЕ ПОБЕДЫ

Макаренко датировал начало работы над «Педагогической поэмой» 1925 годом. К этому времени колония достигла уже больших успехов. Значительно возрос уровень её материального благосостояния. Вырос, созрел и сам Макаренко как воспитатель и руководитель коллектива. К лету 1925 года колония имени Горького сложилась в крепкий, внутренне-молитный организм со своим укладом жизни, со своими традициями. В колонии было 140 воспитанников— 130 мальчиков и юношей, 10 девочек. С каждым годом всё большее развитие в жизни колонии получало сельское хозяйство, превосходно поставленное талантливым организатором, большим знатоком и энтузиастом своего дела агрономом Н. Э. Фере.

В 1925 году, вспоминает Н. Э. Фере, «мы уже освоили всю имеющуюся у нас земельную площадь и начали собирать высокие урожаи зерновых, огородных и кормовых культур. Деловая связь с Полтавской опытной сельскохозяйственной станцией позволила в широких масштабах нашего производства проверять предложенные станцией новые агротехнические мероприятия. Достижения нашего животноводства были уже таковы, что мы оказывали серьёзное влияние на развитие этой отрасли сельского хозяйства далеко за пределами [соседней деревни] Ковалевки и окрестных мест.

Ребята гордились своими успехами и критически оценивали старые способы хозяйствования, применяемые соседями единоличниками»¹.

Серьёзные успехи были достигнуты в области животноводства. К июлю 1925 года колония имела 80 породистых свиней, 30 овец, 7 лошадей, несколько коров – очень много по тому времени! Масштаб работ увеличился, когда колония взяла в аренду большую паровую мельницу, пятиэтажное здание которой возвышалось на территории бывшей трепкинской усадьбы.

Это был великолепный, хозяйственно и педагогически смелый шаг. Мельница дала колонии необходимые для её дальнейшего расширения и улучшения дополнительные средства. На мельничных работах получили новую производственную квалификацию многие колонисты. Наконец, мельница, клиентами которой были в основном крестьяне, укрепила авторитет колонии в деревне.

Труд, польза которого была очевидна каждому воспитаннику, сочетался в Горьковской колонии со школьным обучением, повышающим культурный, политический уровень воспитанника.

Талантливый и многоопытный преподаватель, Макаренко хорошо знал, как необходимо для духовного формирования человека образование. В труднейших условиях первых лет жизни колонии, при очень низкой степени грамотности колонистов, Антон Семёнович и руководимый им педагогический коллектив последовательно и упорно вели борьбу за школу.

Как ни трудна была работа в классе с детьми и подростками, далеко не сразу почувствовавшими вкус к образованию, Макаренко сделал всё, чтобы как можно лучше организовать работу школы. Несмотря на большую занятость, Антон Семёнович сам стал преподавателем. Макаренко заинтересовал учением многих колонистов. Самые взрослые и способные воспитанники поступали на рабфаки, а оттуда — в высшие учебные заведения. Рабфаковцы не порывали связи с родной колонией. Они переписывались с товарищами, приезжали на каникулы, помогали в сельскохозяйственных работах. Макаренко сумел воспитать у колонистов уважение и гордость

товарищами-рабфаковцами. По ним равнялись, к ним тянулись, им стремились подражать.

Коммунистическое воспитание — всесторонний социальный процесс — Макаренко уже в 20-х годах решал, как системе, неразрывно связанную с политикой партии, с борьбой советского народа, с жизнью всей страны. Вот почему Макаренко придавал большое значение работе комсомола в детском воспитательном учреждении. Комсомол — основа «ядра», организатор и руководитель юношеского самоуправления, первый помощник педагогов в воспитательной работе.

Вместе со старшими колонистами Антону Семёновичу пришлось выдерживать упорную борьбу за создание комсомола в Горьковской колонии, так как в учрежденных Полтавы, от которых зависело решение этого вопроса, в то время господствовало ошибочное мнение, что комсомольская организация не может быть создана в колонии для бывших беспризорных и правонарушителей. Только в 1925 году вопрос был решён положительно.

Тогда же в колонию был приглашён политрук, молодой, энергичный человек, комсомолец Т. Н. Коваль, хорошо знавший сельское хозяйство (в 1925 году Т. Н. Коваль стал кандидатом, а позднее — членом Коммунистической партии). С этого времени вся работа заведующего колонией по созданию и укреплению актива проводилась в самом тесном контакте с комсомолом и политруком.

Вскоре, по словам Антона Семёновича, «истинное руководство коллективом лежало на комсомольской организации, которая в 1928 году имела до 200 человек»¹. Комсомольцы были на всех передовых общественных постах в колонии. Они показывали пример социалистического отношения к труду, боролись за укрепление дисциплины, за повышение политического уровня коллектива. Очень важна была роль комсомола в создании общественного мнения вокруг школы, в повышении успеваемости учащихся, в поддержке стремления лучшей части колонистов продолжать своё образование.

Конечно, наличие крепкой комсомольской организации, превосходно действующего самоуправления с его широким общественным активом вовсе не означало

¹ Н. Э. Фере. Мой учитель. «Новый мир», 1953, № 3, стр. 161.

какого-либо уменьшения, отмирания роли воспитателя и тем более роли заведующего колонией. Новые высокие организационные формы жизни коллектива требовали ещё более тонкого, тактичного, умного руководства.

Глубоко понимавший решающую роль метода, системы, педагогического мастерства, Макаренко придавал большое значение воспитательному влиянию личности педагога. Он хорошо знал, что самый лучший метод в руках воспитателя-формалиста, бездушного по отношению к воспитанникам, станет мёртвой, никому не нужной схемой.

В письме к Галине Стахивне, заостряя свою мысль, Антон Семёнович писал: «Долой педагогику. Есть только живая жизнь. Настоящая живая жизнь. И если в ней действует хоть какая-нибудь искренняя человеческая страсть, настоящее человеческое дело, тогда всё хорошо. Всё исключительно от этого зависит»¹. Конечно, это вовсе не значит, что Макаренко выступает против научных методов. Он только против оторванной от жизни педагогической схемы, за воспитателя — настоящего человека. Подбору таких живых людей, любящих и знающих своё дело, Антон Семёнович отдавал много сил.

Возраставшее с каждым годом число колонистов ставило на очередь вопрос о расширении состава воспитателей. Между тем новых педагогических кадров, подготовленных для работы в колонии, не было. Макаренко приходилось терпеливо разыскивать людей, обладающих хоть в какой-то степени данными, необходимыми для педагогической работы, а потом уже, в процессе самого труда, воспитывать воспитателей.

Макаренко с удивительным мастерством разрешил эту трудную задачу, объединив в монолитном педагогическом коллективе людей разного возраста, самых различных характеров и интересов. Писательница Оксана Иваненко, тогда студентка, проходившая в колонии практику, приводит интересный пример организаторского педагогического мастерства Макаренко:

«Я теперь вспоминаю, как он подбирал воспитателей, — прямо как хороший дирижёр управлял оркестром.

— Мне нужны разные, — смеялся он, — я люблю

¹ Архив А. С. Макаренко.

наблюдать ваши дежурства: вот дежурит наша старая гвардия, например Л. П., — она пылинки не пропустит и слова не спустит: всё подтягивает и приводит в порядок — вожжи натянуты. Дежурят Оксана, Рива, Ляля, Алексей — вожжи понемногу ослабевают, но какое хорошее настроение, смех, шум! Ничего, что немного вожжи отпусаются! Это тоже нужно. И ваши студенческие споры, и стихи, всё это нужно, только надо всё это чередовать, — добавлял он, улыбаясь»¹.

О самоотверженном труде воспитателя просто и бесхитростно говорит один из педагогов колонии: «Наш воспитатель не боится борщ варить или в поле хлеб колоть, не устранил его ни чистка станков в свинарне, ни полка картофеля, ни сон при семи [градусах] температуры по Цельсию в неопленной квартире. Не смутится он от эпитета или «спирали», пущенных каким-нибудь новичком. Твёрдо веря в свои достижения, работает воспитатель-горьковец, доказывая на примере необходимости и ценности труда. И вот бывший беспризорник, бывший «безнадёжный», видя в воспитателе своего старшего товарища, веря в его не только слово, но и дело, начинает, хотя очень медленно и постепенно, пробуждать в себе человека, постепенно и упорно начинает сбрасывать с себя покрывало «типа»... босяка, воришки»².

Огромная сила воспитательного воздействия была в Горьковской колонии связана и с тем, что весь персонал — от заведующего колонией до сторожа — был частью единого коллектива. Воспитанник соседней колонии Лазарь Свитка, направленный к Макаренко, по возвращении «домой» выразил это так: «Там заведующий и хлопцы — заодно. Там, брат, не забалуешься».

Большое значение для внутреннего роста колониста имела и вся атмосфера советской жизни тех лет, наполненная героическим трудовым напряжением, пафосом строительства новых форм общественных отношений. Но ведь эту атмосферу новой жизни надо было широко впустить в колонию, приучить дышать ею каждого воспитанника и коллектив в целом. Хорошо известно, что в

¹ Оксана Иваненко. Настоящая жизнь. «Детская литература», 1940, № 5, стр. 30.

² «Наша жизнь. Горькому — горьковцы». Рукописный сборник колонии имени Горького, 1928. Архив А. М. Горького.

воспитании ничто само собой не делается. Макаренко добился того, что органическая связь с советской жизнью стала важнейшим элементом системы коммунистического воспитания в Полтавской колонии.

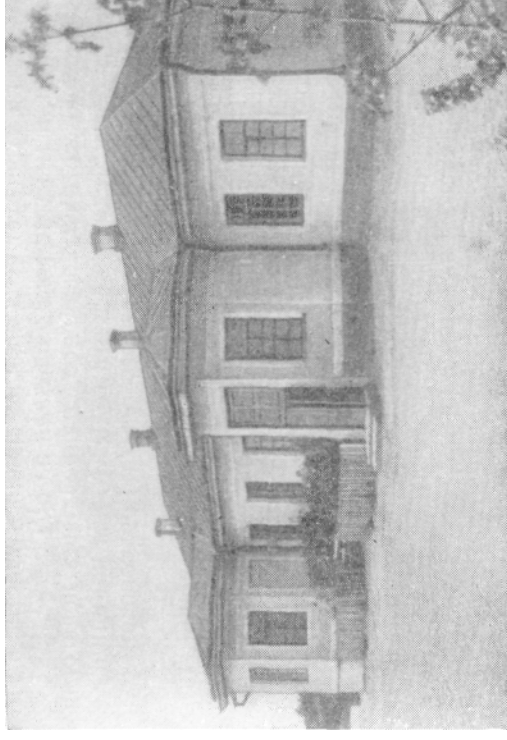
«Вокруг себя они [воспитанники] видели новое, советское общество, новую свободу, новые пути человека. Перед их глазами, как и перед глазами всех советских юношей, открылись широкие дороги. Сначала осторожно, потом всё смелей и смелей мои воспитанники вступали на них, захватывали новые области, открывали новые перспективы», — говорил Макаренко. Всё это обусловило моральный и политический рост горьковцев.

Воспитанники колонии подружились с рабочими, с комсомольцами полтавских заводов. В торжественные дни колонию посещали многочисленные приезжие из города, друзня горьковцев. Колонисты сблизились с передовой частью крестьянства, особенно с сельской молодёжью. Колония стала культурным центром для окрестного населения. Ежедневные постановки спектаклей в огромном пустовавшем мельничном сарае собирали очень много зрителей, главным образом крестьян.

Вот где пригодился Макаренко опыт крюковского самодеятельного театра! Антон Семёнович снова стал и режиссёром и актёром. Он блестяще — и не один раз сыграл роль городничего в «Ревизоре», Скрябина в пьесе М. Горького «Враги». Приходилось ему быть и заведующим литературной частью. Участие в спектаклях повышало образовательный уровень колонистов, воспитывало эстетический вкус. Театр сделал колонию широко популярной в округе. Сельская молодёжь стала теперь равняться на приветливых, учебных колонистов.

Коллектив жил полной, трудовой, бодрой жизнью. Он рос, крепнул, закалялся в испытаниях, и по мере этого роста повышался культурный, нравственный уровень колонистов. Успехи колонии имени М. Горького — этого маленького участка советской жизни — были тесно связаны с великими достижениями страны, разгромившей интервентов, победившей на фронте восстановления народного хозяйства и развернувшей социалистическую индустриализацию.

Осенью 1925 года колония отмечала своё пятилетие. «Нас чествовали как следует, — писал Макаренко. — Были гости из Харькова. 8 сотрудников, работающих в колонии

Колония имени М. Горького (вторая). Дом, где жил А. С. Макаренко.

с самого начала, Полтавский окрисполком наделил подарками. Наркомпрос мне дал звание «красного героя труда», а Полтава командирует меня в «научную» командировку в Москву и Ленинград на два месяца...¹ В начале 1926 года Макаренко выступил с докладом «Организация воспитания трудного детства» на Всеукраинской конференции детских городков. Доклад произвёл большое впечатление на участников собрания. «Общий тон в этой работе [конференции] был дан представителем трудовой колонии имени Горького»², — так оценил журнал «Путь просвещения» значение доклада Макаренко.

К середине 20-х годов Макаренко ощущает настоятельную необходимость подвести итоги первому этапу своего педагогического опыта. Антон Семёнович говорил: «Нужно создавать новую педагогику, совсем новую.

¹ А. С. Макаренко. Письмо к А. М. Горькому, 8 сентября 1925 г. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 323.

² «Шлях освіти» («Путь просвещения»), 1926, № 2, стр. 139.

Наш коллектив чувствует себя в силах принять участие в этом создании, и мы уже много сделали за 5¹/₂ лет»¹.

Каково же было основное направление педагогической работы Макаренко в эти годы? В чём принципиальное значение воспитательного опыта Горьковской колонии?

Прежде всего в процессе работы в колонии Антон Семёнович коренным образом пересмотрел традиционное представление о процессе воспитания: есть некая пара — учитель, который воспитывает, и объект воспитательного воздействия — ученик. Макаренко осознал, что основной формой воспитания является единый трудовой коллектив детского учреждения под руководством образованных и опытных воспитателей. Активными и полноправными участниками этого коллектива являются все его члены: педагоги и воспитанники.

В 1925 году Макаренко совершенно чётко сформулировал, применительно к жизни колонии, одно из основных положений революционной теории воспитания: «Педагогическая поза даже в самой малой степени не должна, по нашему мнению, быть заметна колонисту. Всякое педагогическое устремление должно быть хорошо спрячено в кабинете организатора. В живом быту коммуны [речь идёт о колонии М. Горького] воспитанник не должен чувствовать себя объектом воспитания, он должен ощущать только прикосновение точной логики нашего общего хозяйства и требования здравого смысла, которые предьявляются к нему со стороны нашего быта»².

Это было громадным достижением Макаренко-организатора, теоретика-новатора и практика и создавало стиль дружной, деловой, весёлой работы. Колонист чувствовал себя не пассивным объектом воспитания, не потребителем, а хозяином, кровно заинтересованным в развитии благосостояния колонии, ответственным за судьбу и честь коллектива.

«Наше воспитание не было врачеванием каждого в отдельности, — говорит один из первых колонистов, П. Архангельский, — нас не пичкали пилюлями добродетели и микстурами морали. Совершенно незаметно процесс воспитания, направляемый Антоном Семёновичем и

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 329.

² А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 699.

подобраным им составом педагогов, превращался в процесс коллективного самовоспитания. Это было интересно и неожиданно»¹.

Макаренко иронизировал над механическим, формальным определением коллектива, данным в то время украинским педологом, профессором А. С. Залужным: «Коллектив есть группа взаимодействующих лиц, совокупно реагирующих на те или иные раздражения». Макаренко говорил, что под такое определение можно подвести что угодно, даже колонию коралловых полипов где-нибудь на островах Тихого океана. Коллектив для Макаренко — социальный организм, неотъемлемая часть основанного на принципе коллективности социалистического общества. Силой, объединяющей коллектив, является социалистический труд, общая борьба за дело коммунизма. Каждый из членов коллектива — не обезличенное слабое, а заинтересованный участник общего дела. В Советской стране воспитание немислимо вне коллектива, и успех воспитания в конечном итоге определяется организованностью, целеустремлённостью, сознательностью членов коллектива.

Бесконечно разнообразны методы воспитательной работы Макаренко, о них уместно говорить в специальной педагогической монографии. Здесь же следует сказать о самом основном. Воспитанник колонии проходил превосходную школу трудового коллективного опыта, в итоге которой становился сознательным советским гражданином, умеющим постоять за честь своего коллектива, готовым к труду и подвигу во имя Родины. Вся главною до мелочей продуманная Антоном Семёновичем и проверенная на опыте система организации коллективной жизни закономерно приводила к такому результату.

Коллектив — сложная общественная структура. Он имеет органы управления, уполномоченных лиц. Организация коллектива выросла из трудового опыта колонии, из её практических нужд и постепенно совершенствовалась, всё более отвечая основной воспитательной задаче.

Нормальное течение жизни юношеского воспитательного учреждения требовало приложениия труда

¹ П. Архангельский. Суровый урок. «Молодая гвардия», № 4, стр. 198.

множества людей. Для поддержки чистоты в помещениях, на дворе, в саду нужна была ежедневная уборка. Для того чтобы накормить две сотни человек, требовалось добыть продукты, доставить их в колонию, сохранить, приготовить. Кроме того, нужно было достать дрова, натопить печи, шить одежду колонистам. Чтобы обеспечить все разнообразные виды работ в колонии, нужна была рабочая сила, квалифицированные специалисты, кадры организаторов, необходим был чёткий и вместе с тем гибкий план. Конечно, основное руководство принадлежало заведующему колонией и ответственным лицам из её персонала, но всё большее значение получала организация коллектива и роль уполномоченных лиц из числа колонистов.

Трудовая организация колонии отшлифовывалась, провлялась повседневно. Первичной ячейкой коллектива, был отряд, создаваемый для той или иной постоянной работы, например отряд мельников, садоводов, свинаярей. Каждый из колонистов обязательно входил в такой отряд, состоявший, как правило, из 7–15 человек. Через свой отряд воспитанник был связан с коллективом колонии в целом.

В составе отряда были и малыши («пацаны»), по колониjsкой терминологии), и подростки, и взрослые юноши 17–18 лет. В таком маленьком коллективе на почве общей дружной работы создавались подлинно товарищеские отношения, та теплота, близость младших и старших, которая напоминала хорошую семью.

Командир отряда назначался из числа лучших, наиболее авторитетных, преданных колонии воспитанников. Руководители отрядов составляли совет командиров – боевой, оперативный центральный орган самоуправления, проводивший всю текущую работу в коллективе и собиравшийся по мере необходимости.

Главным органом самоуправления было общее собрание колонистов, чёткую деловую работу которого Макаренко всегда высоко ценил. В повседневной жизни отрядов, на заседаниях совета командиров, на общих собраниях воспитанников колонии вырабатывалась могущественная сила общественного мнения, как важнейшего регулирующего и дисциплинирующего воспитательного фактора.

Помимо длительных работ, в большом и сложном хозяйстве колонии то и дело возникала необходимость в срочных, эпизодических работах. Для этой цели

создавались так называемые сводные отряды, включавшие членов постоянных отрядов. Это имело большой педагогический смысл. Почти каждый из колонистов начался на должность командира сводного отряда, что формировало организаторские навыки, необходимые советскому человеку, воспитывало чувство ответственности. Кроме того, это не давало почвы для образования группы «профессиональных» командиров и массы пассивных исполнителей. Командир постоянного отряда систематически, время от времени, становился участником сводного отряда. В этом случае он был обязан беспрекословно подчиняться распоряжениям руководителя сводного отряда, которым мог стать любой рядовой колонист. Макаренко стремился воспитать не только умение руководить, но и умение, когда необходимо, подчиняться товарищу.

Одной из важнейших педагогических задач, получивших разрешение в практике работы Горьковской колонии, явилось воспитание социалистических традиций. Макаренко придавал большое значение формированию главного носителя традиций коллектива — устойчивого «ядра». Это были лучшие, наиболее сознательные колонисты, командиры отрядов, комсомольцы. Макаренко сделал этот актив могучим средством воспитательного влияния на каждого из членов коллектива. Создание «ядра», работа с активом — всё это было действенным методом организации коллектива и поэтому являлось постоянной заботой Макаренко.

Невозможно до конца понять идейную сущность и метод педагогической работы Макаренко, не усвоив, что решающим средством воспитания он считал формирование чувства социалистической перспективы, связывающего воедино жизненные интересы каждого члена коллектива с интересами коллектива в целом и в конечном итоге с интересами всего советского народа.

«Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость, — писал Макаренко. — В педагогической технике эта завтрашняя радость является одним из важнейших объектов работы. Сначала нужно организовать самую радость, вызвать её к жизни и поставить как реальность. Во-вторых, нужно настойчиво претворять более простые виды радости в более, сложные и

человечески значительные. Здесь проходит интересная линия: от простейшего примитивного удовлетворения до глубочайшего чувства долга.

Самое важное, что мы привыкли ценить в человеке, — это сила и красота. И то и другое определяется в человеке исключительно по типу его отношения к перспективе. Человек, определяющий своё поведение самой близкой перспективой, есть человек самый слабый. Если он удовлетворяется только перспективой своей собственной, хотя бы и далёкой, он может представляться сильным, но он не вызывает у нас ощущения красоты личности и её настоящей ценности. Чем шире коллектив, перспективы которого являются для человека перспективами личными, тем человек красивее и выше.

Воспитать человека — значит воспитать у него перспективные пути¹. Вся система воспитания в колонии-имени М. Горького разрешала эту большую задачу и создавала то органическое единство личного и общего, которое является отличительной чертой характера нового, социалистического человека.

«Только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода»². Это высказывание Маркса и Энгельса может быть взято эпиграфом ко всей творческой работе, ко всем произведениям Макаренко.

Было время, когда некоторые «критики» Макаренко с самым авторитетным видом утверждали, что руководитель Полтавской колонии, конечно, был неплохим педагогом, но его методы воспитания приемлемы только в учреждениях для беспризорных и правонарушителей и не могут иметь общего значения. Кое-кому это могло показаться убедительным — слишком специфичен был состав воспитанников колонии. Сама жизнь начисто опровергла такой глубоко неправильный взгляд. Общее значение трудов Макаренко давно уже признано всем прогрессивным человечеством.

Макаренко так охарактеризовал основное направление своей работы в Полтавской колонии. «...Когда я начал её [работу], — говорит Макаренко, — я считал, что передо

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 74–75.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 3, М., 1955, стр. 75.

мною стоит миниатюрная задача: вправить души у этих самых правонарушителей, сделать их вменяемыми в жизни, то есть подлечить, наложить заплаты на характеры, не больше, только то, что необходимо, чтобы человек мог как-нибудь вести трудовую жизнь, как-нибудь — я на большие достижения не претендовал. Но по мере того, как я работал, как рос и богател мой коллектив, по мере того, как он становился комсомольским коллективом, я постепенно повышал требования к своему делу, к себе, и дело повышало требования ко мне и к моему коллективу, и я уже перестал интересоваться вопросами исправления, меня перестали интересовать так называемые правонарушители, потому что я увидел, что никаких особых «правонарушителей» нет, есть люди, попавшие в тяжёлое положение. Я очень ясно понимал, что если бы в детстве попал в такое же положение, я тоже был бы таким, как они. И всякий нормальный ребёнок, оказавшись на улице без помощи, без общества, без коллектива, без друзей, без опыта, с истрёпанными нервами, без перспектив, — каждый нормальный ребёнок будет себя вести так, как они.

Я пришёл к заключению, что нет детей-правонарушителей, а есть люди, не менее богатые, чем я, имеющие право на счастливую жизнь, не менее, чем я, талантливые, способные жить, работать, способные быть счастливыми и способные быть творцами. И тогда, конечно, совершенно ясно, никакие специфические педагогические задачи перевоспитания уже не могли стоять передо мной. Стояла обыкновенная задача — воспитать человека так, чтобы он был настоящим советским человеком, чтобы он мог быть образцом поведения¹.

Педагогическая работа в колонии имени М. Горького имеет большое принципиальное значение для формирования методов коммунистического воспитания. То, что Макаренко пришлось иметь дело не с обычными детьми из семей, а во многих отношениях более трудным контингентом воспитанников, ещё нагляднее доказывает правильность его пути. Это путь воспитания личности в коллективе, путь борьбы за полноценный советский коллектив.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 438.

Огромный опыт воспитателя, знание психологии юности, талант организатора облегчили непрерывные поиски Макаренко. Глубокая трезвость мысли, умение анализировать окружающую сложную обстановку органически сочетались у Макаренко со смелостью дерзания и высоким полётом мечты.

В колонии имени М. Горького, как и в позднее им созданном другом юношеском коллективе, Макаренко воспитывал преданность Родине, Коммунистической партии, возглавляющей многомиллионный народ Советской страны: «Перед коллективом всегда, буквально на каждом шагу, должны стоять образцы нашей борьбы, он всегда должен чувствовать впереди себя Коммунистическую партию, ведомую его к подлинному счастью»¹.

Идейной основой педагогики Макаренко явилось учение марксизма-ленинизма о личности и обществе, о воспитании как общественном явлении, о коммунистической нравственности. Макаренко глубоко воспринял воспитательные принципы Коммунистической партии, Советского государства и творчески претворял их в своей педагогической работе.

К сожалению, имеющиеся материалы не дают возможности хронологически, последовательно проследить знакомство Макаренко с трудами классиков марксизма-ленинизма. Но можно с полной уверенностью сказать, что ещё в первой половине 20-х годов Макаренко глубоко изучил и хорошо знал работы В. И. Ленина. Об этом прежде всего свидетельствует сам Антон Семёнович. Об этом говорят и люди, знавшие тогда Макаренко.

О том, с каким пристальным вниманием изучал Макаренко труды классиков марксизма-ленинизма, видно из имеющихся в архиве писателя выписок из сочинений В. И. Ленина, охватывающих широкий круг тем (культурное строительство Советской страны, вопросы образования, кадры, дисциплина и т. д.).

Одним из наиболее дорогих для Макаренко произведений В. И. Ленина была речь великого вождя революции на 3-м Всероссийском съезде комсомола 2 октября 1920 года. Знаменательно, что начало важнейшего этапа работы Макаренко по времени совпало с этим историческим выступлением, являющимся программой коммунистического

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 355—356.

воспитания советской молодёжи. Как вспоминает Р. Л. Берлин (прототип Джуриной в «Педагогической поэме»), отдельное издание речи В. И. Ленина было настольной книгой Макаренко.

В воспоминаниях Н. Э. Фере (прототип Шере в «Педагогической поэме») запечатлён один характерный эпизод. В 1924 году, в самый разгар весенней посевной страды, Макаренко попросил агронома обязательно принять участие в политбеседе, даже если отсутствие Фере неблагоприятно отразится на ходе сельскохозяйственных работ. Очевидно, Макаренко придавал особо серьёзное значение беседе о речи В. И. Ленина на III съезде комсомола.

«— Я уже не первый раз беседую с вами на эту тему,— начал Антон Семёнович,— но среди нас есть новые работники, и мне кажется необходимым ещё раз остановиться на этом замечательном творческом документе марксизма, излагающем основные теоретические вопросы воспитания молодёжи в духе коммунизма.

Он с увлечением излагал содержание ленинской речи и обратил наше особое внимание на два утверждения Владимира Ильича:

«Надо, чтобы всё дело воспитания, образования и учения современной молодёжи было воспитанием в ней коммунистической морали».

«...на место старой учёбы, старой зубрёжки, старой муштры мы должны поставить умение взять себе всю сумму человеческих знаний, и взять так, чтобы коммунизм не был у вас чем-то таким, что заучено, а был бы тем, что вами самими продумано...»

Я понял тогда, что в этом именно и заключались основные принципы той педагогической системы, которую неустанно разрабатывал Макаренко, принципы всей его повседневной педагогической деятельности. Он хотел, чтобы и наши действия зиждились на этих же основах»¹.

По словам Р. Л. Берлин, Макаренко в середине 20-х годов выступил в Полтаве на конференции учителей с докладом на педагогическую тему, основанным на положениях речи В. И. Ленина².

Призыв к творческому освоению культурного

¹ Н. Фере. Мой учитель. «Новый мир», 1953, № 3, стр. 151.

² Из воспоминаний Р. Л. Берлин, записанных автором книги.

наследия, к неразрывной связи воспитания и образования молодого поколения с борьбой за коммунизм, призыв к воспитанию новой, коммунистической морали, к свободному социалистическому труду, к сознательной дисциплине, утверждение силы советского коллектива — все эти основные положения речи В. И. Ленина получили конкретизацию во вдохновенном труде Макаренко.

С первых лет работы в колонии Макаренко сделал одним из средств воспитания нового человека произведения Горького. С большим увлечением читали по вечерам колонисты «Детство» и «В людях». Особенно поразила их история жизни молодого Горького. И то, что «мальчик» в магазине обуви, помощник посудника на пароходе, пекарь булочной Семёнова смог подняться до вершин культуры и мировой славы, наполнило сердца колонистов радостным волнением и гордостью. Каждый из них видел в молодом Горьком как бы кусочек самого себя. Имя «горьковец» приобрело для колонистов глубокий и прекрасный смысл.

Вполне понятным было горячее желание Макаренко усилить личный, хотя бы и заочный, контакт с М. Горьким. Но это далеко не сразу удалось сделать. Горький жил тогда за границей, и его почтового адреса Антон Семёнович не мог долгое время достать. Лишь в 1925 году в руки Макаренко попал номер иллюстрированного еженедельника со статьёй, где указывалось место пребывания Горького, и была дана итальянская транскрипция имени писателя. Макаренко послал письмо с предельным по лаконизму адресом: «Италия, Сорренто, М. Горькому».

Большое, на шести страницах, письмо Антона Семёновича — обстоятельный, по-деловому точный рассказ о колонии. Вместе с тем оно очень эмоционально и пронизано большой душевной теплотой. Так пишут искренне уважаемому, близкому человеку, который всё поймёт и оценит. «Выбирая Вас своим шефом, мы руководствовались не простым желанием носить имя известного всему миру лица, а какой-то глубокой ответственностью между Вами и нами, — писал Макаренко. — Эту ответственность мы видим и чувствуем не только в том, что и Ваше детство подобно детству наших ребят, и не только в том, что многие типы в Ваших произведениях — это наши типы, но больше всего в том, что Ваша исключительная вера в человека, нечто единственное во всей всемирной литературе, помогает и нам

верить в него. Без такой веры мы не могли бы 5 лет работать без отдыха в колонии. Теперь эта вера стала и верой наших хлопцев, она создаёт в нашей колонии здоровый, весёлый и дружный тон, которому удивляются все, кто у нас бывает»¹

Посылая письмо в далёкую Италию, заведующий Полтавской колонией имел очень слабую надежду на получение ответа — ведь Горькому пишут сотни людей! Алексей Максимович ответил немедленно. Его письмо было полно интереса к колонии и желания быть ей полезным. Можно представить себе, каким значительным, радостным событием стало для Макаренко это письмо, положившее начало переписке с Горьким.

В то время для многих, даже работавших рядом, Макаренко был только хорошим воспитателем и администратором. М. Горький, со свойственной ему проницательностью, издавна сумел понять масштаб личности Макаренко, оценить огромное и принципиальное значение его педагогического опыта.

Не только Макаренко ценил переписку с Горьким, но и Горький бережно сохранил письма Антона Семёновича. Переписка эта представляет совершенно исключительный интерес. Письма Антона Семёновича — своеобразная летопись жизни Горьковской колонии, работы её руководителя — являются неоценимым источником для характеристики автора «Педагогической поэмы».

Ответные письма занимают видное место в огромном по объёму эпистолярном горьковском наследии. Помимо своей основной ценности, они являются одним из замечательных свидетельств глубокой творческой связи писателя с советскими людьми, умения Горького увидеть новое и активно поддержать это новое в жизни и в литературе.

Антон Семёнович правдиво рассказывал Горькому об удачах и неудачах, делился планами, не скрывал трудностей на своём пути. Макаренко далеко не всегда и далеко не все понимали. В среде, окружавшей Макаренко, находились люди, враждебно относившиеся к его педагогическому опыту и пытавшиеся помешать его большой

¹ А. С. Макаренко. Письмо к М. Горькому, 8 июля 1925 г. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 315.

творческой работе. В этих условиях высокоавторитетная поддержка Горького была для Макаренко особенно важной. Приведём характерный пример. Уже во втором письме Макаренко поделился с Горьким своими мыслями по одному вопросу, вокруг которого велись тогда ожесточённые споры. Одним из основных положений педагогической работы Макаренко было никогда не напоминать воспитаннику о его прошлом. Расспрашивать новичка о его биографии запрещалось и воспитанникам и воспитателям. Это сразу включало колониста в новую жизнь.

Решая таким образом вопрос об отношении к прошлому воспитанников колонии, педагогический коллектив колонии оказался почти одиноким. Более того, Макаренко подвергался самым ожесточённым нападкам со стороны некоторых деятелей педагогики.

В письме к М. Горькому Макаренко дал уничтожающую характеристику позиции представителей ложной педагогической науки в этом вопросе: «С точки зрения так называемой педагогики это [игнорирование прошлого воспитанника] абсурд: нужно якобы обязательно разобрать по косточкам все похождения мальчика, выудить и назвать все его «преступные» наклонности, добратся до отца с матерью — короче говоря, вывернуть наизнанку всю ту яму, в которой копошился и погибал ребёнок. А собравши все эти замечательные сведения, по всем правилам науки построить нового человека.

Всё это ведь глупости: никаких правил науки просто нет, а длительная вивисекция над живым человеком образит его в безобразный труп»¹.

Горький целиком согласился с Макаренко. Он писал Антону Семёновичу: «То, что Вы сказали о «деликатности» в отношении к колонистам, и безусловно правильно и прерасходно. Это — действительно система перевоспитания, и лишь такой она может и должна быть всегда, а в наши дни — особенно. Прочь вечерошний день с его грязью и духовной нищетой. Пусть его помнят историки, но он не нужен детям, им он вреден»².

Значение переписки с М. Горьким далеко не исчерпыва-

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 319.

² А. М. Горький. Письмо к А. С. Макаренко, 17 августа 1925 г. А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 322.

лось, пусть очень ценной и нужной, моральной поддержкой. Письма Горького были для Макаренко большой, действенной программой воспитания нового человека. Они, по словам Макаренко, подсаживали «широкие социалистические обобщения».

Уже в первом письме к Макаренко Алексей Максимович передал сердечный привет колонистам и пожелал им понять, что они «живут во дни великого исторического значения, когда особенно требуется от человека любовь к труду, необходимому для того, чтобы строить на земле новую свободную, счастливую жизнь». Эти слова писателя, чьи произведения уже знали и любили колонисты, наполнили сердца детей и подростков радостью.

От лица своих воспитанников Макаренко писал Горькому: «...Теперь, когда мы почувствовали Вас не только как символ, а как живую личность, когда мы все держали в руках лист, который держали и Вы, и когда мы услышали Ваши слова, обращённые к нам, о свободной и счастливой жизни, нам сам чёрт не брат. Ваше шефство для нас большое счастье, и много, очень много сделано нашими воспитателями только благодаря Вам»¹.

Колонисты решили сами написать Горькому о своей жизни. В письме к Горькому Макаренко нарисовал такую картину: «Сегодня с утра заждило — бросили мольбу и все пишут Вам письма. Кому-то вчера на соборании после чтения Вашего письма пришла в голову мысль: общее письмо никуда не годится, пускай каждый напишет Вам записку. Насилу убедил хлопцев, что Вам будет очень трудно читать столько писем. Тогда решили писать по отрядам — сейчас вся колония представляет нечто вроде «Запорожцев» Репина, умноженных на 15 — число наших отрядов: такие же голые загоревшие спины и такие же оживлённые лица, нет только запорожского смеха. Писать письмо Максиму Горькому не такая лёгкая штука, особенно если писари не очень грамотные»².

Письма колонистов посылались в Сорренто в больших конвертах. Писали отряды свинаяй и сапожников, кузнецов и конюхов, мельников и «пацанов». Писали, как умели, порой не очень складно, не вполне грамотно,

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 321.

² Там же, стр. 318.

но от души, правдиво и просто, о работе своих отрядов, о буднях и праздничных днях жизни колонии. Макаренко не старался редактировать письма колонистов, «подчищать» их стиль, выправлять орфографические ошибки. Да это и не нужно было — с тем большей правдивостью звучали голоса детей и подростков, видевших горе и обретших всю полноту радости жизни и юности. Поражает интонация сдержанной, но достаточно ясно проступающей сыновней любви и родственности в письмах к далёкому и вместе с тем бесконечно близкому человеку.

Письма колонистов к Горькому — замечательные человеческие документы, которым место не только в истории Горьковской колонии, но и в биографии её создателя. Они — правдивое свидетельство успешности труда Макаренко. Очень трудно выбрать из них лучшие. Почти каждое письмо интересно и выразительно. Письма точно запечатлели живые голоса членов горьковского коллектива.

Колонисты 9-го отряда писали Горькому в августе 1925 года: «Получивши Ваше пламенное письмо, все, с малого до большого, были сильно обрадованы... В это время мы работали на молотбе, когда приходит один из товарищей и объявил, что после работы будут читать Ваше письмо. Вечером никого из ребят нельзя было узнать, все были весёлые, даже те, которые считались тихенькими. За час до чтения шум и гам наполнил клуб. Вдруг стало тихо, словно по условному знаку. Заведующий, прочитавши письмо, поразил всех этим простым, но очень дорогим для нас письмом»¹.

Колонисты писали М. Горькому, что видят в нём пример борьбы за лучшую жизнь, что письма Алексея Максимовича заставили их задуматься о значении труда для счастья человека, о роли учения, о смысле взаимной помощи.

Юные корреспонденты Горького не стеснялись писать о всех мелочах быта колонии, о многих подробностях своей работы.

Группа воспитанников Макаренко, поступивших на рабфак, сообщает Горькому: «Мы, колонисты, выдержали [экзамен] 7 человек, 8-й не выдержал по своему недоразу-

мению, т. е. не то, что он был плохо подготовлен, а слишком отнёсся к этому делу слабохарактерно. Но да это ничего. Каждого человека учат и карают его собственное поведение. [Эта фраза подчёркнута М. Горьким красным карандашом и красным же карандашом рукою М. Горького написано: «Браво!»] И если он в чём-нибудь сгибается на пути своей жизни и эти поступки отражаются на него с плохой стороны, то этот индивидуум должен пенять сам на себя»¹.

За всеми важными и незначительными фактами, о которых мы узнаём из писем, встают люди труда, деловитые и сердечные, весёлые и общительные, любящие свою колонию, преданные коллективу. Когда пересматриваешь сохранившиеся в архиве М. Горького груды листовок пожелтевшей бумаги, исписанных разными, иногда очень корявыми почерками, когда иной раз встречаешь фамилию, знакомую по произведениям писателя, невольно охватывает большое и радостное волнение. Можно представить себе, с каким чувством читали эти письма Макаренко и Горький.

Макаренко признавался Горькому: «Хлопцы заваливают мой стол своими письмами. И спрашивают: «А это ничего, что мы так написали?» После этого можно ещё пять лет поработать в колонии»². «Очень волнуют меня милые письма колонистов, с такою радостью читаю я эти каракули, написанные трудовыми руками»³, — отвечал Горький.

Находясь в Италии, за тысячи километров от колонии, М. Горький хорошо знал, чем жил каждый из отрядов колонистов. Ему были известны имена командиров отрядов, многих из воспитанников колонии. Издалека он следил за их ростом, радовался повышению их культурной и социальной грамотности. Без преувеличения можно сказать, что Алексей Максимович стал не только любимым писателем, но и активным участником жизни коллектива.

Интерес великого писателя к жизни Полтавской колонии, высокая оценка труда её организатора и руково-

¹ Архив А. М. Горького.

² А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 321.

³ А. М. Горький. Письмо к А. С. Макаренко, 12 июня 1926 г. А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 339.

дителя побудили Макаренко поспешить с художественной фиксацией жизни коллектива и своего педагогического опыта. В 1925 году, когда завязалась переписка с Горьким, Макаренко начал писать «Педагогическую поэму».

Есть основание полагать, что на решение Антона Семёновича приступить вплотную к работе над книгой оказало влияние и большое событие в жизни Советской страны — 1-й Всесоюзный учительский съезд, который открылся в начале 1925 года в Москве, в Большом театре. В течение нескольких дней съезд был в центре внимания советского народа, центральной и местной прессы. Выступавший от имени правительства Советского Союза М. И. Калинин обратился к участникам съезда с пламенным призывом. «Учительство должно стать в линию огня... История хочет, чтобы вы выполнили эти задачи, а эти задачи таковы: создать нового человека, бороться за братство народов, за действительное братство народов, за коммунизм¹». Нечего говорить, какой отклик в работе Антона Семёновича получили эти слова.

К этому времени уже начали появляться в печати заметки о жизни колонии. В 1924 году в Харькове вышла в свет небольшая книжка М. И. Маро-Левитиной «Работа с беспризорными», где было уделено внимание Горьковской колонии. Книга была написана правдиво, доброжелательно, и когда в 1925 году А. М. Горький попросил Антона Семёновича прислать отчёт о работе колонии, Макаренко направил ему вместо отчёта книгу Маро, хотя к тому времени данные, приведённые в ней, несколько устарели.

«Приходится описывать колонию не участнику её жизни, а стороннему наблюдателю²», — писала Маро. Эти слова не могли не прозвучать для Макаренко напоминанием о его педагогическом и писательском долге. Книгу о колонии, о найденных в упорном труде и борьбе воспитательных методах, о горьковском коллективе мог лучше всего написать только тот, кто сам создавал колонию, а не посторонний, хотя и доброжелательный человек.

¹ «Правда» от 13 января 1925 г.

² Маро (М. И. Левитина). Работа с беспризорными. Харьков, 1924, стр. 61.

ГЛАВА VIII

ЗРЕЛОСТЬ

Большие педагогические и культурные успехи колонии не могли скрыть от Макаренко, что дальнейшее развитие горьковского коллектива сковано ограниченной материально-хозяйственной базой. Проницательный, умный руководитель понял, что большой и спаянный коллектив может оказаться перед совершенно реальной опасностью остановки в движении, кризиса. Для того чтобы вести коллектив к новым высотам, нужен был иной, более быстрый темп движения, нужна была новая, большая перспектива.

Созданный многолетним напряжением коллектив накопил огромную потенциальную энергию. Теперь ему была бы по силам новая увлекательная и трудная задача.

Опыт работы убедил Макаренко, что детское воспитательное учреждение может нормально жить и развиваться только на базе производительного хозяйства. Это убеждение Антон Семёнович давно уже сумел сделать достоянием всех членов коллектива.

Начались поиски места для переселения колонии. В районе Запорожья, вблизи Днепра и того места, где, по преданию, находилась Запорожская Сечь, была найдена большая полуразрушенная усадьба. Центральную часть имения занимали руины дворца, построенного в стиле старинного замка. Здесь после ремонта можно было

разместить не одну сотню колонистов. Самое же главное — при усадьбе было 1 200 десятин земли, позволявших колонии развернуть крупное сельское хозяйство.

Колонисты знали, что им предстоит проделать большую работу на новом месте, что неизбежны лишения, особенно на первых порах, и всё-таки они единодушно приняли решение о переселении в Запорожье. «Дело поднимаем трудное, — писал Антон Семёнович М. Горькому. — Я не сентиментальный человек, но меня до слёз трогает моя шайка. Казалось, чего бы нужно. Четыре года мы восстанавливали руины здесь [«Трепке»]. Наполовину зимою ходили босые и раздетые. Теперь у нас всё в порядке, чистота и уют, своё электричество и даже прибыль — 120 английских свиней и прочее. А вот-вот всё же бросают это и едут на новые места в разваленный дворец, в опустошённую степь»¹.

И в другом письме: «Сейчас мы живём в большом нервном напряжении и тревоге. Каждое письмо, каждая телеграмма из Харькова² возбуждают надежды и разочарование. Большая радость жить в таком движении»³.

Однако по причинам, не зависящим от Макаренко, переселение колонии в Запорожье не состоялось: слишком крупная сумма требовалась, чтобы привести в порядок вкопанец развалившуюся усадьбу и освоить новые земли. Горьковцам была предложена для переезда крайне запущенная детская колония в Куряже, недалеко от Харькова.

Состояние Куряжской колонии было самое безотрадное: «Трудно представить себе большую степень запустения, хозяйственного, педагогического, просто человеческого. 200 детей живут, не умываясь, не зная, что такое мыло и полотенце, загаживают всё вокруг себя, потому что нет уборных, отвыкли от всякого подobia работы и дисциплины»⁴. «200 детей...представляют из себя огромный

¹ А. С. Макаренко. Письмо к М. Горькому, 24 ноября 1925 г. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 327.

² Харьков тогда был столицей Украинской ССР. Здесь находились учреждения, от которых зависело решение вопроса о предоставлении колонии имени Горького усадьбы в Запорожье.

³ А. С. Макаренко. Письмо к А. М. Горькому, 10 февраля 1926 г. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 329.

⁴ А. С. Макаренко. Письмо к А. М. Горькому, 1926 г., май. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 334—335.

клубок копошащихся в грязи распущенных подростков, привыкших к пьянству и матерной ругани»¹. Таковы были первые впечатления от Куряжа, о которых Антон Семёнович сообщил М. Горькому.

Превратить эту зловонную яму в нормальное жилище, сделать из двух сотен детей и подростков, потерявших человеческий облик, настоящих советских людей — такую цель поставил Макаренко. Коллектив Горьковской колонии с энтузиазмом отозвался на призыв Антона Семёновича.

Новая воспитательная задача была исключительной по своей трудности. Речь шла не о перевоспитании отдельных беспризорных и правонарушителей, а об одновременной перделке сотен людей. Только совершенное владение педагогическим методом, уверенность в воспитательных возможностях горьковского коллектива, только макаренковское дерзание и смелость смогли обеспечить победу.

Как во всяком большом новаторском деле, здесь был элемент риска. Провал «куряжской операции» мог быть для Антона Семёновича, для всей колонии катастрофой. «Не скрою, я немного побаиваюсь. Мне ещё не приходилось сразу нагружать свою волно и нервы такой массой человеческого несчастья, принявшего уже формы застаревших язв, — писал Антон Семёнович М. Горькому...

Разрешите в этот критический и, может быть, самый интересный момент в жизни нашей колонии приветствовать Вас от имени всей колонии и благодарить за ту энергию и бодрость, которую сообщает нам одно Ваше имя, не говоря уже о живом общении с Вами»².

Макаренко разработал детальный, глубоко продуманный в главном и в мелочах план «завоевания Куряжа». Девятого мая 1926 г. Антон Семёнович вместе с четырьмя воспитателями и одиннадцатью воспитанниками выехал в Куряж. Надо было произвести «разведку», отремонтировать часть полуразрушенных помещений и попытаться как-то организовать куряжан. «Жизнь начинается интересная и страшно напряжённая. Самая главная задача — изжить потребительскую философию наших

¹ А. С. Макаренко. Письмо к А. М. Горькому, 8 мая 1926 г. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 334.

² Там же.

новых питомцев. Ко всему они подходят с единственным вопросом: нельзя ли погребить?»¹ — сообщил Макаренко Горькому, которого он держал в курсе всего, что происходило в Куряже.

За короткий срок горьковцы проделали большую тяжёлую работу и подготовили Куряж к переезду колонии. 15 мая 1926 г. коллектив колонии в полном составе прибыл в Куряж. Организованность горьковцев, их весёлая уверенность, их привлекательный внешний вид скоро покорили куряжан, которым оставалось только одно — включиться в жизнь колонии.

Огромную роль в «завоевании Куряжа» сыграла комсомольская организация Горьковской колонии, возглавляемая политруком Т. Н. Ковалем. Комсомольцы составили передовой сводный отряд. В качестве основной организующей силы они вошли в рабочие отряды объединённой колонии. Рабаковцы-комсомольцы, приехавшие в Куряж, стали ближайшими помощниками Макаренко в наиболее ответственные дни.

Решающий перелом в настроении куряжан вызвало письмо Горького, оглашённое после доклада Макаренко о жизни Алексея Максимовича. «Когда я читал его... — писал Макаренко М. Горькому, — мне казалось, что запущенные, одичавшие ребята не поймут великой любви Вашей к Челову и Вашей веры в человеческую культуру, и я думал, что мне придётся много им объяснить, но, когда я прочитал письмо на общем собрании и увидел, как блестящие глаза набежавшей слезой, я понял, что эти оборванные худые дети тоже имеют отношение к человеческим идеалам и что Вы силою своего слова заставили их это почувствовать»².

Каждый из новых колонистов захотел поддержать в своих руках листок со строчками Горького, взглянуть на портрет человека, именем которого названа колония. А вечером, после собрания, воспитанники объединённой колонии — старые и новые — писали Горькому письма. «Благодаря «горьковскому» дню, как наши воспитатели называли воскресенье, первый, самый тяжёлый период овладения Куряжем окончился вдруг в один день нашей блестящей

¹ А. С. Макаренко. Письмо к А. М. Горькому, 1926 г., май. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 335.

² Там же, стр. 337–338.

победой»¹.

Молниеносный удар, на эффект которого рассчитывал Макаренко, целиком оправдал себя. Монолитному коллективу горьковцев сразу же удалось привлечь на свою сторону основную часть обитателей Куряжа. Дальнейшая воспитательная работа развила этот первый большой успех. В массовом перевоспитании куряжан проявилась смелость Макаренко, сила его предвидения, основанная на знании действительности, на всестороннем и точном учёте самых разнообразных факторов, на уверенности в победе сплочённого коллектива над численно превосходящей его толпой.

«Совершенно особое значение», по словам Макаренко, имело для него письмо Горького, написанное через двадцать дней после «завоевания Куряжа». Письмо начиналось дружескими словами приветствия Антону Семёновичу: «Сердечно поздравляю Вас и прошу поздравить колонию с переездом на новое место.

Новых сил, душевной бодрости, веры в своё дело желаю всем вам!

Прекрасное дело делаете Вы, превосходные плоды должно дать оно». В заключение Горький обращался ко всем членам коллектива объединённой колонии: «Будьте здоровы и уважайте друг друга, не забывая, что в каждом человеке скрыта мудрая сила строителя и что нужно ей дать волю развиться и расцвести, чтобы она обогатила землю ещё большими чудесами»².

Это было больше чем одобрение проделанной коллективом необычайно напряжённой работы. Это было признание плодотворности труда Макаренко для Советской страны, для будущих поколений.

Письма от Горького приходили постоянно. Прошло ещё некоторое время, и воспитанники объединённой колонии получили от М. Горького новое письмо, полное любви, внимания и уважения: «Хотелось бы мне, милые товарищи, чтобы и вы поверили друг в друга, поверили в то, что каждый из вас скрывает в себе множество

¹ А. С. Макаренко. Письмо к А. М. Горькому, 1926 г., май. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 337–338.

² А. М. Горький. Письмо к А. С. Макаренко, 3 июня 1926 г. А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 336.

вся атмосфера колонии. Об этом превосходно сказано в воспоминаниях Галины Стахиевны Макаренко.

28 марта 1927 года в Куряже, где за десять месяцев сформировался новый, дружный коллектив, праздновали годовщину рождения М. Горького. В колонию на этот «смейный» праздник, как правило, не приглашался никто из посторонних. Было уютно и как-то по особенному тепло и родственно. Царил праздничное оживление. Гремел духовой оркестр. Колонисты веселились со всей непосредственностью своей юности. В это время двум подросткам — Мите Чевилино и Вите Горьковскому пришлось дежурить на сушилке лесоматериалов. Две девочки-колонистки топили печи в оранжерее, поддерживали нужную для растений температуру. В ещё холодное время года оранжерее нельзя было оставлять без присмотра ни на один час.

Кто-то из гостей пожалел дежурных и сказал, что ребятам должно быть очень скучно в их уединении в такой праздничный день. «Макаренко улыбнулся: «Ну, товарищи, надо людей больше уважать. Почему скучно? Человеку очень свойственно желание подвига и самоотверженности. И в таком сознании собственной силы гораздо больше радости, чем в простом стандартном развлечении. А у нашей молодёжи, дай им только пережить несколько раз это чувство, так потом уже удержу нет. Надо этой радости научить!»¹.

Сказанное тогда Антоном Семёновичем получило многократное подтверждение в жизни созданных им юношеских коллективов, в индивидуальных судьбах его воспитанников. Не раз потом — в колонии и вне колонии, в труде и в бою — люди, воспитанные Макаренко, доказывали справедливость приведенных мудрых слов.

В утверждении высочайшей радости подвига, победной силы хорошего в человеке Макаренко непосредственно перекликается с М. Горьким и К. Станиславским, который в своей замечательной работе «Этика» говорил:

«...Надо верить, что каждый человек в глубине души стремится к хорошему, но ему что-то мешает подойти к этому хорошему. Подойдя к хорошему, он уже не расстаётся с ним, потому что оно всегда даёт больше удовольствия, чем плохое. Главная трудность — узнать

¹ Г. С. Макаренко, Макаренко А. С. — организатор детского учреждения «Советская педагогика», 1943, № 11–12, стр. 36.

препятствия, мешающие верному подходу к чужой душе, и устранить их»¹.

В формировании чувства радости коллективного единства огромную роль играет не только атмосфера, которой окружён ребёнок или подросток, но и личный пример воспитателя. Как бы ни были сами по себе высоки и значительны слова педагога, они не дойдут до сердца тех, для кого предназначены, если не будут подтверждены его жизнью, поведением. И, надо сказать, что ученик, воспитанник — самый строгий, нелицемерный, зоркий критик. От него невозможно скрыть даже малейшую неискренность, непоследовательность, фальшь в ваших словах и поступках. Личность Макаренко стала большой воспитательной силой в колонии имени М. Горького.

Каждый день Макаренко был безраздельно отдан работе, людям. А какие это были нелёгкие дни! В 1928 году Антон Семёнович писал: «...Ни один человек не знает, какой это исключительный трюк — один день «позаковать» колонией Горького. А тут трюк продолжается 8 лет. Я так привык к тяжёлым характеристам и случаям, что, вероятно, без них мне уже будет трудно жить, и как раз потому, что я привык, я переживал весь этот трюк даже с каким-то удовольствием... Я отдал 8 лет жизни... Гимнастике воли и мозга вообще»².

В этом высказывании, не предназначенном для печати, с большой непосредственностью раскрывается не только степень напряжённости и сложности труда Макаренко, но и то высокое чувство удовлетворения, которое испытывал Антон Семёнович, побеждая препятствия, стоявшие на пути.

День Макаренко начинался очень рано. В шесть часов утра Антон Семёнович вставал вместе с колонистами по сигналу трубы. Между семьёю и восьмью часами он был уже у себя в кабинете, который менее всего походил на место уединённой работы, ибо был одновременно учительской и канцелярией. С самого утра сюда приходили командиры отрядов, воспитатели, дежурные по колонии — получать задание на день, посоветоваться о теку-

¹ К. С. Станиславский. Этика, М., 1947, стр. 16–17.

² А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 22 апреля 1928 г.

Архив А. С. Макаренко.

щих делах. Далее Макаренко обходил все уголки колонии и производил самую строгую проверку всех её участков.

Кабинет заведующего был штабом. Сюда сходились почти от каждого участка колонии. Здесь перекрещивались пути колонистов и воспитателей. Здесь происходили заседания совета командиров, разрешавшие все сколько-нибудь существенные вопросы жизни коллектива. Наряду с теми, кому следовало здесь находиться по делу, сюда приходили колонисты, чтобы просто побить с Антоном Семёновичем, который мог быть в это время занят своими делами — что-то писать, беседовать с посетителями, давать указания дежурным, принимать новичков, разбирать недоразумения или споры, мог не обращать никакого внимания на находящиеся в комнате. Колонисты и воспитатели, свободные в это время от работы или учебных занятий, разговаривали друг с другом, шутили, спорили. Когда удивлялись, как Антон Семёнович может в такой обстановке заниматься, он, улыбаясь, говорил, что здесь ему лучше работать. Так Макаренко непосредственнее, полнее ощущал ритм жизни коллектива.

Антон Семёнович общался с колонистами и как деятельный участник органов самоуправления колонии. По любому вопросу, требовавшему коллективного обсуждения и решения, в течение нескольких минут собирался совет командиров, а в случае необходимости — собрание колонистов. Здесь Макаренко был тактичным, умным, тонким руководителем, никогда не стесняющим свободы выражения общественного мнения, не подменяющим своим распоряжением волю коллектива, но в конечном итоге направляющим эту волю.

В поле зрения Макаренко находился каждый из колонистов. Антон Семёнович всегда видел линии движения самых разнообразных характеров, интересы, стремления, желания любого члена коллектива. Это позволяло ему уверенно и твёрдо разрешать все, даже самые запутанные конфликты, воздействовать в нужный момент на отдельного колониста или на группу колонистов.

Общаясь так непосредственно с заведующим, горьковцы воспринимали от него творческое отношение к жизни, умение не только брать, но и отдавать. Воспитанники привыкли считать Макаренко принадлежащим исключительно им, колонистам. Они с гордостью и уважением называли

Макаренко «наш Антон». Его личность определяла моральные нормы, она была примером отношения к миру и к людям. Он был воплощением справедливости, мужества, доброты. И каждый из горьковцев, в меру своих возможностей, стремился быть похожим на Макаренко.

Итак, день заведующего колонией был отдан безраздельно большой горьковской семье. Наступал вечер. Пора было подводить итоги. Макаренко, стоя, выслушивал рапорты командиров всех отрядов о прошедшем рабочем дне, делал замечания, давал указания, вёл подготовку к следующему дню. После этого Антон Семёнович, если считал нужным, сам говорил с отдельными воспитанниками. Обычно в кабинет заведующего вызывались нарушители дисциплины (серьёзные случаи нарушения выносились на коллективное обсуждение). Раздавался сигнал «спать», утихал дневной шум в колонии, и Макаренко, наконец, оставался наедине с самим собой, со своими мыслями.

Теперь, когда все заснули, Макаренко мог посвятить оставшиеся часы литературной работе. Он читает, пишет, размышляет, и даже, уходя домой, ночью, берёт с собой кипу книг, чтобы почитать «на сон грядущий». Несмотря на то что у Макаренко обычно не было ни одной свободной минуты в течение дня, он внимательно следил за специальной педагогической и художественной литературой, постоянно перечитывал писателей-классиков.

Каждый день работы Макаренко был по-своему интересным, новым, прекрасным. Каждый день ставил новые воспитательные задачи. Каждый день был подвигом.

Самоотверженный труд Антона Семёновича вызывал глубокое уважение у окружающих. Удивлением и восхищением личностью Макаренко полны письма М. Горького. В письме от 17 августа 1925 года Горький выражает Макаренко «искреннейшее уважение» за «умный прекрасный труд». 28 марта 1928 г. Алексей Максимович пишет Макаренко: «Вы... большой человек... стотерпец и подлинный друг детей, — примите мой почтительный поклон и моё удивление перед Вашей силой воли»¹. 9 мая того же года: «Какой Вы чудеснейший

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958. стр. 340.

человек, какая хорошая, человека сила»¹. На своей фотографии, посланной в Куряж в марте 1928 года, Горький сделал надпись в предельно простой и краткой форме, выразившей его отношение к Антону Семёновичу: «Уважаемому человеку А. Макаренко. М. Горький».

Вполне закономерно, что человек такого масштаба, как Макаренко, интересует нас не только в сфере его литературной деятельности, но и в той области, которую называют личной жизнью. Мы стремимся всесторонне узнать выдающегося человека не из простого любопытства, не только с узко познавательной целью, а, прежде всего, чтобы приблизиться к его личности, чтобы научиться у него чему-то необходимому и важному.

В 1927 году Макаренко познакомился с Галиной Стахиевой Салько, председателем Харьковской областной комиссии по делам несовершеннолетних правонарушителей. Среди руководящих работников народного образования на Украине Г. С. Салько сумела одна из немногих оценить в то время большое принципиальное значение труда педагогатора и оказала ему моральную поддержку.

Из дружбы, возникшей на почве общих интеллектуальных интересов, выросло большое, глубокое чувство. Галина Стахиевна стала женой Макаренко. Педагог по профессии, историк по образованию, человек большой эрудиции и тонкого художественного вкуса, Галина Стахиевна была верным другом и помощником Макаренко в его педагогической и литературной работе. Это была большая и редкая дружба, основанная на взаимном уважении, на общности интересов, на взаимном глубоком понимании, дружба, прошедшая проверку в суровых испытаниях жизни. Вместе с тем это было плодотворное творческое содружество².

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 345.

² В соавторстве с Галиной Стахиевой А. С. Макаренко написал «Книгу для родителей». После смерти Антона Семёновича Г. С. Макаренко в течение ряда лет возглавляла работу по изучению педагогического и литературного наследия Макаренко в Академии педагогических наук РСФСР, являлась членом редакционной коллегии собрания сочинений Макаренко. Галина Стахиевна консультировала много научных работ о А. С. Макаренко, а также фильм «Педагогическая поэма». В сотрудничестве с кинодраматургом И. М. Маневичем ею написан сценарий «Флаги на башнях». Галина Стахиевна — автор статей о Макаренко и ценных воспоминаний.

Сильное и глубокое чувство творчески обогатило Макаренко, дало ему полноту личного счастья. Мы могли бы только догадываться о том, что происходило тогда в душе Макаренко, если бы до нас не дошли замечательные человеческие и художественные документы — письма Антона Семёновича к жене. Большая часть этих писем относится к 1927–1929 годам, когда болезнь заставляла Галину Стахиевну подолгу лечиться в санаториях.

Письма Макаренко к жене — своеобразный лирический дневник, в котором интимное, узколичное переплетается с общественным. Обычно не любивший говорить о своей внутренней жизни, Макаренко перед дорогим и близким человеком раскрывает себя с исключительной щедростью. Он как бы беседует с близким другом, думает вслух о самых различных вопросах. Макаренко даёт в письмах зарисовки окружавшей действительности, рассказывает о своей педагогической и литературной работе, делится планами на будущее. Огромная ценность писем и в том, что они позволяют ощутить широту и напряжённость творческой мысли Макаренко.

Когда читаешь письма Макаренко, видишь, как с каждым новым письмом всё ширится и растёт ощущение предельной искренности, внутренней свободы, редкой душевной чистоты. Хочется сказать об отношении самого Антона Семёновича к этим письмам:

«Я много писал в своей жизни всяких бумажек, писал и писем много, но ничто и никогда я не писал так непосредственно и свободно, как пишу письма к тебе. Нет, серьёзно, когда я к тебе пишу, я себя почти буквально чувствую поющей птицей, вот такой самой обыкновенной серенькой глупенькой птицей, которая поёт, поёт и страшно рада, что может петь, страшно рада, что светит Солнце! Только конечно же я не соловей, так что-то по-проще»¹.

Любовь обнаружила лиризм, скрытый за привычной для постороннего взгляда сдержанностью Антона Семёновича. Письма Макаренко к жене — это гимны любви, возвышающей и просветляющей человека.

«...Я весь себя ощущаю как бесконечную великую

¹ А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 4 декабря 1929 г. Архив А. С. Макаренко.

стихию любви, благоговения и благодарности всему миру, всему на свете, каждой паршивой козявке, каждому жёлтому осеннему листику за то, что они участвуют вместе со мной и с тобой в этом замечательном мире», – пишет Макаренко жене. И ещё:

«Сколько богатства находишь в себе оттого, что любишь»², — писал Макаренко. «Когда в какую-нибудь тяжёлую минуту я обращаюсь к океану нашего чувства, для меня не существует уже ничего тяжёлого, ничего страшного, ничего горестного. Так прекрасно высоко тогда стоять на ветру, знаете, когда треплется полы, свистит в ушах и захватывает дыхание. И ничего не нужно, кроме этой прекрасной чистой бури, и даже прекрасно, что кругом только небо и дали. Когда много ветра и неба, тогда просыпается какая-то верхняя философия, какая-то особенная ценность человеческой сущности. Это и есть любовь»³.

Только человек необыкновенной чуткости, подлинный художник слова мог найти, например, такое выражение нежности: «...Я по-настоящему тоскую и похож на доberman-пинчера, которого бросил хозяин. Нам в Сочи подарили доberman-пинчера, хозяин привязал его к нашей палатке и ушёл. Собака сначала рвалась за ним, потом улеглась на мешке и плакала на весь лагерь до позднего вечера, а на другой день она не ела и не пила, а молча простояла у входа в палатку целый день, не отрываясь, глядя в ту сторону, куда ушёл хозяин. Никто лучше меня не понимал доberman-пинчера, и я очень ему сочувствовал. Сегодня я и сам такой»⁴.

Макаренко, этот «удивительный человечиче», мог бы сказать о себе, что ничто человеческое ему не было чуждо. Трудно представить его, сдержанного и мужественного, со слезами на глазах, но ведь это так было! «Вот сейчас в кабинете, когда никого уже нет, я Вам печатаю письмо, и плачу, и мне трудно печатать, потому, что сквозь слёзы я плохо

¹ А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 23—24 октября 1929 г. Архив А. С. Макаренко.

² А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 11—12 апреля 1929 г. Архив А. С. Макаренко.

³ А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 27 мая 1928 г. Архив А. С. Макаренко.

⁴ А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 9 сентября 1931 г. Архив А. С. Макаренко.

вижу...»¹ — пишет Антон Семёнович любимой женщине. Это не слёзы душевной расслабленности, это прекрасные слёзы радости от переполнившего сердце чувства.

Любовь обострила у Макаренко поэтическое ощущение окружающей жизни, подняла его на новую, ещё более высокую творческую ступень. Вот два характерных отрывка из писем Макаренко к жене:

«Заходит солнце. Оно как раз освещает мой стол много слева и сзади. Телефон на столе кажется золотым. И золотые окурки в пепельнице. В саду сыгровка оркестра. Какой-то вальс. Кто-то пробежал со смехом мимо окна. А Вы сейчас в купе, и солнце также золотит и Ваши кудри, и Вашего соседа, и свежие чехлы на диванах. Мы с Вами освещены сейчас одним вечерним солнцем»².

«Сегодня я особенно чутко живу любовью к тебе, — пишет Антон Семёнович жене. — ...И сегодня весь мир кажется мне построенным из особенно прекрасного, лёгкого и сияющего материала, страшно обильного и страшно нежного...»

Сегодня я очень сложно и трепетно живу. И, что все-го удивительнее, так же сложно и так же трепетно живёт и всё вокруг меня. Сегодня передо мной прошли неожиданно очень богатые и прекрасные куски жизни, осколки чьих-то радостей, грустные, нежные женские глаза, здоровые нежным детским здоровьем, ясные и ароматные серебряные души наших мальчиков, сегодня особенно одухотворённые и горды строгие формы нашего коллектива... Каким-то образом я увидел сегодня самые тайные прелести вещей, самые богатейшие хрустальные переливы и страшно огромные ценности, заключённые в едва заметном человеческом движении.

Всё меня приводит в восторг, и он тем дороже для меня, что его никто не видит, никто о нём не знает, и я переживаю его в моменты самых будничных вздохов жизни, сопровождаю самыми обыкновенными привычными словами:

...надо ещё прибавить стоимость сушки...

...ваши спинки оказались никуда не годными...

¹ А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 1—2 ноября 1929 г. Архив А. С. Макаренко.

² А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 15 сентября 1928 г. Архив А. С. Макаренко.

...пяти пудов рису маловато, ну да ничего...

А на самом деле мне хочется нежно прижаться к каждой спинке венского стула, к каждому мешку риса, к котлу папровой сушки, ко всем этим замечательно оригинальным и удачным творениям божьим. Они такие прекрасные, все эти милые вещи, которые живут в том самом мире, в каком живёшь и ты...»¹

«Нужно учить любви»; «мы должны уметь любить, знать, как нужно любить», — не раз говорил Макаренко. Здесь важны не только отвлечённые рассуждения, а живые примеры. Одним из таких замечательных примеров является большое, красивое, глубокое человеческое чувство самого Макаренко.

Именно к жене и другу обращены слова Макаренко, раскрывающие высокий пафос его творческой деятельности. Эти слова из письма Антона Семёновича, написанного в Куряже, в колонии имени Горького, ночью, после исполненного забот рабочего дня:

«Сейчас 11 часов. Я прогнал последнего охотника использовать мои педагогические таланты и одинокий стою перед созданным мной в семилетнем напряжении моим миром.

Не думайте, что такой мир очень мал. Мой мир в несколько мириадов раз сложнее вселенной Фламариона, и, кроме того, в нём отсутствуют многие ненужные вещи фламарионовского мира, как-то: звезда Сириус или Альфа Большого Пса, но зато в моём мире есть множество таких предметов, которые ни один астроном не измерит при помощи самых лучших своих трубок и стёклышек.

Мой мир — люди, моей волей созданная для них разумная жизнь в колонии и постоянная сложная и тонкая борьба со стихией утверждающих себя я.

Мой мир — мир организованного созидания человека. Мир точной ленинской логики, но здесь столько своего, что это мой мир...»²

Жена стала помощником в литературной работе Макаренко. Писатель, как правило, никому, даже близким друзьям и знакомым, не показывал своих записных книжек,

¹ А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 1929 г., ноябрь. Архив А. С. Макаренко.

² А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко. Июль, 1927 г. «Литературная газета», 28 мая 1960 г.

предварительных планов, набросков, незаконченных вариантов.

Отсутствие черновых рукописей и записных книжек с подготовительными материалами к «Поэме» создают почти непреодолимые трудности для выяснения детальной, документально-точной картины первого этапа работы писателя над произведением. Тем большую ценность представляют страницы воспоминаний Г. С. Макаренко, относящиеся к этому периоду работы писателя.

Особенно интересен рассказ о том вечере, когда Антон Семёнович впервые поведал Галине Стахиевне о своей литературной работе. Это было 17 мая 1927 года, когда колония имени М. Горького праздновала годовщину переезда в Куряж.

«После спектакля [была поставлена пьеса М. Горького «Враги», — вспоминает Галина Стахиевна, — мы вместе с Антоном Семёновичем вышли на двор. Прозрачные майские сумерки были расцвечены длинными гирляндами разноцветных лампочек, благоухала магиола, звенели серебряные дисканты пацанов, звучал молодой смех и весёлый говор, далеко в конце огромного двора щебетали девочки. Иногда в эту сложную симфонию вступал колониальный оркестр. Мы сели с Антоном Семёновичем на скамейку под старой развесистой монастырской липой и говорили о празднике, о ближайших планах и далёких путях колонии. Антон Семёнович был очень оживлён и разговаривал в этот вечер, что редко с ним случалось, обычно он больше слушал, чем говорил сам.

А когда у пруда взлетела первая ракета, Антон Семёнович юношески легко поднялся и позвал меня смотреть отражение фейерверка в воде. Он долго молча, задумчиво следил за причудливой игрой огня в неподвижной глади пруда...

При многоцветном мерцании тающих во мраке ночи звёзд фейерверка Антон Семёнович впервые тогда сказал мне: «Я пишу книгу о колонии, о нашей работе и борьбе, может быть о себе... Но только это секрет. Потому что толк из этого едва ли будет»¹.

¹ Г. С. Макаренко. Работа А. С. Макаренко над созданием «Педагогической поэмы». Сб. «А. С. Макаренко». Львов, 1949 г., стр. 119–120.

Через несколько дней он положил на стол Галины Стаховичны стопку «четвертушек» бумаги. Это были восемь глав, составившие потом начало «Педагогической поэмы», кроме первой главы, созданной позднее. Написанное Макаренко поразило Галину Стаховичну своей новизной, поэтической, художественной силой.

Несмотря на горячее одобрение своего первого читателя, Антон Семёнович не сразу стал продолжать свою работу. Мешала всё возрастающая загруженность в колонии. К тому же Макаренко всё ещё не был до конца уверен, следует ли ему отдавать немного свободного время литературе. В этом он сознавался в одном из писем к Галине Стаховичне: «Я всегда думаю так: лучше быть ярким заведующим колонией, чем сереньким писателем... Вообще: если писать книгу, то только такую, чтобы сразу стать в центр общественного внимания, завертеть вокруг себя человеческую мысль и самому создать нужное сильное слово»¹.

Макаренко хорошо понимал всю трудность поставленной задачи и необходимость каких-то необычных путей для художественного воплощения жизни колонии. Вглядываясь как художник в окружающую его действительность, Макаренко по-новому ощущал её поэтическую значительность. В этом смысле характерен отрывок из письма Антона Семёновича, относящийся к середине марта 1928 года (колония тогда переживала временные материальные затруднения):

«В колонии ни кусочка угля, кое-как топим дровами. Совершенно босых человек пять... Нет, всё-таки до чёрта поэзии в этой колонии имени Горького. Нужен поэт побольше Пушкина, чтобы увидеть эту поэзию и уложить в стихи. Сейчас в канцелярии и в кабинете греются согни полторы и толкуют о том, что теперь можно и без дров жить, потому что скоро весна»².

Необходим был какой-то решающий толчок, который заставил бы Макаренко отдать себя литературе. Таким толчком стала встреча Антона Семёновича с Горьким.

¹ А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 10 марта 1928 г. Архив А. С. Макаренко.

² А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 11 марта 1928 г. Архив А. С. Макаренко.

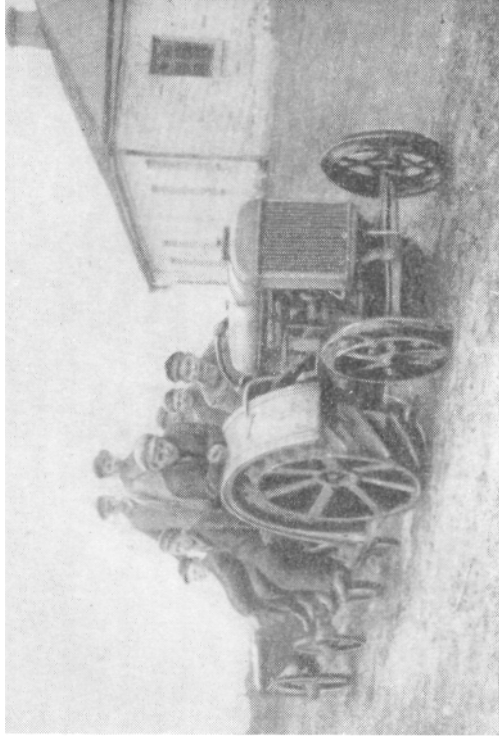
ГЛАВА IX

ВСТРЕЧА С М. ГОРЬКИМ

1928 год, который дал Макаренко полноту личного счастья, ознаменован другими — радостными и печальными — событиями в жизни Антона Семёновича. Как раз в период наибольших достижений Горьковской колонии Макаренко стал объектом особенно ожесточённых нападок со стороны противников новаторской революционной педагогики, имевших тогда большую силу и влияние. Эти нападки поставили под угрозу результаты многолетнего труда Макаренко.

Так, например, Макаренко едва выбрался из больших неприятностей из-за того, что во время осенних полевых работ 1925 года практиковал соревнование отрядов. Противники Макаренко утверждали, что соревнование — буржуазная система.

Враги Макаренко легко согласились на переезд колонии в Куряж, втайне надеясь, что здесь его воспитательные методы потерпят крах. Они предложили свой план постепенного внедрения в среду куряжан. В случае принятия этого плана была бы совершенно реальна опасность разлагающего влияния толпы куряжан на коллективно меньший коллектив горьковцев, среди которых было довольно много новичков, лишь недавно пришедших с улицы. Макаренко решительно отверг этот план. Антону Семёновичу удалось успешно осуществить

Первый трактор в колонии имени М. Горького. Куряж. 1927 г.

свою идею «завоевания Куряжа», основанную на единовременном ударе. Деятели педагогического «Олимпа» снова потерпели жестокое поражение.

Успехи Макаренко опровергали концепции педологов. При этом речь шла не о каких-либо частных методических вопросах, а об основном, краеугольном вопросе отношения к человеку и магистральном пути его воспитания. Педологи ошибочно пытались вывести законы воспитания непосредственно из законов психологии ребёнка. Они неправильно понимали роль наследственности, среды и недооценивали активную деятельность самих воспитанников.

Макаренко показал, что характер человека может и должен быть изменён под влиянием правильно организованного коллектива. Вот почему практика Макаренко и теоретические обобщения его опыта, сформулированные уже тогда в ряде устных и письменных выступлений, вызвали бешеную злобу со стороны педологов. Прикрываясь лженаучной, псевдореволюционной фразой, не останавливаясь перед клеветой, противники Макаренко стремились всячески опорочить его воспитательные достижения.

Новое значительное столкновение Макаренко с «олимпийцами» было связано с проектом так называемого

трудового корпуса. Стремясь всемерно расширить свой опыт, распространить его на широкий круг детских воспитательных учреждений Харьковской области, Антон Семёнович в 1927 году выступил с проектом объединить работу всех 18 трудовых колоний Харьковщины, многие из которых были на грани полного развала. Педагогической основой этого объединения должен был быть многократно проверенный практикой опыт колонии имени М. Горького.

Несмотря на сопротивление работников наробраза, проект был принят. Во главе Управления детскими колониями стала по совместительству Галина Стахиевна Салько, её заместителем был назначен Макаренко, а заведование производственной частью было возложено на агронома Н. Э. Фере. Конечно, осуществление плана Макаренко полностью ликвидировало бы развал в других колониях и вызвало к жизни новый интереснейший воспитательный опыт.

Противники Макаренко, вынужденные до поры до времени терпеть существование возглавляемой Антоном Семёновичем Харьковской колонии, никак не могли примириться с широким распространением влияния его новаторской педагогики. Они мобилизовали все средства, чтобы свести на нет замысел Макаренко, и, к сожалению, им удалось это сделать.

В начале 1928 года Антон Семёнович принял на себя руководство Управлением детскими колониями вместо серьёзно заболевшей Г. С. Салько. Однако обнаружилась совершенная невозможность продолжать работу, и Макаренко вынужден был уйти из управления, очень скоро ликвидированного к удовольствию «олимпийцев». О причинах ухода Антон Семёнович так писал Горькому в феврале 1928 года: «Мы страшно много пережили за последние полгода, много работы и много борьбы, и чуть-чуть не погибли... Случилось то, чего я даже не мог предполагать раньше: со мной как будто не спорили, но даже ни разу и не выслушали, по частям растащили весь мой план, отказали по мелочам на самых формальнейших основаниях в очень важных организационных деталях, а кроме того, в самом подборе персонала прямо задавили самыми дикими кандидатами.

Во всей этой борьбе я нажил кучи врагов, и началась самая обыкновенная история: обрушились на колонию имени М. Горького...

У нас, правда, нашлись и друзья, но я в сущности не имел ни одной свободной минутки для борьбы. Я поэтому ушёл из Управления колониями и теперь кое-как отбиваюсь от всяких кирпичей вдгонку»¹.

Действительно, трудовая нагрузка Макаренко, и без того очень большая, возросла вдвое. Летом 1927 года Макаренко начал работать во вновь организованной Харьковской трудовой коммуне имени Ф. Э. Дзержинского. В ноябре он был назначен начальником коммуны. Таким образом, Макаренко пришлось делить своё рабочее время между двумя воспитательными учреждениями.

Положение осложнялось и трудностями в Горьковской колонии. Состав колонистов был увеличен до 400 человек. Наступила очень суровая зима. Ветхие стены старых курьяжских зданий пропускали холод. Чрезмерно лёгкая одежда колонистов плохо защищала их от мороза. Но и в этих тяжёлых условиях спокойно и ровно бился пульс жизни коллектива. Об этом Антон Семёнович писал в одном из писем:

«У горьковцев в спальнях обувь примерзает к полу, валится везде шпукатурка, в каторгу обратилась топка печей «Горячим» сводным отрядом, сотни новеньких, не могущих пройти по лестнице, чтобы не плюнуть, срывается «мат», светят иногда голые колени — отчаянная борьба за жизнь, за каждую латку, за огрызки ботинок, но зато весёлый, дружный тон, дисциплина, смех, гремит оркестр — играет «Весёлого горьковца»...»²

Тогда же, в начале 1928 года, в газетах появились сообщения, что Горький приезжает в СССР. О встрече с другом и шефом колонии Макаренко и его воспитанники мечтали давно. «По Вас прямо скучают», — писал Антон Семёнович М. Горькому. — Как будто раньше видели Вас и давно уже пора повидаться. На Вашем портрете разглядывают морщинки и спрашивают, какого Вы роста и какой у Вас голос. Я говорю, что Вы высокий, худой, говорите басом, очень сердитый и страшно добрый. А какого цвета Ваши усы,

¹ А. С. Макаренко. Письмо к А. М. Горькому, 25 февраля 1928 г. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 341–342.

² Там же, стр. 343.

затруднился определить»¹.

Мечта становилась реальностью. Было получено письмо от самого Алексея Максимовича, он сообщил, что посетит Куряж во второй половине июня. Это известие радостно взволновало Макаренко, воспитателей и колонистов.

В это же время Макаренко испытывал всё возрастающий натиск «олимпийцев». Куряж посещали различные комиссии и инспектора, пытавшиеся собрать материалы для дискредитации руководителя колонии. Нужно было обладать непреклонной силой воли, огромной выдержкой, горячей верой в своё дело, чтобы разоблачить эти явные и тайные козни. Антон Семёнович трагил себя не только на прямую, требующую максимального напряжения сил организационную, педагогическую работу, но и на то, чтобы отражать атаки сторонников педологии.

14 марта 1928 года на заседании секции социального воспитания Украинского научно-исследовательского института педагогики совместно с представителями Наркомпроса Украины был заслушан доклад Макаренко о его педагогических взглядах и об итогах работы в Горьковской колонии. Врагам Макаренко удалось добиться резолюции этого ответственного собрания, осудившей воспитательные методы Макаренко.

По существу, это означало требование оставить колонию. Однако Антон Семёнович категорически заявил, что он уйдёт только после того, как примет Горького в Куряже. С этим противники Макаренко не могли не почитать. Уход Макаренко накануне приезда Горького мог бы получить совершенно нежелательный для «олимпийцев» обществственный резонанс.

Возникает вопрос: почему в своей борьбе Антон Семёнович не воспользовался поддержкой Горького? Макаренко объяснял это прежде всего необходимостью беречь здоровье и силы своего учителя и друга. Кроме того, Антон Семёнович был убеждён, что в тогдашних условиях «борьба была неравная» и «поражение было неизбежно». Итак, Антон Семёнович не поставил в извест-

¹ А. С. Макаренко. Письмо к А. М. Горькому, 16 июня 1926 г. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 338.

ность Горького о том, что его уход из колонии предreshён.

«...Сейчас у меня момент наивысшего напряжения в борьбе. Мне нужно сейчас нечеловеческое напряжение и прямо гений, чтобы с честью донести дело до берега»¹, — писал Макаренко.

Все мысли Макаренко были направлены теперь к тому, чтобы достойно встретить Горького: «Мы живём сейчас исключительно под знаком Вашего приезда, думаем только о Вас, говорим только о Вас; работаем только для того, чтобы увидели Вы нашу работу. И я вместе с ребятами могу сейчас думать, говорить и писать только о Вашем приезде»². Так передал Макаренко в письме к Горькому общее настроение колонистов и персонала колонии.

В конце июня делегация колонии в составе двух воспитанников И. Шершнёва и Д. Чевелия посетила Алексея Максимовича в Москве и пригласила писателя побывать в Курыже. М. Горький тепло принял колонистов и обещал в самом скором времени побывать в Курыже. Слово своё Алексей Максимович сдержал.

Торжественно встреченный в Москве сотнями тысяч людей, от души приветствовавших великого писателя, Горький после многочисленных выступлений перед рабочими, учёными, писателями, красноармейцами предпринял поездку по Советскому Союзу, чтобы собственными глазами увидеть результаты гигантской созидательной работы народа. Первыми пунктами этой большой поездки были намечены Харьков и Курыжская колония.

Колонисты стремились как можно лучше, наряднее убрануть колонию к приезду Горького. Они сами, с любовью, уютно и просто, обставили комнату, где должен был жить их гость. На большой, специально разбитой клумбе был выложен из цветов красивый вензель — инициалы «М. Г.». В помещении клуба и на стенах здания были развешаны полотно с текстами из произведений Горького. С особенной придирицательностью отнеслись колонисты к чистоте и порядку на территории Курыжа.

¹ А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 17 мая 1928 г. Архив А. С. Макаренко.

² А. С. Макаренко. Письмо к А. М. Горькому, 9 июня 1928 г. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 346.

Наконец наступил давно ожидаемый день встречи. При жизни Горького сам Макаренко не решился подробно описать этот важнейший эпизод своей биографии. Он сделал это позднее. Кроме того, сохранились воспоминания других очевидцев встречи и опубликованные тогда в прессе статьи и заметки. Все эти материалы дают возможность восстановить картину памятных горьковских дней.

«8 июня 1928 года вся колония проснулась в четыре часа утра. Поезд, с которым должен был приехать Горький, прибывал в семь тридцать. Рано утром 70 Лучших колонистов во главе с Макаренко ушли на Харьковский вокзал, чтобы встретить Алексея Максимовича почётным караулом.

«Горьковцы стрункой подтянулись вдоль перрона. Необычайная тишина. Гремит «Интернационал», и вагон медленно подходит к дебаркадеру. В окне Алексей Максимович. Горьковцы под звуки встречного марша салютуют своему шефу.

Зав. детской колонией имени писателя Макаренко на ходу пожимает Горькому руку и кричит: «Ура!.. Горький с нами!..»

Восторженные детские голоса подхватывают, и долгое «ура» несмолкаемо гремит по перрону. Горький принимает почётный караул.

Самого крохотного воспитанника обнимает Алексей Максимович и с ним оканчивает обход почётного караула. Малыш-горнист, несмотря на всю серьёзность момента, не выдерживает:

«А куда ж вы теперь?!»

Горький хлопает по плечу своего подшефного, успокаивает: «Только к вам... К моим ребятам»¹.

После торжественного многолюдного митинга на вокзальной площади и заседания украинского правительственного представительства общественных организаций М. Горький в середине дня выехал в Курыжскую колонию. Чтобы своевременно оповестить колонию о появлении Алексея Максимовича, по дороге были поставлены верховые. За несколько километров до Курыжа Горького встретил всадник-горнист — пионер, воспитанник колонии.

¹ «М. Горький в Харькове». «Вечернее радио» (Харьков). 9 июля 1928 г.

Алексей Максимович вошёл на просторный куряжский двор. Здесь его ждал строй 400 колонистов во главе с ведущим колонией. На глазах у всех Горький обнял и поцеловал Макаренко. До глубины души взволнованы были Алексей Максимович и Макаренко, взволнованы и потрясены были все участники встречи — взрослые, подростки, дети.

«Алексей Максимович медленным шагом обходит ряды, прищурился глаз, словно пытается вспомнить: не с этим ли он переписывался?»

Колонисты жадно прислушиваются, пытаются уловить хотя бы звук его голоса, но вместо слов они увидели низко опустившиеся густые брови и слёзы, ничем не скрываемые слёзы, бежавшие из глаз Горького¹, — писал очевидец встречи.

Парад окончился. Строй поломан. Колонисты радостной толпой окружили Горького. ...Немного отдохнув в пригтовленной для него комнате, Алексей Максимович принял участие в торжественном обеде, который ради дорогого гостя начали позднее обычного. Обедали, как всегда, по отрядам. Каждый отряд хотел видеть за своим столом Горького, и Алексей Максимович должен был, хоть немного, побывать вместе со всеми.

После обеда, окружённый толпой детей, Горький отправился осматривать колонию, хорошо ему известную заочно. Алексей Максимович своими глазами увидел и гордость колонии — свинарню, и молочную ферму, и плодовый сад, и оранжерею. А самое главное, М. Горький познакомился и подружился со многими воспитанниками, которых он знал только по письмам.

Макаренко сделал всё, чтобы Горький чувствовал себя в колонии возможно проще, чтобы общение колонистов с Алексеем Максимовичем было наиболее близким.

«Ребята, — пишет Н. Э. Фере, — справедливо считали, что Горького безусловно интересует всё, что есть в колонии, и водили Алексея Максимовича по всем, даже самым отдалённым уголкам Куряжа... И на каждом шагу засыпали его бесчисленными вопросами. Алексей Максимович без конца отвечал и отвечал, глядя на ребят со своей спокойной, ласковой и мудрой улыбкой.

А. М. Горький и А. С. Макаренко среди воспитанников колонии им. М. Горького. Куряж, 1928 г.

¹ Журнал «Октябрьские всходы», 1928, № 14 (июль), стр. 1.

— Вот наш Молодец! Правда, он попомок орловских рысаков? — спросили ребята, приведя его на конюшню.

Алексей Максимович не возражал и даже нашёл у Молда какие-то стати, подтверждающие породу. Осмотрели и других лошадей. Затем вышли во двор, где возле кор-мушки, опустив голову, стоял конь Малыш, доживавший у нас свою старость. Ребята захотели и Малыша показать Алексею Максимовичу. С невинным видом спросили они у Горького, сколько, по его мнению, лет Малышу.

Алексей Максимович сказал:

— Надо думать, лет пятнадцать уже есть. Ребята загал-дели все сразу:

— Что вы, что вы, гораздо больше, — и стали звать Си-лантия Грищенко [прототип Отчана в «Педагогической поэме»], нашего старшего конюха.

Силантій, который всем говорил «ты», независимо от пола и возраста собеседника, явился незамедлительно.

— Смотри, Алексей Максимович, — сказал он, откры-вая рот Малышу, — зубы-то совсем истёр, гладко ведь... Никак ему не меньше тридцати. Да ты рукой пощупай, не бойся! Пока язык держу, не куснёт!

И Алексей Максимович, к ликованию ребят, вынужден был заглянуть Малышу в рот и «рукой пощупать», чтобы убедиться в старости нашего водовоза. Впрочем, всё это доставляло Горькому видимое удовольствие, его радовали и галдёж ребят, и споры с ними, и их жадная заинтересо-ванность во всём, что касается колонии, и их стремление узнать, как он относится ко всем деталям колонийской жизни»¹.

Вечером Алексей Максимович присутствовал на общем собрании колонистов. Здесь Горький выслушал рапорты командиров отрядов. Один из воспитанников преподнёс М. Горькому коллективный подарок — большой альбом, на тёмно-красном переплёте которого были золотом вытесне-ны слова: «Наши жизни — Горькому — горьковцы». Аль-бом содержал 264 биографии колонистов, написанных ими самими.

С кратким приветствием к гостю обратился Антон Се-мёнович. «Вы знаете, Алексей Максимович, — говорит за-ведующий колонией Макаренко, — что в основе нашей

¹ Н. Фере. Мой учитель. «Новый мир», 1953, № 4, стр. 169.

работы лежит нежелание знать то проклятое прошлое, что окружало ребёнка до поступления в колонию. Вот тогда, когда он переступает порог колонии, мы делаем всё возможное, чтобы он забыл это проклятое прошлое. Прошлого нет — есть настоящее. И колонисты по сво-ему собственному почину решили однажды вспомнить это тяжёлое прошлое, передать в своих биографиях, на-писанных коряво, передать тому, кто всю жизнь собирал правду, и если, Алексей Максимович, Вы сможете хотя бы небольшую часть использовать для своих произве-дений, колония будет бесконечно благодарна. Один раз мы позволили себе вспомнить о наших тяжёлых, безра-достных днях, наполненных страданием, один раз мы вспомнили это, чтобы это окончательно забыть»¹.

В предисловии к альбому Макаренко сознавался, что сначала ему казалось, что сборник автобиографий будет иметь значение только скромного человеческого доку-мента, так как задача изобразить своё прошлое, конечно, не по силам колонистам. Но, по мере того как возросло количество материалов, у Антона Семёновича менялось к ним отношение.

«Когда я печатал [на пишущей машинке] согую био-графию, — говорил Макаренко, — я понял, что я читаю самую потрясающую книгу, которую мне приходилось когда-нибудь читать. Это — концентрированное детское горе, рассказанное такими простыми, такими безжалост-ными словами. В каждой строчке я чувствую, что эти рассказы не претендуют на то, чтобы вызвать у кого-нибудь жалость, не претендуют ни на какой эффект, это простой искренний рассказ маленького, брошенного в одиночестве человека, который уже привык не расчи-тывать ни на какое сожаление, который привык только к враждебным стихиям и привык не смущаться в этом по-ложении. В этом, конечно, страшная трагедия нашего времени, но эта трагедия заметна только для нас, для беспризорных здесь нет трагедии — для них это при-вычное отношение между ними и миром»².

Прошлое колонистов, вставшее из скупых строк их записей, на радостном фоне настоящего делало ещё

¹ Вл. Ефимов. М. Горький у горьковцев. «Октябрьские вихоры», 1928, № 14, стр. 2.

² А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 288.

более наглядным расстояние, пройденное каждым из воспитанников. Это совсем недавно прошлое было подобно свинцово-мрачной полосе уходящей тучи, ещё более тёмной при ярком свете солнца, освещающего омытую дождём землю. М. Горький по достоинству оценил значение сборника и назвал его «прекрасным подарком». Материалы автобиографий колонистов были вскоре использованы писателем в очерке «По Союзу Советов».

Но вот, точно символизируя прошлое соген детей, среди участников собрания появился оборванный и грязный беспризорный. Услышав о празднике, мальчик пришёл в Курьяж просить, чтобы его приняли в колонию. В полной тишине, при напряжённом внимании Горького и всех собравшихся, беспризорный рассказал печальную историю своей маленькой жизни. Вопрос о приёме новичка единодушно решается собранием, и мальчик отныне становится полноправным членом горьковского коллектива.

Собрание окончено.

«Горький поднимается и при абсолютном молчании несколько минут не может овладеть собой.

— Спасибо, товарищи! Ваше внимание, ваши речи меня глубоко тронули. Я очень счастлив, но я вам, товарищи, больше ничего не могу сказать. Я очень взволнован, я завтра поговорю с вами.

Последнее «ура»... и Горький удаляется в свои комнаты»¹.

На следующий день Горький встал вместе с колонистами в шесть часов утра. Макаренко решил не менять из-за гостя обычного распорядка дня. Разнообразные, необходимые работы шли своим ходом. В эти июльские дни была страдная пора косовицы. Горький на тракторе отправился в поле, где предстояло скосить овёс и вику. Алексей Максимович любовался спорой работой сенокосилок. А когда надо было скосить оставшиеся нескошенными углы поля, Горький взял у кого-то из ребяг косу и очень легко, без всякого напряжения начал косить вместе с колонистами. В Горьком проснулся рабочий человек. Увидев в столярной колониста, стругавшего доску, Алексей Максимович обратился к нему: «А ну, дай-ка рубанок, как ты нож заправил?»

¹ *Вл. Ефимов*. М. Горький у горьковцев. «Октябрьские восходы», 1928, № 14, стр. 3.

И Горький внимательно осмотрел его, сам, с ловкостью заправского столяра, прошёлся по доске. Ребятя удивлены. Шёлот восхищения прокатывается по мастерской. — Может! А я думал, что он шутит...»¹

Столярная мастерская колонии изготовляла деревянные ящики для упаковки. Приёмка продукции заказчиком — представителем завода — состоялась в присутствии Горького. По просьбе курьяжан Алексей Максимович написал счёт за ящики и расписался в получении денег за выполненную его подшефными работу.

Горький успевал побывать везде. Алексей Максимович был весел, общителен, много шутил, смеялся. «Удивительно легко и просто чувствовал я себя среди них [воспитанников Макаренко], а я — человек, не умеющий говорить с детьми, всегда боюсь, как бы не сказать им что-то лишнее, и эта боязнь делает меня косноязычным»², — рассказывал потом Алексей Максимович.

Колонистам тоже легко было с Горьким. Они окружали Алексея Максимовича, рассказывали о своей жизни и работе, делились планами на будущее. И лучше всего они выразили свои впечатления об Алексее Максимовиче в простых словах: «Горький — как мы!».

Волнующим эпизодом второго дня пребывания Горького в Курьяже была постановка пьесы «На дне» силами курьяжан. Особенно понравилось автору исполнение роли Сатина бывшим колонистом Н. Шершнёвым (Вершевым в «Педагогической поэме»). Вдохновенные слова «Человек — это звучит гордо» Горький услышал из уст того, кто в условиях дореволюционной России был бы обречён на гибель, а ныне стал человеком нового, социального общества. В этом был живой символ эпохи, открывшей новые пути перед человеком.

Свои впечатления от Курьяжской колонии Горький передал в одном из очерков «По Союзу Советов», опубликованном в журнале «Наши достижения». На немногих страницах обстоятельно и точно писатель рассказал об укладе жизни колонии, о том, как изменилось лицо её воспитанников, испытавших счастье дружного коллектива.

¹ «Октябрьские восходы», 1928, № 14, стр. 3.

² *М. Горький*. По Союзу Советов. Собрание сочинений в 30 томах, т. XVII, Гослитгиздат, М., 1952, стр. 165.

вного труда. За внешней сдержанностью и документальной точностью рассказа читатель ощущает любовь Горького к молодым советским людям, воспитанным колонией, и восхищение подвигом воспитателей.

Вместе с Макаренко очерк прочитали тысячи читателей Советской страны. Многие из них впервые из слов Горького узнали о жизни и достижениях коллектива горьковцев. Рассказ о Куряжской колонии был мастерски «вписан» автором в общую картину гигантского творческого роста обречённой и возрождённой Страны Советов.

«Они [колониисты] охотно идут на всякую работу, легко подчиняются трудовой дисциплине, если она тактична и не оскорбляет их сознания собственного достоинства; они хотят учиться и хорошо учатся. Им понятно значение коллективного труда, понятна его выгода. Я бы сказал, что жизнь, хотя и суровая, но превосходная воспитательница сильных, воспитала этих людей коллективистами «по духу». Но в то же время почти каждый из них — индивидуальность, уже очерченная более или менее резко, каждый из них — человек «со своим лицом». Колониисты Куряжской трудовой колонии вызывают странное впечатление «благовоспитанных». Это особенно наблюдается в их отношении к «маленьким», к новичкам, которые только что пришли, или которых привели... Кто мог столь неузнаваемо изменить, перевоспитать сотни детей, так жестоко и оскорбительно помятых жизнью? Организатором и заведующим колонией является А. С. Макаренко. Это бесспорно талантливый педагог. Колониисты действительно любят его и горят о нём тоном такой гордости, как будто они сами создали его. Он — суровый по внешности, малословный человек лет за сорок, с большим носом, с умными и зоркими глазами, он похож на военного и на сельского учителя из «идейных». Говорит хрипло, сорванным или протуженным голосом, двигается медленно, всюду поспекает, всё видит, знает каждого колонииста, характеризует его пятью словами и так, как будто делает моментальный фотографический снимок с его характера. У него, видимо, развита потребность мимоходом, незаметно, приласкать малыша, сказать каждому из них ласковое слово, улынуться, погладить по стриженной головке...

А. С. Макаренко умеет говорить детям о труде с тою спокойной, скрытой силой, которая и понятней,

и красноречивее всех красивых слов»¹.

Алексей Максимович находился среди воспитанников колонии с утра до вечера. Только когда колониисты ложились спать, Макаренко удавалось побывать наедине с Горьким. Эти беседы в тишине позднего вечера были значительными и глубоко волнующими. Ведь Макаренко встретил писателя, под знаком которого прошла его жизнь. Для Горького встреча с Макаренко тоже была счастливой встречей. Алексей Максимович увидел человека, сумевшего воплотить в своей воспитательной работе пафос коллективного труда, творчества, социального гуманизма.

Беседа с Горьким была своеобразным отчётом Макаренко за восемь лет работы, подведением итогов педагогического опыта. Работа Макаренко была близка Горькому и во всей её конкретности, и со стороны больших принципиальных вопросов. По словам Макаренко, Алексей Максимович «интересовал новые позиции человека на земле, новые пути доверия к человеку и новые принципы общественной, творческой дисциплины»².

Макаренко был поражён умением Горького проникать в существо педагогических методов, умением из множества разнообразных фактов выделять важнейшие, подниматься от частных случаев до широких обобщений.

Дни, проведённые с Горьким, были новым огромным стимулом и для Макаренко-писателя. Узнав Антона Семеновича лично и познакомившись с результатами его труда, Горький сказал ему: «Вы должны писать обо всём этом. Нельзя молчать... Пишите книгу». Этот настоятельный совет вдохновил Макаренко, и, как бы потом ни трудно складывались иногда обстоятельства, Макаренко не бросал литературной работы.

Отправляясь в путешествие по СССР, Горький взял с собой в поездку трёх воспитанников колонии — С. Кабалина, Н. Шершнёва и П. Архангельского.

Макаренко назвал встречу с Горьким в Куряже «самыми счастливыми днями» своей жизни. Но, к сожалению, за этими большими и радостными днями последовали другие дни, полные драматического напряжения

¹ М. Горький, По Союзу Советов. Собрание сочинений в 30 томах, т. XVII, Гослитиздат, М., 1952, стр. 165–167.

² А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 154.

А. М. Горький и А. С. Макаренко среди бывших колонистов-рабфаковцев. 1928 г.

и печали.

Ещё во время пребывания Горького в Куряже туда приехал один из руководящих работников Наркомпроса УССР с целью уговорить Макаренко сделать «минимальные уступки» в системе воспитания, принятой в колонии. Это был доброжелательный по отношению к Макаренко человек, и он искренне надеялся ценой уступок удержать Антона Семёновича в Куряже. Но Макаренко не мог пойти на компромисс. Со свойственной ему принципиальностью он отверг предложение представителя Наркомпроса и заявил, что никаких, даже самых минимальных, уступок с его стороны не будет.

В письме к заведующему главным управлением социального воспитания Наркомпроса РСФСР, перечисляя основные тезисы воспитания, осуществляемые в колонии имени М. Горького, Макаренко писал:

«Я уверен, что в колонии имени Горького осуществлён настоящий советский соцвос [социальное воспитание]. Не имею никаких оснований усомниться хотя бы в одной детали. И поэтому по совести не могу ничего изменить, не рискуя делом.

Всё это заставляет меня просить Вас привести в исполнение Ваше решение снять меня с работы... Я предпочитаю скорее остаться без работы, чем отказаться от организационных находок, имеющихся, по моему мнению, важное значение для советского воспитания»¹.

3 сентября 1928 года Макаренко был уволен с должности заведующего колонией имени М. Горького. Уходя из колонии не был моральным поражением Макаренко. Это было вынужденное отступление, и Антон Семёнович, по его выражению, отступил в полном порядке. Внешне он был, как всегда, энергичен, бодр и подтянут, хотя разрушение своего дела переживал с большой болью.

«Меня тревожит какой-то скучный, буднично-тон моей работы. Здорово-таки повредили мой пафос, без которого я раньше не начинал ни одного дня»², — писал Антон Семёнович вскоре после ухода из Куряжа. Но это был кратковременный упадок, преодолённый твёрдой

¹ А. С. Макаренко. Соч., т. VII, М., 1958, стр. 414.

² А. С. Макаренко Письмо к Г. С. Макаренко, 26-27 сентября 1928 г. Архив А. С. Макаренко.

волей Макаренко. Антон Семёнович был уверен в правильности своего пути, в необходимости своего дела. Он был уверен, что рано или поздно правда победит.

Вспоминая впоследствии 1928 год, Макаренко говорил: «...Катастрофа для меня не была абсолютной. Я ушёл, ощущая в своей душе теплоту моральной поддержки Алексея Максимовича, проверив до конца все свои установки, получив во всём его полное одобрение. Это одобрение было выражено не только в словах, но и в том душевном волнении, с которым Алексей Максимович наблюдал живую жизнь колонии, в том человеческом празднике, который я не мог ощутить иначе, как праздник нового, социалистического общества»¹.

Узнав о том, что Макаренко вынужден был оставить Куряж, Горький написал ему необычайно сердечное, дружеское письмо, где Антон Семёнович прочитал такие дорогие и важные для него строки: «Ваш уход из колонии поразило и глубоко огорчило меня... У меня было обещание т. Б. в Харькове «не мешать» Вам в работе Вашей. В Москве я тоже говорил о том, чтобы Вас не трогали, и тоже был успокоен обещанием не делать этого. И — всё-таки! Очень боюсь, что в это дело замешаны тенденции «националистического» характера».

Пишу в Москву, настаивая на необходимости Вашего возвращения в Куряж. В январе будет напечатана моя статья о «беспризорных» и колонии, созданной Вашей энергией. Разрушать такие дела — преступление против Государства, вот как я смотрю на эту историю.

Антон Семёнович — Вы энергичный, умный человек. Я знаю, как должно быть больно Вам, но — не падайте духом! Всё наладится... Крепко обнимаю Вас, дорогой друг, будьте здоровы!»² В Куряж Макаренко не вернулся.

Восьмилетняя работа Антона Семёновича в колонии имени Горького была глубоко плодотворной. Здесь были разработаны теоретические основы и конкретные методы воспитания нового человека в новом, советском коллективе. В общий созидательный труд советских людей влился труд сотен воспитанников Макаренко. В колонии имени М. Горького была начата «Педагогическая поэма».

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 304.

² М. Горький. Письмо к А. С. Макаренко, 6 декабря 1928 г. А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 348.

ГЛАВА X

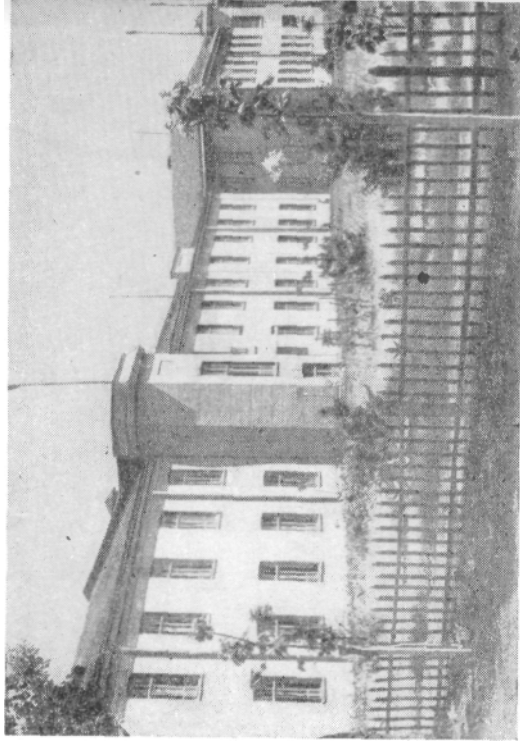
НА НОВОМ ТВОРЧЕСКОМ ПОДЪЁМЕ

Следующий большой период биографии писателя — 1928–1936 годы — в основном связан с работой в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского. Именно теперь, в других условиях, в иную историческую эпоху жизни Советской страны, Макаренко смог с наибольшей полнотой реализовать свои педагогические идеи.

Ядром коллектива коммунаров стали 60 воспитанников Куряжа, направленных в коммуну ещё в 1927 году. Позднее, после ухода Макаренко из Куряжа, к ним присоединились ещё около 100 горьковцев. Однако коммуна вовсе не явилась повторением или улучшенным вариантом колонии имени М. Горького. Это новый этап, вершина педагогической деятельности Макаренко.

Коммуна имени Ф. Э. Дзержинского была, по мысли её создателей — работников Народного комиссариата внутренних дел Украины, — памятником выдающемуся деятелю Советского государства, инициатору широкой борьбы с детской беспризорностью. Коммуна располагалась на окраине Харькова в специально построенных, превосходно распланированных и оборудованных зданиях.

Из просторного вестибюля, где днём и ночью с винтовкой в руках стоял на страже дежурный коммунарь, вы попадали в полные света и воздуха классы, комнаты

Коммуна имени Ф. Э. Дзержинского.

отдыха, спальни. Поражала совершенная чистота, прозрачный блеск стёкол, сияние натёртого паркета, обилие цветов в комнатах и вокруг зданий.

Но, самое главное, поражали коммунары. В их внешнем и внутреннем облике уже ничего не осталось от беспризорной жизни. Это нарядно и вместе с тем скромно одетые, дисциплинированные, подтянутые, безукоризненно вежливые, оживлённые дети. Человек, побывавший в коммуне, не мог не отметить их спокойный, деловой и вместе с тем приподнятый тон, отсутствие той ненужной суеты, бессмысленного беганья, толкотни, которые до сих пор ещё, к сожалению, имеют место во многих школах.

В этой организованности и эстетике не было никакого элемента нарочитости, ложной «показательности», не было и не могло быть казовой и оборотной стороны. Все достижения коммуны были результатом ежедневного упорного труда членов её коллектива.

Поражительная чистота тоже давалась ценой «чёрного» труда. Каждое утро все 500 дзержинцев в течение двадцати минут натирали полы, мыли, чистили, стирали пыль. А по тому качеству работы самым придиричивым образом проверялось дежурным коммунаром, членом санитарной комиссии, а часто и самим Макаренко.

Наличие пыли Антон Семёнович проверял чистым носовым платком. А паркетный пол считался натёртым только тогда, когда в нём отражалась фигура нагрянувшего.

Самое же главное, коммунары ни в какой степени не являлись «иждивенцами» государства, потребителями ценностей, созданных другими. На содержание коммуны не расходовалось ни одной копейки государственных денег. Лишь первое время коммуна получала дотацию от её организаторов и шефов, но вскоре перешла на полную самоокупаемость.

Как же руководителю коммуны удалось достигнуть столь поразительных успехов и притом в такой короткий срок? Разумеется, здесь имел решающее значение весь накопленный огромный опыт открывателя новых путей в науке о коммунистическом воспитании, непрерывность традиций коллектива, проверенные практикой чёткие организационные формы его жизни.

Основа высокого совершенства воспитательной работы в коммуне — глубоко продуманное и последовательное проведённое сочетание физического и умственного труда. Как мы знаем, такое сочетание имело место и в колонии имени М. Горького. Но там базой труда колонистов было сельское хозяйство. В коммуне имени Ф. Э. Дзержинского была иная, индустриальная база. Каждый из коммунаров ежедневно четыре часа работал на производстве, четыре-пять часов отдавал учению. И трудились новые воспитанники Макаренко не на мелком предприятии полкустарного типа, а на большом заводе.

Коммуна не сразу достигла политехнизации такого высокого типа. В 1927–1929 годах коммунары работали в деревообделочной, слесарной, швейной, сапожной мастерских и в кузнице. На третьем году существования коммуны мастерские были реорганизованы в производственные цехи, которые стали давать разнообразную массовую продукцию: кроватные углы, медные маслянки, табуретки, стулья, столы, тысячи сатиновых трусиков.

Коммуна уже стала иметь денежные накопления. Можно было значительно расширить производство. Была введена зарплата для коммунаров, что усилило ответственность каждого за работу, резко повысило производительность труда. В результате 1 июля 1930 года

коммуна перешла на полную самокупаемость. Это стало важной вехой в её истории.

Макаренко хорошо понимал, что борьба за дальнейшую индустриализацию коммуны есть не только борьба за повышение материального уровня жизни, но, прежде всего, борьба за совершенствование методов воспитания, за нового человека. И то, что вчера казалось значительным достижением, сегодня не удовлетворяло руководителя коммуны. Антон Семёнович уже вынашивал смелый, казавшийся иным несбыточным план — построить большой, оборудованный по последнему слову техники завод.

Завод должен был помочь коммунарам получить высокую производственную квалификацию и резко повысить материальное благосостояние коммуны. Как всегда, Макаренко сделал свой план достоянием коллектива. Коммунары и сотрудники коммуны с увлечением обсуждали его, взвешивали все пункты плана, прорабатывали его детали.

В мае 1931 года состоялась закладка здания нового завода электроинструмента. В итоге напряжённого труда строителей, инженеров, техников и коммунаров 7 января 1932 года был торжественно открыт первый в Советском Союзе завод электросверлилок. До того времени их не производили в нашей стране.

Но для Макаренко этого было мало. Он поставил перед коллективом новую, ещё более трудную цель — производство плёночных фотоаппаратов, которые тогда также ввозились в СССР из-за границы. 28 декабря 1932 года Советская страна получила первую серию фотоаппаратов марки «ФЭД», сделанную руками дзержинцев. Это была новая большая, блистательная победа!

Антон Семёнович не раз говорил об огромном воспитательном значении участия детей и подростков в производстве: «Я являюсь сторонником производственных процессов в школе, даже самых простых, самых дешёвых, самых скучных. Потому что только в производственном процессе вырастает настоящий характер человека, члена производственного коллектива, там именно человек учится чувствовать свою ответственность за деталь, когда нужно выполнять весь производственный план»¹.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 303–304.

Работа на заводе была своеобразной школой. Труд в цехе не только давал хорошую производственную квалификацию, но и воспитывал многие нужные человеку качества и среди них — чувство максимальной точности. Ведь фотоаппарат «ФЭД» имел 300 деталей, и многие из них обрабатывались с точностью до одной тысячной доли миллиметра!

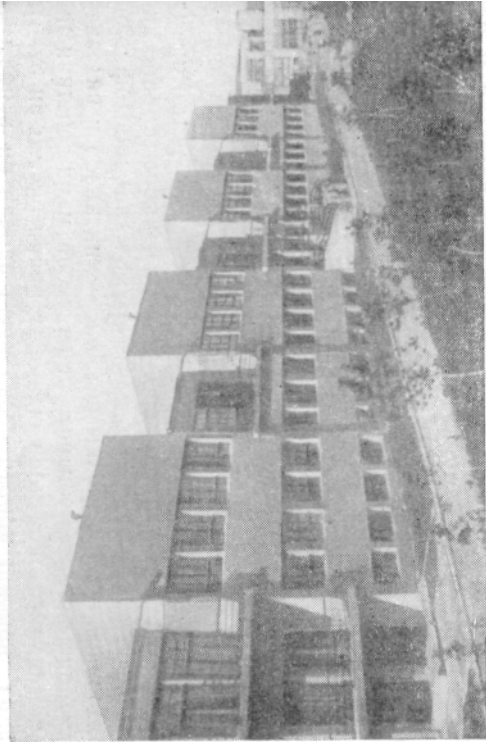
Коммунары через органы самоуправления и, прежде всего, через общие собрания участвовали в управлении производством. Как и в колонии, общие собрания в коммуне были не парадно-декларативными, а живыми, действенными, высокооперативными органами, подлинными организаторами коммунарской общественности.

«Вопросы промфинплана, технологического процесса, снабжения, работы отдельных деталей, приспособлений, рационализации и контроля норм и расценок, штатов и качества персонала ежедневно проходят перед коммунарами, проходят не как перед зрителями, а как перед распорядителями, которые не могут отмахнуться ни от какого вопроса, иначе их дело на другой же день начнёт давать перебои. В решении этих вопросов для коммунаров находится прежде всего место приложении их общественной энергии, но это не энергия людей, отрывающихся от личной жизни, это не жертва подвижников, это разумная общественная деятельность людей, понимающих, что общественный интерес — это есть и интерес личный»¹.

Завод открывал перед каждым из дзержинцев новые перспективы, создавал крепкие коллективные связи, воспитывал сознательных членов социалистического общества. Большую роль в воспитании социалистического отношения к труду получило соревнование и ударничество. Одним из существенных факторов воспитания единства личных и коллективных интересов коммунаров была система заработной платы.

Само собой разумеется, основная часть заработанных коммунарами денег расходовалась на пищу, одежду и вообще на нужды коммуны. Некоторая часть суммы переводилась на сберкнижку воспитанника и выдавалась ему по выходе из коммуны. Десять процентов зарплаты

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. II, М., 1957, стр. 399.

Завод фотоаппаратов коммуны имени Ф. Э. Дзержинского.

отчислялось в фонд руководящего органа коллектива — совета командиров, который тратил эти деньги по своему усмотрению: на культурную работу, на «приданое» (одежду, бельё, обстановку) выпускникам коммуны, на стипендии бывшим воспитанникам коммуны — студентам высших учебных заведений и т. д. Наконец небольшая часть заработанной суммы выдавалась на руки коммунару. Таким образом, воспитанник, будучи лично заинтересован в повышении квалификации, в увеличении своей зарплаты, участвовал в подьёме благосостояния всего коллектива. Более того, каждый дзержинец чувствовал себя активным строителем социалистического государства. И не только потому, что он лично участвовал в производстве инструментов и фотоаппаратов, необходимых нашей стране и осуждавших государство от необходимости тратить золотую валюту. Заводы коммуны ежегодно давали значительную прибыль. Так, в 1935 году она была равна 5 миллионам!

Принципиальное значение этого факта огромно. Известно, что Советское государство расходует на содержание детских воспитательных учреждений большие суммы. Опытом своей работы в коммуне Макаренко доказал, что можно не расходовать ни одной копейки на их содержание

и даже, при разумной и с надлежащим размахом поставленной политтехнизации, получать значительные денежные накопления. А самое главное — резко повысится уровень воспитания сотен тысяч детей и подростков.

Хорошо понимавший большое государственное значение своего опыта и всячески стремившийся его расширить, Макаренко выступил с планом создания трудовой коммуны на 12 тысяч детей, основанной на воспитательных принципах коммуны имени Ф. Э. Дзержинского. Это были не мечты, а точный и деловой план, удивительный по размаху и смелости. Начиная с четвёртого года существования, коммуна, состав которой должен был ежегодно увеличиваться на 2 тысячи человек, перешла на хозрасчёт. Макаренко предлагал организовать новую коммуны на берегу Днепра, недалеко от Черкасс, или при впадении реки Сейм в Десну. К сожалению, этот замысел не был реализован.

Коммунистическое воспитание подрастающего поколения на производстве только в том случае вполне достигает своей цели, когда оно связано с образованием. Макаренко глубоко и творчески вплотил в своей работе это положение марксистско-ленинской педагогики. С самого начала существования коммуны Антон Семёнович уделил большое внимание школе, борясь с ошибками установками некоторых хозяйственников, предлагавших увеличить рабочий день коммунаров в ущерб их школьным занятиям.

Один из воспитанников коммуны — В. И. Клошник (ныне подполковник) с полным основанием мог сказать: «Учебный процесс в коммуне был поставлен как основа основ. Учёба — вот основной смысл, это то, за что мы должны бороться. Работа на заводе должна обеспечивать нам учёбу, работа по самообслуживанию должна обеспечить нормальную жизнь и, прежде всего, учёбу»¹.

Учитывая стремление многих дзержинцев к получению технического образования, Макаренко добился организации при коммуне рабфака Харьковского машиностроительного института. Успешно окончившие рабфак

¹ В. И. Клошник. Выступление в лаборатории по изучению наследия А. С. Макаренко при Академии педагогических наук 11 ноября 1952 г. Архив лаборатории.

поступали в высшие учебные заведения. Часть коммунаров, получивших среднее образование, оставалась на заводе в качестве квалифицированных специалистов. Для того чтобы расширить возможности поступления в вузы не только технического профиля, в 1934 году при коммуне была открыта школа-десятилетка.

Макаренко придавал настолько большое значение образованию дзержинцев, что, даже будучи перегруженным организационной и педагогической работой, находил время преподавать русский язык, экономическую географию, каллиграфию, а иногда и математику. Бывшие коммунары восторженно вспоминают об уроках Антона Семёновича. Так, коммунарка П. Джуринская (ныне кандидат исторических наук) рассказывает:

«Когда Антон Семёнович объяснял нам какое-нибудь грамматическое правило, то вкладывал в объяснение его столько интересного материала, лишал его обычной сухости, мы буквально, как зачарованные, с открытыми ртами слушали его, затаив дыхание, и думали, что интереснее предмета, чем русская грамматика, вообще нет. Мы все страшно возмущались тем, кто придумал такие короткие уроки в 45 минут. Нам казалось, что они слишком быстро проходили. Звонки, извещающие о конце урока, нас возмущали...»

Во время уроков мы совершенно забывали, что перед нами начальник коммуны. Перед нами стоял педагог высшего типа, с особой, макаренковской, точностью, выдержкой, аккуратностью, но вместе с тем теплотой и преданностью своему делу¹.

Сам человек широких интересов в области науки и искусства, Антон Семёнович понимал, какое огромное значение в деле формирования личности имеет разностороннее приобщение человека к культуре. Макаренко оказал ответственную помощь руководителю внешкольной работы, талантливый педагог В. Н. Терский, человек неистощимой изобретательности и больших знаний, художник, актёр, знаток техники. По его словам, Макаренко «очень удачно ставил отдых на службу делу воспитания»².

¹ П. Джуринская. Воспоминания. Архив лаборатории по изучению наследия А. С. Макаренко при Академии педагогических наук.

² В. Н. Терский. Клубные занятия и игры в практике А. С. Макаренко. Изд. 2-е, М., 1961, стр. 10.

В коммуне был превосходно оборудованный клуб с кружками художественной, технической и научной самостоятельности, хорошая библиотека. Тот живой дух творчества, который проникал всё, что ни делал Макаренко, сказался и во всех областях культурной работы среди коммунаров. Возьмём, например, выпуск стенных газет. Ведь сплошь и рядом стенгазетой занят сравнительно небольшой круг лиц. В коммуне это было общим и увлекательным делом. Стенгазеты, выходявшие часто, отражали не только значительные события, но и характерные мелочи жизни коммуны.

Широкой популярностью среди коммунаров пользовались сатирические стенные газеты «Резец» и «Шарошка». Они имели многочисленных корреспондентов и нередко достигали пяти метров длины. Своего рода приложением к стенгазете был так называемый ребусник, в занимательной, наглядной форме пропагандировавший научные и технические знания. У стенгазет и у ребусника всегда толпились читатели, оживлённо обмениваясь впечатлениями.

Коммунары были страстными любителями театра и музыки. В Харькове, городе с давно сложившимися театральными традициями, это увлечение получило хорошую базу. Дзержинцы посещали оперу. Коммуна имела ежедневно по десять мест в Харьковском театре русской драмы. Руководители театра — крупные мастера сцены, народные артисты Н. В. Петров и А. Г. Крамов шефствовали над драматическим коллективом коммуны.

Дзержинцы с большим успехом ставили смешные обзоры, пьесы современных авторов, произведения классиков. Особенно удачным был спектакль «Гартюф» Мольера и инсценировка романа Сервантеса «Дон Кихот». Вряд ли многие из профессиональных коллективов отважились на постановку таких сложных и трудных спектаклей! И не случайно некоторые из участников драмкружка стали потом хорошими актёрами-профессионалами.

Гордостью коммуны был духовой оркестр из 50 человек. Участвовать в оркестре было почётной обязанностью коммунара. Оркестр исполнял сложные классические произведения и был одним из лучших на Украине. Из числа оркестрантов вышли способные музыканты, впоследствии окончившие консерватории.

Дзержинцы получали хорошую физкультурную подготовку. В коммуне процветали многие виды спорта, спортивные игры, требовавшие не только физической закалки, но и смелости, изобретательности. Особенно увлекались дзержинцы изобретённой в коммуне игрой «горлёт».

Даже ежегодный отпуск коммунаров был важным средством культурного и политического воспитания. Ещё с весны начинались оживлённые дискуссии о том, где провести лето. Выдвигались самые различные варианты. Их обсуждало общее собрание коммунаров, которое выносило своё обязательное для всех решение. И вот, в июле или августе несколько сот коммунаров во главе с Макаренко покидали Харьков и двинулись в так называемый летний поход, продолжавшийся в течение одного-двух месяцев.

В 1929 году коллектив дзержинцев побывал в Москве; в 1930 — в Крыму; в 1931 — на Кавказе и в Одессе; в 1932 — на берегу Азовского моря, в Бердянске. Летом 1933 года коммунары совершили большое путешествие.

На специально зафрахтованном пароходе они проплыли по Волге от Горького до Астрахани, оттуда по железной дороге доехали до Новороссийска и далее на пароходе до Сочи. После отдыха в советских субтропиках дзержинцы на теплоходе пересекли большой кусок Чёрного моря и очутились в Крыму, в Севастополе, откуда вернулись домой. Летний отдых 1934 года коммуна провела в лагере на живописном берегу Дона, вблизи Красногорска.

Каждая из таких поездок знакомила дзержинцев с природой, бытом, людьми, фабриками, заводами, колхозами Советской страны. Летние походы расширяли политический, образовательный кругозор коммунаров, давали им хорошую физическую тренировку, здоровый отдых, необходимый после напряжённой работы.

В коммуне можно было услышать шутивную песенку, сложенную Антоном Семёновичем:

Коммунар везде бывал
И Москву и Крым видал.
Знает он весь СССР —
Где бы побывать теперь?

Органическое сочетание труда, учения и разнообразных форм культурной работы стало возможным в коммуне благодаря совершенной организации коллективной жизни.

Как и в колонии имени М. Горького, коммунары входил в первичный коллектив — отряд численностью в семь – пятнадцать человек. Вместе с членами своего отряда дзержинец работал и отдыхал. Однако такой отряд не был просто дружеским кружком, а был прежде всего явлением социального порядка — коллективом, ощущавшим своё единство, спаянность и крепость, организацией, имевшей обязанности, долг и взаимную ответственность.

За время пребывания в коммуне коммунары были не только рядовым членом, но и руководителем первичного рабочего коллектива — отряда. Это обуславливалось тем, что командиры отрядов назначались на определённый срок: три — шесть месяцев.

«В последние годы я достиг такого педагогического счастья, что мог любого коммунара в любом коллективе назначить старшим и мог быть уверен, что он будет блестяще руководить»¹, — говорил Макаренко. В качестве представителя своего отряда дзержинец входил в совет командиров, проводивший всю текущую работу. Каждый член коллектива имел свой голос в управлении коммуной, будучи участником главного органа самоуправления — общего собрания.

Важным стимулом внутреннего роста дзержинцев было установление званий воспитанника и коммунара. Воспитанник — это, в сущности, кандидат в члены коммуны. К нему до получения звания коммунара прикрепляется один из старых коммунаров для помощи и для ознакомления с укладом жизни коллектива. Воспитанник не может быть избран ни в один из органов самоуправления. В отличие от коммунара он может уходить в отпуск из коммуны только с письменным разрешением, может получить деньги на руки из своего заработка только с санкции совета командиров, не может быть назначен в состав сторожевого отряда коммуны. Но в общем собрании коммунаров воспитанник участвует с правом решающего голоса.

Только после того как новичок хорошо проявил себя как товарищ и честный работник, ему советом командиров присваивалось звание коммунара. Это постановле-

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 258.

ние утверждалось общим собранием, и здесь же вновь избранному коммунару торжественно вручался красивый значок. Так организационно закреплялся в коммуне решающий для судеб всякого коллектива процесс образования актива.

В коммуне был успешно осуществлён опыт совместного воспитания детей, подростков, юношей и девушек в возрасте от 10 до 20 лет. В последние годы существования коммуны здесь было 400 мальчиков и юношей и 100 девочек и девушек. Между мужской и женской частью коммунаров всегда сохранялись товарищеские отношения, которые поддерживались и укреплялись здоровой, нравственной атмосферой в коммуне.

В статье «Прекрасный памятник», посвящённой коммуне, Макаренко писал: «...На лёгком пути создаются и лёгкие люди, а коммунары-дзержинцы справедливо утверждают: «Человека нужно не лепить, а ковать».

Этот путь не лёгкий, но всегда неизменно радостный, бодрый путь победителя. Коммуна железного Феликса умеет воспитывать в своих прекрасных дворцах, окружённых цветами, не только улыбку друга, не только хорошее, тёплое товарищеское слово, но и суровое слово большевика, железное требование и непоколебимую принципиальность»¹.

Отряд и коллектив коммунаров в целом ставили перед своими членами суровые и справедливые требования. Это те же требования, с которыми обращается Советское государство к каждому гражданину: социалистическое отношение к труду, к общественным обязанностям, честность, товарищеское отношение друг к другу. Это было требование основанной на уважении к коллективу и к личности в коллективе социалистической дисциплины.

Общественное мнение коллектива стало мощной воспитывающей силой. Отвечать за свой проступок перед лицом общего собрания 500 коммунаров было уже само по себе тягчайшим наказанием. А самой высокой наградой была благодарность в приказе, которая объявлялась в торжественной обстановке перед строем коммунаров. Это стало возможным только в коллективе, обладавшем высоким

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 342.

чувством самоуважения, ответственности и дисциплины. В коммуне имени Дзержинского дисциплина, выражавшаяся в умении поставить интересы коллектива выше интересов отдельной личности, достигла, можно сказать, эстетической, художественной законченности. Такая дисциплина свидетельствовала об идейной зрелости коллектива, живущего одной жизнью с Советской страной.

Антон Семёнович сумел воспитать у дзержинцев высокую культуру точности, которая являлась, по существу, культурой уважения друг к другу. Вот два маленьких примера: Общее собрание коммунаров начиналось совершенно точно в назначенное время. Регламент выступлений определялся очень просто: одна-две минуты по песочным часам. Это причало говорить только о самом существенном, кратко, без лишнего слов и делало общее собрание по-настоящему деловым органом. Пятьсот коммунаров могли в течение трёх минут по одному войти в двери театра, потому что они были организованны, потому что никто не толкался, не мешал друг другу.

Элементы эстетики воинского быта (почёт Красному знамени, строй, рапорт) были для коммунаров выражением внутренней организованности человека, полезной экономией сил. Макаренко называл «принципиальными мелочами» такие, например, детали коммунарского быта, как белоснежная скатерть на столе, чистый носовой платок, вычищенные до блеска ботинки, аккуратная причёска воспитанника. Всё это было результатом упорной работы, ежедневной тренировки в течение ряда лет.

Как и в колонии М. Горького, в жизни коммуны имени Ф. Э. Дзержинского большое значение имела комсомольская организация. Комсомол в коммуне был организован 15 января 1928 года в составе 15 человек (большая часть коммунаров в то время была ещё пионерского возраста). В марте 1930 года в комсомоле было уже 70 человек, и, по словам Макаренко, осенью этого года комсомол «...стал действительным руководителем коллектива»¹. Это позволяло Антону Семёновичу решиться на смелый, целиком оправдавший себя шаг — освободить

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. II, М., 1957, стр. 424.

от работы в коммуне всех воспитателей, оставив только педагогов-учителей.

Комсомолы занимались вопросами дисциплины, быта, обучения коммунаров. А в то время, когда коммуна была курс на организацию крупного производства, комсомол возглавил борьбу за овладение техникой. Комсомолы боролись за ликвидацию прорывов на заводе, за выполнение и перевыполнение плана, за воспитание нового, социалистического человека. Комсомолы были передовыми и деятельными участниками всех общественных организаций коммуны.

Совершенная организация производственного и учебного процесса, продуманный до мельчайших деталей уклад жизни, длительный срок пребывания воспитанников в коммуне — всё это обеспечило чрезвычайно быстрое перевоспитание попадавшего в коммуну человеческого «сырья». «Последний период моей работы в коммуне НКВД имени Держинского под Харьковом я уже имел нормальный коллектив... — говорил Макаренко. — Дети в этом коллективе, бывшие беспризорные, в сущности ничем не отличались от нормальных детей. А если отличались, то, пожалуй, в лучшую сторону, поскольку жизнь в трудовом коллективе коммуны имени Держинского давала чрезвычайно много дополнительных воспитательных влияний, даже в сравнении с семьёй»¹.

Здоровая атмосфера сплочённого коллектива, производительный, повышающий квалификацию труд, серьёзно поставленное учение, общественная работа, полноценный, содержательный отдых создавали огромные возможности для политического, культурного, нравственного роста коммунара, вели к уничтожению пропасти между физическим и умственным трудом. Если в колонии имени М. Горького Макаренко ставил себе основную цель — воспитать из бывших беспризорных рядовых членов общества, то в коммуне имени Ф. Э. Держинского масса коммунаров была поднята выше рядового уровня, и создавалась основа для формирования нового, советского интеллигента.

«Выполняя многочисленные промфинпланы, с гневом вгрызаясь в каждое производственное препятствие, с огромным чувством и размахом подхватив стахановское движение, они [коммунары] способны были всегда

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 110.

поставить «Гартюфа» на своей сцене, не пропустить ни одной премьеры в харьковских театрах, танцевать, петь, соотнями считать значки «ГТО» и требовать от каждого коммунара, чтобы он был ворошиловским стрелком. И уже совсем как будто нечаянно из последнего класса коммунарской десятилетки ежегодно выходят десятки культурных, образованных людей, а через год приезжают в коммуну в гости и рассказывают простыми словами о своём новом пути: инженера, врача, педагога, лётчика, радииста, актёра»¹. Так в одном из своих итоговых выступлений охарактеризовал Макаренко облик коммунар-держинца.

Высокая перспективность, без которой для Макаренко нет и не могло быть подлинного коммунистического воспитания, была присуща повседневной жизни коммуны. Держинец ощущал каждый день своей жизни, как бы суров и труден порой он ни был, как шаг вперёд, как открытие нового, преддверие ещё более прекрасного будущего.

Воспитанником коммуны стал приёмный сын Макаренко Лев Салько (сын жены писателя Галины Стахиевны от прежнего брака), которому в 1928 году исполнилось четырнадцать лет.

Для Льва Салько не было никаких привилегий. Он воспитывался в тех же условиях, что и каждый коммунар, переживал те же трудности и победы. Макаренко был к нему таким же требовательным, как к любому из своих воспитанников-коммунаров. Вместе с тем Антон Семёнович относился к приёмному сыну с глубокой любовью и нежностью, внешне, как всегда, выраженной крайне скупой, и это отцовское чувство росло и крепло с каждым годом. Скоро Л. Салько завоевал общую любовь и уважение товарищей. Он стал одним из лучших коммунаров².

Коммунары высоко несли честь своего коллектива, гордились им и любили его. Каждый из держинцев всегда чувствовал свою кровную связь с родным коллективом, всегда чувствовал себя частицей советского народа,

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 344.

² По окончании высшего технического учебного заведения Салько работал инженером-конструктором, участвовал в Великой Отечественной войне. Умер в 1957 году.

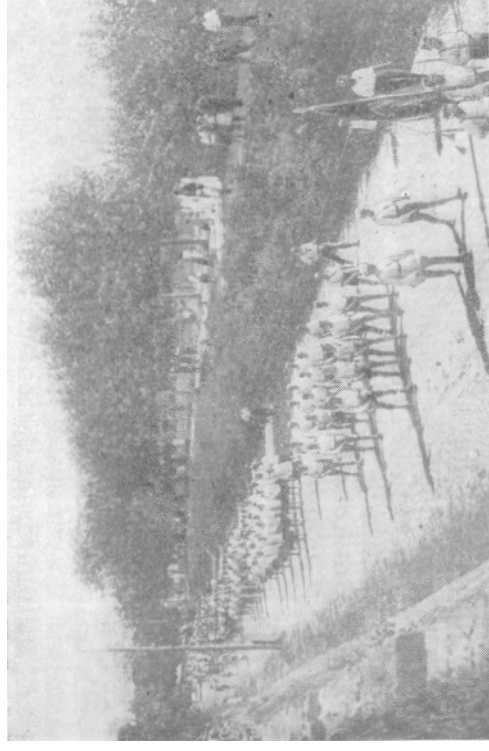
и в этом сказались зрелость и мастерство педагога-новатора. Руководителю коммуны удалось добиться наибольшего педагогического достижения: по образному определению Макаренко, «коллектив сам стал замечательной, творческой, строгой, точной и знающей силой».

Однако отсюда вовсе не следует, что со временем Макаренко передал свои функции воспитателя органам самоуправления, ограничиваясь только «общим руководством». Он никогда не ослаблял своей роли педагога-организатора. Об этом лучше всего сказала в своих воспоминаниях Галина Стахиевна Макаренко, близко знавшая жизнь коммуны.

«Макаренко обычно употреблял слово «мы» и говорил, как уполномоченный коллектива. В этом не было никакой игры. Он был всеми признанный единоначальный руководитель и даже, как он писал, «диктатор, если это было нужно». Он нес на себе всю полноту власти и ответственности, как каждый командир, но всегда чувствовал себя членом коллектива горьковцев и дзержинцев. Как-то в коммуне Дзержинского, решался вопрос, куда ехать в летний поход, и коммунары говорили: «А что Антон Семёнович может сделать, если постановит общее собрание». У него были все нити в руках, и он имел полную возможность организовать нужное решение, но он умел добиваться этого с таким тактом, что давление было незаметно. Если два предложения были равноценны, Макаренко всегда уступал первенство предложению коллектива или его уполномоченных. Он не делал над собой никакого усилия в этом случае, так как действительно уважал юношеский коллектив и был дисциплинированным его членом.

Детский коллектив был для него богатейшим и тонким инструментом воспитания, который неизмеримо умножает возможности и силу воспитателя; вместе с ним думают, видят и творят сотни молодых острого ума, глаз и нервов»¹.

Труд руководителя коммуны и воспитателя с ростом коллектива всё усложнялся, требовал всё большего педагогического мастерства, тончайшей, почти ювелирной

Строй коммунаров. Сочи. 1931 г.

отделки характера человека. В архиве Макаренко сохранился документ, рассказывающий о работе в коммуне. Со свойственной ему конкретностью он вводит нас в свою творческую педагогическую лабораторию:

«Моя работа состоит из непрерывающегося ряда многочисленных операций, более или менее длительных, иногда растягивающихся на год, иногда проводимых в течение двух-трёх дней, иногда имеющих характер молниеносного действия, иногда имеющих, так сказать, инкубационный период, когда накапливаются потенциальные силы для действия, а потом оно вдруг приобретает характер открытой. Всякая такая операция представляет очень сложную картину: прежде всего; она должна преследовать главную цель — воспитательное влияние на целый коллектив, во-вторых, она должна иметь в виду влияние на данную личность, а в-третьих, она должна в какое-то гармоническое положение поставить и меня и коллектив воспитателей...»¹.

Создавая основной инструмент воспитания личности — коллектив, заботясь о его росте, Макаренко своё изумительное педагогическое мастерство проявлял и в

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 420.

индивидуальном подходе к каждому воспитаннику коммуны. Один из коммунаров — Е. Ройтенберг [геройски погибший во время Великой Отечественной войны] в воспоминаниях о Макаренко рассказывает, как в двух, на первый взгляд однородных, случаях Антон Семёнович поступил диаметрально противоположным образом.

«По распоряжению Антона Семёновича у нас в коммуне ничто не запиралось. Двери, ящики — всё было открыто. И вдруг однажды у Антона Семёновича украли золотые часы. Вора поймали. Это был один из воспитанников. Коммунары требовали исключить его из коммуны. Один только Антон Семёнович выступил против такого предложения. Он сказал, что мальчик не виноват, что он совсем не вор, и нужно его оправдать. Воспитанника оправдали. Когда мы спросили своего учителя, почему он так поступил, Антон Семёнович улыбнулся: «Он сознался. Вот именно ему-то и надо было сказать, что он не вор». Этот мальчик пробыл в коммуне ещё пять лет и никогда больше ничего не украл.

А вот другой факт. В коммуну привели мальчика с улицы. Он увлёкся работой в драматическом кружке. По роли ему требовался бархатный костюм. И вот он... срезал для этой цели бархатную портьеру. Зная, что мальчик недавно пришёл с улицы, что это совершенно «сырой материал», Антон Семёнович всё же выступил с резкой и гневной репликой. Он требовал самого сурового наказания. Мы опять были в недоумении. Ведь мальчик только что пришёл в коммуну! Но когда мы увидели, какое впечатление это произвело на мальчика, мы поняли, что Антон Семёнович был прав. Новому воспитаннику нужно было дать понять, что в коммуне не позволяют воровать»¹.

Конечно, это только один из многочисленных примеров воспитательного мастерства Антона Семёновича. В этом эпизоде, как в капле воды, отразилась диалектика педагогического метода Макаренко, его удивительное понимание индивидуальных особенностей воспитанника и своеобразие данной ситуации.

Об отношении Макаренко к человеку хорошо сказано

¹ Е. Ройтенберг. Замечательное педагогическое наследство. «Учительская газета», 17 апреля 1940 г.

в воспоминаниях А. Шведа¹: «Антон Семёнович умел в каждом воспитаннике, даже в самом «плохом», найти зерно хорошего, доброго, и очень часто это имело решающее значение. Он умел в каждом своём воспитаннике уважать человека, и, естественно, что, чувствуя к себе такое отношение, воспитанник становился смелее, решительнее, проникался верой в свои силы и сам начинал вести борьбу со своими недостатками, пороками.

На беспредельную любовь Антона Семёновича к своему делу и к своим воспитанникам мы отвечали такой же любовью»².

А вот голоса других воспитанников коммуны. Анна Красникова, ныне мастер, рассказывает о первой встрече с Макаренко в коммуне: «Антон Семёнович мне сразу понравился своей простотой. Я почувствовала, что это добрый человек...»

Антон Семёнович познакомился с нами в клубе, поговорил, пошутил и пошёл по своим делам. И всем нам сразу стало тепло и радостно. Хотелось, чтобы он не уходил и побыл с нами ещё немного»³.

«Буквально уже через минуту после нашего знакомства я увидел, что глаза Антона Семёновича излучают доброту. Я почувствовал это всем своим исстрадавшимся детским сердцем, всем своим существом, тянувшимся к теплу и ласке»⁴ — говорит Наум Каплуновский, ныне инструктор аэроклуба.

«Антон Семёновича часто называют отцом коммунаров. В этом человеке действительно было много доброй отцовской теплоты. Это особенно ощущали девочки, которые во много раз острее, чем мальчики, чувствовали отсутствие сестры, материнской ласки. Доброе, сердечное отношение к нам Антона Семёновича глубоко нас трогало.

К нему мы шли со всеми своими радостями, горестями и печалью и всегда получали нужный совет»⁵, — вспоминает Елена Пихоцкая, мастер.

¹ А. Швед — один из лучших общественных коммуны, секретарь комсомольской организации. Позднее — педагог, руководитель трудовых колоний.

² А. Швед. Наш Антон Семёнович. Сб. «А. С. Макаренко». Львов, 1949, стр. 149.

⁴ Там же, стр. 103—104.

⁵ Там же, стр. 47.

А. С. Макаренко. 1930 г.

«Наши коммунарские праздники Антон Семёнович обставлял с особой пышностью и торжественностью, — говорит А. Красникова. — Он хотел, чтобы они восполнили всё, чего мы не имели: домашних ёлок и именин, семейных торжеств, подарков и сюрпризов от отцов, матерей, бабушек и тётушек... И я могу смело сказать, что многим ребятам, жившим в семьях, и во сне не снились такие чудесные праздники, подарки и приятные неожиданности, которые делал нам Антон Семёнович»¹.

В коммуноу приезжали рабочие, колхозники, интеллигенты, иностранные гости. Книга впечатлений посетителей коммуноу хранит множество отзывов на языках народов СССР, на языках всего мира. Рукон выдвжющегося литератора-коммуниста, мужественного борца против фашизма, национального героя Чехословакии Юлиуса Фучика в книгу посещений коммуноу 12 июня 1930 года; записано:

«Беспризорные! Этим словом европейская буржуазия пугает своих единичных слушателей. «Вот, — говорит

¹ Сборник «Удивительный человек». Харьков, 1959, стр. 99.

она — это наследство революции». Но мы видим совершенно другое наследство революции: коммуноу Дзержинского, где позабытые, беспризорные дети растут активными членами нового общества. И мы не забываем, что такие позабытые, беспризорные дети у нас в капиталистической стране просто умирают от голода или погибают в тюрьмах. Но нечего сравнивать. Это не впервые мы видим огромную разницу между страной диктатуры пролетариата и страной диктатуры буржуазии.

Для нас это только новый толчок к тому, чтобы выполнить задачу, которую перед нами поставил рабочий класс»¹.

Можно кратко резюмировать единодушное отношение к увиденному словам писателя Ф. В. Гладкова, посетившего коммуноу в 1934 году: «Хотя побыл я здесь и немного, но увидел, что подлинно делаются здесь новые люди — люди нашей великой страны»².

В сентябре 1935 года Макаренко был назначен на должность помощника начальника отдела трудовых коммун Народного комиссариата внутренних дел УССР. На новом посту Антон Семёнович стремился передать свой богатейший организационный и педагогический опыт детским и юношеским воспитательным учреждениям. Макаренко живёт теперь в столице Украины — Киеве, где когда-то бывал в молодые годы.

Работая в Киеве, Антон Семёнович не прекращает связи со своими воспитанниками, ведёт с ними переписку, посещает коммуноу имени Дзержинского и даже возглавляет колонну коммунаров на параде в честь Всеукраинской олимпиады художественной самодеятельности трудовых колоний НКВД.

Антон Семёнович не мог оставаться только на «кабинетной» административной работе. 10 октября 1936 г. он берёт на себя заведование колонией в Броварах (вблизи Киева), временно оставшейся без руководителя.

Это была запущенная колония с очень расшатанной дисциплиной. В какой-нибудь месяц Макаренко без шта-та помощников добился огромных результатов. Уже 7

¹ Из книги отзывов посетителей коммуноу имени Ф. Э. Дзержинского. Сб. «А. С. Макаренко», книга вторая. Львов, 1954, стр. 137.

² Там же, стр. 139.

ноября 1936 года Антон Семёнович вывел на демонстрацию прекрасный, чёткий строй коммунаров. По воспоминаниям Г. С. Макаренко, Антон Семёнович бывал в колонии через день. Рано утром уезжал туда и возвращался поздно ночью, полный творческого подъёма и спокойной уверенности в своих силах.

18 июня 1936 года Советская страна, весь мир узнали о кончине А. М. Горького. Смерть любимого учителя и друга глубоко потрясла Макаренко. Под непосредственным впечатлением безвременной утраты Макаренко написал воспоминания «Максим Горький в моей жизни», статьи «Большое горе», «Мой первый учитель», «Близкий, дорогой, забываемый».

В июле 1936 года было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе НКПСов». Партия резко осудила теорию и практику педологии, основанные на ложных, антимарксистских положениях.

«5 июля 1936 года Антон Семёнович рано утром позвонил мне, — рассказывает литературный редактор «Педагогической поэмы». — Его обычно спокойный, чуть-чуть глуховатый голос был возбуждён. «Поздравьте меня с большой радостью. Сегодня счастливый день в моей жизни». Это он прочитал в газетах постановление ЦК партии о ликвидации так называемой «педологии» и «педологов»... В постановлении ЦК Антон Семёнович видел как бы признание своей правды и одобрение своей деятельности»¹.

Вся практика Макаренко, его теоретические работы и художественные произведения были направлены против педологической лженауки. Решение партии 1936 года вдохновило Макаренко — педагога и писателя.

¹ Р. А. Ковнатор. Воспоминания о А. С. Макаренко. Архив А. С. Макаренко.

ГЛАВА XI

ПЕДАГОГ-ПИСАТЕЛЬ

1928 – 1936 годы в писательской биографии Макаренко были решающими. Настоятельные советы Горького: «Пишите книгу» — не были напрасными. Уход из колонии заставил Антона Семёновича с новой силой почувствовать значение прожитых лет. Работа над «Педагогической поэмой» стала делом жизни Макаренко.

Но обстановка для литературной работы была по-прежнему очень трудной, и занятость Макаренко по мере роста коммуны всё увеличивалась. Теперь Антон Семёнович являлся руководителем учреждения, где воспитывалось 500 юношей и девушек. Надо помнить об отношении Макаренко к своему делу, к людям, чтобы понять, что это значило для него!

«Работу писать сейчас очень трудно, — читаем мы в одном из писем Антона Семёновича к жене. — Я не могу отдать ей подряд даже полчаса, и вся моя голова переполнена страшной массой всяких хозяйственных и педагогических забот, для работы души не остаётся, нужно писать по ночам»¹. В другом письме Макаренко говорит: «Вот сейчас почти круглые сутки вожусь со всякими чёрными пустяками: столовая, спальня, вешалка, обувь, подготовка к юбилеям, стенгазета, журнал, кружок,

¹ А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 21–22 октября 1929 г. Архив А. С. Макаренко.

цельный день в мелочах... А с книгой? Когда я её пишу, у меня голова лопается от обилия мысли, от материала, страшно для всех нужного, но на это я могу истратить только полчаса в день»¹.

Макаренко, по его образному выражению, «через каждую строчку приходилось решать соцвосовские проблемы». Оставалось писать по ночам, отрывая время у сна, и без того доведённого до минимума. «Я страшно много работаю — сплю не больше 4-х часов», «работаю до 4-5 часов утра», — такие признания Макаренко не являются исключением.

Если в таких исключительно трудных условиях Антон Семёнович мог заниматься литературой, то это лучше всего свидетельствует о том, насколько велика у него была потребность воплотить свои мысли и чувства в художественные образы. Это убедительнее всего свидетельствует о воле и темпераменте большого писателя.

Всё же временами «текущие дела» отгесняли литературу. Наступала более или менее длительная пауза. У Макаренко, как, вероятно, у многих пишущих, бывали периоды сомнений, неуверенности в своих силах. Трудно сказать, как при таких неблагоприятных обстоятельствах могла бы сложиться судьба писателя, если бы он не испытал в какие-то решающие моменты поддержку Горького, оценившего творческие возможности Макаренко и всё общественное значение его работы.

Большую помощь писателю в его работе оказала жена Галина Стахивна. В одном из писем к ней Макаренко соизнавался: «Если бы я тебя не полюбил, я бы никогда из моих черновиков ничего не сделал»². Жене Антон Семёнович доверял свои литературные замыслы. Она была его первым читателем, доброжелательным и умным советчиком и критиком. Макаренко, как правило, читал жене вслух написанное. Выслушав замечания Галины Стахивны, писатель давал ей только что вышедшие из-под его пера страницы, чтобы жена ещё прочитала их. Вот почему в письмах к жене Макаренко не раз называется «Педагогическую поэму» «нашей книгой».

¹ А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 28 октября 1932 г. Архив А. С. Макаренко.

² А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 21—22 октября 1929 г. Архив А. С. Макаренко.

Писателя вдохновляла шумная, бодрая толпа коммунаров, среди которых он трудился у себя в кабине. Они обсуждали события дня, говорили о работе, шутили, смеялись, спорили, и всё это протекало под внимательным и зорким взглядом художника.

Макаренко стремился использовать всякую свободную минуту. Он мог работать на вокзале, в брезентовой палатке летнего лагеря коммунаров, когда кругом кипела шумная жизнь. А одна из лучших глав «Поэмы» — «Идиллия» была написана на демонстрации, во время коротких остановок колонны.

Работать над книгой писателю помогла предельная организованность его труда. Макаренко никогда не ожидал «вдохновения». «Я вот так натренировал себя, — говорил Антон Семёнович, — что мне только хорошая бумага и тонко очинённый карандаш, несколько минут сосредоточился — и готово. Вместо музыки прекрасно сходит какой-нибудь вихрастый Петька Романов или Шурка Чевелий»¹.

Макаренко работает с увлечением, со страстью. «Сейчас деятельно занялся нашей книгой»², — пишет он жене. «Я страшно втянулся в прелесть литературной работы»³. «Сегодня увлёкся своей книгой и очень много сделал»⁴.

В 1929 году были написаны главы «Педагогической поэмы», вошедшие в первую часть книги. Однако требовательный к самому себе автор ещё не решился послать рукопись на отзыв Горькому, который должен был рецензировать её судьбу.

Макаренко увлекали другие творческие замыслы, которые настойтельно требовали своего воплощения. Всегда живший одной жизнью со своей страной, остро чувствующий новое в окружающей действительности, писатель заинтересовался грандиозным процессом индустриализации сельского хозяйства, развернувшимся в

¹ Г. С. Макаренко. Работа А. С. Макаренко над созданием «Педагогической поэмы». Сб. «А. С. Макаренко». Львов, 1942, стр. 126.

² А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 11 октября 1929 г. Архив А. С. Макаренко.

³ А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 15—16 ноября 1929 г. Архив А. С. Макаренко.

⁴ А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 21—22 ноября 1929 г. Архив А. С. Макаренко.

первый год пятилетки. Макаренко мог в полной мере оценить всё значение и огромный масштаб этого процесса ещё и потому, что годы работы в Горьковской колонии дали ему хорошую ориентировку в вопросах социалистической перестройки сельского хозяйства.

Весной 1929 года в экспедицию по изучению опыта строительства первых крупных механизированных совхозов на Северном Кавказе выехал сотрудник Антона Семёновича по Горьковской колонии Николай Эдуардович Фере, перешедший на научную работу. Ещё до отъезда Н. Э. Фере Макаренко договорился с ним, что он будет собирать материал для будущей очерковой книжки. И слово своё, всегда точный и организованный, Н. Э. Фере выполнил. Его рассказы обо всём увиденном увлекли Макаренко.

«Когда я закончил предварительную обработку всех материалов, собранных в экспедиции,— говорит Н. Э. Фере,— мы встретились, чтобы наметить план нашего будущего очерка. Он должен был отобразить труд советских трактористов, комбайнёров, агрономов, инженеров, успешно строящих новый огромный совхоз, взаимоотношения этого совхоза с окружающим крестьянством, его помощь молодым, ещё не окрепшим сельхозартелям. В нашем распоряжении был обильный материал, позволявший показать всё это на фоне упадка и внутренних противоречий капиталистического способа ведения сельского хозяйства в Америке. Отложив на неделю работу над «Педагогической поэмой», Антон Семёнович сразу же засел за этот очерк.

Уже в следующую пятницу он читал его нам с Галиной Стахивной. Собранные мною наблюдения и данные были мастерски литературно обработаны Антоном Семёновичем, оживлены поэтичными описаниями степной природы и обогащены очень ценными сравнениями и глубокими замечаниями по экономическим и политическим вопросам. На мою долю оставалось внести ряд технических поправок, и очерк можно было публиковать».

Так родилась небольшая книжка «На велетенскому фронту» («На гигантском фронте»), напечатанная в 1930 году на украинском языке. Она была написана на русском языке. На титульном листе книги вместо фамилий авторов

¹ Н. Фере. Мой учитель. «Новый мир», 1953, № 4, стр. 183—184.

стояли их инициалы — Н. Ф. и А. М. И хотя книжка прошла незамеченной, это не охладило тяги Антона Семёновича к литературе.

В начале 30-х годов Макаренко выступает и как публицист-теоретик. Важным вдохновляющим стимулом для него были постановления о работе пионерской организации (1932 г.), постановление Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» (1935 г.).

В 1931 году Антон Семёнович решил написать большую книгу на тему, давно его интересовавшую, — «Дисциплина». По характеристике Макаренко, это должна быть «книга об отношении коллектива и личности». «Это не будет учёная книга или роман — это будет просто книга, где будет только то, что нужно сказать людям», — так определил Макаренко жанр своей будущей книги. Однако новые дела и литературные работы отодвинули этот интересный замысел. Книга не была написана.

В 1932 году коммуна имени Ф. Э. Дзержинского отменила пятилетие своего существования. Юбилейной дате был посвящён сборник «Второе рождение», выпущенный коммуной. Название, предложенное Макаренко, как нельзя лучше раскрывало смысл статей, помещённых в сборнике, — чем как не вторым рождением была для воспитанников жизнь в коммуне!

В сборнике было помещено несколько литературных работ Макаренко. Самой значительной из них явилась статья «Педагоги пожимают плечами». Это одно из самых содержательных, блестящих по форме публицистических выступлений Макаренко. В статье убедительно показано, как реальная жизнь коммуны до конца опровергла беспочвенные измышления рутинёров от педагогики.

Макаренко рассказал и о принципиальном значении опыта коммуны для науки о воспитании: «Они [коммунары] делали стулья, арматуру, сверлилки, новую свою жизнь, нового человека,— и они ещё делали новую советскую педагогику»². Наряду с этим Макаренко дал

¹ А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 7 ноября 1931 г. Архив А. С. Макаренко

² А. С. Макаренко. Сочинения, т. II, М., 1957, стр. 398.

здесь ряд великолепно стилистически отточенных формулировок своего педагогического кредо.

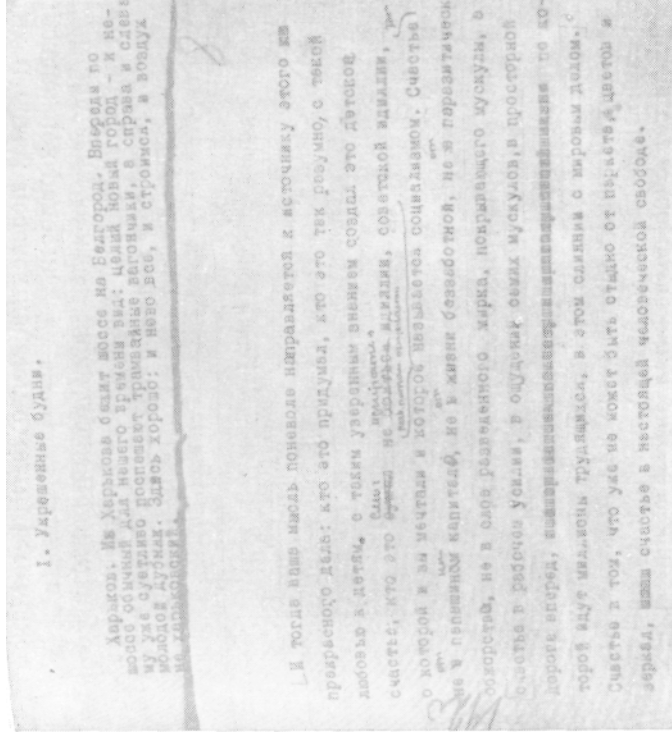
Макаренко обращается к жанру своеобразной летописи и в работе «Перевёрнутые страницы» последовательно, день за днём, фиксирует «вехи, события, факты» пятилетней истории коллектива. Перед читателем встаёт правдивая картина непрерывного роста коммуны. В том же сборнике напечатана составленная Макаренко «подборка» документов, названная «Один день коммуны». Это «рядовой» день 1 октября 1932 года, никак не отмеченный в «Перевёрнутых страницах». За «сухими» документами дня чувствуется творческое напряжение сотен людей, огромный труд воспитателя и организатора коллектива.

Макаренко стремился послушать за бурным потоком жизни. Одновременно с «Педагогической поэмой» он работал над произведениями, посвящёнными коммуне имени Дзержинского. Пусть это, на первый взгляд, уводило Антона Семёновича от основного художественного замысла, но работа над книгами о коллективе коммунаров совершенствовало мастерство писателя, расширяла тематический диапазон, подготавливала почву для нового плодотворного этапа его творчества.

В течение осени и зимы 1930 года была написана книга «Марш тридцатого года» — цикл очерков, рисующих жизнь коммуны имени Ф. Э. Дзержинского. После трёх вступительных «исторических» глав следуют очерки, изображающие коммуну сегодня. Эта, основная, часть книги открывается главой «Утро в коммуне» и завершается главой «Вечер». Писатель вводит нас в повседневную жизнь дзержинцев, в их заботы и радости. Мы знакомимся с бытом коммунаров, с их работой, учёбой, отдыхом. Мы видим самых юных героев книги, их шефов, делегатов, приезжающих в коммуну. Мы присутствуем на общем собрании, на заседании совета командиров.

Название одной из глав — «Хозяева» — передаёт основную черту облика коллективного героя книги. Растущий молодой советский человек — хозяин своей жизни. Везде — в отношении к труду, друг к другу, к настоящему и будущему коммуны — проявляется эта основная черта. «Свое» для дзержинца не только его цех, товарищеская семья, коммунa, а вся советская жизнь.

Коммуна — это ячейка нового, социалистического

А. С. Макаренко. «Марш тридцатого года».
Машинопись с правкой автора.

общества, отразившая его характерные черты. Это скажется в её организации, во всём облике коммунарской молодёжи, в коллективном труде. С большой любовью изображает писатель связь коммунаров с окружающей жизнью, летний поход 1929 года в Москву, осенний крымский поход 1930 года, день 1 Мая, который коммунары проводили в Харькове.

Писатель нашёл удачное название главы, открывающей рукопись книги, — «Украшенные будни». Ведь, в сущности, в произведении показаны именно будни коллектива. Но отчего же эти будни так праздничны и поэтичны? На этот вопрос и отвечает вся книга Макаренко. Только жизнь в трудовом коллективе, смело идущем к поставленным впереди высоким целям, чувство социалистической связи между людьми, постоянное ощущение всё новых и новых перспектив могло быть источником этой праздничной радости.

В заглавии книги — характерный для Макаренко писателя образ марша, как радостного, организованного, целеустремлённого движения. Вместе с Маяковским Макаренко мог бы сказать:

Я   планов наших
              люблю громадьё,
размаха   шаги сажены.
Я радуюсь   маршу,
              которым идём
в работу   и в сраженья.

Книга «Марш тридцатого года», вышедшая в 1932 году, прошла не замеченной широкими кругами читателей. По словам писателя, он её не встретил ни в одном магазине, не прочитал о ней ни одной строчки в журналах и газетах. Тем неожиданнее было для Макаренко письмо Горького из лёгкого Сорренто, в котором Алексей Максимович сердечно поздравлял автора с книгой.

М. Горький писал: «Дорогой Антон Семёнович – вчера прочитал Вашу книжку «Марш 30-го года». Читал – с волнением и радостью, Вы очень хорошо изобразили коммунистический и коммунаров. На каждой странице чувствуешь Вашу любовь к ребятам, непрерывную Вашу заботу о них и такое тонкое понимание детской души. «Я Вас искренно поздравляю с этой книгой»¹.

О значении этих слов для Макаренко лучше всего говорит его ответ М. Горькому: «Ваше письмо о моей книге — самое важное событие в моей жизни, к этим словам я ничего уже не могу прибавить, разве только то, что я просто не понимаю, как это можно иметь такую большую душу, как у Вас.

А я о своём писании был очень плохого мнения. Писательский зуд просто оказался сильнее моей воли, а по доброй воле я не писал бы. Ваш отзыв перепутал все мои представления о собственных силах, теперь уже не знаю,

¹ М. Горький. Письмо к А. С. Макаренко, 17 декабря 1932 г.; А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 353.

что будет дальше»¹.

В 1932 году Антоном Семёновичем была написана книга «ФДП», посвящённая новому этапу жизни колонии имени Дзержинского. ФДП — название электросверлилок, продукции завода коммуны. В книге и изображены события жизни коммуны 1931 года — кавказский летний поход и строительство завода, сыгравшего такую большую роль в истории замечательного воспитательного учреждения.

Однако значение книги далеко выходит за пределы беллетризованной хроники жизни коммуны. «ФДП» — художественное произведение о путях воспитания личности в коллективе, о силе социалистического труда, выходящей нового человека, патриота нашей великой Родины. «ФДП» — согретый теплотой и глубиной искренностью рассказ не стороннего свидетеля, а организатора и руководителя коллектива.

Несмотря на актуальность темы и литературные достоинства произведения, книга «ФДП» не была опубликована при жизни Макаренко, и из общего объёма книги — 14½ авторских листов — до нас дошло лишь несколько более половины текста.

В 1933 году Макаренко обращается к новому для него драматургическому жанру. Он пишет пьесу «Мажор». Пьеса эта была представлена автором на Всесоюзный конкурс драматических произведений. Жюри конкурса отметило пьесу Макаренко, и в 1935 году она была напечатана под псевдонимом «Андрей Гальченко».

«Мажор» — пьеса о воспитании, о формировании советского коллектива, о борьбе за социалистическую индустриализацию страны. В персонажах пьесы нетрудно узнать некоторых членов коллектива коммуны имени Дзержинского и даже самого Макаренко (данный несколькоими белыми штрихами образ заведующего коммуной).

«...Мажор. Я ставлю во главу угла это качество. Постоянная бодрость, никаких сумрачных лиц, никаких кислых выражений, постоянная готовность к действию, радужное настроение, именно мажорное, весёлое, бодрое

¹ А. С. Макаренко. Письмо к М. Горькому, 1 января 1933 г., Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 354.

настроение, но вовсе не истеричность»¹. Эти слова из позднейшего выступления Макаренко служат лучшей характеристикой жизнеутверждающей тональности пьесы.

Тема пьесы — борьба за освоение нового производства на заводе электрооборудования коммуны имени Фрунзе. Герои пьесы — коллектив коммунаров, представители инженерно-технического персонала завода. Идея пьесы «Мажор» — победа коллектива, перевоспитывающего не верящих в его силы, преодолевающего трудности, как бы велики они ни были, — переключается с идей новой пьесы, созданной писателем в 1934–1935 годах.

«...Я написал ещё одну пьесу «Ньютоновы кольца»...— читаем в письме Макаренко к Горькому. — Меня увлекла тема изобразить игру мельчайших бликов, зайчиков на очень ограниченном участке нашей борьбы, мне хотелось этой радужной игрой подчеркнуть величие и уверенность нашего движения. Сегодня я прочитал Вашу статью «Литературные забавы», и теперь я понимаю, что меня в моей пьесе интересовала «химия» явлений среди наших людей»².

В статье Горького содержится положение, которое не только помогает понять творческий замысел автора пьесы, но и вскрывает сущность всего творчества Макаренко. Горький писал: «Тысячами голосов советский человек, строитель новой культуры, ежедневно говорит литераторам: я был пастухом, был социально опасным правонарушителем, был батраком кулака, — стал инженером, медицинком, учёным-естествоиспытателем; я была батрачкой, горничной, домашним животным моего мужа, — я стала профессором философии, агрономом, парторгом и т. д. Говоря это, люди сообщают как бы только о факте своего физического перемещения в социальной среде, не умея и иногда — не желая рассказывать о химии факта. Вскрыть психический процесс перемещения из ряда чернорабочих батраков в ряды мастеров культуры, вскрыть закономерность этого явления, показать, какую роль играла в нём классовая идеология пролетариата, как сопровивлялись ей зоологические эмоции мещанства — это дело революционера-художника, «инженера

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 213.

² А. С. Макаренко. Письмо к М. Горькому, 26 января 1935 г. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 364.

душ»¹. Эта образная формула Горького реализуется во всех художественных произведениях Макаренко.

В пьесе «Ньютоновы кольца» (1935 г.) нет бывших беспризорных и правонарушителей. Герои пьесы — инженеры, начальники цехов, секретарь партийной организации, студенты-практиканты, комендант, телефонистка — члены коллектива большого, недавно построенного завода плёночных фотоаппаратов. Драматург рисует будни заводского коллектива в те трудные дни, когда предприятие, несмотря на все усилия рабочих и инженеров, выпускает брак. Технология производства плёночных фотоаппаратов засекречена за границей. Подготовленных кадров специалистов ещё нет. Основной элемент фотоаппарата — линза даёт почему-то искажённое изображение. Разгадка причины этой неточности и является заключительным эпизодом пьесы.

Герои пьесы — обыкновенные люди, не лишённые недостатков, делают своё большое, важное и трудное дело. Их работа переплетается с разными «мелочами жизни». В их быте, отношениях друг к другу есть ещё немало пережитков старого. Но в процессе социального труда, когда интересы завода, государства становятся личными интересами членов коллектива, растёт, меняется человек. Это и есть основная идея пьесы.

«Ньютоново кольцо» — радужный ореол, который получается при наложении контрольной линзы на испытываемую, если имеется самый ничтожный брак, минимальная неточность в один микрон. Этот технический термин служит автору для образного обозначения тонкости процесса воспитания. С идеей пьесы, несомненно, связаны слова Макаренко в записной книжке 1932–1933 годов: «В воспитании нужна такая же точность, как в производстве, до $\frac{1}{100}$ мм»².

«...В «Ньютоновых кольцах» тема тоже педагогическая, — писал автор Горькому. — Ведь теперь перевоспитываются не только дети. В пьесе я и хотел захватить кусочек великого процесса перевоспитания, только выходя его не в «небывалых чудесах», а в простой «химии». Перевоспитывается не только Хромов, а и Рязанова, и Луговой, и Ходиков, и Ёлочка [персонажи пьесы].

¹ М. Горький. Собр. соч., т. XXVII, Гослитиздат, М., 1953, с. 256.

² Архив А. С. Макаренко.

И не потому перевоспитываются, что стоит над душой гениальный педагог, а потому, что вся атмосфера, весь тон жизни и отношений новые»¹.

«Великий процесс перевоспитания» — это очень точная, очень удачная формулировка, относящаяся не только к пьесе «Ньютоновы кольца», но и к центральному произведению данного периода — «Педагогической поэме».

Работа над «Поэмой» оставалась в центре творческого внимания Макаренко, и в завершении этого фундаментального труда снова сыграл огромную роль Горький. В феврале 1933 года Макаренко получил от него вдохновляющее, полное сердечной заботы письмо: «Дорогой Антон Семёнович — я стороною узнал, что Вы начинаете устывать и что Вам необходим отдых. Собственно говоря — мне самому пора бы догадаться о необходимости для Вас отдыха, ибо я в некотором роде шеф Ваш, кое-какие простые вещи должен сам понимать. 12 лет трудились Вы, и результатам трудов нет цены. Да никто и не знает о них, и никто не будет знать, если Вы сами не расскажете...»

Поезжайте куда-нибудь в тёплые места и пишите книгу, дорогой друг мой»².

Не ограничиваясь этой моральной поддержкой, Горький прислал Антону Семёновичу 5 тысяч рублей с требованием немедленно засесть за книгу. Настоятельные советы Горького побудили Антона Семёновича ускорить работу над «Педагогической поэмой». Макаренко трудится с особым подъёмом. Теперь перед ним стоит ближайшая и неотложная задача — закончить первое большое звено «Поэмы» и познакомить с рукописью своего учителя и друга.

«Я работаю, как маховик», «Работаю, как заведённая машина, пружина у меня устроена хорошо», — читаем мы в письмах Антона Семёновича 1933 года. Писательский труд даёт Антону Семёновичу большое удовлетворение. «Сейчас работаю сильно над Горьковской [«Горьковская колония» — первоначальное название «Педагогической поэмы»] — либо в самом деле хорошо получится, либо я не способен

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 366.

² М. Горький. Письмо к А. С. Макаренко, 30 января 1933 г. А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 355.

понимать, что хорошо и что плохо»¹, «...работа над нею [книгой] страшно приятна и вполне заменяет мне отдых»².

Осенью 1933 года Антон Семёнович с готовыми глазами своей книги поехал в Москву. Макаренко понимал, что эта поездка должна была окончательно и бесповоротно решить судьбу произведения, а вероятно, и его судьбу. Отрицательный или просто сдержанный отзыв Горького о рукописи, конечно, стал бы для Антона Семёновича ударом, неизмеримо большим, чем письмо 1915 года.

«Я принёс в папке «Горьковскую», которую назвал всё-таки «Педагогической поэмой», — писал Антон Семёнович жене сразу же после встречи с Горьким. — Сказал ему об этом и о том, что мне нужно кое о чём с ним посоветоваться... [М. Горький] развернул мою папку, посмотрел первую страницу: «Ты это оставь, я сейчас же прочитаю. И вот что: долго не задержу». Так я ему и оставил в полном беспорядке: первые шесть глав начисто, а остальное в черновом виде...»³ Наступили дни ожидания.

Занятый огромной литературной и общественной работой, Горький нашёл время, чтобы скоро прочитать объёмистую рукопись.

С чувством большой радости Антон Семёнович 26 сентября сообщил жене: «Сегодня у меня счастливый день. От Горького получил рукопись и такое письмо: «Дорогой Антон Семёнович — на мой взгляд «Поэма» очень удалась Вам... Мне кажется, что рукопись не теряет серьёзной правки... Рукопись нужно издавать»⁴.

Первая часть «Педагогической поэмы» появилась в альманахе «Год семнадцатый», выходящем под редакцией М. Горького, в почётном соседстве с пьесой Алексея Максимовича «Достигаев и другие» (1933 г., кн. 3-я). «Для меня выход «Поэмы» — важнейшее событие в

¹ А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 16 сентября 1933 г.

Архив А. С. Макаренко.

² А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 19 сентября 1933 г.

Архив А. С. Макаренко.

³ А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 21 сентября 1933 г.

Архив А. С. Макаренко.

⁴ А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 26 сентября 1933 г.

Архив А. С. Макаренко.

жизни, — писал Антон Семёнович М. Горькому. — Я не способен судить, насколько это важно или нужно для людей. Здесь, в своей харьковской каторге, я вообще слишком мало ощущаю из широкой литературной жизни и не могу даже следить за критическими статьями, не знаю даже, есть они или нет.

И меня очень затрудняет вопрос о том, что дальше делать с поэмой?..

Писать ли вторую часть, или не стоит?..¹

Горький, конечно, ясно представивший, в какой обстановке приходится работать писателю, всячески поддерживал и «толкал» Макаренко. «...Огорчён тем, что вторая часть «Педагогической поэмы» Вашей «подвигается медленно», — пишет Горький Антону Семёновичу. — ...Убедительно прошу Вас — напрягитесь и кончайте вторую часть «Поэмы»².

Осенью 1934 года была закончена вторая часть «Поэмы». Она была также напечатана в горьковском альманахе «Год восемнадцатый» (книга пятая).

Большим творческим стимулом для автора «Педагогической поэмы» были важнейшие события на литературном фронте: постановление ЦК ВКП(б) 1932 года о консолидации сил советской литературы, 1-й Всесоюзный съезд советских писателей в 1934 году, поставивший перед литераторами СССР новые, большие, ответственные задачи.

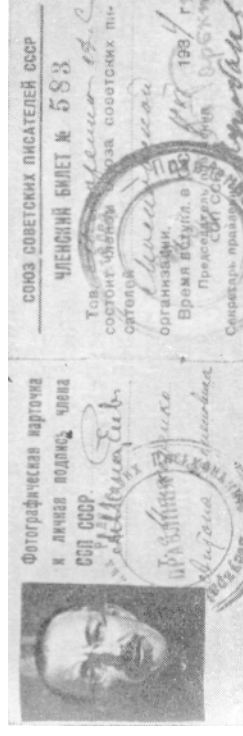
С особым подъёмом Макаренко работал над третьей частью книги, которая была написана всего за восемь месяцев — начата в январе, а кончена в сентябре 1935 года. Посылая Горькому рукопись третьей части книги, Макаренко писал: «Дорогой Алексей Максимович! Большая и непривычная для меня работа «Педагогическая поэма» окончена. Не нахожу слов и не беру чувств, чтобы благодарить Вас, потому что вся эта книга исключительно дело Вашего внимания, и любви к людям. Без Вашего нажима и прямо невиданной энергии помощи я никогда этой книжки не написал бы»³.

Об этом же Макаренко писал и в посвящении книги:

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 356.

² А. М. Горький. Письмо к А. С. Макаренко, 1934 г. А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 360.

³ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 367.

Членский билет Союза советских писателей А. С. Макаренко. 1934 г.

«С преданностью и любовью нашему шефу, другу и учителю Максиму Горькому».

Прочитав последнюю часть «Поэмы», Горький писал Макаренко: «...Третья часть «Поэмы» кажется мне ещё более ценной, чем первые две.

С большим волнением читал сцену встречи горьковцев с куряжками, да и вообще очень многое дявольски волновало...

Поздравляю Вас с хорошей книгой, горячо поздравляю!».

С голосом Горького слились голоса многочисленных читателей, горячо полюбивших «Педагогическую поэму». Люди разных возрастов, культурного уровня, общественного положения, профессий, живущие в самых различных, иногда очень отдалённых уголках СССР, писали Макаренко. Эти отклики незнакомых, но близких людей стали большой радостью для писателя.

Многие читатели хотели увидеть и услышать автора любимой книги. Занятый большой работой, Макаренко нашёл время, чтобы откликнуться на эти пожелания. Только в течение одного 1936 года Антон Семёнович встретился с юными читателями «Поэмы», учащимися 8–10-х классов одной из московских школ, с преподавателями и студентами Московского областного педагогического института, со слушателями и сотрудниками Высшего коммунистического института просвещения, с

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 370–371.

читателями, писателями и критиками в Московском доме литераторов.

Под свежим впечатлением от таких встреч Макаренко писал жене из Москвы: «27, 28, 29 [июля] провёл здесь три собрания читателей, посвящённых «Педагогической поэме». Читатели поразили меня сверх всякой меры... Об их выступлениях рассказать даже невозможно. Очень многие кончали слезами, некоторые от слёз не могли кончить. Особенно поразили меня один большой наборщик... Он насилиу говорил. Но главное — все услышали: «Я не могу жить, не сколько раз я хотел умереть, в такие минуты я беру и читаю «Педагогическую поэму»¹.

«Педагогическая поэма» не осталась незамеченной и критикой. Появились статьи и рецензии Ф. Я. Кона, Б. Я. Брайниной, Е. В. Златовой, Н. И. Четуневой, В. О. Перцова и других, положительно оценивших книгу. Страстным пропагандистом «Поэмы» стал профессор В. Н. Колбановский, напечатавший о ней ряд содержательных статей.

Литературная работа Макаренко получила общественное признание. Ещё до завершения третьей части «Педагогической поэмы», 1 июля 1934 года, Антон Семёнович был принят в члены Союза советских писателей. Перед Макаренко открылись новые творческие перспективы. Наконец осуществилась заветная мечта Макаренко — он стал писателем.

ГЛАВА XII

«ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА»

Макаренко вошёл в историю литературы как писатель, создавший один из самых замечательных литературных памятников нашего времени — «Педагогическую поэму». В книгу, которой было отдано десятилетие творческого труда, автор вложил всё своё самое лучшее как человек и художник слова. Произведение выросло из жизни его творца с такой же закономерностью, с какой из насыщенного раствора вырастает кристалл прекрасной и редкой формы.

Книга Макаренко запечатлела черты советской действительности с покоряющей поэтической силой. Всякий, впервые познакомившийся с «Педагогической поэмой», испытал забываемое ощущение свежести, своеобразия, удивительной правдивости, радость открытия нового мира. Книга обладает тем качеством, которое, по словам Л. Н. Толстого, отличает настоящее большое художественное произведение, — к ней хочется возвращаться снова и снова.

«Педагогическая поэма» — произведение литературы социалистического реализма о воспитании, о вдохновенном труде педагога, о рождении нового человека. Только советская жизнь, только близкое, заинтересованное участие писателя в жизни и борьбе народа за великие идеи коммунизма могло породить такое произведение.

¹ А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 30 июля 1936 г. Архив А. С. Макаренко.

Процесс рождения такого художественного организма — трудный и сложный процесс. Новое содержание далеко не сразу находит новую, законченную форму. Макаренко также не сразу утвердился в жанре своей книги. Размышляя о том, как рассказать читателям о годах своей работы и борьбы в Горьковской колонии, Макаренко с самого же начала отверг жанр научной педагогической монографии. Он хорошо знал, что специальная педагогическая литература читается только сравнительно узким кругом людей.

Само собой напрашивался другой выход — написать книгу мемуарного характера. Ведь в русской литературе уже было достаточное количество разнообразных «Записок педагога», которые, конечно, хорошо знал Макаренко, пресоходно эрудированный в педагогической литературе. Но для него обратиться к жанру «записок» — значило связать творческую свободу художника документальной точностью, сосредоточить внимание читателя на личности мемуариста, отказаться от элементов художественного вымысла и, значит, тем самым ограничить силу воздействия книги. Макаренко понимал, что только художественное произведение, воплощающее новаторские идеи коммунистического воспитания, может через головы жрецов педагогического «олимпа» дойти до самых широких масс читателей.

Другое соображение, мотивировавшее беллетристическую форму будущей книги, было хорошо выражено Антоном Семёновичем в таких словах: «...Для чего мне доказывать правильность моих педагогических принципов, если жизнь лучше всего их доказывает, буду просто описывать жизнь»¹.

И вот в сознании Макаренко происходит глубокий процесс эстетического осмысления окружавшей его действительности. Борьбе новатора за революционную педагогику, теоретическому обобщению опыта коммунистического воспитания служит новое оружие — страстное, поэтическое, художественное слово.

Может показаться неожиданным, что, уже написав ряд глав «Педагогической поэмы», Макаренко в 1929 году принял решение радикально изменить характер повествования и обратился к форме романа, о котором он,

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 154.

по собственному признанию, давно мечтал. Теперь жизнь юношеской колонии стала только одним из сла-гаемых произведений.

В центре романа должно было быть поставлено лицо, условно обозначенное в сохранившемся подробном проспекте произведения буквой А. Это, по определению Макаренко, «человек большой воли, кипучей энергии, полный презрения к болтающей интеллигенции»¹. Однако главный герой романа ещё не изжил в себе пережитков старого мира — черт индивидуализма. Формирование характера А происходит в процессе труда на широком историческом фоне развития революции, начиная с последнего периода гражданской войны и кончая эпохой великих планов и дел советского народа.

Обстоятельства поставили А во главе колонии правонарушителей. Борясь с эгоистическими, антиобщественными устремлениями колонистов и сллачивая воспитанников в единый коллектив, А заражается пафосом ролдвщегося коллектива. «Он [А] становится исполнителем этой новой замечательной стихии растущего молодого общества. Он переживает общую юношескую мечту и начинает верить в новую, богатую жизнь»².

Ощущая необходимость полного слияния с коллективом, А отказывается от личной жизни, он «решительно отрицает какое бы то ни было абсолютное значение в вопросах любви, он не может понять и пафоса постройки семейного гнезда»³. Но происходит встреча с героиней произведения В, человеком большого ума, душевного изящества и красоты. А глубоко, всем своим существом полюбил В. Вспыхивает взаимное сильное чувство. Любовь изменяет А, открывает перед ним новые горизонты, он «начинает задумываться о значении человека», о «ценности отдельной личности».

«Благодаря замечательной стихии В все человеческие ценности, все проблемы общества и личности, героизма и работы, гордости и достоинства преломляются в новых надеждах на какой-то лучший будущий коллектив, стоящий из каких-то новых людей»⁴. Любовь вызывает

¹ Архив А. С. Макаренко.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

у Б «перестройку представления о мире, основанную на утверждении... ценности личности в ценном коллективе».

В последней части книги «нет двух жизней, а есть одна сверкающая гармония двух людей, представляющих целое, живое целое на земле. Эта мысль о великом значении пары людей, есть мысль о новой семье, о новом человеке, о новом элементе человеческого коллектива»¹.

В плане намечены и вехи развития растущего юношеского коллектива. По замыслу Макаренко, произведение должно было закончиться «картиной какого-нибудь разваленного фона новой работы, на котором быстрым рисунком встаёт крепкий, мудрый, весёлый коллектив с точным движением, точным словом и постоянной готовностью дать отпор всякой болтовне»².

Как видно из этого краткого изложения замысла Макаренко, собственно «педагогическая» тема оказалась теперь оттеснённой на второй или третий план. Надо полагать, что если бы этот замысел был осуществлён писателем, получилось бы по-своему интересное произведение на тему об интеллигенции и революции, часто звучавшую в литературе того времени. Однако Макаренко понял, что каким бы заманчивым ни казался ему роман, он уводит писателя далеко в сторону от намеченного пути. Не тема большой любви и революционного перевоспитания интеллигента, а тема массового социалистического воспитания бывших беспризорных и правонарушителей снова становится в центре внимания писателя.

Антон Семёнович до конца осознал, что соединить эти большие и столь различные темы в рамках романа, как он предполагал вначале, совершенно невозможно. Ведь жанр романа потребовал бы сосредоточения авторского внимания на судьбах одного или немногих действующих лиц, свёл бы до минимума документальность жизненного материала произведения, заставил писателя отказаться от формы повествования от первого лица.

Летом 1930 года Антон Семёнович писал жене: «...без малейшей судороги сожалений я похоронил в папку большой труд, вложенный в план, и без всяких эмоций расстался с коллизиями сильной личности, — у меня свой путь и свои задачи. Глупо это или умно — «история рассудит»,

¹ Архив А. С. Макаренко.

² Там же.

и я останусь им верен»¹. Макаренко вернулся к прерванной работе.

Макаренко далеко не сразу нашёл и заглавие своей будущей книги. Первоначально автор хотел назвать её «Горьковцы», «Горьковская колония». Вероятно, это заглавие не привлекло бы особого внимания читателей. Оно ничего не говорило бы об особом внимании интонации произведения и, в сущности, только обозначало имя основного героя книги. В воспоминаниях Галины Стахиевны Макаренко рассказано о том, как Макаренко пришёл к настоящему заглавию:

«Когда... встал чрезвычайно важный для судьбы художественного произведения вопрос о названии, гораздо более ответственный, чем выбор имени для первенца, я сказала Антону Семёновичу, что он написал поэму. «Ну, эчеленца, эту патетическую импрессию вам придётся очень серьёзно доказать!» — воскликнул Антон Семёнович, скрывая весёлую иронию в звучных иностранных словах. Но хотя у меня был сильный аргумент — прозаическая поэма Гоголя «Мёртвые души», я встретила такое сопротивление Антона Семёновича, что так и осталась на некоторое время в неведении, удалось ли мне его убедить. Он подумал несколько дней и блестяще добавил слово «педагогическая»².

Заглавие с предельной краткостью и выразительностью обозначило тему книги, её художественную тональность. Оно звучало неожиданно и смело. Само по себе слово «педагогическая» говорило о чём-то деловом, научно-методическом, специальном. Определение «поэма» точно взрывало его сухую отвлечённость, наполняло значительным и новым содержанием.

Творческое дерзание Макаренко проявилось и в том, что книга прозы была названа поэмой. Это рождало у читателя ассоциацию с таким произведением русской литературы, как бессмертная поэма Н. В. Гоголя «Мёртвые души». Совершенно очевидно, что даже малейшее несоответствие содержания книги её названию могло стать убийственным своей претенциозностью. Но Макаренко не побоялся такого сопоставления и одержал блистательную победу.

¹ Архив А. С. Макаренко.

² Г. С. Макаренко. Работа А. С. Макаренко над созданием «Педагогической поэмы». Сб. «А. С. Макаренко». Львов, 1949, стр. 123.

Поэма — лиро-эпический жанр, характеризующийся широтой охвата действительности. Книга Макаренко пронизана глубоко личным, эмоциональным отношением автора к людям и событиям жизни колонии имени М. Горького. Поэзия в книге Макаренко не какие-либо частные элементы образности, а весь её целостный художественный организм. Эпический характер произведения связан с тем, что его герой — большой, многолюдный коллектив, жизнь которого показана писателем, как органическая часть жизни Советской страны. Эпическая интонация обусловлена также масштабом воплощения темы, глубиной и значительностью идейных обобщений.

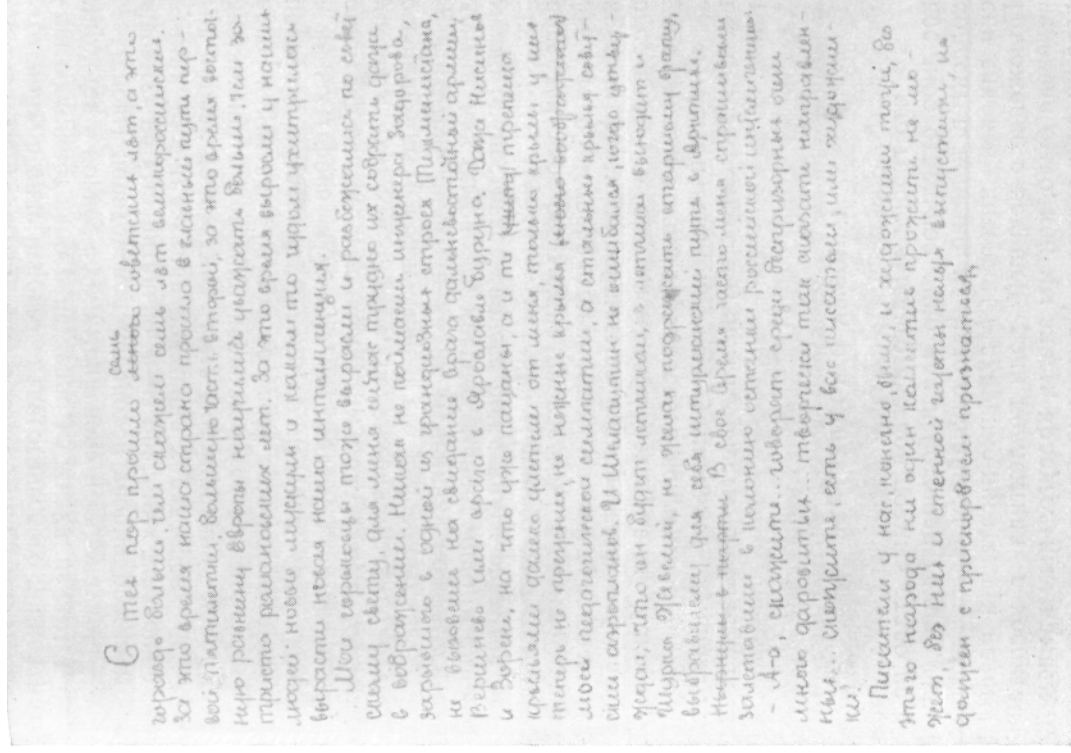
Для понимания художественного своеобразия книги очень важно одно высказывание её автора. «...Для меня, — говорил Макаренко, — это была книга нашей борьбы, и, когда я писал, я меньше всего ощущал себя писателем, а был всё-таки педагогом.

Почему же книга вышла в виде поэмы? Только потому, что иначе писать я не умею... Но и в художественной форме отказать от борьбы, от высказывания своих принципов я не мог»¹.

Не низводят ли эти слова образы произведения Макаренко до простой иллюстрации заранее заданных теоретических положений? Не снижают ли «поэзный» характер книги? Нет, не снижают. Боевой, теоретико-педагогический пафос «Поэмы» не абстрактен. Он полностью выражает важнейшую черту характера автобиографического героя книги.

Заведующий Горьковской колонией не рядовой воспитатель, не просто добросовестный педагог, а натура глубоко творческая, человек, неумоимо ищущий новых путей воспитания, настойчиво стремящийся осмыслить свой опыт. Это теоретик нового типа, рождённый новой, советской действительностью. Для читателей «Поэмы», как для Макаренко — героя книги, процесс рождения новаторской педагогической теории становится увлекательным и вдохновляющим открытием нового. Он связывается с конкретными судьбами людей, с поражениями и победами Макаренко.

«Педагогическая поэма» не произведение так называемого научно-художественного жанра, не теоретический

А. С. Макаренко. «Педагогическая поэма». Автограф.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 372.

трактат, облечённый ради занимательности в художественную форму. Теория в книге Макаренко не даётся «готовой», в виде некоего педагогического концентрата. Она возникает непосредственно из жизни, из опыта, формируется в борьбе с «олимпийской» псевдонаукой.

Основы новаторской передовой теории рождаются «Поэме» не умозрительно, а из реальных жизненных ситуаций, из диалектики движения характеров, из развития образа коллектива. Тема формирования новой революционной педагогики переплетается с темой роста нового человека. То, что со всей зримостью искусства показано в картинах жизни коллектива, в судьбах отдельных героев «Поэмы», на глазах у читателя обобщается в ясных и точных формулах. А эти, добытые в упорном труде и борьбе, положения, в свою очередь, освещают путь коллектива и его руководителя.

Читатель видит, в каких мучениях рождается коллектив, как он растёт, крепнет, меняет лицо, и одновременно он постигает процесс рождения и развития революционной теории воспитания. Процесс этот тем более нагляден, что его можно проследить с самого начала. Мы с такой непосредственностью, в такой предельно конкретной форме приобщаемся к творческой лаборатории писателя, что ощущаем себя сотворцами Макаренко, участниками жизни горьковского коллектива.

«Педагогическая поэма» — уникальное художественное произведение о научном творчестве в области воспитания.

1. ПОЭМА О КОЛЛЕКТИВЕ

То, что героем «Педагогической поэмы» стало не какое-либо отдельное лицо или небольшая группа лиц, а коллектив, конечно, не было случайным. Здесь органически слились интересы Макаренко-писателя и педагога. Положение о ведущей роли коллектива в воспитании человека было, как мы знаем, краеугольным камнем педагогических взглядов Макаренко.

Автор «Поэмы» блестяще разрешил труднейшую художественную задачу изображения коллектива как главного героя книги. Коллектив колонии имени М. Горького нарицан без какого бы то ни было схематизма, как живой,

социальный организм, во всей сложности и полноте его жизни. Образ коллектива дан в «Поэме» многопланово: в больших и малых событиях истории колонии, в её трудовых буднях и торжественных праздниках, в творческом, воспитательном воздействии на личность.

Макаренко хорошо знал, что коллектив — не аморфная масса, что его формирование вовсе не происходит стихийно, а в результате настойчивых усилий организатора. Антон Семёнович едко иронизировал по поводу псевдонаучной теории «самовозникающего» юношеского коллектива, имевшей хождение в 20-х годах. Вот почему в «Педагогической поэме» занимает особое место образ руководителя коллектива, заведующего колонией. Он проходит с самого начала и до конца книги и сосредоточивает в себе, как в фокусе, жизнь коллектива.

Для того чтобы понять существо образа коллективного героя книги, необходимо до конца осознать ещё одну неотъемлемую и важнейшую его черту. Коллектив горьковцев показан в «Поэме» не статически описательно, а в движении, в процессе бурного внутреннего роста. Осмыслить диалектику развития образа коллектива и неразрывно связанного с ним автобиографического героя книги — значит найти ключ к пониманию идейного и художественного своеобразия «Педагогической поэмы».

Изображение жизни колонии имени М. Горького в её ведущих противоречиях определило принцип построения «Педагогической поэмы». Макаренко показывает повседневную жизнь коллектива в ожесточённой борьбе между умирающим, но ещё цепким старым и рождающимся новым. Эта борьба протекает очень напряжённо в сознании тех, кто с детских лет испытал разлагающее влияние улицы, воровского притона, бандитской шайки.

Процесс воспитания, особенно в его начальной стадии, неизбежно порождает внутренние противоречия — ведь это процесс роста человека! Дальновидный воспитатель не боится конфликта, он, если это необходимо, смело идёт ему навстречу. Более того, он использует назревающий конфликт для ускорения формирования личности. Таким умным и смелым воспитателем является Макаренко — герой «Педагогической поэмы».

Драматическая напряжённость конфликта в книге связана также с борьбой воспитателя-новатора против

рутинёрской педагогики. Мы с возрастающим вниманием следим за развёртыванием повествования. Конечно, это не внешняя занимательность искусно придуманной интриги, а глубокая внутренняя заинтересованность существом художественного раскрытия темы.

Конфликтность вытекает из самого характера метода социалистического реализма, отражающего действительность в её революционном развитии. «Педагогическая поэма» — одно из наиболее остро-конфликтных произведений нашей литературы.

Построение «Поэмы» отличается глубокой продуманностью, большой чёткостью и полнотой выражает идейный замысел книги. «Педагогическая поэма» состоит из трёх частей, посвящённых трём основным этапам формирования Горьковской колонии. Первая часть рисует, как Макаренко создавал коллектив, вторая посвящена жизни созревшего коллектива, третья изображает наибольшую победу Макаренко — «завоевание Куряжа» и формирование объединённого коллектива.

Каждая часть «Поэмы» как бы ступень, ведущая читателя к новым высотам. В то же время каждая часть книги, будучи звеном общей цепи, — целостный художественный организм. Макаренко так строит здание «Педагогической поэмы», что композиционные узлы произведения — это важнейшие события жизни коллектива, наглядно раскрывающие победу передовых новаторских методов воспитания.

По существу прологом «Педагогической поэмы» является глава, открывающая первую часть книги. Она занимает немногим более двух страниц из 600 с лишним страниц текста. Однако эта небольшая вводная глава очень важна для понимания идейного смысла книги.

Повествование начинается стремительно. В обстановку действия вводит одна короткая фраза: «В сентябре 1920 года заведующий губнаробразом вызвал меня к себе и сказал...» Далее на протяжении всей главы развёртывается быстрый по темпу диалог между Макаренко и руководителем отдела народного образования.

Очевидно, заведующий — рабочий-выдвиженец. Он ещё слабо разбирается в тонкостях специальной педагогической терминологии, но по-настоящему болеет за своё дело. Заведущим губнаробразом полон недоверия к неумеющей или нежелющей работать интеллигенции (ведь это был 1920 год!).

Макаренко сетует на ненормальную обстановку, и завгубнаробразом сначала склонен видеть в нём одного из таких саботирующих интеллигентов. Однако зоркие глаза за руководителя отдела народного образования скоро улавливают в собеседнике нечто совсем иное — стремление к какой-то не формальной, а по-настоящему нужной людям работе. И он вручает Макаренко «путёвку в жизнь» на непривычное и трудное дело заведования колонией бывших беспризорных и правонарушителей: «Самое главное, это самое... не какая-нибудь там колония малолетних преступников, а, понимаешь, социальное воспитание... Нам нужен такой человек вот... наш человек! Ты его сделай...» «Действуй! Дело святое!»¹ Такими простыми и значительными словами напутствует завгубнаробразом Макаренко.

Писатель не соблазнился возможностью нарисовать своего автобиографического героя сформировавшимся, созревшим, умеющим с самого начала всё понять, увидеть и предвидеть. Образ заведующего колонией вовсе не показан в ореоле необыкновенного человека. Автор не скрывает его ошибок, не замалчивает сомнений, не закрывает глаза на временное состояние отчаяния, неверия в свои силы. На вопрос завгубнаробразом, знает ли он, Макаренко, как надо воспитывать нового человека, будущий руководитель колонии правдиво и прямо отвечает: «Не знаю». Этот ответ имеет большое значение для построения книги, предвещающая возможность острых положений и конфликтов. Вместе с Макаренко — героем «Поэмы» — мы как будто отправляемся в поиски ещё не известной страны.

«Нового человека надо по-новому делать». Под знаком этой афористически сжатой формулы мы воспринимем всё, о чём рассказывается в книге. На примере Горьковской колонии писатель раскрывает новаторские пути воспитания. Создавая самыми немногими чертами ощущение эпохи, первая глава сразу же вводит читателя в основную проблематику произведения.

Вторая глава ставит нас перед лицом самой напряжённой ситуации. Маленькой группе воспитателей противостоит анархическая недисциплинированная толпа правонарушителей. Макаренко ощущает всю

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 14–15.

несостоятельность своих попыток договориться с воспитанниками; они открыто издеваются над педагогическим персоналом, демонстрируют полное презрение к труду и какой бы то ни было организации.

Автор фиксирует внимание читателей на крайне тяжёлом душевном состоянии героя, переживающего своё бессилие. Макаренко приходит к сознанию, что теорию, как руководство к действию, ему самому «нужно извлечь из всей суммы реальных явлений», происходящих на его глазах.

Возрастающее отчаяние, боль и обида разрешаются взрывом гнева — пощёчной колонисту Задорову. Это знаменательный переломный эпизод «Поэмы». Мы понимаем, что будь на месте Макаренко бездушный формалист, это могло бы иметь для него, как воспитателя, самые губительные последствия. И прав М. И. Калинин, который замечает: «Инцидент с Задоровым — первый «педагогический» урок... Мне кажется, что его положительные результаты явились следствием уже завоёванного авторитета и уважения к Макаренко у колонистов»¹.

Для Макаренко пощёчина Задорову стала дорого стоившим, но необходимым уроком: от бесполезных уговоров он перешёл к непреклонному и суровому требованию. Макаренко выступает с ультиматумом к воспитанникам: или выходить на работу, или убираться из колонии. Заключительный эпизод главы — дружная работа колонистов в лесу, оживление за обедом после работы — на время разряжает напряжение.

Дальнейшее повествование как бы подхватывает эту зародившуюся мелодию нового: мы видим, как в общих делах — в охране государственного леса, в борьбе с бандитизмом, в восстановлении полуразрушенной усадьбы Третьяке, в новых хозяйственных работах — возникают первые ростки коллектива. Вместе с тем для читателя становится всё более и более очевидным, как необходима защита этих «драгоценных зеленей».

Писатель мастерски вводит ряд эпизодов, нагнетающих противоречия между новым и старым. Неожиданно вспыхивает резня в спальне. Катастрофически усиливается

¹ М. И. Калинин. Материалы к речи на Всероссийском совещании руководящих работников народного образования. 1941. Музей М. И. Калинина.

воровство. Деорганизует нормальную жизнь азартная картёжная игра. Появляется отвратительный антисемитизм. Колонисты участвуют в жестокой поножовщине на селе. В спальне у девочек находят мёртвого ребёнка. Возникают зловещие предвестники сыпного тифа. Всё это доводит до предельного внутреннего накала руководителя колонии.

Теперь достаточно только одной искры — и может вспыхнуть пламя. И вот толпа ребят бросает в кабинет заведующего колонией воспитанника Приходько, бывшего на большой дороге. Переполнившие Макаренко чувства гнева и отчаяния приводят к попытке самоубийства. Однако как ни драматичен сам по себе этот эпизод, он лишь подготавливает то, о чём будет рассказано в следующей главе, являющейся кульминацией первой части «Педагогической поэмы».

После очередного тяжёлого рецидива прошлого — привода в колонию крестьянами Сороки и Опришко, пойманных на месте преступления, — и унижительной для чести колонии сцены Макаренко идёт в лес, чтобы наедине с собой подумать о том, что делать дальше. Поглощённый безотрадными мыслями, он не обращает внимания на окружающее и, только услышав сзади хруст ветки, оглядывается: весь лес наполнен колонистами, они скрываются за стволами сосен и осторожно передвигаются вслед за Макаренко, не упуская его из вида. Колонисты боялись повторения того, что произошло недавно, и хотели спасти своего учителя от возможной, как им казалось, гибели.

Эта сцена, написанная с благородной сдержанностью, полная огромного эмоционального напряжения, принадлежит к числу лучших в «Поэме». Нужно ли ещё более убедительное доказательство того, что заботы и страдания заведующего колонией не пропали даром, что коллектив, с такой бесконечно трогательной непосредственностью проявивший любовь к своему руководителю, теперь — реальность?

Единство коллектива неожиданно и своеобразно проявляется в сцене, завершающей главу: вечером при свете керосиновой лампочки четыре десятка оборванных и голых колонистов и воспитатель с увлечением играют в

фанты, только без поцелуев. Такая несколько юмористическая концовка не снижает всей значительности темы главы, а только, как это подчас бывает у автора «Поэмы», переводит острую драматическую ситуацию в иную, мажорную тональность.

В последующих главах книги тема коллектива растёт, ширится. В борьбе с рецидивами прошлого у отдельных колонистов, в преодолении повседневных трудностей, укрепляются коллективные связи, растёт благосостояние колонии, повышается политический уровень колонистов. Наиболее важными композиционными узлами здесь являются главы двадцать пятая и двадцать седьмая. Первая из них повествует о возникновении новых организационных форм жизни коллектива, явившихся залогом его ещё более успешного роста. Вторая рассказывает о «завоевании комсомола», о создании комсомольской ячейки в колонии. Уже не единоличные, часто бесплодные, усилия воспитателя, а разумная воля руководителя коллектива, вокруг которого сплачивается лучшая часть колонистов, становится орудием воспитательного воздействия на массу.

Композиция первой части «Педагогической поэмы» позволяет раскрыть основное положение новаторской педагогической теории: успех воспитания в конечном итоге зависит от живого, полноценного коллектива. С большой художественной убедительностью показано здесь рождение коллектива, возникновение форм его трудовой организации, рост новой социалистической дисциплины.

Концовка первой части книги является итогом и в то же время мостом к будущему. Это переход горьковцев на новые, привольные места — в бывшую усадьбу Трепке. Слова автора, завершающие последнюю, двадцать восьмую главу: «Мы вступили в новую эпоху» — непосредственно обращают нас к новому разделу книги.

Во второй части «Поэмы» нарисована, говоря словами Макаренко, «счастливая эпоха» жизни колонии. Здесь нет такого множества драматически напряжённых конфликтов, такого обилия рецидивов прошлого, как раньше. Коллектив сформировался. Идёт глубокой внутренней процесс его созревания. Теперь автор как бы поворачивает перед читателями многогранную призму жизни колонии. Темп повествования несколько замедляется словно для того, чтобы

можно было лучше разглядеть всё разнообразие, красочное богатство жизни созревшего коллектива.

Однако такой принцип построения вовсе не сделал вторую часть «Поэмы» внутренне статичной. Как и раньше, читатель с неослабевающим вниманием следит за развёртыванием образной ткани произведения. Более того, именно здесь Макаренко заставляет особенно ощутить диалектику науки о воспитании.

Главы девятая и десятая с наибольшей выразительностью воплощают тему сложившегося коллектива. Первая из этих глав — «Четвёртый сводный» — посвящена большому и торжественному трудовому дню колонии — молотбе, вторая — колониетской свадьбе. Новый поворот многогранника, и следующая, одиннадцатая глава «Лирика» переводит повествование в другую тональность. Тема этой главы — выход в жизнь первой группы колонистов. Этот значительный композиционный узел даёт нам возможность убедиться в жизнеспособности коллектива, созданного самоотверженным трудом Макаренко.

Пришёл час испытания. Давно ожидаемое и по существу радостное событие — отъезд лучших колонистов на рабфак — наполняет печалью горьковцев. Для оставшихся колонистов — это расставание со старшими, горячо любимыми товарищами. Для воспитателей — утрачена та тех, за кого заплачено хорошим куском жизни, потеря крепкого, организованного ядра коллектива. «Колонию положили на плаху и занесли над ней тяжёлый топор, чтобы оттяпать ей голову», — так воспринимают многие то, что должно совершиться.

Уедут лучшие воспитанники, краса и гордость колонии, — что же будет дальше? Ведь остаются в большинстве совсем незрелые колонисты, а новые пополнения должны ещё более снизить общий уровень коллектива. Не поставит ли это под угрозу гибели всё то, что было с таким трудом завоёвано? И можно ли будет сформировать новое ядро? Такие мысли волнуют Макаренко и его соратников накануне торжественного дня выпуска и в самый день праздника.

Однако в разговоре с воспитательницей Екатериной Григорьевной заведующий колонией уверенно говорит: «Если есть коллектив, то будет и ядро... Хорошее ядро

размножается делением, запишите это в блокнот для будущей науки о воспитании»¹. Смысл этого положения раскрывается в заключительном эпизоде главы.

Концовка одинадцатой главы — проводы. Марш колонии горьковцев, задорная песня, грустные минуты прощания, короткая, полная юмора речь Лаптя, а потом необычная тишина в колонии, прерванная появлением чрезмерно разговорчивого Гуда, и уже не лирический, а деловой эпизод задачи ботинки — всё это говорит о том, что жизнь продолжается. Настоящий живой коллектив не может погибнуть. Дальше эта тема постепенно развёртывается. Мы видим, как в общих делах — хозяйственных заботах наступившей осени, в увлечении школьными занятиями — растут новые силы коллектива, создаётся новое ядро.

Колония снова становится компактным целым. Казалось бы, остаётся только наслаждаться наступившей прекрасной жизнью.

Но тут Макаренко улавливает в её буднях признаки надвигающегося кризиса — опасность остановки. «Формы бытия свободного человеческого коллектива — движение вперёд, форма смерти — остановка»². Так формулирует Макаренко итог своих размышлений. Этот важнейший теоретический вывод новой, революционной педагогики определяет дальнейшее изображение образа коллектива и, в частности, композиционную вершину второй части «Поэмы».

Коллектив будет развиваться и совершенствоваться, если перед ним поставить новую, высокую цель. Такой целью стало устройство колонии на новом месте. Кульминацией второй части книги является глава семнадцатая («Как нужно считать»), изображающая общее собрание, на котором обсуждается вопрос о переезде в Куряж. Коллектив с неодованием отвергает возражения отдельных малодушных членов. Возникает новый подъём, дающий забываемое радостное чувство. Заключительная глава второй части рисует подготовку к предстоящему «штурму Куряжа», монументное единство коллектива накануне решающих дней.

В третьей части «Педагогической поэмы» конфликт приобретает предельную напряжённость. Теперь идёт речь не о борьбе нового со старым в сознании отдельных

колонистов или внутри колонии, а о борьбе коллектива с численно превосходящей его заражённой пережитками прошлого толпой.

В последней части «Поэмы» Макаренко воплотил высший этап жизни коллектива, явившийся замечательной победой стратегии и тактики педагога-новатора. Этот процесс нарисован с таким умением, с такой силой образного обобщения, что картина «завоевания Куряжа» стала кульминацией «Поэмы» в целом.

Мы снова включаемся в стремительное движение. Писатель опять рисует шестые колонны горьковцев, но это особенный, как называет его писатель, «героический поход». Участники похода оставили обжитые места, вселю, привольную жизнь, чтобы изменить загаженный Куряж. Изображая «куряжский поход», Макаренко ставляет нас понять огромный принципиальный смысл этого марша. Шестые колонны горьковцев к Куряжу читатель воспринимает, как своего рода образ-символ, и вместе с писателем ясно понимает «великое историческое значение» этого марша, хотя, по словам Макаренко, «он и выражал только одно из молекулярных явлений нашей эпохи». Вместе с автором «Поэмы» мы любуемся неповторимой красотой и силой устремления горьковцев к трудному и радостному будущему.

Композиционная вершина третьей части, а вместе с тем и всей «Педагогической поэмы» — восьмая глава. Напомним внутреннюю логику движения событий этой важнейшей главы книги. Писатель ставит нас перед крайне напряжённым драматическим положением. Колония горьковцев вступила в Куряж. «Грепке оставлен навсегда, Куряж ещё не завоёван». В напряжённом молчании стоят друг перед другом строй горьковцев и толпа куряжан, угрожающая охватом с флангов и даже полным окружением. Что будет дальше? Кто победит? Не провалится ли мгновенно столь детально разработанный план «завоевания Куряжа»?

Короткая, эмоциональная речь заведующего колонией как бы уничтожает расстояние между двумя лагерями, но окончательный исход борьбы ещё не ясен. Раздаются звуки сигнальной трубы — призыв на первое общее собрание объединённой колонии. Драматическое напряже-

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 346.

² Там же, стр. 380.

ние достигает своего апогея. Количественное соотношение сил очень неравное: куряжан в несколько раз больше, чем горьковцев. Комсомольцы на всякий случай концентрируют свои силы. Секретарь комсомола читает «декларацию» — постановление комсомольской организации, которая производит на участников собрания сильное впечатление ясностью своих положений, уверенным тоном и полной категоричностью требований.

Обитатели Куряжа ошеломлены вдруг открывшейся перспективой. Юмористический по форме и серьёзный по существу разговор Лаптя с куряжанином Стегнием подготавливает почву для окончательной победы. «Декларация» принимается единогласно. Но торжественное настроение минуты грозит сорвать неожиданное появление подвыпившего плотника Борового с огромной, оглушительно рычащей гармонией.

На время гармонист умолкает. Бодрые, товарищески простые слова приехавшего в Куряж рабафаковца Задорова, весёлые реплики Карабанова доходят до куряжан, но всё ещё не довершают «завоевания». Нужен последний, безошибочный удар. И вот таким ударом становится... гопак под гармонь Борового. Этот на первый взгляд удачный «вставной номер», своего рода дивертисмент, несёт большую смысловую, художественную нагрузку и является примером умения писателя создавать неожиданную, значительно по теме, запоминающуюся острую концовку главы.

Изобразить героя в танце — не так легко. Танец всегда динамичен, его «душа» — ритм. Танец идёт в сопровождении музыки, да по существу он и есть олицетворённая музыка. Высокое искусство пластики требует и пластически совершенного воплощения в слове. В русской классической литературе образцы таких картин дали Л. Толстой и М. Горький. Вспомним, с какой удивительной пластической точностью показан танец Наташи Ростовой в сцене у дяшюшки («Война и мир»), танец бабушки и Цыганка («Детство»).

Поистине виртуозно рисует Макаренко полный огня и движения танец Семёна Карабанова и Наташи. Дружное веселье горьковцев, бурно вихревой ритм гопака заражает куряжан. Взлетев на воздух и хлопнув старой кепкой об пол, среди танцующих появляется куряжанин Перец, захвативший водovorотом танца. В общей пляске находят выход

проснувшиеся чувства товарищеского единения, бодрости и уверенности. Реплику «главного представителя куряжской традиции» Короткова, заключающую главу: «А здорово танцуют, сволочи!» — читатель воспринимает, как знак окончательно определившейся победы горьковцев.

Макаренко как подлинный художник умеет показать большое в малом. Эпизод с танцами — один из лучших тому примеров. Для автора «Педагогической поэмы» жизнь, если она правильно организована, всегда должна быть радостной, праздничной, красивой. Теперь писатель заставляет нас поверить, что приобщённые к нормальным формам человеческого существования куряжане естественно и свободно войдут в новую жизнь и скоро забудут о безрадостном прошлом.

В последующих эпизодах книги автор показывает, как происходило внешнее и внутреннее «преображение» куряжан, как сформировался новый, дружный коллектив. Важным композиционным звеном третьей части «Поэмы» является глава одиннадцатая — «Первый сноп». Она как бы завершает тему единства сложившегося коллектива.

По мере того как усложнялась жизнь коллектива, как обогащался опыт воспитателя, возрастала необходимость теоретических обобщений. В процессе работы над книгой иногда теоретик в Макаренко побеждал художника, и автору приходилось при подготовке окончательного текста «Поэмы» изымать довольно объёмистые «научные отступления», представляющие сами по себе значительный интерес (например, о труде, как факторе воспитания, о коллективе воспитателей). Писатель должен был даже выбросить из первой части «Поэмы» целую главу «На педагогических ухабах», так как, по словам Макаренко, «положения, высказанные в ней, нужно аргументировать более обстоятельно и не в художественном произведении».

Теоретических обобщений сравнительно немного в первой части книги. В третьей, завершающей, их значительно больше. Макаренко посвятил здесь теоретико-педагогическим вопросам особую главу «У подошвы Олимпа», непосредственно следующую за главами, изображающими победу «завоевателей» Куряжа.

Смелость писателя, включившего «теоретическую» главу в ткань художественного повествования, была в данном случае целиком оправдана. Для Макаренко, как и для нас, читателей, это не отвлечённое теоретизирование, а сама жизнь, осмысленная теорией. Об этом хорошо сказано в одной из заключительных глав «Поэмы»:

«И снова пошли один за другим строгие и радостные рабочие дни, полные забот, маленьких удач и маленьких провалов, за которыми мы не видим часто крупных ступеней и больших находок, надолго вперёд определяющих нашу жизнь. И, как и раньше, в эти рабочие дни, а больше поздними затихшими вечерами складывались думы, подтоживались быстрые дневные мысли, прощупывались неуловимо нежные контуры будущего».

Но приходило будущее, и обнаруживалось, что вовсе оно не такое нежное, и можно было бы обращаться с ним бесцеремоннее. Мы не долго скорбели об утраченных возможностях, кое-чему учились и снова жили уже с более обогащённым опытом¹.

«Теоретические» страницы «Поэмы» важны и ещё в одном отношении. Они помогают раскрытию образа автобиографического героя книги, образа самого Макаренко. Мы как бы слышим его голос, входим в его мысли, и воспитательный успех Макаренко для нас закономерно вытекает из всего его предшествовавшего педагогического опыта.

Горький подтвердил необходимость включения теоретических кусков в текст «Поэмы». «... главы «У подошвы Олимпа», «Помогите мальчику» — нельзя исключать², — писал он Антону Семёновичу.

В архиве Макаренко сохранился листок автографа писателя, на котором прямым, чётким почерком Антона Семёновича написано:

Глава 14.

Конец поэмы.

Отступление. Приезд Горького.

Рост коммуны.

Хочу быть балериной.

[Строка написана неразборчиво.]

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 590.

² А. М. Горький. Письмо к А. С. Макаренко, 8 октября 1935 г. А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 370.

Берёзовская мать. Совет к-ров.

Роспуск колонистов.

Приезд Горького.

Ещё одно последнее сказанье¹.

Очевидно, это варианты финала «Педагогической поэмы». Писателя беспокоил вопрос о том, каким должен быть эпилог книги. «Для окончания «Поэмы» здесь нет хорошей правды, врать не хочу, окончить же 28-м годом тоже как будто неудобно², — читаем мы в письме Макаренко к Горькому. И в самом деле, закончить книгу вынужденным уходом заведующего колонией из Куряжа — значило бы оставить у читателя ложное впечатление гибели дела.

Хорошим завершением «Поэмы», конечно, мог быть рассказ о больших днях посещения Куряжа А. М. Горьким, но мы знаем, что это важнейшее событие в жизни коллектива отражено в «Педагогической поэме» только десятком строк. Причина этого становится ясной из письма Антона Семёновича к Горькому: «Описать Ваше пребывание в Куряже я не решился, это значило бы описывать Вас, для этого у меня не хватило совершенно необходимого для этого дела — профессионального навыка. Как и мои колонисты, я люблю Вас слишком застенчиво³, — писал Макаренко.

Писатель сам осознавал конструктивный недостаток «Поэмы». Надо было искать какой-то другой выход из положения, и выход был найден. Макаренко, с такой удивительной свежестью переживания нарисовавший данный день колонии что казалось, будто он целиком живёт в этом дне, теперь подчёркнуто резко меняет интонацию рассказа. «Прошло семь лет. В общем всё это было давно...» — так начинается заключительная глава книги, и далее следует один из самых драматических эпизодов — сцена прощания заведующего колонией с её воспитанниками.

Макаренко покидает колонию, которой он отдал всего себя. В последний раз он видит своих воспитанников

¹ Архив А. С. Макаренко.

² А. С. Макаренко. Письмо к А. М. Горькому, 7 марта 1934 г. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 357.

³ А. С. Макаренко. Письмо к А. М. Горькому, 28 сентября 1935 г. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 367.

на перроне вокзала после торжественных проводов Горького. Драматизм момента усиливается оттого, что колонисты ничего не знают о вынужденном уходе Макаренко. Они полны радостного оживления и, приветствуя любимого руководителя, кричат на ходу поезда «до свиданья», и заведующий колонией находит в себе силы улыбаться «пацанам!» Мы почти ничего не узнаём о переживаниях Макаренко — в этот тяжёлый для него момент, — о его мыслях, но огромное эмоциональное напряжение этой короткой сцены делает её особенно памятной для читателя.

Автор говорит о дальнейших судьбах воспитанников колонии, героев «Поэмы», ставших хорошими советскими людьми, преданными строителями социалистического общества. Тема будущего дана в очень сжатом рассказе о коммуне имени Держинского, продолжившей, уже на новом историческом этапе жизни страны, лучшие традиции горьковского коллектива.

В заключение писатель бросает последний взгляд на прошлое и снова обращается к настоящему и будущему:

«Далёкий, далёкий мой первый горьковский день, полный позора и немощи, кажется мне теперь маленькой-маленькой картинкой в узеньком стёклышке праздничной панорамы. Уже легче. Уже во многих местах Советского Союза завязались крепкие узлы серьёзного педагогического дела, уже последние удары наносит партия по последним гнёздам неудачного, деморализованного детства.

И, может быть, очень скоро у нас перестанут писать «педагогические поэмы» и напишут простую деловую книжку: «Методика коммунистического воспитания»¹.

Таким образом, автор соотносит начало и конец «Поэмы», и мы со всей непосредственностью ощущаем всю значительность пути, пройденного Макаренко — героем книги. От «не знаю» к совершенному знанию, к полному владению методом коммунистического воспитания, — таков путь автобиографического героя книги. От анархической толпы к монолитному коллективу — таковы два полюса биографии коллективного героя «Поэмы».

Эпилог произведения оптимистичен. Он утверждает в сознании читателя идею победы новаторской революционной педагогики.

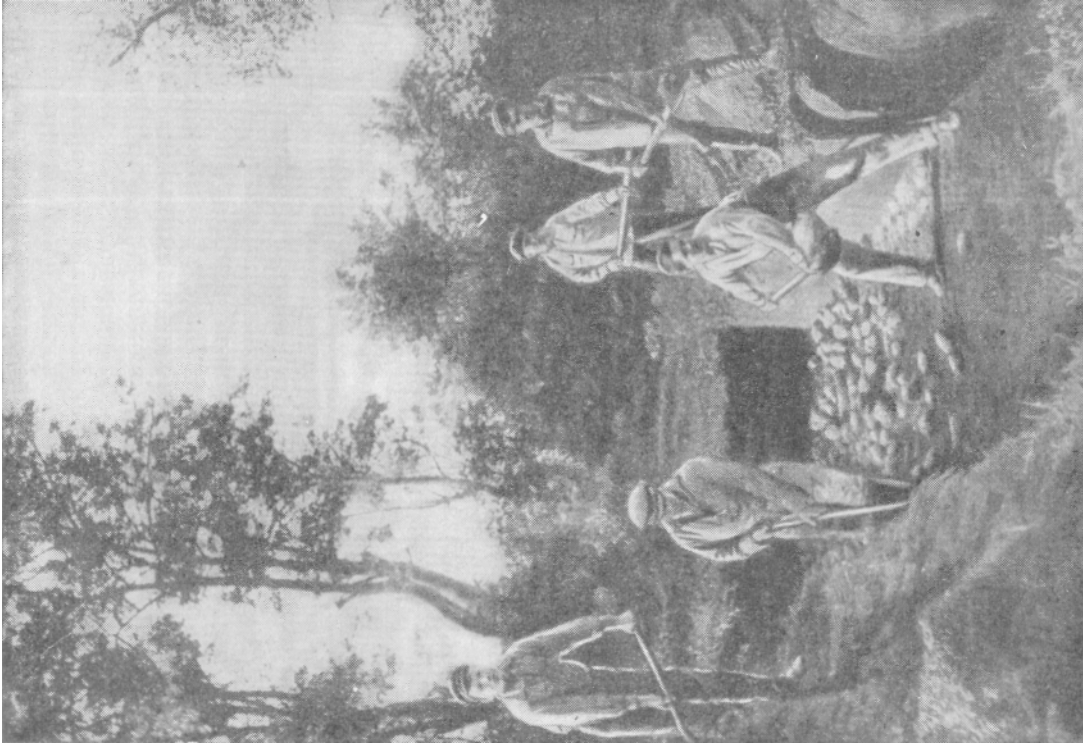
¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 642.

Финал органически завершает глубоко продуманную стройную композицию книги. Как большой архитектор безошибочно находит силуэт здания, членение его архитектурных масс, гармонические соотношения основных пропорций, так Макаренко построил полифонически сложный художественный организм книги. Произведение, включающее 61 главу, с огромным числом действующих лиц, с разнообразной и широкой проблематикой, производит впечатление исключительной стройности. Оно целиком, без всякого напряжения, легко доходит до читателя.

Макаренко создал своего рода трёхчастную симфонию. В этой свободной, сложной, музыкальной форме вылилось огромное содержание, целый мир идей, образов, мыслей и чувств. Можно сказать, что в первой части «Поэмы» стремительно развёртывается тема борьбы за нового человека, и уже здесь начинается звучать в полный голос мелодия коллектива. Во второй части эта мелодия развёртывается особенно широко и свободно. Третья часть «Поэмы» полна возрастающего драматического напряжения борьбы за коллектив, и симфония разрешается патетическим, мажорным финалом.

Показав так широко и смело коллектив в диалектике развития, писатель одновременно с большим художественным мастерством запечатлел и другие грани образа коллективного героя. Важнейшей, определяющей стороной жизни колонии имени М. Горького являлся труд. Тема труда проходит красной нитью через всю книгу Макаренко.

Многообразны и красочны картины труда в «Педагогической поэме». Здесь и первые, ещё робкие шаги на пути создания хозяйства колонии, первые успехи, зарождение и рост отрядов, появление интереса у колонистов к работе. Затем мы видим, как растёт трудовая культура горьковцев, как труд становится необходимостью для молодых героев «Поэмы». Великолепно описана Макаренко сцена молотбы. На заре колонны горьковцев со знамёнами, под барабанный бой и трубные звуки идут в поле, к стогам скошенной пшеницы. Радостно возрастающее напряжение этого трудового дня. Оно заставляет людей забывать об усталости.

Отряд колонистов на уборке урожая. 1921

Писатель сравнивает молотбу с симфонией. Дело не только в звуковом восприятии, а в общей гармонии коллективного труда, в его внутренней организованности, в его

музыкальном ритме. Картина молотбы в «Поэме» ставляет вспомнить знаменитое горьковское описание разгрузки баржи. Но если в «Моих университетах» Горький рисует, как после трудового подъёма наступает упадок — ведь люди понимают, что они работают не на себя, — то в книге Макаренко мы видим радость и удовлетворение колонистов, их гордость своей коллективной силой.

Есть в «Педагогической поэме» один, на первый взгляд, «проходной» эпизод, но как рельефно в нём раскрываются разбуженные творческие силы колонистов! Дело происходит во время переезда колонии в Кураж. Эшелон горьковцев прибыл на станцию. Чтобы разгрузить большой состав товарных вагонов с имуществом колонии, надо перевести его на запасный путь, но маневрового паровоза нет, а дорога каждая минута. А тут ещё конь Молодец — гордость хозяйства колонии — вдребезги разбивает обшивку вагона, и уже возле поезда взволнованно ходит рассерженный начальник станции, недовольный беспокойными пассажирами.

Колонисты не могут больше ждать, и вот совершенно неожиданно для окружающих они, взявшись за стойки вагонов, дружно и весело перекатывают по рельсам тяжёлый железнодорожный состав. Воодушевление горьковцев заражает посторонних людей, и даже сердитый начальник станции смотрит теперь на участников аврала «с милой, старческой, беззубой улыбкой».

Труд у горьковцев порой приобретает характер увлекательной игры. Колонисты с шутками укладывают бураки на зимнее хранение. С увлечением они занимаются таким малопривлекательным делом, как очистка грязного, илистого, вонючего пруда в Кураже. За внешним юмористическим обликом этих сцен — любовное отношение колонистов к труду.

Автор «Педагогической поэмы» показывает, что только в общем производительном труде может быть создано неразрывное единство личного и общего, определяющее ценность личности. В глубоко осмысленном труде человек до конца познаёт самого себя и всю мощь

коллектива. Книга Макаренко — это поэма о воспитании в коллективном социалистическом труде.

Очень важные грани образа коллектива раскрываются автором «Поэмы» в сценах собраний колониистов, заседаний совета командиров. У другого художника, меньшего по масштабу, это создало бы утомительное однообразие, но читатели «Поэмы» не только не замечают повторяемости таких эпизодов, но с возрастающим интересом следят за их развёртыванием.

Картины собраний в «Поэме» — это большие полотна со множеством фигур, с живописными, полными движения группами колониистов. Большое место здесь занимает прямая, диалогическая форма речи действующих лиц. Как известно, диалог — наиболее сложный способ создания образа, и пьеса справедливо считается самым трудным литературным жанром. Краткость, стремительность, умение немногими словесными штрихами нарисовать живые, запинающиеся образы людей, передать своеобразие ситуации — таковы характерные черты диалогов в «Поэме». Многие страницы произведения точно предназначены для чтения вслух и как бы просятся на сцену.

Каждое из собраний, нарисованных в «Поэме», является закономерным звеном в изображении образа коллектива. На собраниях сталкиваются интересы воспитанников, вызываются и разрешаются конфликты. Здесь выковывается могущественная воспитательная сила общественного мнения. Мы видим, как совершенна, гибка и подвижна структура коллектива, какое решающее значение в управлении колонией, в воспитании нового человека имеет общественность.

Образ коллективного героя книги раскрывается и в глубокой связи жизни колонии с окружающей жизнью, с жизнью Советской страны. Ведь Макаренко не мыслил воспитания без такой органической связи с жизнью и борьбой советского народа! Молодые герои «Поэмы» всегда ощущают за стенами колонии широкие просторы Советской страны, бурное кипение её молодой жизни. Колония связана с рабочими паровозных мастерских, и дружественное общение с рабочей молодёжью приводит к организации в колонии ячейки комсомола. Ведущая роль комсомольцев проявляется во многих эпизодах книги.

Много внимания уделяет Макаренко в своей книге «селянскому» окружению колонии. Мы видим борьбу колониистов с эгоистическими, частнособственническими устремлениями крестьян, дружественные связи с членами трудовой сельскохозяйственной коммуны, с деревенскими комсомольцами. Ещё теснее сближает горьковцев и селян культурная работа колонии в деревне и, в частности, театральные постановки в огромном мельничном сарае.

В главе, названной «Театр», особенно проявился талант писателя-юмориста. Колониисты не признавали никаких условностей театра и со всей «взаправдышной» добросовестностью устраивали на сцене, например, взрыв революционерами кареты царского министра Плеве. Это вносило в спектакли самое неподдельное веселье.

Полон юмора эпизод свадьбы Оли Вороновой и крепстьянина Павла Николаенко.

Появление сватов — бородатых фигур в свитках, разговоры о приданом, вручение хлеба-соли дано не в обстановке крестьянской избы, а в кабинете заведующего колонией. И в роли «посажёных» родителей невесты выступают сам Макаренко и колониисты — члены совета командиров. Насыщенная заразительным юмором сцена свадьбы показывает, что горьковцы чувствуют себя подлинными хозяевами колонии, представителями советской культуры в деревне.

Смех в книге Макаренко оттеняет, ярче обнаруживает противоречие между новым и старым. Ведь борьба нового со старым протекает не только в драматически напряжённых формах. Старое фактически сдало свои позиции, но ещё пыгается делать вид, что ничего не случилось. Из этого несоответствия вытекают некоторые замечательные по комизму сцены «Поэмы».

Для автора «Поэмы» смех подобен дезинфекции. Он — острое, разящее оружие в борьбе с пережитками прошлого. Примечателен в этом смысле рассказ о том, как горьковцы высмеивали и тем успешно исправляли своих товарищей прогульщиков. Особенно смешон рассказ об остроумной находчивости колониистов в борьбе с пьянством крестьян, приехавших на мельницу — «кабинет водолечения».

Юмор в «Педагогической поэме» — своеобразное проявление творческих сил коллектива. Горьковцы

придумывают смешную игру в Запорожскую Сечь, и это связано с мечтой о новых привольных местах. Колонисты принимают в свои ряды приехавшую на каникулы студентку-«черниговку». Весёлый обряд приёма в запорожцы заимствован ими из «Тараса Бульбы» Гоголя.

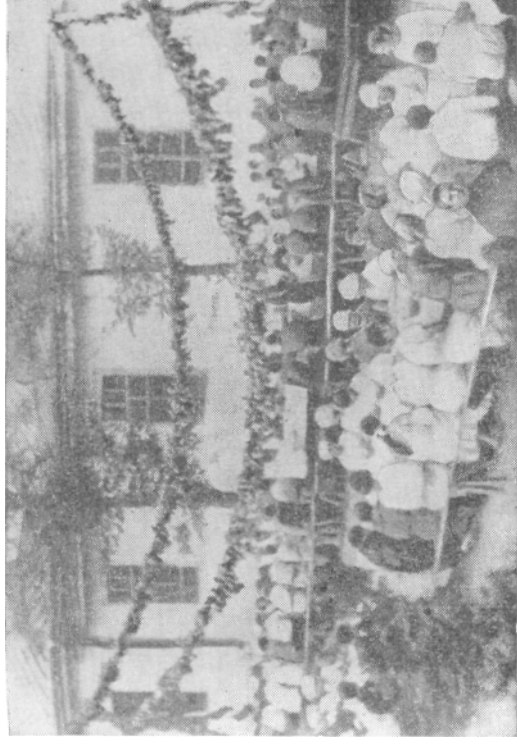
Даже некоторые, казалось бы, сами по себе не смешные ситуации приобретают в «Поэме» юмористическую окраску. Такова сцена тушения пожара колонистами, возникшими перед растерянными селянами в фантастическом обличье чернокожих.

Юмор — неотъемлемая черта коллектива в «Педагогической поэме». Корни этого макаренковского задушевного юмора — в общем мажорном тоне жизни колонии. Юмор говорит о крепких коллективных связях, о радостной не принуждённости отношений, о душевном здоровье членов коллектива, об их уверенности в завтрашнем дне. Смех скрашивает на первых порах голод и холод, помогает преодолевать препятствия, возбуждает энергию у колонистов. Смех выражает тот «оптимизм перспективного чувства», о котором так хорошо сказано в одной из теоретических работ Макаренко.

Умея с таким уверенным и тонким мастерством нарисовать горьковский коллектив в борьбе, в преодолении трудностей, в повседневном героизме, Макаренко с особенной любовью изображает колонию как гармоничное целое. Такова, например, проникнутая спокойствием и уютом, лирическая картина зимнего вечера в колонии. Таковы картины колониjsких праздников.

Праздники в колонии не просто заслуженный отдых после трудового напряжения. Это дни, когда особенно наглядно выступает единство колонии и Советской страны. Это отчёт колонии перед Родиной. Наряду с большими торжественными днями, которые колония отмечала вместе со всей страной, у горьковцев были свои праздники и прежде всего «день первого снопа».

Макаренко запечатлел все подробности этого поэтического дня. Есть своя красота и в косах, убранных крупными ромашками, и в венках из полевых цветов, украшающих головы вязальщиц снопов, и во взлёте руки салюта колонистов, и в ритмически чёткой работе косарей — лучших из горьковцев. Полон большого смысла и обряд передачи первого снопа старым, заслуженным колонистом, командиром

Праздник «Первого снопа» в колонии имени М. Горького. 1925 г.

отряда косарей Буруном, самому младшему колонисту, курносому и серьёзному «пацану» Зореню. «День первого снопа» — выражение единства коллектива, непрерывности и крепости его традиций.

Кто из читателей «Поэмы» не запомнил картины весеннего интимного праздника колонии — дня рождения М. Горького? В этот день «по-родственному ещё более сближались горьковцы, хотя формы праздника вовсе не были какими-нибудь домашними». Многие страницы «Поэмы» воспроизводят то драгоценное качество настоящего живого коллектива, которое хорошо названо Макаренко «теплотой человеческого общения».

Единство коллектива проявляется в «Поэме» в одном сквозном образе, проходящем через всю книгу. Это марш — символ победного движения горьковцев к высоким и прекрасным целям. Полны лирической теплоты и праздничной торжественности марши-проводы колонистов, уезжающих на рабфак, суровый и стремительный куряжский поход, шествие на молотьбу, весёлый марш под проливным дождём в день 1 Мая, переход во вторую колонию. Такая «переключка маршей» делает ещё более динамичным и выразительным раскрытие темы

единства коллектива в «Педагогической поэме».

На новую высоту поднимается внутренняя гармония отношений между людьми в созревшем коллективе. Вот что сказано о горьковском коллективе накануне переезда колонии в Кураж: «Никогда не было в колонии такого дружного тона, такой глубоко ощущаемой обязанности друг перед другом...»

Колонисты даже не знали, а ощущали особенным тончайшим осязанием висевшую в воздухе необходимость всё уступить коллективу, и это вовсе не было жертвой. Были наслаждением, может быть, самым сладким наслаждением в мире, чувствовать эту взаимную связанность, крепость и эластичность, отношений, вибрирующую в насыщенном силой покое великую мощь коллектива¹.

«...Мы часто считаем некрасивым, незначительным обычное, — то самое обычное для нас, которое, отходя в прошлое, приобретает для наших потомков все признаки и свойства истинной неугасимой красоты²», — писал Горький. Макаренко сумел увидеть красоту, поэзию и значительность каждого дня жизни горьковского коллектива со всеми его противоречиями, с отмирающим старым и рождающимся новым. Смотрите, как прекрасна, поэтична жизнь, наполненная радостью труда и творчества, радостью дружбы и товарищеского общения, — утверждает писатель каждой страницей своей книги.

Читая «Педагогическую поэму», вспоминаешь слова К. Маркса и Ф. Энгельса: «Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими. Если человек по природе своей общественное существо, то он, стало быть, только в обществе может развить свою истинную природу...»³ «Человечные обязательства» созданы в коллективе колонии имени М. Горького. Здесь человек поставлен в такие условия, когда могут проявиться лучшие стороны его личности. Он живёт в морально чистой, здоровой атмосфере, позволяющей легко и свободно расцвести всем лучшим человеческим качествам.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 412—413.

² М. Горький. Несобранные литературные критические статьи, Гослитиздат, М., 1941, стр. 277—278.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, 2-е изд., 1929, стр. 145—146.

Коллектив в «Педагогической поэме» — микрокосм, малое в большом. Как отражается солнце в капле воды, так в юношеском коллективе колонии имени М. Горького отразились черты новых, социалистических отношений между людьми. Тема коллектива в «Поэме» несёт в себе огромную по своему значению тему новых форм жизни на земле. В этом большой, принципиально важный смысл книги Макаренко.

2. ГЕРОЙ И ПОВЕСТВОВАТЕЛЬ

Макаренко глубоко волновал вопрос, как писать свою книгу: от первого лица или от третьего. От решения этого вопроса во многом зависело художественное своеобразие произведения. Макаренко выступил в «Поэме» не только как автобиографический герой, но и как автор-повествователь.

Это одно и то же лицо, но взятое под разными углами зрения. Первый — в процессе формирования, движения во времени, второй — в настоящем. Вместе с автором мы одновременно как бы живём в прошлом и смотрим на это прошлое с позиций сегодняшнего дня. Прошлое становится настоящим, сегодняшний день проецируется в прошлое. Это обеспечивает художественную рельефность образов книги, глубокое и всестороннее освещение характеров. Интонация глубочайшей искренности и правды покоряет нас, читателей, и мы легко и просто входим в жизнь Макаренко, проникаемся его отношением к людям, как свои, ощущаем его мысли и чувства.

Создавая образ автобиографического героя книги, Макаренко разрешил труднейшую художественную задачу — он показал труд воспитателя во всей его конкретности, как открытие нового, как подвиг, как творчество. Характер автобиографического героя книги раскрывается перед читателями в его большом необходимом людям деле. Каждый его поступок, каждая мысль направлены к одной высокой цели — воспитанию нового человека. Борясь с тем, что стоит на пути его воспитанников к полноте, прекрасной жизни, бережно выращивая ростки нового, заведующий колонией вдохновляется

высоким идеалом человека — творца и созидателя. «Педагогическая поэма» — поэма о торжестве идей социалистического гуманизма, о творческой силе активной любви к человеку.

Мы уже знаем, что образ заведующего колонией дан в поступательном движении вместе с образом коллектива. Это сделано писателем с большим художественным тактом. Широко развёрнутый индивидуальный образ нигде не «выпирает», не даётся сам по себе. Благодаря мастерству писателя рассказ об автобиографическом герое «Поэмы» является по существу рассказом о судьбах колонии, повествование о коллективе — повествованием о самоотверженном труде воспитателя. Общественная тема становится здесь глубоко личной темой.

Заведующий колонией предстаёт перед нами как руководитель, умеющий воодушевлять и вести за собой людей, умеющий глубоко анализировать сложные явления коллективной жизни. Вспомним, например, как тонко уловил Макаренко едва заметные ростки коллектива в противоречивых, ещё хаотических буднях первого года колонии. Вспомним, как своевременно осознал он губительную опасность остановки развития коллектива тогда, когда, казалось, было полнейшее благополучие. Вспомним, наконец, глубоко продуманный смелый план «завоевания Куряжа».

Поражает умение Макаренко ставить перед коллективом всё более высокие и трудные цели, воспитывать высокое чувство переспективы. Макаренко подхватывает упрёк Брегель, сделанный в форме вопроса: «Макаренко, кого вы воспитываете? Мечтателей?»

«Пусть даже и мечтателей. Я не в восторге от самого слова «мечта». От него действительно несёт чем-то барышеским, а может быть, и хуже. Но ведь и мечта разная бывает: одно дело мечтать о рыцаре на белом коне, а другое — о восьми сотнях ребят в детской колонии. Когда мы жили в тесных казармочках, разве мы не мечтали о высоких, светлых комнатах? Обвязывая ноги тряпками, мечтали о человеческой обуви. Мечтали о рабфаке, о комсомоле, мечтали о Молодце и о симментальском стаде. Когда я привёз в мешке двух английских поросят, один такой мечтатель, нестриженный пацан Ванька Шелапутин, сидел на высокой скамье, положив под себя руки, болтая ногами, и глядел в потолок;

— Это ж только два поросёнка. А потом они приведут ещё столько. А те ещё столько. И через... пять лет у нас будет сто свиней. Го-го! Ха-ха! Слышишь, Тоська, сто свиней!

И мечтатель и Тоська непривычно хохотали, заглушая деловые разговоры в моём кабинете. А теперь у нас больше трёхсот свиней, и никто не вспоминает, как мечтал Шелапутин.

Может быть, главное отличие нашей воспитательской системы от буржуазной в том и лежит, что у нас детский коллектив обязательно должен расти и богатеть, впереди должен видеть лучший завтрашний день и стремиться к нему в радостном общем напряжении, в настойчивой «сёлой мечте»¹.

Макаренко видел в мечте огромную творческую силу, влекущую человека вперёд. Это была устремлённость в будущее, вытекающая из реальной жизни и связанная с судьбой коллектива, с судьбами всей Советской страны. Разве не мечтой было, например, «завоевание Куряжа», казавшееся иным, «практическим людям» крайне рискованной и несбыточной затеей? Но Макаренко сделал мысль о переделке куряжан не только своей заветной мыслью, но и мечтой ста восьмидесяти колонистов-горьковцев.

Слова Горького «Безумству храбрых поём мы песню», которые Макаренко произнёс в ответ на пессимистические прорицания, лучше всего выражают романтический мужественный пафос руководителя горьковского коллектива. Писатель выступает в «Педагогической поэме», как вдохновенный поэт мечты, не оторванной от жизни, а тесно связанной с действительностью каждого дня.

Макаренко показывает своего автобиографического героя за работой и в часы отдыха, на заседаниях совета командиров и на общих собраниях, в будни и в торжественные, праздничные дни.

В системе художественных средств, создающих образ руководителя колонии, значительное место занимает прямая речь. Здесь проявляется большое мастерство писателя. При всей широте её диапазона, отражающей богатство внутренней жизни заведующего колонией, его

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 392.

речь, по воле автора «Поэмы», имеет общую определяющую окраску, это — речь воспитателя. Слово для Макаренко — всегда дело, орудие формирования человека.

Читатель «Поэмы» видит, как вместе с внутренним ростом заведующего колонией меняется характер его выступлений перед колонистами. С иронией рассказывает Макаренко о первом обращении своего героя к вчерашним беспризорникам и правонарушителям с абстрактным интеллигентским призывом «идти всё вперёд и вперёд». Какой контраст этой искренней, но педагогически беспомощной речи, его позднейшие выступления!

На первых порах в речах Макаренко на собраниях воспитанников звучат сурово-требовательные интонации. Такова страстная речь на суде над Буруном, так поразившая колонистов. Таковы слова Макаренко во время драки, вспыхнувшей в спальне колонистов.

«Я никогда не занимал дерущихся, не старался их перекричать.

За моей спиной Калина Иванович испуганно шепчет:

— Ой, скорейше, скорейше, голубчику, бо вони ж, паразиты, порежут один одного...

Но я стою молча в дверях и наблюдаю. Постепенно ребята замечают моё присутствие и замолкают. Быстро наступающая тишина приводит в себя и самых разъярённых. Прячутся финки и опускаются кулаки, гневные и матерные монологи прерываются на полуслове. Но я продолжаю молчать: внутри меня самого закипают гнев и ненависть ко всему этому дикому миру...

Наконец в спальне устанавливается жуткая, тяжёлая тишина, утихают даже глухие звуки напряжённого дыхания.

Тогда вдруг взрываюсь я сам, взрываюсь и в приступе настоящей злобы и в совершенно сознательной уверенности, что так нужно:

— Ножи на стол! Да скорее, чёрт!..

На стол выкладываются ножи: финки, кухонные, специально взятые для расправы, перочинные и самодельковые, изготовленные в кузнице. Молчание продолжает висеть в спальне... Я ещё коротко приказываю:

— Кистени!

— Один у меня, я отнял, — говорит Задоров. Все стоят, опустив головы.

— Спать!..

Я не ухожу из спальни, пока все не укладываются»¹.

Здесь обращает на себя внимание всё: и драматическая насыщенность молчания, и энергия немногих, но веских слов, и та художественная выразительность, с которой воплощено педагогическое умение заведующего колонией в его столкновении с ещё диким и тёмным миром.

Но вот коллектив созревает. Меняется и характер речи Макаренко — героя «Поэмы»: теперь перед нами не только административное лицо, но и выразитель воли коллектива. Это хорошо понимают колонисты. «Антону Семёновичу мы доверяем, потому что он наш, и мы действуем вместе». Бесхитrostные слова Жорки Волкова — голос всех воспитанников колонии.

На общих собраниях колонистов, на заседаниях совета командиров заведующий колонией много раз обращается к членам коллектива. Его речь проста и всем понятна. Обыкновенная разговорная интонация, только особому убедительная, и на этом фоне одно какое-то яркое слово, эмоциональный повтор, неожиданное образное уподобление, и речь становится ещё более живой, выразительной, доходчивой.

«Мы будем красиво жить, и радостно, и разумно, потому что мы люди, потому что у нас есть головы на плечах и потому что мы так хотим. А кто нам может помешать? Нет таких людей, которые могли бы отнять у нас наш труд и наш заработок. Нет в нашем Союзе таких людей»².

Так говорит заведующий колонией, обращаясь к своим старым и новым воспитанникам, в один из переломных дней жизни коллектива. Эти идущие от сердца слова зажигают людей, вливают в них новые силы, вызывают желание преодолеть трудности, какими бы серьёзными они ни были.

Есть в «Педагогической поэме» примечательная характеристика речи заведующего колонией (Макаренко говорит о переезде в Куряж): «...В своих скупых и правдивых контекстах, в которых невозможно было помешать буквально ни одного радужного слова, я ощущал неожиданный для меня самого большой суровый призыв, неожиданный для меня самого большой суровый призыв,

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М, 1957, стр. 64–65.

² Там же, стр. 551.

за которым где-то далеко пряталась ещё несмелая, застенчивая радость»¹.

Очень весомо определение: «В скупых и правдивых контекстах». За лаконизмом, внешней сдержанностью выражения мы ощущаем огромное напряжение воли, мысли и чувства. Слова оратора как бы сжимаются, спрессовываются, достигают афористической чёткости.

В этом смысле особенно характерен эпизод из второй части «Поэмы» — общее собрание накануне дня 1 Мая. Колонисты единодушно принимают решение идти на демонстрацию в любом случае, даже если будет ливень, а дождь по всем признакам должен быть. Макаренко предупреждает, что раз постановление принято, оно должно быть безоговорочно выполнено, и в его речи звучит требовательно-смешное по внешности, но серьёзное по существу: «Не пищать!»

Разговорное, по-детски просторечное выражение с энтузиазмом подхватывается участниками собрания. «Не пищать!» — это значит не жаловаться на трудности, не бояться препятствий, а смело и дружно преодолевать их.

С большим подъёмом совершают горьковцы двадцатикилметровый поход в грозу, под проливным дождём, возвращаются домой из города с весёлыми шутками, бодрые. Как всегда, по-макаренковски неожиданно концовка эпизода: «Через час в клубе был прибит ещё один лозунг. На огромном, длинном полотнище было написано только два слова: «Не пищать!» Этот лозунг становится лейтмотивом последующих эпизодов «Поэмы» и, словно многоголосое эхо, отражается в речи колонистов. С новой силой звучат эти слова, когда решается судьба Куряжа. Накануне дней, полных лишений и борьбы, колонисты-участники собрания требовательно и весело повторяют: «Не пищать!»

Заведующий колонией повседневно, в больших и малых делах, воспитывает организующую творческую силу общественного мнения. Макаренко до конца понимает, какой огромный воспитательный потенциал несёт в себе эта разбуженная, взращённая и верно направленная сила. Он никогда не подменяет своим авторитетом мнения коллектива. Приведём два характерных примера.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 403–404.

Совет командиров судит колониста Опришко за пьянство, за пренебрежение интересами коллектива. Виновный, один из самых несознательных, отсталых колонистов, не проявляет никаких признаков раскаяния. Все хорошо знают, что он давно решил уйти из колонии. Представитель восьмого отряда предлагает удалить Опришко — ведь он не новичок, а старый колонист, и с ним надо поступить с большей строгостью. Макаренко поддерживает это законное требование, он произносит всего лишь одно слово: «Выгнать!»

Ещё пример. Заканчивается бурное общее собрание по вопросу о переезде в Куряж. Мнение определилось, теперь все ожидают, что скажет Макаренко, и он, поднавшись, говорит только: «Да здравствует колония имени Горького!» А ведь, вероятно, многие на его месте сочли бы необходимым выступить с большой патетической речью.

Многогранный характер заведующего колонией раскрывается и во взаимоотношениях с отдельными членами горьковского коллектива и, конечно, прежде всего с воспитанниками колонии. Здесь особенно наглядно ощущается пафос творческой деятельности воспитателя — пафос борьбы за человека.

Макаренко воспитывает у колонистов единство личных и коллективных интересов. «Организация перспектив и претворение перспектив с личных форм на формы общественных является главной моей работой», — так определяет он смысл своего труда в одном из вариантов «Педагогической поэмы».

Понять одну из основных сторон характера руководителя коллектива помогает замечательный документ — предисловие Макаренко к сборнику автобиографий воспитанников колонии имени М. Горького. Это предисловие можно рассматривать, как своеобразный и ценный автокомментарий к «Педагогической поэме».

«Я в течение восьми лет [работы в колонии] должен был видеть не только безобразное горе выброшенных в канаву детей, но и безобразные духовные изломы у этих детей, — говорит Макаренко. — Ограничиться сочувствием и жалостью к ним я не имел права. Я понял давно, что для их спасения я обязан быть с ними непреклонно

¹ Архив А. С. Макаренко.

требовательным, суровым и твёрдым. Я должен быть по отношению к их горю таким же философом, как они сами по отношению к себе.

В этом моя трагедия, и я её особенно почувствовал, читая эти записки. И это должно быть трагедией всех нас, от неё мы уклониться не имеем права. А те, что дают себе труд переживать только сладкую жалость и сахарное желание доставить этим детям приятное, те просто прикрывают своё ханжество этим обильным и поэтому дешёвым для них детским горем»¹.

Эти строки воспроизвёл в очерке «По Союзу Советов» М. Горький, желая охарактеризовать Макаренко — воспитателя и руководителя колонии. Горячо любя и жалея детей и подростков, хорошо понимая причины, искавшие характер человека, Макаренко должен был, в интересах самого воспитанника, относиться к нему, если это было нужно, сурово, требовательно, непреклонно.

Руководитель колонии требовал от воспитанника уважения к воле коллектива, решительного предпочтения общих интересов узко личным, эгоистическим. Но как бы требователен и суров ни был Макаренко, он никогда не унижал достоинства колониста, был всегда справедлив и нелицеприятен. Макаренко выступает как голос разума и совести коллектива.

Писатель привлекает наше внимание ещё к одной важной черте характера автобиографического героя книги — его душевной открытости и доверию к человеку. Это проявляется лучше всего в знаменитом эпизоде с Карабано-вым. Недавнему участнику бандитской шайки Макаренко доверяет получить в финотделе большую сумму денег, и Карабанов до конца оправдывает это доверие. Поражает смелость, душевная зоркость заведующего колонией. Для того чтобы решиться на такое доверие, надо было глубоко верить в человека. Надо было по-настоящему любить и знать его. В сущности любить — это и есть знать.

Разговаривая со студентками Оксаной и Рахилью, приехавшими в колонию на педагогическую практику, Макаренко шутиливо бросает им: «Да ведь я вас насквозь вижу. Вы сидите здесь как будто стеклянные, и я

вижу всё, что происходит внутри вас». И уже совсем не шутиливо писатель говорит о «педагогическом осязании», присутствием автобиографическому герою книги, о его умении «с первого взгляда, по внешним признакам, по неумовимым гримасам физиономии, по голосу, по походке, ещё по каким-то мельчайшим завиткам личности... сравнительно точно предсказывать, какая продукция может получиться в каждом отдельном случае из этого сырья».

Проницательность, глубокое понимание того, чем живёт человек, сказывается в речи Макаренко, в богатстве и гибкости её интонаций. Здесь и деловое обращение, и суровое требование, и юмор, и нежность, и ласка. В беседах с колонистами Макаренко краток и прост. Он говорит обычно очень немного и только тогда, когда это необходимо. Каждое его слово исполнено особой силы, потому что за ним — не беспочвенное «витийство», а большое и важное дело, авторитет всей жизни. Поэтому слова Макаренко всегда попадают в цель, задевают самые важные струны сознания.

Писатель щедро наделает своего автобиографического героя талантом общения. Мы видим, как легко, непосредственно входит заведующий колонией в интересы своего воспитанника, с каким пристальным вниманием он относится к человеку, как он умеет разговаривать с каждым на понятном и близком другому языке. Здесь со всей наглядностью выступает мастерство автора «Поэме» в создании диалога. И хотя в «Педагогической поэме» нет описания внешнего облика Макаренко, его речь так интонационно гибка, так пластически богата, что вызывает ощущение живого, осязаемого, динамического портрета.

Макаренко приходилось иметь дело с воспитанниками самых различных характеров и порой с натурами обнажённо-эгоистическими, примитивными. Характерным представителем таких колонистов был Опришко, ещё в колледже для беспризорных обнаруживший свою глупую строптивость. Опришко демонстративно отказывался ехать в колонию, и Макаренко пришлось самому отправиться за ним. Между Макаренко и Опришко происходит такой разговор:

«Он встретил меня, лёжа на кровати, презрительным взглядом:

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 288.

— Пошли вы к чёрту, куда я не поеду! Меня предупредили о его героических достоинствах, и поэтому я с ним заговорил очень подходящим тоном:

— Мне очень неприятно вас беспокоить, сэр, но я признан необходим исполнить свой долг и очень прошу вас занять место в подготовленном для вас экипаже.

Опришко был сначала поражен моим «галантерейным обращением» и даже поднялся с кровати, но потом прежний каприз взял в нём верх, и он снова опустил голову на подушку.

— Сказал, что не поеду!.. И годи!

— В таком случае, уважаемый сэр, я, к великому сожалению, принуждён буду применить к вам силу.

Опришко поднял с подушки кудрявую голову и посмотрел на меня с неподдельным удивлением:

— Смотри ты, откуда такой взялся? Так меня и легко взять силой!

— Имейте в виду...

Я усилил нажим в голосе и уже прибавил к нему оттенок иронии:

— ...дорогой Опришко... И вдруг заорал на него:

— Ну, собирайся, какого чёрта развалился! Вставай, тебе говорят!

Он сорвался с постели и бросился к окну:

— Ей-богу, в окно выпрыгну! Я сказал ему с презрением:

— Или прыгай немедленно в окно, или отправляйся на воз, — мне с тобой волынить некогда.

Мы были на третьем этаже, поэтому Опришко засмеялся весело и открыто.

— Вот причепились!.. Ну, что ты скажешь? Вы ведущий колонией Горького?

— Да.

— Ну так бы и сказали! Давно б поехали.

Он энергично бросился собираться в дорогу»¹.

Это один из многих примеров того, как органически сливаются в «Поэме» Макаренко мастер слова и педагог. Словесная партитура разработана здесь до мелочей. Краткие и ударные диалоги. Авторские ремарки ещё рельефнее оттеняют изменение интонаций. Финал с железной

закономерностью вытекает из повествования. В столкновении с Опришко обнажается сила педагогического воздействия Макаренко. Вероятно, другой, менее опытный воспитатель прилетел бы с самого начала к бесплодному в данном случае уговорам или же сразу применил насилие. Макаренко пошёл по иному пути. Сначала он поразил Опришко, привыкшего к окрикам, шутливой утрированной вежливостью и затем — мгновенным изменением этой «галантерейной интонации», её резкой повелительной силой. Наконец строгий парень был окончательным «добит» тем, что Макаренко сразу же показал ему всю несостоятельность его попытки запугать мнимым решением выброситься из окна третьего этажа.

Другой эпизод не менее выразителен. Макаренко встречается в Куряже Перца — парня довольно живописного облика: «Он ходит в нарочитой развалке, и чуб у него до бровей, и кепка на один глаз, и курить он умеет, держа сигарку на одной нижней губе, и плевать может художественно». Как установить контакт с таким человеком, за что здесь взяться воспитателю? Макаренко разглядел в этой блаженной фигуре любопытство умного и живого парня, и это помогло «завоевать» Перца.

Макаренко прихотилось иметь дело с людьми обособленными и раздражёнными, требующими большой выдержки и особо бережного отношения. Такова «невynosимо истеричная» Маруся Левченко. Способная, но не верящая в свои силы девушка не хочет учиться и оскорбляет воспитательницу Екатерину Григорьевну. Перпробовав безрезультатно все известные ей педагогические методы, Екатерина Григорьевна приводит дрожачую от злости Марусю к Макаренко.

«— Антон Семёнович! Вот Маруся. Решайте сейчас, что с ней делать. Как раз мельнику нужна прислуга. Маруся думает, что из неё только прислуга может выйти. Давайте опустим её к мельнику. А есть и другой исход: я ручаюсь, что к следующей осени я приготовлю её на рабфак, у неё большие способности.

— Конечно, на рабфак, — сказал я.

Маруся сидела на стуле и ненавидящим взглядом следила за спокойным лицом Екатерины Григорьевны.

— Но я не могу допустить, чтобы она оскорбляла меня во время занятий. Я тоже трудящийся человек, и меня

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 143–144.

нельзя оскорблять. Если она ещё один раз скажет слово «чёрт» или назовёт идиоткой, я заниматься с нею не буду.

Я понимаю ход Екатерины Григорьевны; но уже всеходы были перепробованы с Марусей, и моё педагогическое творчество не пылало теперь никаким воодушевлением. Я посмотрел устало на Марусю и сказал без всякой фальши:

— Ничего не выйдет. И чёрт будет, и дура, и идиотка. Маруся не уважает людей, и это так скоро не пройдёт...

— Я уважаю людей, — перебила меня Маруся.

— Нет, ты никого не уважаешь! Но что же делать? Она наша воспитанница. Я считаю так, Екатерина Григорьевна: вы взрослые, умный и опытный человек, а Маруся девочка с плохим характером. Давайте не будем на неё обижаться. Дадим ей право: пусть она называет вас идиоткой и даже сволочью, — ведь и такое бывало, — а вы не обижайтесь. Это пройдёт. Согласны?

Екатерина Григорьевна, улыбаясь, посмотрела на Марусю и сказала просто:

— Хорошо. Это верно. Согласна.

Марусины чёрные очи глянули в упор на меня и заблестели слезами обиды; она вдруг закрыла лицо косынкой и с плачем выбежала из комнат¹.

Заведующий и воспитательница сумели встать выше озлобления Маруси и показали, что не обижаются на её незаслуженные оскорбления. Макаренко понял, что остаётся только один путь — воздействовать на хорошую человеческую гордость, на чувство собственного достоинства, сохранившееся у девушки. Он оказался прав. Маруся перестала оскорблять свою учительницу, и, когда она почувствовала, что Макаренко поверил в неё как в человека, впервые её лицо «засветилось осторожной, недоверчивой радостью».

Очень много душевных сил взяла у Макаренко Вера Берёзвская. Макаренко приходилось бороться с целым комплексом разнообразных отрицательных качеств Веры и, в первую очередь, с её бездумным, безответственным отношением к жизни. Читатели «Поэмы» помнят, как много волнений доставила Макаренко беременность Веры и её упорное нежелание иметь ребёнка.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 255–256.

С огромной выдержкой, изо дня в день трудился Антон Семёнович над характером Веры, вытравляя черты эгоизма. Каждый новый разговор с Макаренко был для Веры шагом к другой, лучшей жизни.

«Иногда ночь начиналась с визита Веры, которая приходила растрёпанная, заплаканная и убитая горем, усаживалась против меня и несла самую возмутительную чушь о пропащей жизни, о моей жестокости, о разных удачных случаях кесарева сечения.

Я пользовался возможностью преподавать Вере некоторые начала необходимой жизненной философии, которых она была лишена в вопиющей степени.

— Ты страдаешь потому, — говорил я, — что ты очень жадная. Тебе нужны радости, развлечения, удовольствия, утехы. Ты думаешь, что жизнь — это бесплатный праздник. Пришёл человек на праздник, его все угощают, с ним танцуют, всё для его удовольствия?

— А по-вашему, человек должен всегда мучиться?

— По-моему, жизнь — это не вечный праздник. Праздники бывают редко, а больше бывает труд, разные у человека заботы, обязанности, так живут все трудящиеся. И в такой жизни больше радости и смысла, чем в твоём празднике. Это раньше были такие люди, которые сами не трудились, а только праздновали, получали всякие удовольствия. Ты же знаешь: мы этих людей просто выгнали.

— Да, — всхлипывает Вера, — по-вашему, если трудящийся, так он должен всегда страдать.

— Зачем ему страдать? Работа и трудовая жизнь — это тоже радость. Вот у тебя родится сын, ты его полюбишь, будет у тебя семья и забота о сыне. Ты будешь, как и все, работать и иногда отдыхать, в этом и заключается жизнь. А когда твой сын вырастет, ты будешь часто меня благодарить за то, что я не позволил его уничтожить.

Очень, очень медленно Вера начала прислушиваться к моим словам и посматривать на своё будущее без страха и отвращения¹.

Такие слова запоминаются надолго ещё и потому, что они звучат в наиболее ответственный, серьёзный момент

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 599–600.

жизни человека. Это идущие из глубины души слова умного воспитателя и старшего друга.

Как-то особенно душевно разговаривает заведующий колонией с милыми его сердцу «пацанами». За обычной сдержанностью Макаренко чувствуется отцовская нежность к ним, горячее желание сделать их жизнь счастливой и прекрасной.

Знакомясь с Куряжем, Макаренко попадает в одну из пустых, ограбленных спален. На тряпье, на голых досках, на железных полосах кроватей, без матрацев, расположилась группа мальчиков, рассмагривающих картинки в старой «Ниве». Макаренко усаживается рядом и серьёзно, просто, деловито, как равный с равными, разговаривает с ними. Привыкшие к окрикам или скучным поучениям, ребята откровенно рассказывают ему о своём житьё-бытьё. Начало дружественных отношений положено, и с этих пор «пацаны» становятся верными союзниками Макаренко.

Так же прост и искренен Макаренко с куряжскими девочками, забытыми и запуганными, давно переставшими улыбаться. Их бесхитростный, потрясающий своей жуткой правдой рассказ наполняет сердце Антона Семёновича жалостью, болью и гневом. Макаренко даёт обещание очень скоро, ровно через десять дней, сделать жизнь девочек радостной и счастливой, и он выполняет своё обещание.

«Эти несколько десятков запуганных, тихоньких бледных девочек, которым я так бездумно гарантировал человеческую жизнь через десять дней, в моей душе вдруг стали представителями моей собственной совести», — говорит автор. Благодарное чувство совести неотъемлемо от Макаренко. Оно заставляет его всего себя отдавать делу воспитания нового человека.

В эпизоде встречи с девочками есть одна интересная деталь. Макаренко обращает внимание не только на бескровяные губы и на испуганные взгляды девочек, но и на их уютную одежду — изношенные, заплатанные ситцевые платочки. Он думает: «Нельзя девочкам давать носить такую дрянь, это может обидеть на всю жизнь».

Красота для Макаренко не отвлечённая, эстетическая категория, а необходимое важное слагаемое человеческой жизни. Чувство прекрасного поднимает человека, делает

его сильнее, рождает в нём связь с окружающим миром. Красота духовно обогащает, одухотворяет человека. Макаренко стремится внести красоту в повседневную жизнь своих воспитанников. Вот почему его так оскорбляют проявления безобразного и так радуют даже малейшие проблески красоты в окружающем мире.

Человек редкой душевной красоты, огромной нравственной силы, большого интеллекта, Макаренко никогда не стремился встать над людьми. Он мог играть вместе с хлопцами в фанты, в вора и доносчика, с увлечением участвовать в спектаклях, маршировать в колоннах горьковцев, петь. «...Я всегда видел, как они, колонисты, радостно расцветали и особенно близко и душевно приближались ко мне, если случалось повеселиться с ними, поиграть или повалять дурака, просто, обнявшись, походить по коридору», — говорит Макаренко.

Очень сдержанно, только самыми немногими чертами запечатлено в книге отношение к заведующему колонией Макаренко тех, для кого он жил и работал. Вспоминается несколько эпизодов «Педагогической поэмы», где это видно особенно ярко.

Группа колонистов, вооружённая дрекольем, на громящей «гарбе» спешит в город на выручку Антона Семёновича, которого пытался арестовать инспектор наробраза Шарин. Сцена эта полна тёплого юмора. Глубоко волнует читателя эпизод в сосновом лесу, о котором было рассказано выше. Есть ещё один лирический эпизод, с большой непосредственностью передающий любовь колонистов к Макаренко.

После предельно напряжённых куряжских дней Макаренко возвратился в родную Горьковскую колонию, чтобы принять участие в последнем торжественном вечере накануне отъезда на новые места. Кончились тёплые слова напутствия, начался весёлый спектакль — последний спектакль в «старой» колонии. Макаренко, который печалился и веселился вместе со всеми, почувствовал, что смертельно устал. За кулисами он присел в кресло и задремал, не в силах дожидаться конца затянувшегося спектакля. Колонисты, оберегая его покой, собираются бережно перенести его в тихое место, и сквозит сон Макаренко слышит приглушённые голоса «пацанов»: «Перенесём! Перенесём! Давайте перенесём!»

Можно представить себе, какой чудесной музыкой звучали для Макаренко эти детские голоса!

Совсем с другой стороны раскрывается образ заведующего колонией в столкновениях с представителями лагеря «олимпийцев». Олимп — это название места, где жили мифические боги древней Эллады. Оно стало для писателя нарицательным обозначением некоторых деятелей тогдашней педагогической науки и работников социального воспитания на Украине, не понимавших или не желавших понять всего огромного значения опыта Горьковской колонии и свысока относившихся к её руководителю. С ними Макаренко бесстрашен и принципиален.

В колонию имени М. Горького приезжает комиссия, в состав которой входят два матерых представителя «олимпа» — Варвара Викторовна Брегель и профессор педагогики Чайкин. Уже с первых слов членов комиссии обнаруживается их предвзятое отношение к колонии и к её заведующему. Брегель и Чайкин всячески стараются очернить работу Макаренко и противопоставить её советской педагогике.

«Брегель сказала: — Мы к вам специально — проверить ваш метод.

— Решительно протестую, — сказал я. — Нет никакого моего метода.

— А какой же у вас метод?

— Обыкновенный советский. Брегель зло улыбнулась.

— Может быть, и советский, но во всяком случае не обыкновенный. Надо всё-таки проверить!».

Макаренко с самого начала даёт отпор придирам Брегель. Он ещё надеялся тогда, что можно убедить членов комиссии фактами, и в течение трёх часов излагает Брегель и её коллегам свои педагогические выводы из пятилетней работы в колонии. Но Брегель и Чайкин не понимают языка фактов, им глубоко чуждо новаторство Макаренко. Дальнейшие столкновения с «олимпийцами» ещё более обостряют положение.

Рутинёрам, оторванным от жизни, умеющим заниматься словесной эквилибристикой — «игрой терминами», — в сущности нечего противопоставить Макаренко, и они

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 380.

злбно стараются во что бы то ни стало помешать его работе. Брегель и её соратники пытаются сорвать завоевание Куряжа и, когда это не удаётся, появляются в Куряжской колонии в качестве недоброжелательных зрителей. И вот в то время, когда дорога каждая минута, Макаренко вынужден отбивать новые атаки «олимпийцев».

«— Ваши знамёна, барабаны, салюты — всё это ведь только внешне организует молодёжь, — говорит Брегель.

Я хотел сказать: «Отстань!» — но сказал немного вежливее:

— Вы представляете себе молодёжь, или, скажем, ребёнка в виде какой-то коробочки: есть внешность, упаковка, что ли, а есть внутренность — требуха. По вашему мнению, мы должны заниматься только требухой? Но ведь без упаковки вся эта драгоценная требуха рассыплется.

Брегель злым взглядом проводила пробежавшего к столовой Ветковского.

— Всё-таки у вас очень похоже на кадетский корпус...

— Знаете что, Варвара Викторовна, — по возможности приветливо сказал я, — давайте прекратим. Нам очень трудно говорить с вами без...

— Без чего?

— Без переводчика.

Массивная серая фигура Брегель тяжело оттолкнулась от решётки и двинулась на меня...

— Переводчики найдутся, товарищ Макаренко! Макаренко ещё сдерживает себя, хоть и ощущается его глубокое внутреннее кипение, но когда Брегель несправедливо упрекает его, что он не сообщил ей об избииении хулиганской бандой одного из куряжских «пацанов», перешедших на сторону горьковцев, даже многократно испытанное терпение Макаренко не выдерживает. Развёртывается такая сцена:

«Брегель рассматривала нас, как уродцев в банке, и её щёки начали принимать бульдожьей формы. Я поспешил отвлечь её внимание от неприятных вещей:

— А это что за компания? Кто же это?

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 540–541.

— А это тот пацан... — говорит Федоренко. — Боевой такой. Говорят, побили его крепко.

— Верно, это отряд Зайченко, — узнаю и я. — Кто его побил? — спрашивает Брегель.

— Избили ночью... здешие, конечно.

— За что? Почему вы не сообщили? Давно?

— Варвара Викторовна, — сказал я сурово, — здесь, в Куряже, на протяжении ряда лет издевались над ребятами. Поскольку это мало вас интересовало, я имел основания думать, что и этот случай недостоин вашего внимания... тем более, что я заинтересовался им лично.

Брегель мою суровую речь поняла как приглашение уезжать. Она сказала сухо:

— До свидания.

И направилась к машине, из которой уже выглядывала голова товарища Зои.

Я вздохнул свободно¹.

В борьбе с «Олимпом» проявилось мужество заведующего колонией, убежденно и до конца отстаивавшего свои педагогические позиции. Беспочвенной наукообразной болтовне «олимпийцев» Макаренко противопоставил непоколебимые теоретические выводы, основанные на опыте, на многократно проверенных фактах, на самой жизни.

Читателя поражает, с какой сдержанностью изображён в «Педагогической поэме» самоотверженный труд Макаренко. И только лёгкое изменение интонации, одна-две сказанных будто между прочим фразы доносят до нас всё огромное напряжение борьбы за человека.

Рассказывая о суровых, драматических буднях первых лет своей работы в колонии, автор «на ходу» замечает: «Я только с тех пор смеяться стал реже». Но мы понимаем, что это значит для любившего смех Макаренко. Поступает на рабфак колонист Осадчий, и Макаренко говорит: «Уехал и Осадчий, за которого я заплатил хорошим куском жизни». Вот и всё! Очень многое скрыто за короткой фразой: «Я вздохнул свободно, как после трепанации черепа», когда успешно закончился бойкот Ужикова.

Макаренко с уверенным и тонким мастерством вводит нас в скрытую от окружающих внутреннюю жизнь

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 544–545.

своего героя. Вот почему в художественном организме «Поэмы» большой удельный вес имеет внутренний монолог. Он как бы дополняет и углубляет речь Макаренко, делает для нас более понятным и близким его душевное состояние.

Так, мы ещё сильнее переживаем отчаяние Макаренко после унижительной для него беседы с председателем сельсовета о массовых кражах в деревне, виновниками которых были колонисты: «Я оглянулся вокруг. А вокруг была всё та же колония, те же каменные коробки, те же колонисты, и завтра будет всё то же: спидницы, засиженный мухами город. Прямо передо мной была дверь в мою комнату, в которой стояли «дача» и некрашенный стол, а на столе лежала пачка махорки.

«Куда деваться? Ну, что я могу сделать? Что я могу сделать?» . Повторение вопроса даёт ощущение возрастающего эмоционального напряжения.

Макаренко не скрывает от читателей своих тяжёлых мыслей накануне отъезда из колонии лучших колонистов на рабфак. Ночью, оставшись один, он предаётся тягостным размышлениям: «Я думал о том, что жизнь моя как торжкая и несправедливая. О том, что я положил лучший кусок жизни только для того, чтобы подложники «правонарушителей» могли поступить на рабфак, что на рабфаке и в большом городе они подвергнутся новым влияниям, которыми я не могу управлять, и кто его знает, чем всё это кончится? Может быть, мой труд и моя жертва окажутся просто ненужным никому ступком бесплодно израсходованной энергии?..

Думал и о другом: почему такая несправедливость?.. Ведь я сделал хорошее дело, ведь это в тысячу раз труднее и достойнее, чем пропеть романс на клубном вечере, даже труднее, чем сыграть роль в хорошей пьесе, хотя бы даже и в МХАТе... Почему там артистам согни людей аплодируют, почему артисты пойдут спать домой с ощущением людского внимания и благодарности, почему я в тоске сижу тёмной ночью в заброшенной в полях колонии, почему мне не аплодируют хотя бы гончаровские жители? Даже хуже: я то и дело тревожно возвращаюсь к мысли о том, что для выдачи рабфаковцам

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 146.

«приданого» я истратил тысячу рублей, что подобные расходы нигде в смете не предусматривались, что инспектор финансового отдела, когда я к нему обратился с запросом, сухо и осуждающе посмотрел на меня и сказал:

— Если вам угодно, можете истратить, но имейте в виду, что начёт на ваше жалование обеспечен¹.

Пусть об этих горьких мыслях никто не знал в колонии и Макаренко заставил себя выгладеть, как всегда, подтянутым, бодрым и весёлым, читателю хорошо понятно, чего это стоило Макаренко.

Повествуя о докладе заведующего колонией на собрании горьковского коллектива по поводу переезда в Куряж, автор «Поэмы» не воспроизводит слов своего героя, а излагает его мысли во время выступления. Это точно доносит до нас всю динамику его размышлений.

«Общее собрание колонистов, как и все собрания в последнее время, сдержанно-раздумчиво выслушало мой доклад. Делая его, я любопытно прислушивался не только к собранию, но и к себе самому. Мне вдруг захотелось грустно улыbnуться. Что это происходит: был ли я ребёнком четыре месяца назад, когда вместе с колонистами бурлил и торжествовал в созданных нами запорожских дворцах? Вырос ли я за четыре месяца, или оскудел только? В своих словах, в тоне, в движении лица я ясно ощущал неприятную неуверенность.

В течение целого года мы рвались к широким, светлым просторам, неужели наше стремление может быть увенчано каким-то смешным, загаженным Куряжем? Как могло случиться, что я сам, по собственной воле, говорю с ребятами о таком невыносимом будущем? Что могло привлечь нас в Куряже? Во имя каких ценностей нужно покинуть нашу украшенную цветами и Коломаком жизнь, наши паркетные полы, нами восстановленное имение?»².

Жизнь заведующего колонией — подвиг. Что же помогло Макаренко преодолеть трудности, что закаляло его волю, что давало ему силы для подвига? Это прежде всего сознание высокого смысла дела воспитания нового человека. Это чувство ответственности перед Родиной, доверившей ему судьбы многих воспитанников.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 344–345.

² Там же, стр. 403.

Во время работы над первой частью «Педагогической поэмы» Макаренко познакомился с горьковскими «Заметками читателя». Его внимание привлекло здесь определение характера героизма, данное Горьким: «Героев на час и героев на день у нас было много, но они не оставили особенно яркого следа в жизни и, несмотря на бесспорное мужество подвигов, не могли заметно изменить её тягостных условий.

Но вот условия изменены, требуется напряжённая работа для дальнейшего развития их в сторону более широкой свободы творчества, требуется героизм не на час, а на всю жизнь»¹.

Горьковское понимание героизма получило прямое отражение в образе автобиографического героя «Поэмы». Да, это героизм на всю жизнь, героизм, лишённый какой бы то ни было внешней декоративности, даже малейшего намёка на позу. Это тот героизм, когда человек может даже не сознавать, что он совершает подвиг. Герои Макаренко органически связаны с героикой жизни Советской страны.

Всегда и везде Макаренко ощущал свою связь с жизнью, борьбой, трудовыми подвигами советских людей, со своей великой Родиной. В одном из рукописных вариантов «Поэмы», где речь идёт о душевном состоянии заведующего колонией в решающий день жизни горьковского коллектива, об этом сказано так:

«В своей душе я ощущал сложную тонкую машину, от которой проведены невидимые провода к глазам, к мозгам, к мускулам и нервам, к классовому чутью всех этих четырёхсот колонистов. Одним только прикосновением к той или иной кнопке я разрешаю целые страницы переживаний у этих маленьких людей. Я ощущаю в себе неизмеримое могущество и рядом с ним ощущаю что-то страшно широкое, размахнувшееся тысячами километров полей, лесов и морей во все стороны, то, что является основанием моего могущества, — СССР»².

Образ автобиографического героя «Поэмы» — пример того, что единство личного и общего является истинным нравственным силой человека.

Макаренко говорит в своей книге о «совершенно

¹ М. Горький. Собрание сочинений в 30 томах, т. XXIV, Гослитиздат, М., 1953, стр. 282.

² ЦГАЛИ.

исключительном впечатлении счастья, которое испытываешь в детском обществе, выросшем вместе с вами, доверяющем вам до конца, идущем с вами вперед. В таком обществе даже неудача не печалит, даже огорчение и боль кажутся высокими ценностями¹. Конечно, это сказано не для красного словца. Макаренко прошёл большой и трудный путь от отчаяния и сомнений к ощущению полноты жизни и счастья.

Каждой страницей «Педагогической поэмы», каждой гранью характера своего автобиографического героя Макаренко утверждает, что чем больше человек отдаёт себя людям, тем он больше получает, тем становится сильнее и красивее.

Язык книги с предельной убедительностью обнаруживает всю глубину мыслей, богатство душевной жизни, всю поэтичность восприятия мира автобиографическим героем. Возвловнанно и страстно рассказывает Макаренко о том, что являлось для него самым дорогим и важным, о деле своей жизни. Автор «Поэмы» повествует с глубочайшей искренностью, с полным доверием к читателю, как родному человеку, как близкому другу.

В языке повествователя нет никакой нарочитости, стилизации, орнаментальности. Это живая, простая, разговорная речь. Однако легко, свободно и непринуждённо льётся рассказ там, где автор рисует печальные и радостные эпизоды жизни колонии, делится с читателями дорогими для него мыслями, полемизирует с противниками. Не случайно Горький, познакомившийся с первой частью «Поэмы», сразу же оценил «верный, живой, искренний тон рассказа».

Характерно, что в языке автора, по мере созревания коллектива, вместо «я» появляется «мы». Ведь заведующий колонией ощущает себя не только руководителем, «начальником», но доверенным лицом, представителем коллектива. Иногда повествователь как бы суммирует речь персонажей, интонационно переводит её в план речи горьковца. Так, например, Макаренко рассказывает о приезде передового сводного отряда в Кураж, о встрече с бывшими воспитанниками колонии рабфаковцами, приехавшими на помощь горьковцам:

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 620.

«Выработали такой план действий. Сейчас дать обед. Куражане как следует проголодались, все в спальнях ожидают обеда. Чёрт с ними, пускай лопают! А во время обеда всем пойти по спальням и агитнуть. Надо им сказать, сволочам: приходите на собрание, люди вы или что? Приходите! Для вас же, гады, интересно, у вас новая жизнь начинается, а вы, как мокрицы, разлазлитесь. А если кто будет излазить, заедаться с ним не надо. А лучше так сказать: ты здесь герой, возле кастрюли с борщом, — приходи на собрание и говори, что хочешь. Вот и всё».

Это делает речь рассказчика ещё более действенной, выразительной, эмоциональной и со всей непосредственностью включает нас в жизнь и интересы горьковцев.

Рассказ от первого лица послужил самому тесному объединению художественного и публицистического языка произведения. Вполне понятно, что в «книге борьбы», какой по характеристике автора является «Поэма», это имеет очень большое значение.

В «Педагогической поэме» смело высказаны мысли Макаренко о многих важнейших вопросах теории воспитания: о коллективе и диалектике его развития, стиле, тоне и традициях, о трудовой организации детского воспитательного учреждения, о дисциплине, о системе перспективных линий, о педагогической технике. Эти мысли, имеющие огромное принципиальное значение для педагогической науки, будут потом развиты в специальных теоретических работах Макаренко.

В «Поэме» мы находим превосходную характеристику стиля теоретических высказываний героя книги: «Я... находил точные выражения для очень тонких понятий, аналитическим ножом осторожно и смело вскрывал тайные до сих пор области...»²

Величайшая убедительность, стройная логичность, точность и выразительность научных определений характеризуют и публицистический язык книги. Иногда автор как бы спрессовывает свои теоретические обобщения в образные, афористически сжатые формулы.

В «Поэме» очень часто звучит боевая, сокрушительная, задорная, полемическая интонация. Макаренко вы-

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 460–461.

² Там же, стр. 381.

ступает против ещё живучих педагогических предрассудков, против ложных взглядов, облечённых в тогу учёности, против всего отжившего в вопросах теории воспитания. С уничтожающим сарказмом он разоблачает научную, практическую несостоятельность теорий «олимпийцев».

Писатель мобилизует себе в помощь живое, меткое, об-разное слово, вводит в ткань публицистической речи не-ожиданную метафору, сравнение, эпитет, эмоциональный повтор. Вот почему даже сравнительно большие по объёму куски «Поэмы», трактующие сложнейшие теоретико-педагогические вопросы, не нарушают общей интонации повествования.

Важным художественным средством в «Поэме» являются названия глав, мастерски данные Макаренко. Писатель как бы выхватывает из контекста повествования образную деталь, характеризующую целое и обозначающую тему главы. Разнообразие заголовков, внутренне объединённых одной темой, чередование серьёзного и юмористического намечает общую художественную интонацию произведения, даёт ощущение его ритма.

Порой заглавие звучит как своего рода ребус и до конца расшифровывается только после внимательного вчитыва-ния в текст (например, «О живом и мёртвом», «Гвозди»). Заголовки передаёт эмоциональную тональность главы («Не пицать!», «Идиллия»), иногда название главы носит юмористическую окраску («Черныльницы по-соседски», «Габерсул», «Стрелы Амура»).

Заглавие даёт ощущение движения образа коллективно-го героя книги («Начало фанфарного марша», «Жизнь по-катилась дальше»). Боевая, полемическая интонация «Поэмы» отразилась в иронических заголовках. Так, бранные, издевательские в устах «олимпийцев» определения писа-тель делает названиями глав («Командирская педагогика», «Кулацкое воспитание»). Всё содержание глав опровергает эти ложные определения. Неожиданно и смело писатель озаглавливает одну из лучших глав произведения только одним словом: «Лирика».

В письме Макаренко к Горькому есть такое признание: «...самая дорогая для меня работа, «Педагогическая поэма»... лежит у меня дома: как-то страшно выворачивать свою душу перед публикой с такой щедрой искренности».

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 353.

Целомудренно сдержанно в выражении своих чувств Макаренко смущала необходимость говорить о самом себе, раскрывать свои заветные мысли и чувства перед неизвестными ему читателями.

Всё, о чём рассказывает в «Педагогической поэме», пропущено через «магический кристалл» личности её автора и героя. Даже там, где не появляется автобиогра-фический герой, читатель ощущает его присутствие, его отношение к изображаемому лицам и событиям.

Лиризм «Педагогической поэмы» обращён не к сфере узко личных переживаний, а к широкой социальной сфе-ре. Это лиризм всепоглощающей любви к людям, лиризм творческого труда воспитателя, вносящего свою долю в изменение и украшение мира, лиризм, призванный с наибольшей полнотой донести до нас тему монолитного единства личности и коллектива. Неисчерпаемый источ-ник лиризма книги Макаренко — пафос победы над си-лами, искажающими человека, пафос утверждения пре-красного в мире и человеке.

Лирическое в книге Макаренко то щедро разлито, то спрятано где-то глубоко внутри. Лиризм окрашивает многие страницы «Поэмы». И характерно, что если в прямой речи автобиографического героя книги мы чаще всего ощущаем сдержанность, то в языке автора порой проступает уже ничем не прикрываемая любовь, неж-ность, ласка.

Писатель иногда выражает отношение, к своим геро-ям в форме лирических отступлений. Таково, например, отступление, которым завершается рассказ о неудаче плана переселения колонии в Запорожье. «Милые мои пацаны! Не ходите вам за плугом по Великому лугу, не жить в сказочном дворце, не трубить вашим трубачам с высоты мавританских башен, и золотого конька напрас-но вы назвали Запорожцем»¹.

Иногда, чтобы подчеркнуть особую значительность описываемого события, писатель как бы приостанавли-вает повествование и обращается от настоящего к про-шлому. Так, широкая эпическая интонация рассказа о подготовке колонии к отъезду в Куряж прерывается ис-кренними строками:

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 395.

«Отбивали счастливейшие часы моей жизни. Я теперь иногда грустно сожалею, почему в то время я не остановился с особенным, благоговейным вниманием, почему я не заставил себя крепко-пристально глянуть в глаза прекрасной жизни, почему не запомнил на веки вечные и огни, и линии, и краски каждого мгновения, каждого движения, каждого слова». Эти взволнованные слова говорят о достижутом, о будущих победах и неудачах, о красоте и значительности настоящего дня.

Лиризм, глубоко личное отношение автора к людям и событиям жизни колонии проявляются также во всей системе образительных средств произведения, которые в «Педагогической поэме» до конца внутренне оправданы. Они несут на себе большую смысловую нагрузку. Они заставляют читателя по-новому, с особенной остротой увидеть то явление, о котором говорит писатель. Они точно обнажают скрытую художественную энергию слова.

Характерно, что такой внимательный и строгий редактор, как А. М. Горький, читая рукопись книги Макаренко, внёс лишь самые минимальные исправления, касавшиеся отдельных стилистических неточностей.

У автора «Поэмы» есть свои излюбленные образные выражения, которые проходят через всю книгу. Таковы метафоры «сражение», «бой», «фронт», отражающие напряжённое труда Макаренко. Даже само наименование первичной рабочей ячейки колонистов «отряд» является метафорическим.

Приведём несколько примеров:

«Завоевание *мельницы* было победой нашего комсомола на втором участке *боевого фронта*»; «Подготовляясь к борьбе с Куряжем, я рассчитывал на один *молниеносный удар*»; «Враги наши оказались не на *боевом фронте*, а в засаде. Наткнулся я на них в *горячей атаке*, вообразая, что это последний *победный удар*, после которого только в трубы трубить. А против *моей атаки* вышел из-за кустов маленький такой, в куцом пиджачке человек, сказал несколько слов, и я оказался *разбитым наголову* и покатился назад, *бросая оружие и знамёна, комкая ряды разогнавшихся в марше колонистов*»;

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 418.

«Отряды эти с боем *прошли* нашу шестилетнюю историю».

Всего характернее для речи автора усложнённые метафорические выражения, позволяющие с большой образной силой вскрыть сущность изображаемого явления и передать отношение к нему автора.

В эпизоде встречи эшелона с горьковцами в день завоевания Куряжа короткая метафора «бой» так развёртывается автором:

«На рассвете семнадцатого я выехал встречать горьковцев на станцию Люботин, в тридцати километрах от Харькова. На грязнёвском перроне станции было бедно и жарко, бродили ленивые, скудные селяне... скрежетали сапогами по перрону неповоротливые, пропитанные маслом железнодорожники — деятели товарного движения. Все сегодня стоворились противоречить торжественной парче, в которую оделась моя душа. А может быть, это не парча, а что-нибудь попроще — «треугольная шляпа и серый походный сюртук».

Сегодня день генерального сражения. Это ничего, что громоздкий дядя, носильщик, нечаянно меня толкнувший, не только не пришёл в ужас от содеянного, но даже не заметил меня. Ничего также, что дежурный по станции недостаточно почтительно и даже недостаточно вежливо давал мне справки, где находится триста семьдесят третий бис. Эти чудачки делали вид, будто они не понимают, что триста семьдесят третий бис — это главные мои силы, это славные легионы маршалов Ковалева и Лаптя, что вся их станция Люботин на сегодня назначена быть плацдармом моего наступления на Куряж. Как растолковать этим людям, что ставки моего сегодняшнего дня, честное слово, более величественны и значительны, чем ставки какого-нибудь Аустерлица. Солнце Наполеона едва ли способно было затмить мою сегодняшнюю славу. А ведь Наполеону гораздо легче было воевать, чем мне. Хотел бы я посмотреть, что получилось бы из Наполеона, если бы методы соювса для него были так же обязательны, как для меня».

На последующих страницах книги Макаренко не один раз будет возвращаться к образу сражения. В приведённом отрывке ощущается юмористическая интонация, но

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 508–509.

она лишь подчёркивает глубоко серьёзный смысл так широко развёрнутой здесь метафоры.

С огромной любовью к миру воспроизводит Макаренко всю неповторимую красоту окружающей жизни в её больших и малых проявлениях.

Излюбленный Макаренко образ цветов придаёт особую нарядность и художественную выразительность языку «Поэмы»:

«Наши будни, как цветами, украсились трудом и улыбкой, ясностью наших дорог, дружеским горячим словом. Так же радугой стояли над ними заботы, так же упирались в небо прожекторы нашей мечты».

Неожиданное и на первый взгляд по себе недостаточное мотивированное сравнение забот с радугой приобретает в этом контексте оправданность и убедительность. Ведь в живом, полноценном и уверенном в своём будущем коллективе забота не есть нечто давящее, серое, это — поднимущее человека прекрасное чувство ответственности.

Может быть, в ещё большей мере неожиданно появление на страницах «Педагогической поэмы» образов, черпнутых из античной мифологии. Рассказывая о колонистах в день прощания со второй колонией, Макаренко рисует такую картину: «В парке, в саду, на грустных, покидаемых скамейках, на травке, над рекой расположились группы; бывалые пацаны рассказывают о прошлом: о матери, о тачанках, о степных и лесных отрядах. Над ними притихшие кроны деревьев, полёты пчёл, запахи «снежных королей» и белой акации.

В неловком смущении я начинаю различать идилию. В голову лезут иронические образы пастушков, зефиров, любви. Но, честное слово, жизнь способна шутить, и шутит иногда нахально. Под кустом сирени сидит курносый сморщенный пацан, именуемый «Мопсик», и наигрывает на сопилке. Не сопилка это, а свирель, конечно, а может быть флейта, а у Мопсика ехидная мордочка маленького фавна. А на берегу луга девчата плетут венки, и Наташа Петренко в васильковом венчике трогает меня до слёз сказочной прелестью. А из-за пушистой стеночки бузины выходит на дорожку Пан, улыбається вздрагивающим седым усом и шурит светло-синие глубокие очи.

«А тебя шукав, шукав!»¹

Чудесное как бы вторгается в повседневную жизнь и помогает читателю понять её поэтическую ценность. Вот Карабанов на кулленной в совхозе лошади въезжает в колонию. Казалось бы ничем особым не примечательная сцена, но у Макаренко об этом рассказано так: «Семён на золотом коне летел прямо к нам, и мы все вдруг смолкли и затаили дыхание: такие вещи мы раньше видели только на картинках, в иллюстрациях к сказкам и к «Страшной мести»².

В походной колонне горьковцев самый маленький колонист, трубач Ванька Синенький, «...стоял впереди, поставив трубу на колено, и стрелял глазами с такой свободой, будто он не вчерашний беспризорный, а путешествующий принц, а за ним почтительно замер шедший эскорт, которым снабдил его папаша король»³. Колонисты кружатся «хлопотливо, как эльфы».

Макаренко конкретизирует самые абстрактные теоретические понятия и оживляет их. Автор «Поэмы» находит неожиданный эквивалент таким, например, отвлечённым понятиям, как «дисциплина», «перспектива», «план». Так, о порядке на мельнице, установившемся после «водолечения», сказано: «Было оживлённо, весело и бодро, дисциплина ходила на строгих мягких лапах и осторожно, «за ручку», переставляла случайных нарушителей на правильные места»⁴.

Размышляя о значении перспективы в жизни человека, Макаренко пишет: «Даже самый ничёмный человек, если видит перед собой не простое пространство земли с холмами, оврагами, болотами и кочками, а пусть и самую скромную перспективу — дорожки или дороги с поворотами, мостиками, посадками и столбиками, — начинает и себя раскладывать по определённым этапикам, веселее смотрит вперёд, и сама природа в его глазах кажется более упорядоченной...»⁵

Испещрённый цифрами план переселения колонии на новые места выглядит так: «Он [Щере] составил и рассказал колонистам переливающий алмазами, изумруда-

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 488–489.

² Там же, стр. 311.

³ Там же, стр. 521.

⁴ Там же, стр. 319.

⁵ Там же, стр. 531.

ми, рубинами хозяйственный план, в котором лучились, играли, ослепляли тракторы, сотни коров, тысячи овец, сотни тысяч птиц, экспорт масла и яиц...». Макаренко умеет посмотреть на явления жизни глазами своих героев-колонистов со всей непосредственностью восприятия, свойственной их юности!

Для того чтобы передать состояние горьковцев перед отъездом в Куряж, Макаренко прибегает к такому развёрнутому сравнению: «На поверхности коллектива ходят анекдоты и шутки, переливается смех, и потрескивает дружеское нехитрое зубоскальство. Вот так же точно по зрелому пшеничному полю ходят волны, и издали оно кажется легкомысленным и игривым. А на самом деле в каждом колесе спокойно грезят силы, колос мирно пошатывается под ласковым ветром, ни одна лёгкая пылинка с него не упадёт, и нет в нём никакой тревоги. И как не нужно колосу заботиться о молодьбе, так не нужно колонистам беспокоиться о Куряже. И молотьба придёт в своё время, и в Куряже в своё время будет работа».

Этот образ превосходно рисует спокойную силу коллектива, созревшего для трудной борьбы, говорит о закономерности предстоящих больших событий.

Одно из любимых Макаренко сравнений — образ дороги, поезда. Здесь и простое сравнение: «Жизнь [колонии] пошла, как хорошей, исправный поезд» и усложнённое: «Он [коллектив] жил полной жизнью, быстро катился вперёд по точным, гладким рельсам, торжественно и нежно готовился к встрече Алексея Максимовича». И развёрнутая метафора: «В нашем поезде прибавилось жизни, и он летел вперёд, обволакивая пахучим вёсельным дымом широкие поля советских бодрых дней». Здесь хорошо передано стремительное движение, присутствие горьковскому коллективу.

Как известно, эпитет призван обозначать каку-либо существенную сторону изображаемого писателем явления. В «Педагогической поэме» эпитет — одно из важнейших изобразительных средств. Здесь Макаренко — художник, умеющий удивляться и радоваться, умеющий видеть всё настоящее и прекрасное в окружающей жизни.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 394.

² Там же, стр. 488.

Особенно неотделим от образа автора книги эпитет «живой», многократно встречающийся в «Педагогической поэме». Этот эпитет прилагается Макаренко к самым различным явлениям: «живой коллектив»; «живое небо»; «живые ценности»; «живая радость»; «живая мечта»; «живое внимание»; «живое письмо» и т. д.

Автор «Поэмы» любит пользоваться эпитетом «серебряный». Это — синоним душевной чистоты, звучности: «сменяющиеся живые глаза прекрасного российскийского серебряного стилия»; «серебряный привет трубочей»; «серебряным альтом встречает рассвет Шелапутин» и др.

Одним из самых характерных для «Педагогической поэмы» эпитетом, раскрывающим скрытые для постороннего взора источники теплоты и ласки, является «нежный». Девочки-куряжанки, голосуя за новую жизнь, «поднимают ладони с торжественной нежностью». Писатель говорит о «неуловимо нежных контурах будущего».

Повторяющиеся эпитеты не создают впечатления языкового однообразия. Данные, каждый раз в новых контекстах, они звучат по-новому, неожиданно и смело.

Ещё более расширяет лирический диапазон книги пейзаж. Он не занимает в «Педагогической поэме» значительного места, но весом в художественном отношении. Кратко, самыми простыми словами рисует писатель жизнь природы в её глубокой, внутренней связи с жизнью человека.

Вот, например, описание начала зимы: «Рано-рано выпал первый снег. Накануне было ещё тепло, а ночью неслышно и осторожно закужились над Куряжем снежинки. Женя Журбина вышла утром на крыльцо, тараща глазёнки на белую площадку двора, и удивилась: «Кто это посолил землю?.. Мама!.. Это, наверное, хлопцы!» . Неожданное упоминание о хлопцах как бы вписывает пейзаж в жизнь колонии и заставляя читателя вместе с четырёхлетней девочкой на мгновение поверить, что «хлопцы» могут всё сделать.

Превосходен по своей изобразительности и лаконичности такой пейзаж: «И вот снова весна! Да ещё и ранняя. В три дня всё было кончено. На твёрдой аккуратной

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 604–605.

дорожке тихонько доживает рябенькая сухая корочка льда. По шляху кто-то едет, и на телеге весело дребезжит пустое ведро. Небо синее, высокое, нарядное. Алый флаг громко полощется под весенним тёплым ветром. Парадные двери клуба открыты настезь, в непривычной прохладе вестибюля особенная чистота и старательно разостлан после уборки половик»¹.

Ощущение весны дано максимально сжатыми, но разнообразными художественными средствами: здесь и зрительные, и слуховые, и осязательные образы. Мажорный тон картины подчёркнут образом развешающегося красного флага. Свежая метафора «громко полощется», ещё более заостряет наше впечатление. И вся эта весенняя картинка естественно переходит в последующее — тоже краткое — описание начала сельскохозяйственных работ в колонии.

Макаренко не только любит красота родной земли, бесконечно дорогой его сердцу. Ему особенно близка природа, изменённая и украшенная трудом человека. Таков, например, пейзаж второй колонии: «В парке широкие, посыпанные песком дорожки подчёркивают зелёное богатство трёх террас, на которых каждое дерево, каждая группа кустов, каждая линия цветника проверены в ночных раздумьях, политы трудовым потом сводных отрядов, как драгоценными камнями, украшены заботами и любовью коллектива. Высоты и низины речного берега сурово и привольно-ласково дисциплинированы: то десяток деревянных ступенек, то берёзовые перильца, то квадратный ковёрчик цветов, то узенькие витые дорожки, то платформа набережной, усыпанная песком, ещё раз доказывают, насколько умнее и выше природы человек, ещё вот такой босоногий. И на просторных дворах этого босоногого хозяина, на месте глубоких ран, оставленных ему в наследство, он, пасынок старого человечества, тоже коснулся везде рукой художника»².

Макаренко не только воспроизводит жизнь во всём богатстве её зрительных образов, но проявляет большое внимание и к образам звуковым. Мир звуков в «Педагогической поэме» широк и разнообразен. Автор восхищается «музыкой итальянско-украинского «л», которое умеют

произносить по-настоящему только девчата — «казала», «купувала». Макаренко не раз описывает в «Поэме» певчие мелодичных украинских песен. Он фиксирует еле слышные тихой летней ночью «птичьи шорохи и отзвуки собачьего лая».

Писателя особенно волнуют призывные звуки трубы. В третьей части «Педагогической поэмы» есть такой эпизод. Скоро должно начаться первое общее собрание горьковцев и куряжан. В наступившей тишине раздаётся трубный сигнал. Он возмущает «олимпийцев»: «...Трубы эти!.. Командиры!.. Казарма! Звонко гораздо лучше». Колонист Лапоть метко отвечает: «Ну, что вы: звонок! Звонок — дурень, он всегда одно и то же кричит. А это разумный сигнал: общий сбор. А есть ещё «сбор командиров», «спать», и есть ещё «тревога». Ого! Если вот Ванька запрутбуг тревогу, так и покойник на пожар выскочит, и вы побежите».

Эти трубные звуки различны, они связаны с общей тональностью рассказа: «На крыльцо моего кабинета ходил теперь трубач и бросал в колонию красивые полнокровные звуки сигнала, — рассказывает Макаренко. — В вечерней тишине в особенности волнующе звучат звуки корнета над колонией, над озером, над хуторскими крышами. Кто-нибудь в открытом окне спальни пропоеёт тот же сигнал молодым звенящим тенором, кто-нибудь вдруг сыграет на рояле». Как хорошо здесь дана переключка сигнала и голоса колониста!

Макаренко восхищает ритмически-богатое, звучание барабана. Писатель с увлечением говорит о маршах, звучащих в колонии: «Их было несколько: походный, зоревой, знаменный, парадный, боевой — в каждом из них были своеобразные перерывы трелей, сухое, аккуратное стакато, приглушённое нежное рокотанье, неожиданно взрывные фразы и кокетливо-танцевальные шалости».

Мастерство писателя проявилось и в воссоздании мира вещей, окружающих героев книги. Макаренко через деталь умеет дать ощущение места и эпохи. Читатель запоминает, например, «каганцы — изобретение времени Кня, Щека и Хорива», керосиновую лампочку с отбитой верхней частью всегда закопчённого стекла — детали трудного быта периода гражданской войны. А одежда первых колонистов — изодранные «клифты» и

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 602.

² Там же, стр. 335–336.

«куфайки», изрядно ободренные ватные одеяла «эпохи последнего Романа»!

В изображении вещей в «Поэме» чаще всего проступает юмористическая интонация. Макаренко порой прибегает к гиперболе, заставляющей вспомнить Гоголя. Вот, например, губнаробраз начала 20-х годов, где было мало людей и много комнат: «...Истинными выразителями педагогического творчества здесь были не комнаты и не люди, а столики. Расшатанные и облезшие, то письменные, то туалетные, то ломберные, когда-то чёрные, когда-то красные, окружённые такими же стульями, эти столики изображали разнообразие секции, о чём свидетельствовали надписи, развешенные на стенках против каждого столика. Значительное большинство столиков всегда пустовало, потому что дополнительная величина — человек — оказывался в существо своём не столько заведующим секцией, сколько счетоводом в губраспреде»¹.

Вот шарабан, стоявший во дворе колонии, «...единственным недостатком которого была его невиданная вышина: он поднимался над землёй не меньше как на сажень, и сидящему в его корзине пассажиру всегда казалось, что влекущая шарабан лошадь помещается хотя и впереди, но где-то далеко внизу»².

Вот, наконец, квартиры куряжских педагогов, защищённые мощными приспособлениями: «Огромные крюки, толстые железные штанги, нарезные украинские «прогонычи», российские полупудовые замки целыми гроздьями висели на рамах и наличниках».

Автор часто прибегает к парадоксальным юмористическим сравнениям, что органически вытекает из писательской индивидуальности Макаренко. Приведём такой пример. Куряжанин Ховрах, пытавшийся силой, с финкой в руках, проникнуть в столовую, получил достойный отпор от стоявшего в дверях горьковца Миши Овчаренко. По этому поводу автор замечает: «В то время ещё не были разработаны положения об агрессоре, и я принуждён был задуматься. Подобные неясные случаи встречались и в истории и разрешались всегда с большим трудом.

Я вспомнил слова Наполеона после убийства принца

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 29.

² Там же, стр. 61.

Ангиенского: «Это могло быть преступлением, но это не было ошибкой»¹.

Юмористическую окраску имеют многие сравнения и эпитеты. Вот несколько примеров. Колонист шестого сводного отряда, принимающий гостей в зрительном зале театра колонии, обязан быть «вежливым, как дипломат, и внимательным, как зубной техник». Члены переселенческого сводного отряда, приехавшие в Куряж, «стройные, как лажги, и строгие, как следователи». Участники отряда Таранца на празднике колонии «внимательно проводят глазами по линиям карманов гостей и бесшумно спускают в Коломак несколько бутылок самогона, реквизированных с ловкостью фокусников и вежливостью хозяев». Голова Муся Карловича «была демонстративно перевязана, и говорил он таким голосом, будто даже это не *Мусий Карлович, а умирающий лебедь*».

Сочетание лирики и юмора — характерная черта «Педагогической поэмы». Юмор отражает бодрость, душевную теплоту Макаренко. По временам он словно прикрывает лирическое отношение к миру писателя, стесняющегося прямого выражения своего чувства.

У Белинского хорошо сказано: «Идея, вычитанная или услышанная и, пожалуй, понятая как должно, но не проведённая через собственную натуру, не получающая отпечатка вашей личности, есть мёртвый капитал не только для поэтической, но и всякой литературной деятельности»².

Высокие идеи, вдохновлявшие Макаренко, получили в «Педагогической поэме» неповторимый отпечаток личности писателя. Со страниц книги вырастает бесконечно обаятельный образ её автора. Мы воспринимаем его как редкую по своей нравственной красоте личность, как любимого и близкого человека. Сколько бы раз мы ни перечитывали «Педагогическую поэму», каждая встреча с автором книги радостно волнует и обогащает.

Можно с полным правом сказать, что образ вездущего колонией вошёл в число лучших положительных героев, созданных нашей литературой.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 462.

² В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. X, М., 1956, стр. 312.

3. ЛИЧНОСТЬ И КОЛЛЕКТИВ

«Коллектив—это не обыкновенный стандартный комплект... Это целое море граней и переливов личностей»¹, — сказано в одном из рукописных вариантов «Педагогической поэмы». Показывая множество людей, Макаренко должен был глубоко продумать принципы создания характеров героев «Педагогической поэмы». Писатель хорошо осознавал всю трудность своего замысла «...описывать целый коллектив и в то же время не растерять отдельных людей, не приглушить их яркости»². Читатели «Поэмы» знают, как великолепно справился Макаренко с этой сложной художественной задачей.

Очевидно, что даже в рамках такого большого по объёму произведения, как «Педагогическая поэма», было бы невозможно сколько-нибудь детально воспроизвести картину формирования характеров персонажей книги. Движение многих образов начертано лишь лёгкой линией или слегка намечено пунктиром. Но все действующие лица «Поэмы» живут на её страницах индивидуальной жизнью, имеют свой неповторимый внешний и внутренний облик.

Залогом успешности создания индивидуальных образов воспитанников Горьковской колонии явилось то, что каждое из действующих лиц было взято, как сила, слагающая образ коллективного героя книги.

Отбирая материал и воплощая его в художественных образах, Макаренко должен был всё время стоять на страже своего художественного замысла и не уходить в сторону, как бы это ни было иногда соблазнительно. С удивительной последовательностью, отбрасывая всё, может быть, само по себе интересное, но ненужное для основной темы, писатель подчинил свою работу над книгой основному — показу воспитания нового человека в коллективе и через коллектив.

Лишь с правильной точки зрения подойдя к вопросу об отношении личности и коллектива, автор «Поэмы» смог в каждом отдельном случае найти масштаб для определения взаимосвязи образов отдельных героев и

¹ ЦГАЛИ.

² А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 357.

коллектива в целом. Писатель рассматривает личность в диалектическом единстве с коллективом. Ярko и броско, точно прожектором, Макаренко освещает человека как раз в тот момент, когда он наиболее наглядно выражает себя в отношении к коллективу.

Формирование характеров молодых героев «Поэмы» выступает не как нечто стихийное, а как направленный волею воспитателя и логикой развития коллектива процесс. В этом смысле примечательно высказывание автора об одном из действующих лиц книги — куряжском «пацане» круглолицем Митьке Нисинове. Это «...добродушная чистая душа. Из таких душ при старом режиме делали сапожных мальчиков и трактирных молодцов. Я смотрю на него и думаю: «Митька, Митька, что мы из тебя сделаем? Как мы разрисуем твою жизнь на советском фоне?»¹.

Макаренко глубоко убеждён в необходимости и возможности изменения человека, уверен, что человек может и должен освободиться от всего, что его искажает, что мешает его внутреннему росту. На страницах книги мы видим, как в общей борьбе за лучшую жизнь изменяется человек, как преодолевается его эгоизм, как его личные интересы всё теснее связываются с коллективными. Писатель нашёл для этого процесса лаконичное и точное определение — «социализация личности».

Как же показан в книге этот глубокий и сложный процесс? Прежде чем ответить на вопрос, необходимо осмыслить внутреннюю группировку персонажей «Поэмы». Здесь нам на помощь приходит сам автор. В заключительной главе первой части «Поэмы» Макаренко производит своего рода смотр героев книги накануне большого события в их жизни — перехода во вторую колонию. Макаренко даёт оригинальную, глубоко продуманную классификацию членов горьковского коллектива.

Прежде всего писатель выделяет «ядро» коллектива, или «верхушку». Вслед за ведущим отрядом колонистов Макаренко называет группу, близкую к нему, — «резерв». Это старые «кадровые» колонисты, хорошие работники, не обладающие, однако, ярко выраженными организаторскими способностями, и подрастающая смена,

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 505.

уже показывающая зубы будущим организаторов. Такова большая часть колонистов.

Для характеристики меньшинства писатель пользуется терминологией самих воспитанников колонии. Это колонисты, ничем себя не проявившие в жизни коллектива, — «болото», далее — малыши, которых в колонии называли «пацанами», и, наконец, «шпана» — количественно небольшая, но причиняющая много забот воспитателям и товарищам группа наиболее отсталых колонистов.

В этой классификации бросается в глаза гибкость, подвижность её разделов. Каждая из названных групп не есть нечто постоянное, застывшее. Со временем она обновляется, изменяется в своём составе, включает в себя новых людей. Это относится в первую очередь к «ядру». По мере созревания коллектива сводится к минимуму «болото» и совсем исчезает «шпана».

Конечно, нет необходимости воспроизводить данную классификацию во всех её деталях, да и относится она только к определённому времени жизни колонии. Нетрудно видеть, что основой классификации является отношение личности к коллективу, что может быть названо словами писателя «социально-человеческой ценностью» личности.

С этой точки зрения колонисты — герои «Поэмы» — могут быть разделены на две основные количественно неравные группы. В первую — численно преобладающую — войдут те, кто является органической частью коллектива, во вторую — люди, так или иначе противостоящие себе коллективу. Разумеется, грань между этими двумя группами относительна. Ведь в жизни тех, кто должен быть отнесён к первой группе, бывают отдельные, иногда очень бурные столкновения с коллективом.

В то же время некоторые из персонажей «Поэмы» второй группы со временем становятся преданными членами большой горьковской семьи. Мы говорим здесь только об общем направлении в развитии характеров героев «Педагогической поэмы».

В состав первой группы действующих лиц «Поэмы» входят многие любимые читателями герои «Поэмы». Это Задоров, Карабанов, Братченко, Волков, Денис Кудлатый, Лапоть и другие.

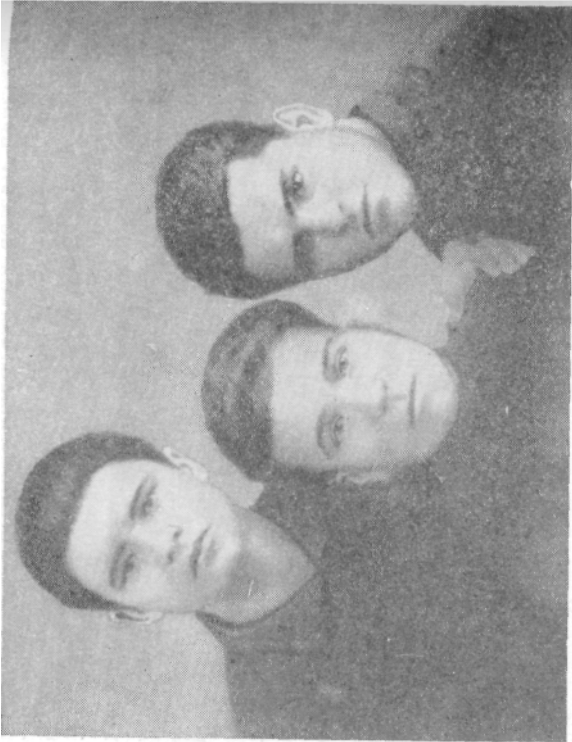
Большой мастер коллективного портрета, Макаренко создал в «Педагогической поэме» превосходные портреты героев книги. Острога обрисовки внешнего облика героя сочетается в них с глубиной психологической характеристики. Редкое умение Макаренко в немногих словах дать точно «ментальный фотографический снимок с характера» было по достоинству оценено Горьким. Портретные характеристики названных персонажей книги принадлежат к числу наилучших.

Один из самых любимых читателями образ «Поэмы» — Александр Задоров. Его характер развёртывается в движении, в преодолении препятствий. Очутившись в колонии, Задоров демонстративно говорит: «Ничего тут моего нет». Мысль о работе вызывает у него ироническое отношение. На предложение заведующего колонией расчистить заваленные сугробами снега дорожки Задоров издевательски отвечает: «Дорожки расчистить можно, но пусть зима кончится, а то мы расчистим, а снег опять нападёт».

Гнев Макаренко, обрушившийся на Задорова в предельно резкой форме, становится решающим толчком во внутренней перестройке юноши. Этот процесс ускоряется воспитательной силой коллектива. Вместе с другими колонистами Задоров с увлечением охраняет лес, работает, на пашне и в кузнице. Трудолюбием, выдержкой, серьёзным характером завоевывает Задоров авторитет у товарищей и воспитателей.

Задорова увлекают новые перспективы. В числе первых без особых усилий он подходит к «рабфаковскому рубежу», принимает деятельное участие в борьбе за комсомол. А когда юноша оставляет колонию, его назначают на почётную и ответственную должность командира отряда рабфаковцев. Вместе со своим отрядом Задоров участвует в куряжской эпопее. В день «Первого снега» мы видим Александра Задорова среди косарей, которым предоставлено почётное право открыть этот большой колониистский праздник.

От демонстративного пренебрежения работой к созданию великого счастья трудиться для блага Родины, от обнажённого эгоизма к преданности коллективу — таков путь, пройденный Александром Задоровым, и это путь многих героев «Педагогической поэмы».

С. А. Калабалин (Карабанов в «Педагогической поэме») среди товарищей по колонии имени М. Горького (первый справа). Начало 1920-х годов.

Своеобразным «лейтмотивом» портретной характеристики Задорова является открытая, пленительная улыбка. Она со всей непосредственностью выражает его неиссякаемую бодрость, душевную чистоту, доброжелательное отношение к людям.

Наряду с Задоровым к «ядру» колонистов принадлежит Семён Карабанов. Образ Карабанова — самый развёрнутый из образов молодых героев «Педагогической поэмы». Он также показан в борьбе, в процессе внутреннего роста. Карабанов появляется в колонии после ликвидации шаек «атаманов» и «батьков», орудовавших на Украине во время гражданской войны. Семён выделяется из толпы новеньких своим более высоким интеллектуальным уровнем, интересом к учению, любовью к книге. Его увлекает романтика произведений молодого Горького, он восторженно слушает его рассказы, восхищается сценой гибели баржи в повести «Фома Гордеев», мастерством описания смерти Ильи в повести «Трое».

С. А. Калабалин с женой Галиной Константиновной и детьми.

Неисчерпаемая энергия, «выдержанная в стенах волевого сила» Карабанова проясляется в жизни коллектива бурно и решительно. Карабанов с энтузиазмом принимает участие в походе против самогонарения на селе. Он с увлечением «захватывает в плен» сеялку у крестьян, незаконно собирающихся сеять на полях колонии, и принимает на себя руководство операцией по обмену жатки, совершенно необходимой хозяйству колонии.

Семён, казалось бы, прочно врос в коллектив, и уже не может быть в этом характере никаких срывов. Но автор «Поэмы» ставит своего героя перед лицом новых серьёзных испытаний. Карабанов не может отказаться от ложной романтики бесшабашной «вольной волюшки». На него влияет дурной пример товарища по колонии, главного вдохновителя воровских «подвигов» колонистов Митягина. Семёна привлекают набеги на деревенские погреба и баштаны. Он участвует в поджоге крестьянского куреня. Уличённый Карабанов обещает Макаренку: «Больше этого не будет», но обещания своего не выполняет. А когда Митягина с позором выгоняют из колонии, Семён уходит вместе с дружкой «шуткать своего счастья».

Описание ухода из колонии Карабанова и Митягина является примером умения писателя раскрыть характер человека через пластику его жеста и движения. В сознании Семёна борются чувства — привязанность к колонии и понимание того, что с удалением Митягина «воли» уже не будет, и Карабанов делает выбор, о котором так рассказано в «Поэме»:

«Вдруг он весь напряжился и гибким, змеиным движением наклонился над моим столом, приблизив свои полыхающие глаза прямо к моим очкам: — Знаете что, Антон Семёнович? Знаете, что я вам скажу? Пойду и я вместе с Митягой». Далее развёртывается полный драматизма диалог между Карабановым и Макаренко, завершающийся молчаливой, но внутренне напряжённой сценой: «Он [Карабанов] судорожно протянул ко мне руку и крепко до боли сжал мои пальцы, что-то хотел сказать, потом вдруг бросился к дверям и исчез в ночном их просвете. Митягин не протянул руки и не сказал прощального слова. Он размашисто запахнул полы клифта и неслышными воровскими шагами побрёл за Карабановым»¹.

Здесь, точно в капле воды, отразились два характера, два различных отношения к Горьковской колонии.

Смелый эпитет «полыхающие глаза» вовсе не случаен в портрете Карабанова. Макаренко любит сосредоточить внимание читателя на глазах своих героев. Чёрные, «огромные, как у коня», глаза, то полные восторга, то искрящиеся недоверием, то сияющие непосредственной «телячьей» радостью, — важная деталь портрета Карабанова, хорошо выражающая огненный темперамент Семёна. Ведь Карабанов, по характеристике автора, никогда не был уравновешенным, спокойным, он «всегда был взволнован и приподнят, вечно бурлил».

Уход из колонии стал переломным моментом в формировании Карабанова. Лишь потеряв колонию, он до конца осознал, что не может жить без коллектива. Постранствовав, Карабанов возвращается в родную колонию, с горячностью. Не в силах сдерживать волнения, он горячо и страстно говорит Макаренко: «Не могу, понимаете, не могу! Первые дни, так-сяк, а потом — ну, не могу, вот и всё!..»

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 177.

Макаренко в совершенстве владеет искусством речевой характеристики своих героев. В ритме речи, в повторяющихся «не могу» превосходно передана взволнованная интонация голоса Карабанова, страстность его нагугры.

Хотя заведующий колонией сразу же «весело и просто» соглашается оставить Карабанова в колонии, Семён глубоко переживает всё случившееся и особенно близко принимает к сердцу, что теперь ему могут больше не доверять.

Автор ставит перед Карабановым новые препятствия, словно давая читателю возможность увидеть, как обстоятельства изменяют человека. С Карабановым связан один из лучших эпизодов «Педагогической поэмы». Макаренко просит Карабанова получить в финотделе значительную сумму денег для колонии. Такое доверие значает Карабанова. С возросшим чувством уважения к самому себе, с сознанием выполненного долга, успокоенный, выросший духовно на целую голову, уходит Карабанов из кабинета заведующего колонией.

Выдержавший столь своеобразный экзамен, Карабанов целиком отдаёт себя коллективу. Семён — на самых трудных участках жизни колонии, везде, где требуется его энтузиазм, организаторский талант, воля. Наиболее полно проявляется характер Карабанова в труде. Именно труд даёт Карабанову самое глубокое душевное удовлетворение и радость, рождает ощущение бодрости, вызывает вдохновляющее чувство единства с коллективом.

«...Во время работы, — пишет Макаренко, — [Семён] умел размахнуться широко и со страстью, умел в работе находить радость и других заражать ею. У него из-под рук буквально рассыпались искры энергии и вдохновения. На ленивых и вялых он только изредка рычал, и этого было достаточно, чтобы устыдить самого отъявленно-го лодыря»¹.

Карабанов — ближайший помощник агронома Шере, командир героического восьмого отряда. Его энергия, жизнерадостность, умение заразить других своим энтузиазмом неисчерпаемы. По образной характеристике автора, Карабанов умел выпаливать участниками своего

¹ А. С. Макаренко, Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 179.

отряда, колонистами-богатырями Корыто и Федоренко, как из рогатки, по любому рабочему заданию.

Когда руководителем колонии была поставлена перед лучшими колонистами задача подготовиться к поступлению на рабфак, чтобы получить потом высшее образование, Карабанов с той же страстью отдаёт себя учению. Поступив на рабфак, Семён не порывает с колонией, ставшей для него родной семьёй. Своим примером он воодушевляет горьковцев в дни больших трудовых авралов и, наконец, Карабанов с энтузиазмом участвует в героическом куряжском походе.

Писатель ведёт своего героя к новым высотам. Легко и просто и без всякой мысли о подвиге Карабанов совершает подвиг. Он бросается в пылающую жарким огнём деревянную хату и на глазах у подавленной несчастьем, растерянной толпы спасает от гибели беспомощного старика крестьянина. В труде, в борьбе за лучшую жизнь, в преодолении препятствий растут и закаляются незаурядные душевные силы Карабанова. В самобытном и ярком характере Карабанова автор «Поэмы» показал всё внутреннее богатство и привлекательность человека, воспитанного горьковским коллективом.

С чудесным юмором нарисован в книге образ беспредельно преданного коллективу Антона Братченко. Антону поручена скромная, но очень нужная работа в конюшне. Страстно любивший дело конюха, Братченко заражает своим отношением к работе младших товарищей. По этому поводу автор замечает: «Антон всегда окружал штаб из двух-трёх хлопцев, которые были влюблены в Антона в такой же мере, в какой он был влюблён в лошадей».

Как и в других случаях, писатель показывает своего героя тогда, когда с наибольшей силой проявляется его отношение к коллективу. Макаренко создаёт главу «Поэмы», названную «Братченко и райпродкоммиссар». В колонии нет корма для лошадей, и это грозит хозяйству катастрофой. Изобретательный Братченко находит выход из безвыходного, на первый взгляд, положения. В колонии появляются возы с сеном, которые крестьяне сдают под расписку якобы в счёт продналога. Лошади накормлены, обеспечен будущий себ.

Серьёзное осложнение в ситуацию вносит приезд райпродкоммиссара, рассерженного неправильным взиманием

продналога. Неожиданное вмешательство Братченко помогает разрешить конфликт. Райпродкоммиссар был побеждён находчивостью Братченко и его преданностью колонии. «Где вы такого хорошего парня достали?» — спрашивает райпродкоммиссар. «Сами делаем», — отвечает Макаренко. В этом шутовском по форме диалоге заключён глубокий смысл.

Фиксируя внимание читателей на положительном, хорошем в человеке, автор «Поэмы» вовсе не стремится приукрасить своих героев. Он ничего не упрощает и не вульгаризирует. С большой правдивостью передаёт Макаренко всю сложность формирования характеров, все трудности, стоящие на пути человека к новой жизни.

Типичен для писательского «угла зрения» портрет Маруси Левченко: «Маруся обладала счастливой памятью, была умница и собой исключительно хороша: на смуглом лице глубокий румянец, большие чёрные глаза всегда играли огнями и молниями, а над ними с победою дающей неожиданностью — спокойный, чистый, умный лоб. Но Маруся была уверена, что она безобразна, что она похожа «на арапку», что она ничего не понимает и никогда не поймёт».

Создавая портрет своего героя, Макаренко как бы взвешивает его творческие возможности. Писатель стремится запечатлеть какую-то важную, подлинно человеческую черту его облика, даже если она глубоко скрыта за разными случайными и неслучайными наслоениями. И эта черта — в данном случае «спокойный, чистый, умный лоб» — как бы служит залогом будущего внутреннего роста человека. Под влиянием воспитателей и товарищей Маруся сумела преодолеть неверие в собственные силы и глубоко загаённую обиду на людей.

Если в облике Маруси, Братченко, Задорова и Карабанова бросается в глаза особая юношеская грация, то их сверстник Бурун тяжеловесен, неповоротлив и тяжкодум. Однако в истории Буруна есть нечто общее с «переводкой» Задорова и Карабанова. Это — стремительность изменения человека, образно названная писателем взрывом.

В прошлом — участник воровской банды, все взрослые члены которой были расстреляны, Бурун оказывается

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 255.

ся и главным виновником ограбления старушки экономки. Возмущённый до предела поступком Буруна, Макаренко приводит грабителя на первый в истории колонии «суд природный». Общее негодование и осуждение потрясают Буруна. Он даёт слово заведующему колонией и товарищам больше никогда не красть, и он держит своё слово. Со временем Бурун становится одним из лучших организаторов сельскохозяйственных работ в колонии. Он с молчаливым упорством борется за науку, а в эпиллоге книги мы узнаём, что Бурун окончил медицинский институт и стал врачом.

«Взрыв» перестраивает трудный характер Буруна. «Взрывом я называю, — пишет Макаренко, — доведение конфликта до последнего предела, до такого состояния, когда уже нет возможности ни для какой эволюции, ни для какой тяжбы между личностью и обществом, когда ребром поставлен вопрос — или быть членом общества, или уйти из него...

Я всегда выбирал из общей цели конфликтных отношений самое яркое, выпирающее и убедительное, для всех понятное. Разваливая его вдребезги, разрушая самое его основание, коллективный протест делается такой мощной, такой всё сметающей лавиной¹, что остается в стороне от неё не может ни один человек»¹.

Любой «взрыв» всегда процесс двусторонний. Он не только изменяет желания, стремления и мысли одного человека, но переворачивает какие-то глубокие пласты в сознании всего коллектива. Но «взрыв» вовсе не универсальное воспитательное средство. Во многих случаях воздействие коллектива на личность протекает без видимых острых конфликтов, длительно, планомерно и спокойно. Автор «Поэмы» показывает различные пути воспитания человека. Ведь педагогика для Макаренко «самая диалектическая, подвижная, самая сложная и разнообразная наука».

«Возрождение» колониста Жорки Волкова произошло, по словам автора, «без всякой торжественности и без педагогических усилий», удивительно просто. Совет командиров назначает двух лентяев Волкова и Галатенко на непростую, требующую только элементарно добросовестного отношения, работу — копку погребов. Так

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 508–509.

как Галатенко «ещё хуже» своего партнёра, Жорку делают командиром маленького отряда.

Это впервые рождает у Волкова чувство ответственности, и он добросовестно трудится, показывая пример ленивому товарищу. А тут ещё в ежедневном вечернем рапорте была отмечена хорошая работа сводного отряда под командой Волкова. Реплика Карбанова: «Ого! Цэ не всякому командиру такая честь», довершает перестройку недавнего лодыря. «...С тех пор у Жорки как рукой сняло, пошёл человек на всех парах к совершенству, и через два месяца совет командиров перебрал его во вторую колонию со специальной целью подтянуть ленивый седьмой отряд»¹. «Возрождение» Волкова свидетельствует о действенной силе доверия к человеку, о воспитательной роли ответственности, о значении требования руководителя, поддерживающего коллективом.

Волков отдаёт колонии свой активный, боевой темперамент общественика, способности организатора, умение доводить до конца всякое дело. Эти качества наглядно проявляются в решающие дни переезда в Куряж, когда Волков становится участником передового комсомольского отряда. Его возмущают лень, пассивность, темнота куряжан, и он берёт на себя трудную задачу организации новичков. Жорка мужественно борется с хулиганами, подосланными кулаками, чтобы избить комсомольского вожака.

Всего нагляднее обнаруживается темперамент Волкова в речи, которую он произносит на первом объединённом собрании горьковцев и куряжан. Обращаясь к новым воспитанникам колонии, Жорка горячо и убедительно говорит:

«Какое вы имеете право расти дармоедами, и занудами, и сывками? Не имеете права. Не имеете права, и всё! И грязь у вас в то же время. Какой же человек имеет право жить в такой грязи? Мы свиной каждую неделю с мылом моем, надо вам посмотреть. Вы думаете, какая-нибудь свинья не хочет мыться или говорит: «Пошли вы вон от меня с вашим мылом»? Ничего подобного: кланяется и говорит: «Спасибо». А у вас мыла нет два месяца...

Жорка продолжал:

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 230.

— В советской стране хозяин есть пролетарий и рабочий. А вы тут сидели на казённых харчах, гадили под себя, а политической сознательности у вас, как у пегуха»¹.

Это полный грубоватого юмора и неожиданных образных сравнений разговор на близком и понятном куряканам языке. Волков страстный агитатор, умеющий убеждать, умеющий воздействовать на ещё тёмное сознание коренных обитателей Куряжа.

В образе Жорки Волкова писатель изобразил внутреннюю гармоническую связь между человеком и коллективом. Здесь, как и во многих других случаях, писатель показал то своё, что каждый из горьковцев вносит в жизнь колонии.

Где-то рядом с Волковым должен стоять образ неистового на едкий юмор, на слово и на миимику Лаптя. Уже само имя этого героя «Поэмы» выразительно, как и применен чателен его портрет, нарисованный писателем. Лапоть подчёркнуто некрасив. Он «рыжий, веснушчатый, с вогнутым носом», у него «продувная физиономия», «лысые припухлые веки». Лапоть вызывает симпатию своей энергией, редкой жизнерадостностью. Он входит в жизнь коллектива как обществу, как хороший, умный организатор.

Во время перехода горьковцев во вторую колонию Лапоть принадлежит к числу «резерва», но уже к моменту отъезда первых колонистов на рабфак Лапоть — виднейший представитель «ядра», секретарь совета командиров, руководитель самоуправления колонии.

Лапоть умеет сплотить колонистов, направить их энергию на полезное, нужное дело. Макаренко показывает Лаптя на занятиях кружка художников в «ателье Буцаёв», в числе главных деятелей сцены, на мельнице, на проходах рабфактовцев, во время трудовых авралов, на общих собраниях и заседаниях совета командиров, во время переезда в Куряж, когда в отсутствие Макаренко «колонию фактически правил Лапоть».

И в работе и в шутках Лапоть неутомим. Он заражает своей бодростью участников молотбы, уставших к концу длинного трудового дня, и пробуждает желание работать даже у самых закоренелых лентяев. Писатель привлекает наше внимание и к оригинальному

педагогическому таланту Лаптя, отдающего свои силы воспитанию наиболее отсталых колонистов.

«Он замечательный коллекционер, — пишет Макаренко, — возле него всегда вертятся, в него влюблены, ему верят и поклоняются дураки, чудаки, одержимые, психические и из-за угла мешком прибитые. Лапоть умеет сортировать их, раскладывать по коробочкам, лелеять и перемывать на ладони. В его руках они играют тончайшими оттенками красоты и кажутся интереснейшими экземплярами человеческой породы...»

Я доволен, что вся эта компания тянется к Лаптю. Благодаря этому мне легче выделить её из общего строя горьковцев. Неутомимые сентенции Лаптя поливают эту группу как будто дезинфекцией, и от этого у меня усиливается впечатление дельного порядка и собранности колонии»¹.

«Педагогика» Лаптя проявляется не только в остроумном высмеивании отсталых колонистов. Он умеет проявить внимание к товарищу, поговорить с ним по душам, увидеть в своём собеседнике нечто хорошее, чего не видят другие. Таков, например, Лапоть по отношению к Галагенко, к прогульщику Криворучко, которого Лапоть умело перевоспитывает.

Наступает время обеда. Вместе с другими прогульщик приходит к столу. Здесь начинается, по выражению Макаренко, «сложная мистерия», в которой принимают участие все колонисты. Прогульщику приносят тарелку самого жирного борща и вместо обыкновенной столовой ложки огромный дуршляк или кухонный уполовник. Столовая покатывается со смеху. Прогульщик смущён. Это смущение усугубляется иронией Лаптя, облечённой в форму самой растроганной жалости и сострадания. Прогульщик не может есть, он ревет на всю столовую и вылезает из-за стола, оставляя нетронутым свой борщ. Лапоть нежно обнимает провинившегося товарища и под общий хохот уводит Криворучко из столовой. Но это ещё не всё, и последний акт колонистской «мистерии» происходит за пределами столовой, а он-то и является кульминацией:

«Лапоть привёл гостя на кухню, усадил за широкий

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 484–485, 488.

кухонный стол и приказал повару подать и накормить «этого человека» как можно лучше, потому что «его, понимаешь, обижают». И когда ещё вхлипывающий Криворучко доел борщ и у него находится достаточное количество души, чтобы заняться носом и слезами, Лапоть наносит последний тихонький удар, от которого даже Иуда Искариотский обрattился бы в голубя:

— Чего это они на тебя? Наверное, на работу не вышел? Да?

Криворучко кивает, икает, вздыхает и вообще больше сигнализирует, чем говорит.

— Вот чудак!.. Ну, что ты скажешь!.. Да ведь ты последний раз? Последний раз, правда? Так чего ж тут вьедаться? Мало ли что бывает? Я, как пришёл в колонию, так семь дней на работу не ходил... А ты только два дня. А дай, я посмотрю твои мускулы... Ого! Конечно, с такими мускулами надо работать... Правда ж?

Криворучко снова кивает и принимается за кашу. Лапоть уходит в столовую, оставляя Криворучко неожиданный комплимент:

— Я сразу увидел, что ты свой парень... Достаточно было одной-двух подобных мистерий, чтобы уход из рабочего отряда сделался делом невозможным¹.

«Педагогика» Лаптя воспринимается, как своеобразное отражение педагогических методов Макаренко. Заметим, кстати, что это далеко не единственный случай такой «переклички». В сущности, все кадры колониестроительной общности в какой-то степени «переняли» педагогику Макаренко, все они принимали участие в воспитании своих товарищей. Так, характеризую одного из представителей «ядра» — комсомольца Горьковского, Макаренко замечает: «...Его представление об отдельных людях немедленно им синтезировалось в коллективные образы, в знание групп, линий, различий и типических явлений²». Черта, характеризующая и самого Макаренко.

Но возвратимся к Лаптю. Это природный юморист. Он точно излучает из себя веселое, меткое, смешное слово. Его дарование комика проявляется в жизни и на колониестроительной сцене. Лапоть умеет делать веселыми, деловыми, бойкими собрания колониестроителей, он «неутомимо не разгибает

¹ А.: С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 563.

² Там же, стр. 435.

ни спины, ни языка» на молотбе. Искрящаяся выдумка помогает ему облечь в своеобразную театрализованную форму многие эпизоды жизни колонии. Здесь бесподобный «кабинет водолечения», разговор с куряжанином Стегнием, приём в колонию «черниговки» Гали Подгорной.

Речь Лаптя меткая, образная, остроумная. Однако это не простое балагурство. Разговаривая с колонистами, выходя на собраниях, Лапоть всегда проявляет свой характер коллективиста, и его слово выполняет немаловажную общественную функцию. Он борется с проявлениями темноты у крестьян, поднимает дисциплину в колонии, вдохновляет колониестроителей на труд и борьбу.

Своеобразная экзотика и острота такой речи соблазнила многих, писавших тогда о беспризорных. Макаренко отозвался от натуралистического фотографирования языка прототипов своих героев. С большим художественным тактом он разрешил задачу языковой характеристики персонажей книги, отбирая лишь слова, наиболее рельефно раскрывающие их характеры. Такова и речь Лаптя.

Макаренко знает цену каждому, даже самому маленькому шагу человека в будущее. Он видит не только, каков есть человек, но каким он может и должен быть.

Образ Лаптя меняется на наших глазах. Мастер едкого юмора, владеющий разжимом иронии, Лапоть «внимателен, ласков и заботлив» по отношению к «новенькой» колониестроительнице Наташе Петренко, требующей к себе особо бережного отношения. На лице Лаптя сияет «непривычная простая и искренняя радость» при встрече с Макаренко в день «генерального штурма» Куряжа. На собрании горьковцев и куряжан, во время дружного пения «Интернационала» колониестроители, по словам автора, «невольное подражали живой, горячей мимике, в которой Лапоть умел отразить все человеческие идеи».

Портрет Лаптя очень характерен для художественного зрелища автора «Педагогической поэмы». Макаренко стремится раскрыть нравственную красоту человека даже тогда, когда перед нами лицо, внешне мало привлекательное.

В облике героев «Поэмы» при всём индивидуальном своеобразии есть нечто общее. Каждый из них как бы

находит себя в горьковском коллективе, осознаёт здесь своё настоящее призвание. Более того, свойства человека, искажённые пережитками эксплуататорского общества, в условиях полноценного коллектива становятся качественно иными.

Так, например, «ленивая ирония и безмятежная уверенность в себе Волохова в примитивной форме присутствуют у каждого хорошего хулигана, но, отстранённые коллективом, они сообщают личности благородный сдержанный блеск и глубокую игру спокойной, непобедимой силы». «Мастерство» бывшего карманника Таранца обращено теперь не на воровство, а на полезное, нужное колонии дело — борьбу с пьянством. Во время свадьбы Оли Вороновой Таранец артистически вынимает из кармана мельника бутылку с самогонем и наливает в неё обыкновенную воду из речки, а потом очень смешно «разыгрывает» оторопевшего самогонщика.

Характерна и судьба Дениса Кудлатого. «Если бы не колония, был бы Кудлатый кулаком», — замечает писатель. Денис получил кличку «куркуля» (кулака). Слишком уж бросался в глаза его «желудочный, глубоко хозяйственный инстинкт» накопителя. В Горьковской колонии Кудлатый стал главным деятелем сложного коллективного хозяйства, влюблённым в свою трудную работу.

Давая портретную характеристику Кудлатого, писатель подчёркивает его жестковатость, скудность хозяйственника, хорошо знающего цену каждой вещи. Но вот Кудлатый, по своей обязанности помощника завхоза колонии, занимается очередным делом — выдаёт колонистам обувь на осень: «Он [Денис] любовно вынимал из коробки новые ботинки, пропуская по отрядам колонистов по своему списку». Эта художественная деталь с неожиданной стороны освещает образ Кудлатого, — мы угадываем здесь не только бережное отношение к новой вещи, но и искреннюю радость, что товарищи получат хорошую обувь.

Конечно, это только немногие примеры того, какживает человек в хорошем коллективе. «Поэма» даёт множество вариантов личных судеб, изменённых обществом. В одной из работ Карла Маркса есть слова, помогающие уяснить смысл этих превращений: «...возвращение человека к себе как к *общественному*», Т. е. человеческому, человеку»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 588.

В «Педагогической поэме» с величайшей художественной убедительностью раскрыт смысл этого грандиозного процесса.

Особое место среди образов колонистов занимают «пацаны». Писатель с большой теплотой рисует их детскую непосредственность, душевную чистоту, беспредельную преданность коллективу. Это общий любимец колонистов краснощёкий Васяка Алексеев, востроносый Шурка Жевелий. Синенький с его чудесной улыбкой, «совсем маленький ясный пацан, существо безгрешное» — Ваня Шелапутин, милый видный Тоська Соловьёв, которого в колонии чаще называли Антоном Семёновичем, так как он был двойным тёзкой Макаренко.

Как и старшим колонистам, «пацанам» присуще хозяйское отношение к своей работе, к колонии. На праздничном обеде «пацаны» Тоська и Шурка разговаривают с соседом по столу — крестьянином, впервые попавшим в колонию и всему удивлявшемуся: «Хлопцы, а это правда, что вы тут хозяева?» — спрашивает крестьянин. — «Ну, а кто ж?» — отвечает Шурка. «А для чего же вам хозяйство?» Тоська Соловьёв поворачивается к нему всем телом: «А разве вы не знаете, для чего? То мы баграками были бы, а то нет». — «А чем ты теперь будешь, к примеру?» — «Ого! — говорит Тоська. — ...Я буду инженером, так и Антон Семёнович говорит, а Шелапутин будет лёгчиком». Это чувство хозяина, уверенного в своём будущем, с такой непосредственностью и прямой выраженной здесь, — характерная черта советского молодого человека, запечатлённая в «Поэме».

В толпе куражан, покрытых коростой грязи, живущих примитивными, животными интересами, подавленных насилием и отвратительной руганью старших, писатель с радостью отмечает ребят, которым «каким-то чудом удалось пронести через жизненные невзгоды блестящие глаза, прелестную мальчишескую агрессивность и свежие аналитические таланты, позволявшие им к каждому явлению относиться с боевой привязчивостью». Писатель подсмотрел на лицах замухрышек куражан «милую, полную искренности и смущения улыбку, которая бывает только у беспризорных».

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 338.

Слева воспитанники колонии имени М. Горького Володя Козырь (Зорень в «Педагогической поэме») и Ваня Зайченко; справа лейтенант Владимир Козырь с семьёй.

Читатель запоминает «пацанов»—куржан — весёлого, подвижного Ваню Зайченко, рыжего, веснушчатого Тимку Одарюка, Илью Фонаренко с его «настоящими карими глазами на тугих основательных мускулах». Заведующий колонией разглядел в этих, ещё не испорченных детях своих будущих союзников. И действительно, Ваня и его товарищи оживают под впечатлением красоты и стройности, которые принесли с собой в Куряж горьковцы.

Как подлинно большой художник, Макаренко фиксирует и те цветовые отношения, которые дают ощущение почти физической реальности бытия человека в окружающей его среде. Так, в портрете Вани Зайченко обращает на себя внимание одна на первый взгляд малозначительная деталь. Голодный, запущенный, не мывшийся много дней мальчик лежит в обокраденной старшими спалне на голом матраце, положив руку под голову. Автор замечает: «Его бледная, худая ручонка на фоне грязной подушки казалась чистой». Здесь, как и всюду, задачу внешней изобразительности Макаренко подчиняет внутреннему раскрытию образа. Отмеченная деталь портрета Вани Зайченко связывается в нашем представлении со всем душевным обликом мальчика, по существу глубоко чистым.

Процесс социалистического воспитания личности, избражённый в «Поэме», тесно связан с созреванием коллектива. По мере того как растёт, совершенствуется коллектив, ускоряется рост нового человека.

Вспомним, как мучительно и долго происходила «перевалка» в первые годы существования колонии и как молниеносно быстро произошло «преображение» куряжан. Может быть, самыми разительными примерами воздействия коллектива на личность является изменение характернейших представителей прежнего Куряжа — Короткова и Перца.

«Завоевание Куряжа» изменило не только куряжан, но оказало решающее влияние на формирование многих горьковцев. В третьей части «Поэмы» есть примечательный в этом смысле эпизод. Вместе с «кадровыми» горьковцами в «куряжский поход» отправилась группа новичков, и среди них Марк Шейнгауз — юноша с глазами редкой одухотворённости и красоты. В задушевной беседе с заведующим колонией Марк рассказал о своём заветном желании воспитать у себя «большевистский характер».

Перед отъездом в Куряж Марк Шейнгауз откровенно сознаётся Макаренко, что он не может участвовать в общей радости горьковцев, так как боится за дальнейшую судьбу колонии. «Зато они идут на борьбу, — ответил заведующий колонией. — Это, Марк, большое счастье, когда можно идти на борьбу за лучшую жизнь». ...Над самым моим ухом Синенький оглушительно заиграл сигнал общего сбора, — рассказывает автор. — «Сигнал атаки», — сообразил я и вместе со всеми поспешил к вагону. Взяраясь в вагон, я видел, как свободно, выбирая голье пятки, подбежал к своему вагону Марк, и подумал: сегодня этот юноша узнает, что такое победа или поражение. Тогда он станет большевиком»¹.

Этот эпизод напоминает о магистральном пути формирования характера, на который направляет своих воспитанников Макаренко. В одном из позднейших выступлений автор «Поэмы» сказал: «Такой человек, который живёт интересами коллектива... это и есть настоящий большевистский характер». Да, комсомолец Марк Шейнгауз воспитал у себя «большевистский характер». После «завоевания Куряжа» он вместе со своими товарищами горьковцами поднялся на новую ступень, узнал радость борьбы и победы.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 514.

«Они увидели перед собой самую радостную перспективу: ценность человеческой личности», — говорит писатель, подводя важнейший итог нравственного формирования своих юных героев. Нелёгко путь от эгоизма и существования, ограниченного удовлетворением первичных животных потребностей, к полноте человеческой жизни. Только оценив, как поистине огромно расстояние между этими двумя точками, можно понять всю удивительную стремительность внутреннего роста горьковцев.

В торжественный день выпуска воспитанников колонии те, кто прошёл с ней трудный и радостный путь, дружески разговаривают по душам. Это Карabanов и Вершнев. Семён Карabanов тяжело переживает предстоящую разлуку с коллективом, ставшим для него родной семьёй. Он как бы думает об этом вслух и делится своими невесёлыми мыслями с товарищами. Ему отвечает Вершнев:

«...Люди должны быть хорошие... Если, понимаешь, сволочь, так и в социализме будет мешать... Горький правду написал, я раньше не понимал, то есть и понимал, а знания не придавал: человек. Это тебе не всякая сволочь. И правильно: есть люди, а есть и человеки»¹.

Для того чтобы вот так, всем своим существом ощутить значение слова «человек», надо самому быть настоящим человеком, надо уважать и любить людей. Колония воспитала у Вершнева и его товарищей чувства дружбы, любви, внимания к человеку. Расцвело всё человечески ценное. Возникла полнота, горячность и глубина лучших чувств. Благую ироническую позу вытеснила хорошая простота. Появилось на свет новое сознание, родилось человеческое достоинство.

«Я крепко верю, что для мальчика в шестнадцать лет нашей советской жизни самой дорогой квалификацией является квалификация борца и человека». Эти слова автора «Поэмы» перекликаются с тем, что говорит колонист Николай Вершнев. Для Макаренко человек должен быть борцом, а борец — человеком. Гуманизм «Педагогической поэмы» не абстрактен: его пафос — борьба за освобождение человечества.

Перейдём теперь к героям «Поэмы», противопоставляющим себя коллективу. Как мучителен и сложен процесс их перевоспитания! Далеко не всегда — особенно на

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 343–344.

первом этапе истории колонии — он приводит к полнотным результатам. Представителей этой второй группы молодых героев «Поэмы» лучше всего назвать словами Макаренко — «грудные люди». Как раз так и названа одна из глав книги.

Старое глубоко въедается в сознание человека. Бывшие участники воровских шаек, натуры анархически-примитивные, очутившись в колонии, хотя и живут прежней жизнью. Рано или поздно их привычки вступают в конфликт с желаниями лучшей части колонистов, с коллективом в целом.

Колония хорошо влияет на неугомонного «рыцаря финки» Чобота, причает его к труду, заставляет освоить грамоту. В числе первых он вступает в комсомол, и, вероятно, Чобот мог бы со временем стать неплохим членом советского общества. Однако у Чобота, крестьянина по происхождению, где-то в глубине души таится мечта о собственном хозяйстве, о своём доме, о собственном клочке земли.

Неожиданно эта мечта обретает реальную почву. Чобот «угрюмо и страстно» влюбляется в Наташу Петренко, работавшую у сельского кулака и недавно принятую в колонию. Он хочет вместе с любимой девушкой уйти из колонии, стать единоличником и осесть на землю. Но Наташу захватывают перспективы коллективной жизни, возможность учиться, новые широкие интересы. Узнав, что Наташа не поедет с ним в деревню, Чобот кончает жизнь самоубийством.

Гибель Чобота — своего рода урок для колонистов, и они сурово осуждают этот бесславный конец. «Граком [кулаком] жил, граком и помер, от жадности помер», — говорит Лапоть. «Чобот — не человек, а раб», — вторит Белухин. Самоубийство Чобота вырастает в глазах читателя «Поэмы» в символ гибели раба своей страсти, собственного одиночества.

Совсем не похож внешне на угрюмого, замкнутого Чобота бодрый, ладный, удачливый парень Дмитрий Опришко. Но его мечты близки мечтам Чобота и также глубоко чужды товарищам по колонии. Они определённы и несложны: «...Завести своё хозяйство на земле, оборудовать хорошую хатой, конём и женой, летом работать «от зари до зари», к осени всё по-хозяйски собрать и сло-

жить, а зимой спокойно есть вареники и борщи, ватрушки и сало, отгуливая два раза в месяц на собственных и соседских родинах, свадьбах, именинах и заручинах, — прекрасное будущее для человека»¹.

Собственнические стремления Опришко находят отклик в кулацко-мещанском окружении колонии. Под влиянием «куркулей» Опришко окончательно разлагается. Изгнанный из колонии за пренебрежение интересами коллектива, он женится на дочке местного богатея Лукашенко и с головой погружается в столь близкое его сердцу «селянское море».

Опришко и Чобот — примитивные натуры. Более сложна натура Митягин. Это умный, общительный, не лишённый обаяния юноша. В то же время — человек, чьи способности направлены по ложному пути. Митягин ловкий, квалифицированный вор, заражённый своеобразным воровским нигилизмом, не верящий в людей, в возможность новой жизни.

Митягин не просто крадёт. Он стремится как-то обособить свои поступки, показать свою воровскую натуру в неотрезимо-привлекательном виде. Морально неустойчивых колонистов восхищает смелость воровских операций Митягина. Бесшабашно-весёлая митягинская «философия» находит последователей даже среди более сознательных воспитанников колонии. Она грозит расшатать не окрепшие ещё устои начинающего складываться коллектива. Заведующий колонией вынужден прибегнуть к «ампутации», он выгоняет из колонии Митягина, не найдшего в себе силы отказаться от своих антиобщественных привычек.

Для понимания характера Митягина очень важен разговор, который происходит между ним и Макаренко в первый день прибытия в колонию нового воспитанника. «Всё равно буду воров, — говорит Митягин... — Красть интересно и весело. Только это нужно уметь делать, и потом — красть не у всякого. Есть много таких гадов, у которых красть сам бог велел. А есть такие люди — у них нельзя красть. — Это ты верно говоришь, — отвечает заведующий колонией, — ...только беда главная не для того, у кого украли, а для того, кто украл. — Какая же беда? — А такая: привык ты красть, отвык работать, всё тебе легко, привык пьянствовать,

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 247.

остановился на месте: босяк — и всё. Потом в тюрьму попадёшь, а там ещё куда...»¹

Макаренко утверждает, что Митягин вовсе не преступник по натуре, а «остановившийся» в своём движении человек. Это определение бросает свет на все образы «трудных людей». Писатель вскрывает ущербность тех, кто остановился, не растёт вместе с коллективом, ищет своей особой «доли», отличной от «доли» коллектива.

Конечно, изгнание из колонии Митягина и Опришко, самоуправство Чобота было частичным педагогическим поражением заведующего колонией. Но такие отдельные неудачи были возможны лишь на первом этапе существования коллектива. Как бы ни был труден процесс воспитания, он в конечном итоге закономерно приволил к победе. Автор «Педагогической поэмы» показал это на примере двух самых социально запущенных персонажей книги — Галатенко и Ужикова.

По колониестской классификации, Галатенко и Ужиков входят в самую низшую категорию «шпаны». Это тупые, ограниченные, физиологически примитивные натуры. Рядом с ними Опришко или Чобот кажутся сложными и яркими. Ведь это всё-таки личности, которые к чему-то стремятся, куда-то идут, хоть им и не по пути с коллективом.

Галатенко — лодырь и обжора, постоянный объект насмешек колонистов. На его лице всегда угрюмая, недовольная мина. Он производит впечатление придурковатого. Галатенко с большой виртуозностью умеет уклоняться от работы. Рисуя портрет Галатенко, писатель подчёркивает его массивность и душевную неповоротливость.

Казалось бы, картина самая безотрадная. Но вот под влиянием коллектива медленно изменяется характер отъявленного лентяя. Особенно благотворно сказывается на Галатенко общий трудовой подъём в колонии накануне переезда в Куряж, и автор с радостью и не без юмора пишет:

«Даже Галатенко, раньше категорически отрицавший бег как способ передвижения, теперь выглянул из дверей

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 77.

кузницы и вдруг затопал по дорожке, потрясая землю и напоминая одного из боевых слонов царя Дария Гистапа...

Откуда у тебя, Галатенко, такая мужественная, открытая улыбка, где ты достал тот хорошенки мускул, который так грациозно морщит твоё нижнее веко, чем ты смазал глаза — брильянтином, китайским лаком, или ключевой чистой водой? И хоть медленно ещё поворачивается твой тяжёлый язык, но ведь он выражает эмоцию. Чёрт возьми, эмоцию!»¹.

Участие в «куряжском походе» довершает перестройку. В день праздника «Первого снопа» коллектив премирует Галатенко назначением в почётный восьмой сводный отряд, и нужно видеть, с каким старанием, как щедро украсил цветами свою бочку водовоза недавний лентяй, как радостно вносит он свою долю в общее дело.

Если Галатенко порой вызывает добродушную улыбку, то Ужиков — брезгливость и отвращение. Макаренко, который так любит отмечать в облике человека нечто хорошее, на этот раз не смог найти ничего привлекательного в портрете своего героя:

«Он был высокого роста, худ и нескладен. По бокам его ярко-рыжей головы торчат огромные прозрачно-розовые уши, безбровое, усыпанное крупными веснушками лицо всё стремится куда-то вниз, — тяжёлый, отёкший нос слишком перевешивает все другие части лица. Аркадий всегда смотрит исподлобья. Его тусклые глаза, вечно испачканные слезью жёлтого цвета, вызывают крепкое отвращение. Прибавьте к этому слюнявый, никогда не закрывающийся рот и вечно угрюмую, неподвижную мину»². К тому же Аркадий жаден и физически очень нечистоплотен.

Макаренко-художник, как и Макаренко-воспитатель, обычно мало уделяет внимания прошлому своих героев. Но о «предыстории» Ужикова мы узнаём гораздо больше, чем о прежней жизни других действующих лиц «Педагогической поэмы». Это объясняется необычностью судьбы Ужикова. Это не типический беспризорник. Брошенный отцом, он в силу стечения обстоятельств попал в одну из капиталистических стран и впитал там циническую мораль

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 483.

² Там же, стр. 425.

подонков буржуазного общества.

В то время когда кражи в колонии давно уже стали редким явлением, Ужиков совершил одно из самых тяжёлых преступлений — он украл деньги у приехавших в гости старших товарищей рабфаковцев. Товарищеский суд единогласно принял постановление подвергнуть Аркадия бойкоту, и Макаренко санкционировал этот суровый приговор.

Почему Макаренко пошёл на такую меру? Потому что других средств изменить характер Ужикова не было. Потому что заведующий колонией знал, что в крепком, дисциплинированном, сплочённом коллективе даже такая исключительная мера, как бойкот, может быть действительной, эффективной.

Встав в позу героя, Ужиков, однако, тяжело переживает дни полной изоляции. Как ни примитивно было сознание Ужикова, он уже привык считать себя полноправным колонистом, и лишение его элементарного права человека — возможности поговорить с другими людьми — становилось всё чувствительнее.

Что-то начало изменяться в характере Ужикова, и прежде всего резко переменялось его отношение к труду, — Аркадий, к удивлению окружающих, стал точным, исполнительным и инициативным работником. А когда общее собрание колонистов решило «амнистировать» Ужикова, товарищи увидели необычное — Аркадий вышел на сцену и заплакал от радости, что он прощён, что он наконец вошёл в большую колонистскую семью.

История жизни многих из действующих лиц «Поэмы» показывает, что в колонии имени Горького происходило не просто перевоспитание, не только «выпрямление», а рождение социалистического человека. Вот почему в своих юных героях, ещё недавно заражённых грязью прошлого, писатель с полным основанием видит «чистых людей, людей нового опыта и новой человеческой позиции на равнинах земли».

В статье «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов» В. И. Ленин писал: «Мы не можем построить коммунизма, иначе, как из материалов, созданных капитализмом... В этом трудность построения коммунистического общества, но в этом же гарантия

возможности и успешности его построения. Тем и отличается марксизм от старого утопического социализма, что последний хотел строить новое общество не из тех массовых представителей человеческого материала, которые создаются кровавым, грязным, грабительским, лавочническим капитализмом, а из разведённых в особых парниках и теплицах особо добродетельных людей. Эта смешная мысль теперь всем смешна и всеми оставлена, но не все хотят или умеют продумать обратное учение марксизма, продумать, как это можно (и должно) строить коммунизм из массового человеческого материала, испорченного веками и тысячами рабства, крепостничества, капитализма, мелкого раздробленного хозяйничанья, войной всех против всех из-за местечка на рынке, из-за более высокой цены за продукт или за труд¹. В свете этой глубочайшей мысли В. И. Ленина на нам яснее становится идейный и художественный смысл произведения Макаренко.

Можно ли построить фундамент коммунизма с людьми, заражёнными мещанским индивидуализмом, анархическим отрицанием коллектива, собственничеством и другими пережитками капиталистического общества? Каждая страница книги утвердительно отвечает на этот вопрос: да, можно и должно, ибо в процессе строительства нового общества человек переделывает самого себя. И не только освобождается от тяжкого наследия прошлого, но становится новым, человеческим, прекрасным человеком — хозяином своей страны.

Макаренко рисует пути формирования нового человека, быть может из наиболее трудного человеческого материала. Процесс возрождения героев Макаренко к сознательной творческой жизни мы воспринимаем как частицу гигантского процесса коммунистического воспитания советского народа.

Неотъемлемой частью горьковского коллектива является персонал колонии. Глубоко и всесторонне показав образ руководителя коллектива, Макаренко в интересах экономики художественных средств не счёл необходимым сколько-нибудь развёрнуто дать в «Поэме» характеры педагогов.

Воспитатели колонии в «Педагогической поэме» — простые, скромные люди, безгранично преданные своему делу.

Они могут придти в уныние и отчаяние, когда на их пути становятся слишком уж большие препятствия. Но сомнения их, по-человечески понятные, не мешают оценить до конца всё значение их повседневно-трудового подвига, вместе с автором «Поэмы» преклоняться перед их выдержкой и дисциплиной.

Одновременно с Макаренко начали работать в колонии воспитателями Екатерина Григорьевна и Лидочка. Маленький педагогический коллектив вынес на своих плечах все трудности начального периода жизни колонии: бедность, почти нищету, своеволие первых воспитанников, собственную педагогическую невооружённость. Без помощи воспитателей Макаренко не смог бы добиться решающих успехов в формировании коллектива.

«Первая помощница» заведующего колонией — Екатерина Григорьевна по-матерински относится к художочным, Chesочным и золотушным новичкам. «Самыми простыми словами, с самым человеческим чувством» она умеет поговорить с малышом о жизни, «о том, что из него выйдет — моряк, или красивый командир, или инженер», умеет понять «всю глубину той страшной обиды, какую проклятая глупая жизнь нанесла пацанам». Такое отношение Екатерины Григорьевны к ребёнку становится примером для старших колонистов, которые «всегда любили пацанов, всегда относились к ним как старшие братья: любовно, строго и заботливо».

Если Екатерина Григорьевна — «матёрый педагогический волк», то воспитательница Лидочка пришла в колонию прямо со школьной скамьи. «Зачем тебе эта девчонка? Она же ничего не знает?» — спрашивает завгубом наробразом Макаренко. «Да я именно такую и искал. Видите ли, мне иногда приходится в голову, что знания сейчас не так важны. Эта самая Лидочка — чистейшее существо, я рассчитываю на неё вроде как на прививку». Лидочка вносит в жизнь колонии непосредственность, душевную чистоту, юношеское увлечение работой.

Принципиальное значение для характеристики галереи педагогов колонии имеет образ воспитателя Ивана Денисовича Киргизова, изображая которого, писатель polemизирует с теми, кто склонен пройти мимо этого скромного, на первый взгляд ничем не примечательного

¹ В. И. Ленин. Сочинения, 4-е изд., т. 28, стр. 365.

человека: «Непосвящённому наблюдателю Иван Денисович казался обыкновенным сельским учителем, а на самом деле Иван Денисович есть тот самый положительный герой, которого так тщательно и давно разыскивает русская литература. Ивану Денисовичу тридцать лет, он добр, умен, спокоен и в особенности работоспособен... Иван Денисович всё умеет делать и всегда что-нибудь делает, но издали всегда кажется, что ему можно ещё что-нибудь поручить. Вы подходите ближе и начинаете различать, что прибавить ничего нельзя, но ваш язык, уже наладившийся на известный манер, быстро перестраивается не умеет, и вы выговариваете, немного всё же краснея и заикаясь:

— Иван Денисович, надо... там... упаковать физический кабинет...

Иван Денисович поднимается от какого-нибудь ящика или тетради и улыбаётся:

— Кабинет? Ага... добре! Ось возьму хлопцев, тай закуем...

Вы стыдливо отходите прочь, а Иван Денисович уже был о вашем изуверстве и ласково говорит кому-то: — Пиды, голубе, поклычь там хлопцев...¹ Для автора «Педагогической поэмы» основное качество, делающее человека значительным, как бы ни была скромна его профессия, каким бы он ни был по возрасту или общественному положению, — это сознательное, творческое отношение к труду.

Воспитатели Горьковской колонии любят своё трудное дело и всецело живут им, но поистине уникален в этом отношении агроном Эдуард Николаевич Шере. Писатель рисует Шере с нескрываемым восхищением. Как и Киргизов, Шере не склонен много говорить. Он всегда внутренне собран, сдержан, учтив. Его «рабочий аппетит» вызывает удивление даже самых трудолюбивых колонистов. Это человек новых организационных масштабов, новой культуры труда, любящий землю, как хозяин. В рукописном варианте «Поэмы» писатель даёт великолепную характеристику стиля работы Шере:

«Это был большого класса агроном с широкой мыслью, с постоянным броском в будущее и в то же время с неослабным вниманием к каждой крупинке почвы к каждому

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 438.

затерянному в ней семечку. Но Шере не мог пробежать мимо и не устроить маленькую орбиту вокруг любой точки, где копошатся и работают люди. И по этим бесчисленным своим орбитам он носится — не как сверкающий бездельный метеор, а как бесшумный молчаливый челнок в основе, он не делает ни одного лишнего движения, не произносит ни одного лишнего слова и не отскакивает от него ни одна лишняя искра»¹.

Свой вклад в жизнь горьковского коллектива вносит политрук Тихон Нестерович Коваль. Коммунист, вышедший из селян, хорошо знающий деревню, человек умный и спокойный, Коваль имеет большой опыт политической работы. С его помощью в колонии организуется комсомольская ячейка, и во время «завоевания Курая» Коваль заменяет Макаренко в «старой» колонии.

«Где найти настоящих людей?» — вот постоянная мысль Макаренко, особенно на первом этапе существования колонии. Только забота о формировании педагогического коллектива, упорство и воля помогли Макаренко отыскать тех, кто был необходим делу воспитания нового человека.

Так появился в колонии молодой воспитатель Пётр Иванович Горович, умевший личным примером, прикормом и шуткой сколотить крепкий коллектив второй колонии. Так вошёл в жизнь горьковцев бывший штабс-капитан Журбин, добрый и образованный человек, по настоящему любящий людей. Так очутился в колонии Василий Николаевич Перский, «человек замечательный», «Дон-Кихот, облагороженный веками техники, литературы и искусства», талантливый художник, выдумщик и фантазёр, поэт и мастер клубной работы.

Наряду с такими многоопытными воспитателями, как Киргизов, Екатерина Григорьевна, Перский, мы знакомимся на страницах «Педагогической поэмы» с начинающими педагогами. Это студентки Педагогического института Оксана Барская и Рахиль Ландсберг, присланные на практику в колонию. В начале Оксана и Рахиль по горло начинены педологией. В разговоре со студентками Макаренко остроумно высмеивает псевдонаучную фразеологию педологов. Окунувшись в «безбрежное море колониальных дел, развлечений и конфликтов», Оксана и

¹ Архив А. С. Макаренко.

Рахиль узнали, что такое настоящее воспитание. Участие в жизни горьковского коллектива помогло им освободиться от педологических предрассудков.

Не только юные студентки, но педагоги старшие по возрасту, с большим жизненным опытом тоже проходят в колонии свою школу воспитания. Таковы супруги Осиповы. Иван Иванович Осипов, по словам писателя, «из осторожного, трусливого и неинициативного человека постепенно становится очень хорошим техником-педагогом, спокойным и уверенным».

С большой сатирической силой нарисованы в «Педагогической поэме» горе-педагоги, случайно попавшие в колонию имени Горького. Таковы «изверги второй колонии» Дерюченко и Родимчик.

«Дерюченко был ясен, как телеграфный столб: это был петлюровец. Он «не знал» русского языка... и немедленно приступил к единственному делу, на которое был способен, — к лению «украинских писэнь».

Дерюченко был ещё млад. Его лицо всё было закручено на манер небывалого запорожского валега: усы закручены, шевелюра закручена, и закручен галстук-стричка вокруг воротника украинской вышитой сорочки¹. Речь Дерюченко так же стилизована, как его маскарадная внешность. Это не народный украинский язык, который любил Макаренко, а выспренный, с устаревшими украинскими оборотами.

Дерюченко относился к своему педагогическому труду, как к бесполезному и никому ненужному. Он показал себя отъявленным шкурником, потребовав паёк на умершего ребёнка. Макаренко с позором изгнал его из колонии. Так же был изгнан другой никчёмный воспитатель — шкурник Родимчик, лицо которого напоминало «старый, изношенный, слежавшийся кошелек».

Образы Дерюченко и Родимчика оттеняют высокий моральный облик других воспитателей. Говоря о членах педагогического коллектива, писатель называет их «подвижниками сощваса». Эта обычная тогда формула наполняется в книге Макаренко большим содержанием, и хоть в «Поэме» почти не упоминается слово «героизм», в ней идёт речь о героическом подвиге.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 209.

В «Педагогической поэме» показано, что настоящий, полноценный коллектив всегда — единый коллектив. Как ни скромно место технических сотрудников в жизни колонии, они тоже участвуют в общем процессе воспитания, они сами перевоспитываются в коллективе. Лучшим примером этого является завхоз колонии Калина Иванович. Это один из наиболее интересных образов «Поэмы». Вероятно, всякому читавшему книгу запомнился портрет завхоза: «Представьте себе врубелевского «Пана», совершенно уже облысевшего, только с небольшими остатками волос над ушами. Сбрейте Пану бороду, а усы подстригите по-архиерейски. В зубы дайте ему трубку. Это будет уже не Пан, а Калина Иванович Сердюк».

Калина Иванович — простой, малограмотный человек, проживший большую жизнь. Он сначала приходит в отчаяние от обстановки в колонии, и его первая реакция на трудности: «Уйду отсюда к чёрту! Чтоб я тут работал». Но не случайно Макаренко называет Калину Иванича первым объектом своей педагогической деятельности — он меняется на глазах читателей. Старый человек входит в молодую колониистскую жизнь и, захваченный её бурным потоком, принимает горячее участие во всех делах. Что бы он ни делал: хлопотал ли о продуктах в городских учреждениях, добывал ли железный бак в бывшем имении Трешке, принимал ли сватов в колонии, организовывал ли пахоту, или участвовал в покупке лошадей, — во всём Калина Иванович выступает как человек, преданный интересам колонии.

В языке Калины Ивановича органически сочетаются юмор и лиризм, детская непосредственность и стариковская мудрость. Макаренко говорил в «Педагогической поэме», что он «любил поговорить» с Калиной Ивановичем, и в общении с завхозом хорошо раскрывается необыкновенная теплота и душевность Макаренко. Своеобразная манера речи Калины Ивановича вызывает улыбку у читателей. Его смешные выражения хорошо рисуют Калину Ивановича как человека, чьё сердце открыто людям. Завхоз любит поговорить, но это вовсе не проявление старческой болтливости. Он хочет как-то осмыслить окружающую действительность, высказать своё отношение к тому, чем живут члены горьковского коллектива, и, главное, словом и делом участвовать в

жизни колонии. «Не пропадать же животному. Она же государственная...», «Это вам не какая-нибудь баба делала, а трудовая колония имени Горького». В таких фразах, имеющих юмористический оттенок, — весь Калина Иванович с его гордостью за коллектив, с отношением к своей скромной работе, как делу государственному.

В речи Калины Ивановича много народного здравого смысла, мягкого украинского юмора. Сентенции Калины Ивановича часто осливаются в форму пословиц и поговорок: «хоть чёрт, хоть бис, абы яйца нис» (о неожиданном получении колонией ордера на продукты); «им бак нужний, как собаке боковой карман»; «хоть рыжа, хоть кирпата, абы хага богата» и ещё многое в таком роде.

Кульминация образа Калины Ивановича — речь на собрании горьковцев, решавшем вопрос о Куряже. После выступления педагога Ивана Ивановича Осипова, — возразившего против переезда в Куряж («вас будет восемьдесят, а их триста двадцать»), вышел говорить старый завхоз. С глубоким убеждением в истине своих слов Калина Иванович призывает колонистов не бояться трудностей.

«Ты ж человек передовой, смотри ж ты, триста ж твоих братьев пропадает, таких же Максимов Горьких, как и ты... А советская власть и говорит вам: а ну, поезжайте зроби, чтобы из них люди правильные вышли, — триста ж людей, вы ж подумайте!.. Жалко з розами разлучиться и страшно: нас сколько, а их, паразитов, сколько. А как мы с Антоном Семёновичем вдвох начинали эту колонию, так что? Може, мы собирали общее собрание та говорили речи? От Волохов, и Таранець, и Гуд пускай скажут, чи мы их злякались [испугались], паразитов? А это ж работа будет государственная, советской власти нужная. От я вам и горю: поезжайте, и всё. И Горький Максим скажет: во какие мои горьковцы, поезхали, паразиты, не злякались!»¹

И эта речь создаёт перелом в настроении участников собрания. «По мере того как говорил Калина Иванович, румянее становились его щёки, и теплее горели глаза колонистов... А когда сказал Калина Иванович о Максиме Горьком, ахнули напряжённые зрачки колонистов

Калина Иванович Сердюк.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 406–407.

человеческим горячим взрывом, загалдели, закричали, задвигались пацаны, бросились аплодировать...»

С особенной лирической теплотой изображён Калина Иванович накануне отъезда в Куряж. Здесь, как и раньше, писатель умеет увидеть за внешней обыкновенностью, за смешной манерой выражения человечески ценное в своём герое. Интересно, что в рукописном варианте «Педагогической поэмы» Макаренко прямо сказал о своём отношении к Калине Ивановичу: «Мой дорогой, мой любимый Пан»¹.

В последнем разговоре с заведующим колонией Калина Иванович говорит о самом для него дорогом и важном: о человеке, о жизни, о труде. Это, можно сказать, задушевные мысли велух: «Я тебе так скажу... Я ж тебе не какой-нибудь адиот и понимаю, в чём дело. Жизнь она плохо бы-ла стянана, если так посмотреть: нажрався, сходяв до-ветру, выспався, опять же за хлеб чи за мясо...

— Постой, а работа?

— Кому же та работа была нужная? Ты ж понимаешь, *какая механика*: кому работа нужная, так той же не робыв, паразит, а кому она вовсе не нужная, так те робылы и робылы, як чорни волы.
Помолчали.

— Жалко, мало пожив при большевиках... А только при них жизнь не такая стала... Стала работа всем нужная»².

В этих простых словах Калины Ивановича выражено то главное для него, что рождено новой советской действительностью, — радость дружного коллективного труда.

В первой части «Педагогической поэмы» есть глава, озаглавленная крылатыми словами: «Ни одна блоха не пло-ха». Писатель показывает, что даже люди, далёкие от того, чем живёт колония, попадая в трудовую атмосферу коллек-тива, перевоспитываются, приобретают «социально-челове-ческую ценность». Макаренко восхищается этими неужи-данно проснувшимися творческими силами и с любовью изображает такую, например, оригинальную личность, как Силантий Семёнович Отченаш.

На первый взгляд это вариант достаточно известного в русской литературе образа «философа», «правдоиска-теля», идущего с котомкой за плечами по большим доро-гам и просёлкам Руси. Таким свободным странником, «не связанным никакими условиями и вещами» и при-шедшим «неизвестно откуда», появляется в колонии От-ченаш.

Только в колонии способности этого, как он себя на-зывает, «рабочего человека» находят всестороннее при-менение и получают новый смысл. Труд Силантия вли-вается в коллективный труд горьковцев. Бесприютный и одинокий, он находит в колонии дом и семью. Отченаш всегда там, где намечается прорыв в работе, — в поле, на дворе, в конюшне, свинарнике или в кузнице. Он при-сутствует на заседаниях совета командиров, принимает участие в школьных делах и даже выступает на комсо-мольских собраниях.

Фигура Отченаша нарисована писателем с большим юмором. Достаточно вспомнить появление Силантия в колонии, его рассказы у печки, участие в колониистском спектакле. Вызывает улыбку и своеобразная манера речи Отченаша — обилие не имеющих прямого отношения к содержанию речи вводных слов и предложений («здесь это», «как говорится», «видишь, какая история» и др.). Всё это не заслоняет от нас народного здравого смысла слов Отченаша, и мы вместе с Макаренко видим в Си-лантий Семёновиче человека, наделённого чувством от-ветственности перед коллективом, любящего и умеюще-го работать.

Перед нами прошли многие персонажи «Педагогиче-ской поэмы», члены горьковского коллектива. Изобра-жение коллектива не в качестве пассивного «фона», а как главного героя произведения — одна из труднейших пи-сательских задач. Суметь показать коллектив без какого бы то ни было схематизма, во всей полноте и сложности его жизни, в его единстве и в реальных движущих про-тиворечиях и при этом развернуть всё богатство состав-ляющих его индивидуальностей — такая задача по плечу только очень крупному художнику, и эта задача была блистательно разрешена автором «Педагогической по-эмы».

¹ Архив А. С. Макаренко.

² А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 490.

Мы видим и слышим как живых заведующего колонией, старого Калину Ивановича и юную студентку Оксану, бурно-страстного Карабанова и вдумчивого Вершнева, Задорова с его пленительно открытой улыбкой и замкнутого Чобота, фанатически преданного колониальной собственности Брагченко и вороватого Митягина, неистощимого на юмор Лапта и угрюмого Ужикова, лениво-неповоротливого Галатенко и грациозно-лёгких «пацанов».

Читая «Поэму», мы поражаемся расстановке людей в коллективе, изумительной по своей продуманности и тонкости. Секрет здесь в том, что каждый находится на своём месте, там, где он может с наибольшей полнотой проявить свои лучшие свойства. Как в симфоническом оркестре разные по звучанию, по тембрам инструменты образуют совершенную музыкальную гармонию, так в коллективе каждая личность, сохраняя свой неповторимый облик, вносит вклад в общее дело. И мы до конца понимаем, что чем богаче душевно люди, тем теснее их спаянность, тем прекраснее, совершеннее коллектив.

Читателя поражает, с какой смелостью, широтой, художественным своеобразием Макаренко сумел на страницах своей книги воплотить образ её коллективного героя, каким живым, красочным, лишённым схематизма выглядит в книге то непрерывно изменяющееся целое, чьё имя — Горьковская колония.

«Коллектив будет мёртвым, бездушным телом, если не создаст из плоти своей новую личность, которая приблизилась бы к идеалу ценного, доброго, сильного, бесстрашного человека»¹. Эти слова Горького помогают уяснить характер формирования многих героев «Поэмы».

Смысл книги в том и состоит, что живой коллектив не нивелирует человека, а создаёт условия для всестороннего развития личности, для её полного и безграничного совершенствования, что коллектив формирует не индивидуальста-отщепенца, а яркую «социалистическую индивидуальность» (выражение Горького). «Педагогическая поэма» — произведение о неразрывном единстве личности и коллектива.

¹ «М. Горький об искусстве», М., 1940, стр. 177.

4. ВОКРУГ КОЛОНИИ

Макаренко не только запечатлел в «Педагогической поэме» коллектив колонии имени М. Горького. Писатель дал на страницах книги ряд превосходных зарисовок людей, с которыми соприкасались горьковцы. Эти портреты друзей и недругов колонии занимают своё место в художественном целом книги.

Прежде всего мы встречаем в «Поэме» ближайших соседей колонии — крестьян. Здесь и представлятели новой, советской деревни и враждебно относящиеся к горьковцам сельские богатеи. Запоминаются фигуры хитрых кулаков-дипломатов Луки Семёновича и Муся Карповича, крестьян — Осипа Ивановича Стомухи и Кузьмы Петровича Могорыча.

Образ Могорыча — своеобразный социальный портрет:

«У него [Могорыча] было засорённое песчаное поле, на которое он почти никогда не выезжал, и росла на том поле всякая дрянь, большою частью по собственной инициативе. Через это поле было протоптано неисчислимое количество дорожек, потому что оно у всех лежало на пути. Лицо Кузьмы Петровича было похоже на его поле, и на нём ничего путного не растёт, и тоже кажется, будто каждый куст грязновато-чёрной бородёнки растёт по собственной инициативе, не считаясь с интересами хозяина. И по лицу его были проложены многочисленные тропинки морщин, складок, канавок»¹.

Резко контрастны этой фигуре крестьянина-единоличника образы рабочих паровозных мастерских, с которыми подружились колонисты. Макаренко смотрит на них удивлёнными и взволнованными глазами своих воспитанников:

«Колонисты мечтали об этих мастерских, как о не-возможно-чудесном, сказочном дворце, — говорит автор. — Во дворце сияли не светящиеся колонны «Синей птицы», а нечто более величественное: богатырские взлётные подъёмные краны, набитые силой паровые молоты, хитроумнейшие, обладавшие сложнейшими мозговыми аппаратами револьверные станки. Во дворце ходили хозяева-люди, благороднейшие принцы, одетые в

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 327.

драгоценные одежды, блестящие паровозным маслом и пахнувшие всеми ароматами стали и железа. В руках у них право касаться священных плоскостей, цилиндров и конусов, всего дворцового богатства. И эти люди — люди особенные. У них нет рыжих расчёсанных бород и лоснящихся жиром хуторских физиономий. У них умные, тонкие лица, светящиеся знанием и властью, властью над станками и паровозами, знанием сложнейших законов рукояток, суппортов, рычагов и штурвалов. И среди этих людей много нашлось комсомольцев, поразивших нас новой и прекрасной хваткой; здесь мы видели уверенную бодрость, слышали крепкое, солёное рабочее слово¹.

Если фигуры рабочих даны Макаренко в приподнятом романтической манере, то, изображая деятелей «Олимпа», писатель превращается в бичующего сатирика. Пользуясь оружием иронии, создавая острые, иногда гротесковые портретные характеристики, автор «Педагогической поэмы» вскрывает ненависть ко всему новому, внутреннюю пустоту «олимпийцев».

Первый из деятелей педагогического «Олимпа», с кем мы сталкиваемся в книге, — инспектор губнаробраза Шарин. Ограниченный, самоуверенный, он пыгается «разгромить» глубоко продуманные, до конца проверенные практической положения доклада Макаренко о дисциплине. Шарин даёт распоряжение об аресте на восемь суток заведующего Горьковской колонией, отказавшегося выполнить нелепый приказ зарвавшегося чиновника.

Писатель нарисовал иронический портрет Шарина. Это «...очень красивый, кокетливый брюнет с прекрасными выходящими волосами, победитель сердец губернских дам. У него толстые, красные и влажные губы и круглые подчёркнутые брови. Кто его знает, чем он занимался до 1917 года, но теперь он великий специалист как раз по социальному воспитанию. Он прекрасно усвоил несколько сот модных терминов и умел бесконечно низать пустые словесные трели, убеждённый, что за ними скрываются педагогические и революционные ценности²».

Макаренко приводит и характерный образчик его речи: «Локализованная система медико-педагогического

воздействия на личность ребёнка, поскольку она дифференцируется в учреждении социального воспитания, должна превалировать настолько, насколько она согласуется с естественными потребностями ребёнка и насколько она выявляет творческие перспективы в развитии данной структуры — биологической, социальной и экономической»¹.

Речь Шарина великолепная пародия на «учёный язык» педологов. Писатель даёт неожиданную концовку речи Шарина, комически снижающую «высокий стиль» его выступления: «Жизнь есть весёлость». Здесь со всей наглядностью проступает примитивная сущность самодовольного фразёра, упивающегося своей властью.

Одним из самых активных врагов педагогического новаторства заведующего Горьковской колонией является Брегель. Она пыгается провалить великолепно задуманный и проведённый Макаренко план «завоевания Кураяжа» и фактически устранила автора плана от руководства «кураяжской операцией». Брегель требует, чтобы «горьковские формы постепенно внедрялись в новый коллектив», что было бы равносильно гибели объединённой колонии.

Создавая портрет Брегель, писатель подчёркивает неискренность её поведения. Так, слушая трёхчасовой, блестящий по форме и по содержанию доклад Макаренко, Брегель «была как в маске». И в другом случае: Брегель «вытащила кустарно сделанную улыбку и не спеша надела её на лицо, как близорукие надевают очки».

Разоблачению Брегель служит и её речь, построенная на контрасте фальшивой сентиментальности в разговоре с «пацаном» Синеньким, в выступлении на собрании колониистов по поводу «дела Ужикова» («Помогите мальчику!») и плохо скрываемой злобы в отношении к Макаренко.

Достоинным соратником Брегель выступает инспектор соцвоса «товарищ Зоя». В автокомментариях к образам «Поэмы» писатель даёт Зое такую характеристику: «Злая, напряжённо подозрительная, совершенно неподвижная личность. Представляет старые педагогические предрассудки как новейшее достижение. Со злости

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 129–130.

² Там же, стр. 128–129.

и из зависти она ненавидит всё сильное и живое»¹.

Здесь обращает на себя внимание одно очень точное определение: «Зоя не «остановившаяся», а «совершенно неподвижная личность». Человек, не умеющий и не желающий идти вперед, внутренне обречён, бесплоден. «Остановившийся» человек — это самое убийственное для Макаренко определение.

В портрете «товарища Зои» показана не только её душевная, но и внешняя непривлекательность. Это «женщина, судя по костюму, вероятно, существо бесполое по существу: низкорослая, с лошадиным лицом, небольшая дощечка груди и огромные неловкие ноги. Она всегда размахивала ярко-красными руками, то жестикулируя, то поправляя космы прямых светло-соломенных волос». «Товарищ Зоя» даже не пытается завуалировать свою ненависть к завидующему Горьковской колонией. Она открыто брызжет ядом ненависти и клеветы. Макаренко прибегает к такой запоминающейся детали её портрета, как «лужа желчи, набжавшая от товарища Зои».

Рассказывая о приезде в Куряж Зои и Брегель, Макаренко отмечает, как бы между прочим, что они «сидели на мостовых плитах» заброшенного кладбища, и через некоторое время повторяет эту деталь: «Брегель поднялась с мостового камня». Возможно, это скрытая метафора.

Первоначально писатель собирался ввести в книгу значительно больше недругов Горьковской колонии. Вот, например, характеристика одного из теоретиков «олимпийской» педагогики: «*Виктор тов. Геннадий*. Облезший интеллигент. Представитель той интеллигентщины, которая была далека от жизни и живых людей. Он знаком только с идеями и сумрачно млеет под их лучами. Неряшлив и непрактичен до глупости. Колония для него — только повод для рассуждений.

Впервые знакомится с колонией в Куряже. Ходит по ней и мечтает о будущих «отношениях». Он инспектор-методист, но методике принимает как окрошку общих идеалистических сентенций. От всякой борьбы страдает, страдает от дисциплины, от красоты»².

Некоторые черты этого персонажа отразились в образе

профессора педагогики Чайкина, «невзрачного человека, полуряжого, полурусого, не то с бородкой, не то без бородки». Чайкин с «олимпийских» высот «громит» и организацию труда, и социалистическое соревнование, и систему поощрений и наказаний в колонии имени Горького. Он доходит даже до того, что называет «буржуазными» чувства долга и чести.

Писатель виртуозно воспроизводит округлую речь, которую произносит профессор «со всякими галантными ужимочками и с псевдопочтительной мимикой», и мы со всей наглядностью ощущаем, что специфически «учёный язык» прикрывает полнейшее отсутствие мысли. Не случайно Чайкин напоминает автору «Поэмы» героиню смешного рассказа Чехова «Драма» — Мурашкину, за мучившую чтение своей бездарной, бесконечно длинной пьесы известного драматурга. Но Мурашкина просто смешна и жалка, а Чайкины — человечески, социально опасны, ведь в их руках судьбы многих детей и подростков.

Речь Чайкина типична для «олимпийцев». Описывая собрание жрецов педагогического «Олимпа», Макаренко замечает: «...высказывались здесь вежливо, определёнными лобезными периодами, от которых шёл еле уловимый приятный запах мозговых извилин, старых книг и просиженных кресел». Речь Брегель Макаренко удачно называет «игрой терминами».

Только на почве никчёмных «олимпийских» теорий могли возрасти такие практики, как педагоги Куряжа; результатом их «воспитательной» деятельности был полный развал колонии. Очень хорош своеобразный групповой портрет этих «деятелей педагогики», данный через обстановку их комнат и защитные приспособления, которыми воспитатели молодого поколения пытались отгородиться от своих воспитанников. Выразительна и концовка этого портрета: «С момента прихода переселенца я никого из воспитателей не видел. Поэтому самое увольнение их имело характер символического действия; даже и квартиры их я воспринял как условные обозначения, ибо напоминали о человеческом существовании в этих квартирах только водочные бутылки и клопы».

Обитателями этих квартир были «серенький,

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 687.

² Там же, стр. 684.

поношенный» заведующий Куряжской колонией с тупым, бесцветным лицом; известный воспитатель, об уровне работы которого красноречиво говорит плакат «Стенография — путь к социализму», висевший в клубе, и наконец человек неопределённой внешности и неопределённого возраста, болтун Ложкин.

В рукописи «Поэмы» есть выразительный портрет Ложкина, не включённый в окончателный текст: «[О Ложкине] туземцы отзывались как о самом лучшем воспитателе... Жизнь за ним плохо ухаживала и поэтому предстал он предо мной в довольно запущенном виде: брючки на. Ложкине узенькие и короткие, и вытертая толстовка явно преувеличена. В этом костюме Ложкин похож на одного морского зверя. Впрочем, у Ложкина есть физиономия, одна из тех физиономий, на которых что-то написано, но прочитать ничего нельзя, как в письме, побывавшем под дождём: очень возможно, что он носит усы и бороду, но вполне вероятно, что он просто давно брился. У него скуластое лицо, но может быть это от плохого питания, — кажется. Его возраст между 25 и 40 годами, говорит басом, но скорее всего это не бас, а профессиональный ларингит. И в этот день и в последующий Ложкин буквально не отставал от меня и надоел мне до изнеможения. Ходит за мной и говорит, и говорит, и говорит, говорит даже тогда, когда я беседую с кем-нибудь другим, когда я его не слушаю и отвечаю невпопад».

Колонист Волохов по-своему в одном крепком слове выразил своё впечатление от Ложкина и его педагогической болтовни: «Зануда!» Характерно, что в разговоре с Макаренко этот доморощенный теоретик ссылается на «обусловленное поведение» — термин вульгарной рефлексологии.

«...Я всегда честно старался разобрататься в педологической «теории», — говорит Макаренко в рукописном варианте «Поэмы», — но с первых же строчек у меня немедленно разжижались мозги, и я не знал даже, как квалифицировать всю эту теорию: бред сумасшедшего, сознательное вредительство, гомерическая, дьявольская насмешка над всем нашим обществом или простая биологическая тупость. Я не мог понять, как это так случилось, что

огромной практической важности вопрос о воспитании миллионов детей, то есть миллионов будущих, и при том советских рабочих, инженеров, военных, агрономов, решается при помощи простого тёмного кликушества и при этом на глазах у всех»¹.

Среди персонажей «Поэмы» — работников наробраза за не только ненавистники, но и друзья колонии. Один из первых доброжелателей горьковцев — инспектор наробраза Любовь Савельевна Джуриная, женщина «с чистым лицом и молодыми свежими глазами». Джуриная искренне стремится понять смысл педагогического новаторства Макаренко. Именно в беседе с Джуриной Макаренко развивает некоторые из своих основных педагогических идей. Устами Джуриной автор «Поэмы» даёт лаконичное и точное определение новаторства воспитательной работы Макаренко — «педагогика борьбы».

Инспектор комиссии помощи детям — Мария Кондратьевна Бокова предстаёт перед нами сначала в облике изнеженной женщины, с предубеждением относящейся к Макаренко и его работе («кулацкая педагогика!»). Войдя в жизнь колонии, Бокова заражается трудовым энтузиазмом горьковцев и становится другим человеком.

Вместе с членами горьковского коллектива Бокова участвует в молотбе. После утомительного и весёлого рабочего дня ей «...хочется плакать от разных причин: от усталости, от любви к колонистам, оттого, что восстановлен в её жизни правильный человеческий закон, попробовала и она прелести трудового свободного коллектива».

— Лёгкая была у вас работа? — спрашивает её Бурун.

— Не знаю, — говорит Мария Кондратьевна. — Наверное, трудная, только не в том дело. Такая работа всё равно — счастье»².

Это — голос всех непредвзято настроенных людей, соприкоснувшихся с жизнью трудового коллектива. Макаренко воссоздаёт в своей книге атмосферу сердечной теплоты вокруг горьковцев, говорит о простых советских людях, которые помогли в её повседневной работе и искренне радовались её успехам.

¹ Архив А. С. Макаренко.

² А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 326.

М. Горький на сельскохозяйственных работах
в колонии имени М. Горького. 1928 г.

Самый большой и преданный друг колонии – М. Горький. И хоть Макаренко не решился сколько-нибудь развѣрнуть показать в своей книге Горького, удельный вес образа великого писателя в «Педагогической поэме» очень велик. Тот, чьим именем названа колония, был знаменем борьбы за нового человека. Читатели «Поэмы» ощущают Горького как бы отражѣнно, через восприятие автора-повествователя, через восприятие молодых героев книги.

«Не видя его ни разу, колонисты ощущали его личность в своих рядах и радовались ей, как радуются дети образу матери. Только тот, кто в детстве потерял семью, кто не унёс с собой в длинную жизнь никакого запаса тепла, тот хорошо знает, как иногда холодно становится на свете, только тот поймѣт, как это дорого стоит — забота и ласка большого человека, человека — богатого и щедрого сердца»¹.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 630.

Тем значительнее исполненная внутренней энергии сцена встречи Горького в колонии: «В белой фуражке, высокий взволнованный Горький, человек с лицом мудреца и с глазами друга, вышел из авто, оглянувшись, провѣл по богатым рабочим усам дрожащими пальцами, улыбнулся:

— Здравствуй... Это... твои хлопцы?.. Да!.. Ну, идѣм!..

Знаменнѣй салют оркестра, шелест пацанских рук, пацаны горячие очи, наши открытые души разложили мы, как ковѣр, перед гостем.

Горький пошѣл по рядам...»¹

5. ДОКУМЕНТАЛЬНОСТЬ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ

«Педагогическая поэма» — произведение документальное в своей основе. У читателя не возникает никаких сомнений, что герой-повествователь книги не вымышленное лицо: Макаренко полностью сохранил здесь своё имя, отчество и фамилию. Указано точное название колонии и её местонахождение. В текст «Поэмы» введены документы. Желая убедить нас в полной достоверности того, о чём рассказано в книге, писатель даже обозначил даты некоторых эпизодов.

Всѣ это целиком подтверждается сопоставлением «Поэмы» с документами и свидетельствами мемуаристов. Наконец, сам Макаренко говорит, что в «Педагогической поэме» «нет выдумки за исключением отдельных фамилий и отдельных ситуаций»².

Вполне закономерно, что у исследователя творчества Макаренко и у читателей «Поэмы» возникает вопрос, как отбирал писатель жизненный материал для своего произведения. Каковы в книге элементы художественного вымысла? Ответить на эти вопросы — значит уяснить важную сторону художественного своеобразия произведения, писательского мастерства Макаренко.

Надо сказать, что автор «Педагогической поэмы» располагал поистине огромным запасом наблюдений. Жизнь колонии имени М. Горького, изображѣнная в

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 634–635.

² А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 281.

книге, развёртывалась перед Макаренко не как перед сторонним зрителем, а как перед активным её участником и творцом. Совершенно исключительная память художника сохранила неисчерпаемое количество фактов, портретов, диалогов, сюжетных ситуаций. Как вспоминает ближайший свидетель литературной работы Макаренко его жена Галина Стахивна, писатель говорил, что у него «материала хватит на десять «Поэм».

Художник меньшего масштаба мог бы растеряться от такого изобилия «сырья», потонуть в нём, и книге грозила бы опасность превратиться в беллетризованную запись истории колонии. Но «Педагогическая поэма» не стала документальной хроникой или мемуарами. Из всего многообразия явлений окружавшей его действительности Макаренко выбрал наиболее выразительное, характерное, типическое.

Только будучи зрелым художником, Макаренко смог разобратся во всём потоке многообразных, часто противоречивых жизненных впечатлений. Только обладая в полной мере творчески усвоенным марксистско-ленинским мировоззрением, Макаренко справился со своей художественной задачей. Взглянув с большой идейной высоты на будничное, примелькавшееся, повседневное, писатель мог выделить главное от второстепенного, отбросить несущественное и в каждом, на первый взгляд мелком эпизоде произведения вскрыть нечто существенное, важное.

Характер отбора материала вытекал из художественного замысла писателя, поставившего своей задачей создать книгу о воспитании нового человека в коллективе, о своём новаторском педагогическом опыте. Прежде всего Макаренко отбирал события жизни Горьковской колонии и автобиографического героя книги, затем из множества известных ему членов горьковского коллектива отобрал прототипов своих героев. Наконец, создавая образы, писатель выбирал наиболее отвечающие общему замыслу факты из биографий прототипов. Макаренко сумел безошибочно определить весомость каждого эпизода жизни колонии, соотносить его с генеральной линией повествования, найти единственно верный масштаб для его включения в художественное целое.

Воспоминания бывших воспитанников колонии имени М. Горького свидетельствуют о том, что в первые годы

существования колонии было множество подчас очень тяжёлых рецидивов прошлого. Но в «Педагогической поэме» показана только ничтожная их часть.

Несмотря на многочисленность отрицательных фактов, не они определяли основную линию развития коллектива. Отбирая для показа в книге события жизни колонии, Макаренко стремился показать не цепкость старого, а победное прорастание нового. А надо сказать, что рассмотреть, обнаружить, запечатлеть это новое далеко не всегда было лёгким делом!

В жизни колонии было много, на первый взгляд, портящихся, сходных событий, ситуаций. Автор «Поэмы» отбирал из них более характерные, художественно выразительные. Вот три примера, наглядно иллюстрирующие это.

Известно, что товарищеские суды были в колонии ещё в начале 20-х годов. В «Поэме» же описан только один такой суд над колонистом Ужиковым, происшедший во второй половине 20-х годов. Макаренко нарисовал этот эпизод, потому что именно здесь особенно наглядно сказалась огромная воспитательная сила коллективного общественного мнения.

Как уже было сказано, самодеятельные театральные постановки бывали ещё в начале 20-х годов, в первой колонии. Писатель же рассказывает о театре, описывая жизнь второй колонии. Это вполне понятно, ведь здесь театр перестал быть эпизодическим развлечением, а превратился в орудие культурного воспитания не только колонистов, но и окружающего населения.

Праздники «Первого снопа» также бывали в первой и во второй колониях, но в «Педагогической поэме» этот праздник развёрнуто показан только в «преображённом» Кураже. Здесь этот большой праздничный день приобрёл особое значение. Он наглядно продемонстрировал торжество нового, полную жизни поднявшегося на более высокую ступень трудового юношеского коллектива.

Как видно, из ряда однотипных фактов писатель отбирал те, которые шире, выразительнее раскрывали природу данного явления.

В течение восьми лет работы в Горьковской колонии Макаренко соприкасался с сотнями воспитанников, каждого из которых он знал глубоко и всесторонне. Это

позволило автору «Поэмы» отобразить для воплощения в книге наиболее типические характеры. В одном из писем к Горькому Макаренко, который обычно мало внимания уделял отдельным воспитанникам, сообщал:

«В настоящее время я вожусь с 17-летней девочкой Крахмаловой. На её глазах, когда ей было 11 лет, её мать убили, облили керосином и сожгли. Крахмалова после того перебивала во многих притонах, тюрьмах и колониях, всюду бежала, везде обкрадывала. У этой девочки прелестное лицо, невинное и серьёзное, но взгляд жёсткий и какой-то остановившийся. Она у нас живёт с месяц, послушна и вежлива; но я не знаю, с какой стороны к ней подойти. На авось, просто по чутью, я просил воспитателей не обращать на неё никакого внимания, держать строго деловой, и вежливый тон, чуждый лишних слов и сантиментов. Только к концу месяца я наконец поймал первый её внимательный взгляд, в котором жажда тепла смешана с гордой осторожностью. В этот именно момент я дал ей ключ от своей комнаты и поручил принести портфель, но... она отказалась от ключа и убежала, а теперь смотрит ещё более внимательно, но страшно угрюмо и дико... Жду чего угодно»¹.

Горького заинтересовала судьба этой воспитанницы, и он спрашивал о ней в письме к Антону Семёновичу. Однако в «Педагогической поэме» нет образа, сколько-нибудь близкого Крахмаловой. Вероятно, это связано с тем, что эпизод, о котором Макаренко писал Горькому, повторил бы художественно более значительную ситуацию с Карабано-вым (получение денег в финотделе).

Первоначально Макаренко больше уделил внимания образу воспитательницы Лидочки, имевшему своего реального прототипа. В книге важное место должен был занять неудачный роман молодой учительницы с педагогом Чарским, какими-то случайными путями попавшим в колонию. Чарский, морально разложившийся интеллигент, претендовал на постижение неких «эстетических глубин». Под влиянием Чарского Лидочка деградирует, изменяет своему педагогическому долгу. Ближайшей же причиной этой

измены была не только плохо сложившаяся личная жизнь, но и отсутствие душевной стойкости, неумение работать над собой, обогащать свои знания, преодолевать повседневные трудности.

Вот как рассказано об этом в рукописном тексте «Педагогической поэмы»: «В красной повязке дежурного, в спецовке рабочего отряда, в вечерней группе колонистов незаметно растрчена была Лидочкина молодость».

Лидочка не была большим человеком, но всё, что было в её распоряжении: искренность, молодое оживление, простая симпатия к людям, обаяние свежего лица и хорошая честная добросовестность, — всё это она не теряя выложила на педагогический жертвенник, наивно полагая, что всех этих вещей у неё неисчерпаемый запас. И четвёртый год ещё не окончился, а заметно стало для меня, что запас иссякает, есть ещё искренность, но в некоторых местах она покрылась зелёным налётом обиды, в симпатии к людям запугались серые линии подозрительности и недоверия, и в обаянии свежего лица не хватает того, что безвозвратно истрачено за четыре года»¹.

Надо было быть душевно очень богатым человеком, чтобы так легко, безраздельно и радостно отдавать себя делу воспитания, как отдавал Макаренко. Лидочка не могла подняться на такую нравственную высоту, и это обрекло её на отрыв от коллектива и в конечном итоге на душевную гибель.

Макаренко отказался от замысла дать развёрнутого образ Лидочки. История неудачной личной жизни молодой воспитательницы, сама по себе интересная и поучительная, увела бы далеко в сторону от основной линии повествования. Измена педагогическому долгу была совсем нехарактерна для самоотверженного коллектива «подвижников соцвеса». Вот почему образ Лидочки остался таким, каким его знают читатели.

Очень труден для писателя процесс отбора материала там, где героем художественного произведения становится сам автор. Ведь многое, что в этом случае субъективно важно, — часто вовсе не существенно в общем плане. Макаренко сумел взглянуть на самого себя как

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 324.

бы со стороны и отобразить из всех своих поступков, мыслей, чувств только то, что было необходимо для раскрытия основной темы книги. В книге не рассказано о прошлом заведующего колонией, о его личных друзьях и знакомых, об интересах в области литературы и искусства.

Характерно, что Макаренко опустил в «Педагогической поэме» такой значительный эпизод своей жизни, как временный уход из колонии и поступление в Московский институт организаторов народного образования. Писатель откасался от первоначального замысла показать в «Педагогической поэме» своё активное участие в объединении детских домов и колоний Харьковской области («Грудовой корпус»). Эти эпизоды излишне осложнили бы фабулу произведения и не дали ничего существенно нового для обрисовки характера самого Макаренко. Макаренко ничего не сказал о таком существенном факте своей биографии, как литературная работа. В «Педагогической поэме» никак не отражено большое чувство, занявшее, как мы знаем, важное место в жизни Макаренко. Мы не видим в книге Макаренко – нежного и любящего сына.

Свойственное Макаренко умение ощутить перспективу сказалось и в продуманном и чётком плане «Педагогической поэмы». «Я считаю, что нельзя написать роман, не составив хорошего плана, — говорил Макаренко. — Я поэтому и составляю план очень подробно и разработанно. Прежде всего я выписываю все замечания из моей записной книжки в отдельную книжку, затем выработываю список действующих лиц. Пишу описание, подробно выписанные из моих записей в записную книжку. Нахожу прототипов своих героев, записываю общее направление их мысли, — кому эти люди являются врагами, кому друзьями, с кем они находятся в столкновениях, в каких комбинациях встречаются с другими людьми... Затем я строю план фабулы, составленный романом и сразу перехожу к плану глав...»¹.

К сожалению, до нас не дошли (за некоторыми исключениями) эти источники. Утрачена и основная часть архива колонии имени М. Горького. Всё же в какой-то мере мы можем уяснить характер отбора материала автором «Педагогической поэмы», использовав сохранившиеся

¹ А. С. Макаренко. Беседа с начинающими писателями, 11 июня 1938 г. Стенограмма. Архив А. С. Макаренко.

документальные материалы и воспоминания учеников и соратников Макаренко.

В архиве Макаренко имеется большой список прототипов героев «Поэмы», составленный писателем. Список этот, видимо, ещё очень предварительный, так как он включает имена, никак не связанные с колонией имени М. Горького. Здесь названы, в частности, знакомые и сослуживцы Макаренко по Крюкову и Полтаве. Возможно, что первоначально Макаренко собирался дать предысторию жизни автобиографического героя.

Следующий этап работы Макаренко над образами книги отражён в рукописи, названной при публикации в собрании сочинений «Типы и прототипы персонажей «Педагогической поэмы». Хоть автограф не датирован, есть основание полагать, что он относится к первым годам работы писателя над книгой.

Автор «Педагогической поэмы» произвёл здесь своего рода смотр действующих лиц будущей книги и их прототипов. Из нескольких сотен хорошо ему знакомых людей Макаренко отобрал наиболее выразительные. В перечне «типов и прототипов» каждое действующее лицо названо тем именем, под которым оно должно было выступать в книге. Рядом обозначена настоящая фамилия (при публикации в некоторых случаях фамилии были опущены).

Из сопоставления «типов» и «прототипов» видно, что почти все герои книги имеют свои реальные прообразы. Писатель только изменил в «Поэме» имена и фамилии, иногда дал очень близкие. Так, Калабалин назван Карбановым, Супрун — Буруном, Браткевич — Братченко, Лопотецкий — Лаптем и т. д. В некоторых случаях автор сохранил настоящие имена и фамилии (Калина Иванович Сердюк).

В рукописи «Типы и прототипы» каждое имя действующего лица сопровождается краткой характеристикой, в которой Макаренко обычно выделяет какую-то одну ведущую черту характера.

В некоторых случаях писатель отмечает полную тождественность героя и его прообраза: «Таков, как прототип», «Такой, как он есть», «Такой же, как в жизни», «Характер, как у прототипа». Но это, конечно,

не значит, что в «Поэме» перед нами натуралистически точное воспроизведение реально существовавших людей. Писатель проделал большую работу по отбору и осмыслению биографий прототипов. Он подошёл к этому как подлинный художник, с большой творческой свободой, с полным ощущением художественного единства книги.

Вовсе не стремясь к правде биографического факта, Макаренко достиг главного: он создал внутренне правдивые характеры. Не случайно прототипы многих героев «Поэмы» узнают себя в персонажах книги и говорят: «Да, я был таким».

Создавая не документальную беллетризованную летопись своей жизни и жизни Горьковской колонии, а полноценное художественное произведение, писатель прибегнул к своему праву «домыслить действительность» (выражение Горького).

При создании некоторых образов воспитанников Макаренко как бы проецировал свойства их характера в иную, вымышленную сюжетную ситуацию. Это давало возможность писателю более глубоко раскрыть данный образ.

Так, прототип одного из основных персонажей «Поэмы» — Лаптя был лишь одним из активных членов коллектива, командиром отряда¹. В «Педагогической поэме» он — руководитель общественной колонии, секретарь совета мандиров.

Поучительно сопоставить реальную биографию Калины Ивановича Сердюка с биографией одноимённого героя книги. До революции Калина Иванович около двух десятков лет работал старшим мастером технической лаборатории Политехнического института. В 1917 году К. И. Сердюк был избран членом Полтавского горсовета и народным судьёй. Во время гражданской войны он — комиссар по эвакуации семейств советских работников и úplномоченный по эвакуации военного имущества. Калина Иванович сражался против белогвардейцев в рядах партизан. Был арестован деникинской контрразведкой и освобождён красными партизанами². Из всей этой предыстории Макаренко в «Педагогической поэме» лишь вскользь

¹ Из воспоминаний Н. П. Лопотецкого, записанных автором книги.

² По документам К. И. Сердюка, предоставленным автору книги.

упоминает о военной службе и об участии в эвакуации города Миргорода. Всё остальное было отброшено писателем, так как оно излишне осложнило бы образ, перевело его в другой план.

Макаренко говорил: «В художественном произведении не грех иногда преувеличить, сконструировать факт, а «Педагогическая поэма» — художественное произведение». Сохраняя фактическую основу того или иного эпизода, писатель порой заострял сюжетную ситуацию, вводил вымышленные художественные детали. Так, например, эпизод с «кабинетом водолечения».

Как рассказывает один из ближайших участников «кабинета водолечения» Н. П. Лопотецкий, бывало, что пьяных хуторян-дебоширов, дезорганизовавших работу мельницы, колонисты «купали» в реке и потом выливали на не вполне протрезвевших «больных» дополнительную порцию воды. В действительности не было некоторых комических деталей, которыми так блестяще расцвечен эпизод водолечения в книге².

В некоторых случаях, точно изображая существо факта, писатель менял внешние обстоятельства. Так, прототип Ужикова украл деньги не у товарищей рабфаковцев, а из ящика стола в кабинете Макаренко. Очевидно, этот сдвиг был необходим автору. Ведь украть у товарищей — самое большое преступление с точки зрения колони-стской этики.

Ещё один пример творческого отношения Макаренко к материалу. В «Педагогической поэме» сказано, что после того, как колония имени М. Горького оставила усадьбу Трешке, земли и постройки колонии перешли к сельскохозяйственной коммуне имени Луначарского. На самом деле после переезда горьковцев в Куряж на её место перебралась детская колония имени В. Г. Короленко³. Видимо, Макаренко допустил это отклонение от документальной точности для усиления темы связи колонии с деревней.

¹ Слова Макаренко в записи профессора И. А. Соколянского. Из воспоминаний И. А. Соколянского, сообщённых автору книги.

² Воспоминания Н. П. Лопотецкого, записанные автором.

³ Из воспоминаний Софии Владимировны Короленко в письме к автору книги.

В отдельных случаях Макаренко допускал хронологические сдвиги. Так, в документальном «Очерке работы Полтавской колонии имени М. Горького», составленном Макаренко, указана точная дата переезда колонии в усадьбу бывш. Трепке — ноябрь 1924 года; в «Педагогической поэме» назван другой, более ранний срок — 3 октября 1923 года. Первый отряд в колонии, как это видно из документов, был организован в 1921 году, в «Поэме» обозначена другая дата — 1923 год, причём командиром отряда назван Карабанов, а Бурун.

Как видно из имеющихся документов, К. И. Сердюк оставил работу в колонии в 1922 году. В «Педагогической поэме» захоз расстаётся с колонией накануне переезда горьковцев в Куряж, то есть в 1926 году. «Продлив», таким образом, пребывание Калины Ивановича в колонии на четыре года, автор «Поэмы» смог более полно нарисовать колоритную фигуру захоза¹.

Политрук колонии Лука Тихонович Коваль пришёл в горьковский коллектив не в 1923, а в 1925 году, и был он тогда комсомольцем, а не членом Коммунистической партии (в партию он вступил позднее — в 1926 году). Председатель комиссии по делам несовершеннолетних Халабуда не был старым большевиком. Это — выдвигенец из крестьян-середняков, вступивший в партию в послереволюционные годы².

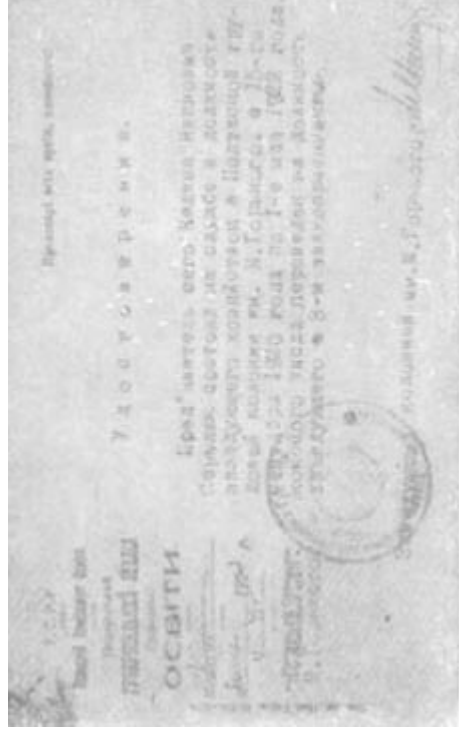
Конечно, приведённые далеко не исчерпывающие факты не снижают общей фактической точности произведения.

Документальность не превратила «Поэму» в беллетризованную летопись жизни колонии имени М. Горького. Макаренко сумел наполнить образы и ситуации реальной действительности живым трепетом большого искусства. Он органически сочетал в своей книге документальность и художественный вымысел.

Действительность, которую Макаренко отразил во всей её полноте, реальная история колонии имени М. Горького, жизненные пути десятков людей, богатство мыслей, чувств и дел автобиографического героя книги, идейная проблематика — всё это сложилось в художественное целое,

¹ По документам К. И. Сердюка, представленным автору книги.

² Из воспоминаний Л. Т. Ковалья, записанных автором книги.

Удостоверение, выданное А. С. Макаренко Калине Ивановичу Сердюку.

которому было дано лаконичное и точное определение: *педагогическая поэма*.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В «Педагогической поэме» Макаренко блестяще решил сложнейшую художественную задачу. Он создал большое лиро-эпическое произведение — поэму о коллегии, о труде новатора социалистической педагогики, о людях, сформировавшихся в атмосфере горьковского коллектива.

Писатель нашёл слова, с замечательной силой определившие смысл того, о чём рассказано в книге, — «таинство рождения нового». Макаренко заглядывает в самые глубины этого процесса, делает его понятным, зримым и близким читателю. О чём бы ни повествовал автор «Поэмы» — о постройке свинарника, о борьбе с самономом в деревне, о свадьбе в колонии, о молотье, о «завоевании Куряжа», — везде он показывает главное — рождение и рост нового человека.

Макаренко выступил в своём произведении как вдохновенный поэт, раскрывший поэзию новых отношений

между людьми, поэзию коллективного труда, поэзию воспитания человека. Здесь хочется вспомнить слова Н. А. Добролюбова: «Свободное претворение самых высших умозрений в живые образы и, вместе с тем, полное сознание высшего, общего смысла во всяком, самом частном и случайном факте жизни — это есть идеал, представляющий полное слияние науки и поэзии...»¹ Макаренко сумел поднаться до такого труднодостижимого идеала, и уже одно это делает «Педагогическую поэму» явлением мировой литературы.

«Педагогическая поэма» — это поэма всей моей жизни, которая хоть и слабо отражается в моём рассказе, тем не менее представляется мне чем-то «священным»², — писал Макаренко. «Поэма» не только замечательное произведение искусства. Это художественный документ, запечатлевший удивительную по своей нравственной красоте личность Антона Семёновича Макаренко.

Как подлинно большой художник, Макаренко сумел увидеть великое в малом. Взяв лишь небольшую часть советской действительности 20-х годов — жизнь колонии имени М. Горького, автор «Поэмы» показал всю огромную преобразующую силу социалистического общественного строя. Выразительность художественных образов, глубина и правдивость изображения жизни, высокая идейность, огромная сила воздействия на читателей — всё это включает «Педагогическую поэму» в число классических произведений советской литературы, органически сочетающей партийность и народность.

¹ Н. А. Добролюбов. Сочинения, т. II, М., 1935, стр. 49.

² А. С. Макаренко. Письмо к А. М. Горькому, февраль, 1935. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 365.

ГЛАВА XIII

МОСКОВСКИЕ ГОДЫ

Последние годы жизни Макаренко прошли в Москве. Любовь к Москве, родившаяся в молодости, выросла и окрепла у Антона Семёновича в зрелые годы. Москва привлекала Макаренко как культурный центр страны. Она давала так необходимое писателю ощущение пульса жизни Родины. Она многими нитями была связана с деятельностью педагога и писателя.

В архиве Макаренко сохранился набросок характеристики одного из действующих лиц незаконченного произведения — шофера Антона Дмитриевича. Он «не был ещё в Москве... но любил Москву настоящей любовью, и путешественник по Москве издания 1926 года знал почти наизусть»¹. Нечто подобное испытывал к Москве и Макаренко.

Занятый работой, требовавшей огромного напряжения сил и постоянного присутствия на месте, Макаренко не мог бывать в Москве так часто, как ему хотелось. И всё-таки, даже в 20-х годах, Антон Семёнович трижды посетил Москву. Особенно значительной была для него встреча с Москвой летом 1929 года, когда руководитель коммуны имени Дзержинского привёз сюда триста юношей и девушек, чтобы показать им любимый город.

¹ А. С. Макаренко. Пути поколения. Архив А. С. Макаренко.

Поездка в Москву осталась у Макаренко и его воспитанников на всю жизнь большим и радостным воспоминанием. «Ах, хорошее было дело — наш московский поход! — писал Макаренко. — Из Москвы мы приехали новыми, новыми — более сильными, уверенными, ещё больше чувствующая связь со всем пролетариатом нашего Союза»¹.

Как только Макаренко вошёл в литературу, Москва по существу стала вторым центром его жизни. С начала 30-х годов Макаренко по литературным делам стал ежегодно приезжать в Москву. Здесь находились издательства и редакции. Здесь жил А. М. Горький, с которым Антон Семёнович поддерживал личное и письменное общение.

В Москве Макаренко работал над «Педагогической поэмой» и книгой «ФДІ». В Москве же, в горьковских альманахах, печаталась «Поэма» и вышло первое издание этого произведения Макаренко. Здесь увидели свет книги «Марш тридцатого года» и «Мажор».

В московских газетах и журналах печатались публицистические статьи писателя. Наконец, в Москве происходили первые, памятные для Макаренко, встречи с читателями.

У Макаренко созрела мысль переехать в Москву, чтобы целиком посвятить себя литературной и научной педагогической работе. Антон Семёнович говорил об этом М. Горькому в 1933 году и вернулся к этой теме в письме 1935 года.

«Вы даже представить себе не можете, Алексей Макарович, сколько у меня скопилось за 30 лет работы мыслей, наблюдений, предчувствий, анализов, синтезов, — писал Макаренко. — Жалко будет, если всё это исчезнет вместе со мной. Я потом и буду просить, чтобы мне дали возможность жить в Москве, поближе к книгам и к центрам мысли, и работать»².

В другом письме 1936 года со всей непосредственностью выразились большие ожидания Макаренко, связанные с Москвой: «Хочу писать книги, отравился «Педагогической поэмой». Мечтаю, как мальчишка, о том счастливым

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. II, М., 1957, стр. 122.

² А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 366.

времени, когда целые дни подряд буду сидеть за письменным столом»¹.

В феврале 1937 года Макаренко переехал в Москву, которая полностью оправдала надежды писателя. Когда перечитываешь сухой библиографический перечень работ Макаренко московского периода, поражаешься — немногим более чем за два года Антон Семёнович сделал столько, что иному этого бы с избытком хватило на большую часть жизни!

Прежде всего Макаренко с увлечением работал над художественными произведениями. В Москве написаны «Книга для родителей», роман «Честь», повесть «Флаги на башнях», рассказы, киносценарии, ряд незаконченных произведений. Здесь широко развернулась деятельность Макаренко — публициста и литературного критика. В апреле 1937 года на трибуну большого общемосковского собрания писателей вышел молодой скромный человек в полувоенной одежде и обратился к присутствующим: «Товарищи, я в московской организации человек новый и деталей московской писательской жизни не знаю. Вообще в писательской среде я новый человек и пришёл к вам, если так можно выразиться, из «потустороннего» мира — из мира беспризорных. (С места: Откуда?)

Кто читал мою книгу — тому это ясно. Моя фамилия Макаренко. (Продолжительные аплодисменты.)»²

Это была речь об ответственности советского писателя перед читателями, о необходимости до конца преодолеть изолированность литераторов, о сплочённой, коллективной работе. Первое выступление писателя Макаренко на собрании литераторов Москвы было выслушано с глубоким вниманием и произвело большое впечатление актуальностью поставленных вопросов, внутренней убеждётельностью и силой. Речь Макаренко не осталась декларацией. Всей своей литературной работой, всем своим человеческим обликом он показывал, каким должен быть советский писатель.

Макаренко принял активное участие в жизни московской писательской организации. Антон Семёнович

¹ А. С. Макаренко. Письмо к Р. А. Ковнатор. 1936 г. Цитируется по воспоминаниям Р. А. Ковнатора. Архив А. С. Макаренко.

² А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 141.

вёл большую работу с молодыми авторами, участвовал в работе издательства «Советский писатель», в редколлегии журнала «Октябрь», живо интересовался деятельностью Центрального дома литераторов.

Антон Семёнович вошёл в новую для него литературную среду. В московские годы Макаренко встречается с писателями: К. И. Чуковским, К. Г. Паустовским, Л. С. Соболевым, А. А. Фадеевым, М. С. Шагинян, А. Н. Афиногеновым, В. Г. Финком, А. О. Авдеенко, А. Я. Бруштейн, В. В. Ермиловым, профессором В. Н. Колбановским и другими.

В Москве Макаренко подводит итоги своего многолетнего педагогического опыта. Ещё в 1935 году в письме к М. Горькому Антон Семёнович поделился замыслом фундаментального труда: «Я хочу написать большую, очень большую работу, серьёзную книгу о советском воспитании. Если у меня хватит здоровья, я уверен — это будет очень важный и капитальный труд»¹. Макаренко не успел написать эту монографию, но то, что он сделал, является ценнейшим вкладом в науку о воспитании. Как и прежде, Антон Семёнович стремится сделать свои педагогические идеи достоянием самого широкого круга советских людей.

Макаренко публикует статьи в центральных газетах. В августе 1937 года в газете «Известия» появляется его статья «Цель воспитания»; в сентябре того же года в газете «За коммунистическое просвещение» — статья «На пороге третьего десятилетия»; в марте и мае 1938 года в газете «Правда» статьи «Проблемы воспитания в советской школе» и «Воспитание характера в школе». В начале 1939 года Макаренко пишет статьи: «О коммунистической этике», «Воля, мужество, целеустремлённость», «Предстоит большая работа над собой».

Занятый напряжённой писательской работой, Макаренко уделяет много внимания публичным выступлениям, докладам и лекциям. В них Макаренко поднимает принципиально важные вопросы теории и практики коммунистического воспитания. Они открывают перед слушателями новые пути советской педагогики, вооружают их научным методом в решении проблем воспитания.

Аудиторией Макаренко становится вся страна. Осенью

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 366.

1937 года по радио были переданы его восемь лекций о воспитании детей, охватывающие широкий круг вопросов: 1. Общие условия семейного воспитания. 2. О родительском авторитете. 3. Дисциплина. 4. Игры. 5. Семейное хозяйство. 6. Воспитание в труде. 7. Половое воспитание. 8. Воспитание культурных навыков.

В январе 1938 года Макаренко читает цикл лекций для ответственных работников Народного комиссариата просвещения РСФСР «Проблемы школьного советского воспитания». Тема первой лекции — «Методы воспитания», второй — «Дисциплина, режим, наказания и поощрения», третьей — «Педагогика индивидуального действия», четвёртой — «Трудовое воспитание. Отношения, стиль и тон в коллективе».

В июле 1937 года Антон Семёнович выступает с лекцией «Семья и воспитание детей» на собрании родителей в редакции журнала «Общественница». В сентябре читает доклад «Некоторые выводы из моего педагогического опыта» на собрании учителей Ленинграда и Ленинградской области. В этом же месяце Макаренко выступает с докладом «О моём опыте» в Научно-практическом институте специальных школ и детских домов Наркомпроса РСФСР, в конце 1938 года — в Московском педагогическом училище № 1.

Специалисты в области теории и истории советской педагогики посвятили — и ещё посвятят — педагогическому наследию Макаренко многие исследования. Здесь уместно только назвать некоторые основные теоретические вопросы, разработанные Макаренко: учение о коллективе учащихся, как активной воспитательной силе — педагогика параллельного действия»; проблема социалистической дисциплины; проблема труда; вопросы стиля, тона, традиций и чести; проблема педагога и педагогического коллектива; вопросы нравственного воспитания целостной человеческой личности. Все эти и другие, не названные нами, вопросы для Макаренко лишь слабые звенья одной — центральной — проблемы коммунистического воспитания. Все стремления Макаренко направлены к одной основной цели — формированию нового человека, достойного сына нашей великой Родины.

«...Я свою педагогику не выдумал»¹, — говорил

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 456.

Макаренко. Вся деятельность замечательного педагога новатора вытекает из важнейшей задачи, поставленной В. И. Лениным, — «...связать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества»¹. Педагогика Макаренко — не отвлечённое теоретизирование, не эмпирическое описание, а дело, органически связанное с тем, что составляет жизненную силу советского строя, — с политикой Советского государства.

Макаренко утверждал, что законы воспитания нашего подрастающего поколения вытекают из общей жизни Советского Союза. Основные положения теории коммунистического воспитания, данные в трудах классиков марксизма-ленинизма, Макаренко не только сумел с величайшим успехом претворить в практику, но и создать на этой идейной базе развёрнутое учение о целях и методах воспитания нового человека. Это, по определению Макаренко, педагогика, создающая личность.

Некоторые педагоги, не понимавшие существа научных исследований Макаренко, пытались обособить наследие Макаренко от магистральной линии развития советской педагогики. Это глубоко ошибочно. Работы Макаренко входят в сокровищницу советской педагогики как её огромное достижение. Труды Макаренко и крупнейших советских теоретиков педагогики — Н. К. Крупской, М. И. Калинина и других — объединяют единство ленинских идей.

Макаренко пришёл в советскую науку из глубин жизни, имея за плечами три десятилетия практической работы в школе и в детских воспитательных учреждениях. Он преодолел много трудностей на своём новаторском пути, обогатил теорию достижениями своей практики, сделал выводы из гигантского опыта воспитания в Советской стране.

Макаренко органически связал теорию и практику. «Теория должна... повернуться лицом к практике»². «Педагогическое мастерство может быть доведено до большой степени совершенства, почти до степени техники. В это я верю и всей своей жизнью искал доказательства

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 27, стр. 409.

² А. С. Макаренко. Выступление в Высшем коммунистическом институте просвещения. Архив А. С. Макаренко.

этой веры... Надо, чтобы педагогика овладела средствами влияния, которые были бы настолько универсальными и могучими, что когда наш воспитанник встретит любые влияния вредные, даже самые мощные, они бы нивелировались и ликвидировались нашим влиянием»¹.

Эти высказывания Макаренко имеют исключительное значение для понимания его педагогического наследия. «Секрет» жизненности педагогики Макаренко в том, что Антон Семёнович от теоретических положений глубочайшей важности сумел провести приводные ремни к повседневной практике воспитания. В такой, например, значительной работе Макаренко, как «Методика организации воспитательного процесса», мы со всей наглядностью можем увидеть это.

Давая не сборник рецептов на все случаи жизни, а продуманную до мелочей систему организации жизни коллектива, Макаренко призывает к максимальной гибкости, оперативности, диалектичности педагогической «техники». Вот почему теория Макаренко, естественно вытекающая из законов воспитания в социалистическом обществе, является не отвлечённой схемой, а глубоко жизненной теорией. В этом её сила и залог успешности её применения.

Теоретические основы методики коммунистического воспитания, разработанные Макаренко, принципиально отличны от любой из систем буржуазной педагогики. Труды Макаренко не просто «улучшение» существовавшей до него теории воспитания, это новая ступень в развитии науки. Пусть кое-что в них связано с конкретными условиями работы Макаренко. Труды Макаренко являются огромным достижением советской педагогической мысли, одним из важнейших источников дальнейшего развития науки о воспитании.

Горячая любовь к Родине пронизывает всю творческую деятельность Макаренко, и огромная признательность и глубокое уважение звучат в его словах, обращённых к авангарду советского народа и всего прогрессивного человечества — Коммунистической партии. От всего сердца восклицает Макаренко: «Прекрасная работа по созданию нового человека! В ней много наслаждения!

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 313.

Я приветствую партию, давшую нам это счастье и радость!»¹

Если в художественное творчество Макаренко внёс культуру труда и вдумчивость педагога, то в свои педагогические выступления Антон Семёнович внёс ясность, точность, пластичность речи, характерные для большого писателя. Яркая афористичность, умение маленьким примером, отдельной художественной и выразительной деталью сказать о большом, значительном, широка обобщений и вместе с тем предельная конкретность, наглядность, неотразимая логика — таковы некоторые черты стиля педагогических работ Макаренко.

Педагогические выступления Макаренко вызвали небывалый отклик. Так, например, в ответ на статью Макаренко «Проблемы воспитания в советской школе» редакция «Правды» получила более двух тысяч писем от педагогов, родителей, партийных и комсомольских работников. Огромный общественный резонанс имели также лекции по радио и выступления Антона Семёновича в различных педагогических и массовых аудиториях.

Писатель В. Г. Финк вспоминает: «Почтальоны носили ему письма со всех концов Союза: к нему обращались за советом люди, по самым разнообразным причинам попавшие в трудное положение: родители, не знавшие, как быть с ребёнком, который не поддается воспитанию; супруги, которые видели, что разваливается семья, и не умели её подержать; молодые, которые переживали крах надежд, и старые, которых постигло непоправимое разочарование, — все писали Макаренко...»

И лифтерам тоже была работа — подымать на восьмой этаж людей, которые приезжали со всех концов Союза, даже из Владивостока, специально за тем, чтобы повидать Антона Семёновича, раскрыть ему душу и услышать, что он скажет, не увидит ли он, где выход из их тупика»².

Говоря о последнем периоде биографии писателя, нельзя пройти мимо одного из замечательных памятных мест, связанных с Макаренко. Дом, где жил Макаренко, находясь в Лаврушинском переулке. Здесь жили и живут многие советские писатели. На восьмом этаже этого, тогда только что построенного, дома поселился с семьёй Антон

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 516.

² Виктор Финк. Литературные воспоминания. М., 1960, стр. 224.

Семёнович.

Квартира Макаренко состояла из трёх комнат: кабинета, служившего одновременно гостиной и столовой, спальни (она же комната жены писателя Галины Стахиной) и меньшей комнаты приёмного сына писателя Л. М. Салько. Антон Семёнович не любил маленьких комнат — в них ему непривычно было работать. Он привык писать в служебных кабинетах колонии и коммуны, вмещавших, если это было нужно, не один десяток людей. Московский кабинет писателя — также просторная, светлая комната.

В кабинете Макаренко — письменный стол, шкафы с книгами, этажерка с журналами и газетами, полированный обеденный стол, старый, принадлежавший ещё родителям писателя, буфет. На стене, рядом с книжным шкафом, небольшие портреты Пушкина, Лермонтова, Чехова, Чайковского, Римского-Корсакова. Одну из стен кабинета украшает красивый голубой украинский ковер с орнаментом, изображающим цветущие плодовые деревья. Антон Семёнович называл этот ковер «окном в весну». На невысоком книжном шкафу — большой украинский кувшин, в котором летом всегда стояли цветы. Возле окон — финиковая пальма, аквариум. В минуты отдыха Макаренко любил смотреть на золотистых и серебряных рыбок, плававших среди зелёных водорослей.

На письменном столе Макаренко много хорошо законченных разноцветных карандашей в резном деревянном стакане, стопа чистой бумаги, листки с очередной литературной работой. Стол украшают фарфоровые бюстики П. И. Чайковского и М. Горького. На столе в простой деревянной рамке фотография М. Горького с дарственной надписью: «Уважаемому человеку А. Макаренко. М. Горький».

Библиотека Макаренко была сравнительно небольшой. Уезжая из Харькова, Антон Семёнович подарил основную часть своих книг коммуны. Книги, находившиеся в московской квартире писателя, были им приобретены в последние годы. Ходить по книжным магазинам, рыться на полках у букинистов было всегда большим удовольствием для Макаренко. Но Макаренко не принадлежал к числу коллекционеров. Книга была ему нужна не как редкость, а прежде всего для работы.

На книжных полках в кабинете Макаренко — труды основоположников марксизма-ленинизма, произведения русской классической и зарубежной литературы, книги советских писателей, работы по русской и всеобщей истории, по истории искусства. Много книг по истории музыки. Обращают на себя внимание книги по технике, в частности по оптике. Руководя сложным организмом коммуны, включавшим в себя большой завод, Макаренко считал необходимым хорошо знать технологию производства плёночных фотоаппаратов.

В кабинете, как и во всей квартире, идеальная чистота. Сияют натёртые до блеска полы. Блестит письменный стол, на котором всегда был полный порядок: Макаренко не мог работать в небрежно убранной комнате.

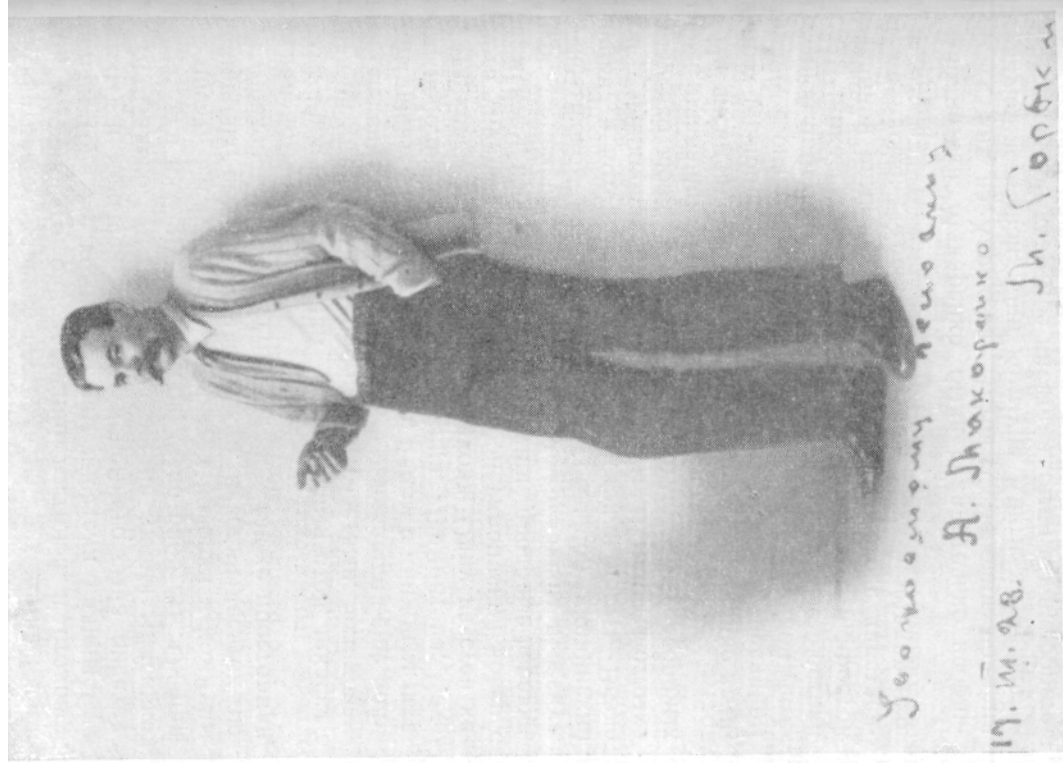
Любимое место писателя — балкон, откуда открывается прекрасная панорама Кремля, столь близкая сердцу писателя. Антон Семёнович часто выходил на балкон — поразмышлять, полюбоваться чудесным видом. На балкон иногда выносили маленький столик, и Антон Семёнович здесь работал. Так Макаренко ещё ближе, непосредственнее ощущал дорогу ему Москву.

Хозяйка квартиры, жена писателя Галина Стахиевна, вносила в жизнь Макаренко теплоту, женское внимание, любовную заботу. Как и прежде, она была деятельным помощником и советчиком Антона Семёновича в его литературной и теоретической педагогической работе. Макаренко высоко ценил это участие жены. Один из друзей Макаренко, профессор В. Н. Колбановский, записал такие слова Антона Семёновича о Галине Стахиевне:

«Галия — моё зеркало... Она обладает замечательной способностью верно угадывать мои мысли, подсказать нужное слово. У неё очень тонко развито чувство правды. Она чувствует малейшую фальшь, надуманность и может вовремя обуздать разыгравшееся воображение... Как правило, я прочитываю ей первой то, что написал, и её заключение является для меня приговором в последней инстанции. Наша дружба и взаимное понимание настолько велики, что по праву я должен считать Галию соавтором моих произведений»¹.

Хорошо передаёт атмосферу квартиры на Лаврушин-

¹ В. Н. Колбановский. Из воспоминаний о Макаренко. Архив А. С. Макаренко.

Фотография М. Горького с дарственной надписью Антону Семёновичу Макаренко.

ском в своих воспоминаниях К. И. Чуковский: «Макаренко, и Галина Стахиевна, и её сын, очень привлекательный мальчик, отнесли ко мне с весёлым радушием, повели на свой новый балкон, показали свою новую квартиру. Вся квартира, так почудилось мне, была наполнена творческими замыслами Антона Семёновича. Он говорил, что теперь то, здесь на приволье, в Москве, он напишет такую-то пьесу, такой-то сценарий, такой-то роман, говорил о своих будущих лекциях, кинокартинах, газетных статьях»¹.

Квартира на Лаврушинском приближает к нам живой образ писателя. Именно в этой обстановке хочется представить Макаренко, каким он был в последние годы жизни. Макаренко московских лет запечатлён в немногих, и тем ещё более дорогих для нас, фотографиях, в воспоминаниях современников. В облике Антона Семёновича не было ничего бросающегося в глаза, эффектного, специфически пиджачного. Вероятно, тот, кто встретил бы Макаренко где-нибудь на улице, в автобусе или в вагоне железной дороги, не обратил на него сразу особенного внимания.

Но таково было только первое впечатление. Стоило взглянуть в лицо Макаренко, заговорить с ним, и впечатление резко менялось. Прежде всего поражали глаза Макаренко, говорившие о человеке огромного интеллекта, редкой души. Недаром ещё М. Горький отметил «умные, зоркие глаза» Антона Семёновича. Это были глаза человека, всё понимающего, очень глубоко видящего окружающий мир, глаза, полные пытливых мысли и тонких эмоций. Глаза Макаренко могли быть саркастически-острыми, ироническими, вдумчивыми, добрыми, ласковыми и нежными. Они были настолько пронизательными, что собеседнику казалось, что Антон Семёнович его видит насквозь.

Взгляд Макаренко был полон удивительной выразительности. И становится понятным, что от одного лишь взгляда Антона Семёновича его воспитанники могли почувствовать себя радостными, счастливыми или ощутить такой душевный трепет, какой не внушало им самое серьёзное наказание.

Столь же выразителен был и несколько глуховатый

¹ *Корней Чуковский*. Макаренко. «Литературная газета», 28 мая 1960 г.

по тембру голос, передававший малейшие оттенки душевного состояния Макаренко. Когда Антон Семёнович требовал от воспитателя, чтобы простую, состоящую из двух слов фразу «можешь идти», он умел сказать «пятнадцатью способами», то это вовсе не была гипербола. Разумеется, это не было требование «актёрства» — это было требование уметь так направить свои душевные силы, мысли, эмоции, чтобы найти им единственно нужное в данный момент словесное, интонационное выражение.

Макаренко был немногословным. Говорил он спокойно, уверенно, только то, что хотел и о чём думал. Поэтому каждое его слово было особенно весомо. Антон Семёнович был мастером словесной дуэли: всего две-три реплики, и противник повержен в прах. Публичные выступления Макаренко были всегда глубоко продуманными, чёткими, до конца убедительными. Жест Макаренко всецело гармонировал с его словом — он был скупым, предельно осмысленным. Красивые нервные руки с длинными пальцами выражали одухотворённость, артистичность его натуре.

Макаренко казался предельно сдержанным, и в то же время это был человек огромного темперамента. В этом не было никакого внутреннего противоречия. Говоря в статье о «Чапаеве» о «всенаполняющем» и страстном стремлении героя книги Фурманова к победе, Макаренко помогает нам понять существенную черту и собственного характера.

«Приходится употребить это далеко не точное слово: «страсть», — говорит Антон Семёнович. — С ним зачастую связываются представления о чём-то стихийном и хаотическом, о чём-то безумном. Страсть Чапаева — страсть другого рода. Это полная мобилизация всех душевных сил человека в одном стремлении, но мобилизация целесообразная, светлая, ответственная в самой своей глубине»¹.

Страстность Макаренко была тоже не быющей через край непокорённой стихией, а разумным, сильным, направленным действием: Она органически сливалась с целеустремлённостью, непреклонной волей. Макаренко

¹ *А. С. Макаренко*. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 237.

мог и умел ставить перед собой большие цели и идти к ним, преодолевая все препятствия на пути.

Неотъемлемой чертой характера Макаренко было постоянное, настойчивое стремление к точности. В точности для Антона Семёновича проявлялось то подлинное уважение к человеку, к коллективу, которое, по его словам, есть основа нашей жизни. В своих выступлениях Антон Семёнович не раз возвращался к этому, столь близкому ему вопросу. Вот характерное высказывание:

«Сколько есть *таких* случаев, когда человеку только немного нравится женщина, а он говорит: влюблён, всё отдам. Почему так говорят? Уважения к точности нет. Если бы это уважение было, человек как-нибудь проверил бы и сразу увидел — влюблён или не влюблён. И если бы было уважение к точности слова, не говорил бы «я вас люблю», а говорил бы «вы мне понравились». Всё-таки это другое, тут надо подумать ещё, надолго ли понравилась. Это отсутствие точности, в конце концов, очень близко к тому недослатку, который называется мошенничеством, точность в нашей жизни — это моральная норма...»¹

Вот почему Макаренко воспитал в себе и воспитывал у своих учеников чувство точности в большом и в малом, ставшее у них «второй натурой». Сказать для Макаренко — это значило сделать. И если Антон Семёнович обещал что-либо, он считал себя обязанным выполнить обещанное, казалось ли это мелочи или важного, принципиального вопроса.

Большие проблемы коммунистической морали, новых этических норм, вопросы воспитания социалистического человека никогда не были для Макаренко только отвлечённой «теорией», но всегда проецировались в практику жизни. Это не только ни в какой степени не снижало их значения, а, наоборот, поднимало на новую высоту. «Наше поведение должно быть поведением знающих людей, умеющих людей, техников жизни, отдающих себе отчёт в каждом поступке. Не может быть у нас этики без знания и умения, без организации»², — говорил Макаренко.

Всех знавших Макаренко поражала его внутренняя

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 451.

² Там же, стр. 453.

организованность, проявлявшаяся повседневно и в главном и в «мелочах жизни». Антон Семёнович ненавидел всяческую ненужную суету, штурмовщину, по его выражению, «темпы угорелой кошки». У Макаренко не было и не могло быть ничего общего и с бездушным рационализмом, стремящимся свести всё к голому расчёту. Организационная работа была для Макаренко живым, полным любви к человеку и вдохновения делом.

Замечательно, что даже такие, казалось бы, отдалённые понятия, как «мечта» и «организация», были для Макаренко тесно связаны: «...очень часто с мечты начинается организация»¹. «Я, очевидно, настолько большой реалист, что не могу мечтать, не переходя к вопросам организационным»². В этих словах — пафос Макаренко-организатора в такой тонкой области человеческой деятельности, как сфера воспитания.

Организованность и точность проявлялись у Макаренко прежде всего в отношении к труду. «Макаренко был готов скорее простить ошибку, чем видеть безделье», — говорил один из ближайших сотрудников Антона Семёновича В. Н. Терский. «Ленивый человек — гадость, ленивый талантливый человек — ужас»³, — утверждал Макаренко.

В письме к бывшему воспитаннику коммуны имени Держинского Л. В. Конисевичу, который много путешествовал по свету и многое видел, Макаренко, советуя ему заняться литературной работой, писал: «Конечно... прежде всего, нужно расправиться с ленью. Даже у самого трудолюбивого человека творчество, работа мысли, работа синтетических и аналитических приборов вызывает наибольшее сопротивление. Нужно заставить себя мыслить, видеть, смотреть, находить, размышлять.

Для этого, прежде всякого другого действия, нужно победить в себе лень»⁴.

Именно в преодолении этого сопротивления, в самоотверженном труде выступает перед нами вся редкая

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 144.

² А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 21–23 октября 1929 г.

Архив А. С. Макаренко.

³ А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 11 февраля 1928 г.

Архив А. С. Макаренко.

⁴ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 460.

нравственная красота Макаренко. Жить для него — значило трудиться, трудиться — значило жить. Огромная трудоспособность Макаренко удивляла даже близких ему людей. Никакой разбросанности, нечёткости в работе. Каждая минута отдавалась труду полностью, до самого конца.

Даже часы отдыха Макаренко посвящались работе. Вот его ответ на письмо жены, советовавшей Антону Семёновичу хоть немного поберечь себя и отдохнуть после трудового напряжения: «Как же... мне гулять? Где это гулять и как? Я от такого гулянья уморюсь больше, чем от работы. Да и работа у меня приятная! Ты себе представить не можешь, какая это приятная работа — писать. Очевидно, у меня природный писательский зуд. Нет ничего приятнее этой работы»¹.

В московские годы Макаренко особенно много писал, «Работаю много, устаю, но доволен. Считаю, что свой долг выполняю»², — пишет Антон Семёнович в декабре 1937 года, и почти через год: «...Сейчас меня нагрузили в нескольких направлениях так, что и обедать не всегда удаётся»³.

Вся жизнь Макаренко была непрерывным трудом, неустанной работой над собой. Каждый день был шагом в движении вперёд, вдохновенным и радостным открытием нового.

Макаренко обладал замечательным чувством сегодняшнего дня, и вместе с тем он всегда был обращён к будущему. Это сказывалось и в большом и в малом. Характерный пример приводит в своих воспоминаниях Галина Стахивна Макаренко: «Когда Антон Семёнович уходил из колонии М. Горького, а затем из коммуны имени Дзержинского, он не взял с собой ни одного журнала, заметки, карготеки, образцов сложного и точного учёта, который он сам организовал, сам вёл по всем разделам жизни детского коллектива, продвижения и роста отдельных воспитанников. И когда ему говорили об этом, он отвечал: «Форма учёта — дело

¹ А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 24 сентября 1933 г. Архив А. С. Макаренко.

² А. С. Макаренко. Письмо к Н. Ф. Шершнёву, 13 декабря 1937 г. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 462.

³ А. С. Макаренко. Письмо к С. А. и Г. К. Калабалиным, 6 октября 1938 г. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 466.

временное, сегодня хорошо это, завтра другое. Нужно будет — напишу ещё». Глубоко разрабатывший учение о перспективе как силе, движущей человеком, Макаренко до конца осуществил его в своей жизни. Перспектива — в большом смысле — есть постоянное стремление к высокому человеческому, нравственному идеалу. Это стремление было присуще Макаренко. Антон Семёнович обладал замечательной способностью делать идеальное реальным.

Макаренко хотел, чтобы чувство идеального было постоянным не каких-либо избранных натур, а каждого человека. Он воспитывал изо дня в день это прекрасное чувство у воспитанников колонии имени М. Горького, у коммунаров. Человек точно восходил на всё более высокие горы. С каждым этапом восхождения пред ним расширялись горизонты, открывались новые увлекательные перспективы.

Конечно, это восхождение не было похоже на шествие по гладкому полю, оно было связано с преодолением трудностей. «Не ищите пути лёгкого, смело шагайте против ветра!» Эти слова, сказанные Антоном Семёновичем на проводах одного из коммунаров в авиационное училище, хорошо выражают пафос преодоления трудностей, присущий Макаренко. Человек редкого бесстрашия, Макаренко учил других мужественно относиться к жизненным невзгодам и страданиям.

Важными документами, характеризующими эту сторону личности Макаренко, являются письма. Они свидетельствуют об умении Антона Семёновича самими простыми, убедительными словами сказать о самом нужном, пробудить в людях мужество и бодрость. Вот отрывок из письма Антона Семёновича к одной знакомой, переживавшей состояние душевного упадка:

«Не могу не рычать и не ругаться. Не хочу вдаваться в частности, но возмущаюсь вообще искажением перспектив. В своих педагогических докладах я всегда настаиваю на необходимости воспитания способностей ориентировки. Как же обидно у своих друзей вместо этой способности наблюдать зияющий провал. Да ещё у каких друзей? У таких умных, талантливых, широких,

¹ Из воспоминаний Г. С. Макаренко, записанных автором книги.

как Вы.

Для ориентировки нужен прежде всего вкус, и у Вас его до чёрта, почему же всё-таки Вы пишете: «...и не очень безобразная смерть». Какая чушь, простите! Разве о смерти можно что-нибудь думать в порядке плана? Мы, люди, имеем неумеренный аппетит к пошлости: нам хочется всегда счастья, благополучия, тишины, душевного покоя, нам не нравится, когда болит зуб или когда болит душа. Только в литературе мы наслаждаемся настоящей человеческими ценностями. А если такая ценность свалится на нашу живую голову, мы начинаем скулить... От всего сердца, старого, опытного, мудрого сердца, желаю Вам хорошего, святого беспокойства и насильственной улыбки. И пусть Вас никто никогда не жалеет, — признак большого к Вам уважения»¹.

Рядом с этим письмом следует привести строки, обращённые Антоном Семёновичем к другой корреспондентке: «Я человек тупой в отношении катастроф. Хорошо знаю две категории катастроф: смерть и подлость... Судя по тону Вашего письма... ни одна из этих категорий катастроф с Вами не произошла... Держите хвост трубой, а если он не держится, тоже держите»².

Ещё отрывок из письма Макаренко к бывшему воспитаннику Горьковской колонии Н. Ф. Шершнёву, врачу, заведующему горздравотделом:

«В твоём письме на первом месте стоит слово «грусть», одно из самых отвратительных человеческих слов. Такое же противное ещё слово «тоска». Я не люблю их за то, что они в сущности слова фиктивные. Я понимаю такую штуку, как горе, ненависть, отчаяние. Это очень серьёзные штуки, и с ними не позорно повозиться. Но скажи, пожалуйста, что такое грусть? Не могу связать это слово с тобой, человеком молодым, сильным, здоровым, красивым, умным. Да и стоишь ты на интересной работе, на месте организатора — самое лучшее, что можно предложить человеку»³.

¹ А. С. Макаренко. Письмо к М. А. Барской, 8 ноября 1938 г. Хранится у Е. М. Барской.

² А. С. Макаренко. Письмо к В. М. Роот, 24 августа 1938 г. Архив А. С. Макаренко.

³ А. С. Макаренко. Письмо к Н. Ф. Шершнёву, 1 июля 1937 г. Архив А. С. Макаренко.

Эти письма, обращённые к самым различным людям, выражают нечто общее — силу утверждения жизни, призыв к правильному пониманию масштаба жизненных явлений. Мужественный, оптимистический характер писем вытекает из неотъемлемой черты личности Макаренко — его оптимизма, ненависти к страданию, уверенности в душевных силах людей, их способности преодолеть несчастья.

Макаренко всем своим существом любил жизнь. Он всегда ощущал её внутреннюю значительность, поэзию и красоту. Макаренко горячо любил человека, радостно отдавал себя жизни и людям, потому что иначе он не мог бы существовать. В письме к одному из своих воспитанников Антон Семёнович с большой искренностью сказал о своём отношении к миру:

«Я так и считаю: жизнь должна быть прекрасна, она и есть прекрасное начало... Я люблю жизнь такую, как она есть. Она прекрасна именно потому, что непрактична, не рассчитана по эгоизму, что в ней есть борьба и опасности, есть страдание и мысль, есть какая-то гордость и независимость от природы...»

Я живу потому, что люблю жить, люблю дни и ночи, люблю борьбу и люблю смотреть, как растёт человек, как он борется с природой, в том числе и со своей собственной природой...»

Самое главное... надо уметь видеть прелесть сегодняшнего и завтрашнего дня и жить этой прелестью. В этом и заключается мудрость жизни...»¹

Постоянная борьба, требовавшая огромного напряжения сил, повседневная самоотверженная работа — всё это не превратило жизнь Макаренко в необходимую, но тягостную жертву.

«Я был весёлым или гневным, но не был никогда сереньким, отдающим себя в жертву, хотя много отдал здоровья и жизни коммунарам... Но никогда не позволил себе сказать, что я собой для них жертвую... Я чувствовал себя счастливым, смеялся, танцевал, играл на сцене, и это убеждало их, что я правильный человек и мне нужно подражать»², — говорил Макаренко. Таким он был и в московские годы.

¹ А. С. Макаренко. Письмо к Ф. Борисову, 15 августа 1938 г. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 464–465.

² А. С. Макаренко. Сочинения, т. IV, М., 1957, стр. 448–449.

Обладавший удивительным чувством юмора, Макаренко мог заразительно смеяться, от души, полной грудью. «Нельзя представить себе настоящего человека без смеха»¹. В этих словах Антона Семёновича хорошо выражено его отношение к радости. Юмор был для Макаренко одним из главных проявлений душевного здоровья, ведь здоровый смех очищает и укрепляет человека.

Богатство душевной жизни Макаренко проявилось и в его неустанном стремлении к красоте. Антон Семёнович тонко чувствовал нравственную красоту человека. Он умел вызывать к жизни это прекрасное, иногда глубоко скрытое в людях. Для Макаренко красота была не далёким, недостижимым идеалом, он вводил её в повседневную жизнь. Вот почему вокруг Макаренко всегда была волнующая атмосфера красоты и праздника.

Необходимым условием полноты жизни было для Макаренко общение с миром искусства, и здесь интересы Антона Семёновича были очень широки. Макаренко горячо любил литературу, музыку, живопись и архитектуру.

Разнообразен был круг литературных интересов Макаренко. Он очень ценил поэзию Лермонтова. Знал наизусть почти всего Тютчева. Очень любил и превосходно читал Маяковского. В числе любимейших произведений Макаренко — эпопея «Война и мир» и «Хаджи Мурат» Льва Толстого. Особенно дорог был Антону Семёновичу Чехов. Макаренко постоянно перечитывал его рассказы.

С большой нежностью Антон Семёнович относился к поэзии «бурно-радостного, светлого, мажорного и могучего» Пушкина (слова самого Макаренко). Множество стихов Пушкина Антон Семёнович знал наизусть. Читал одним из лучших лирических стихотворений Пушкина «Вакхическую песнь». Очень любил «Бориса Годунова». В ноябре 1938 года Антон Семёнович писал жене из Кисловодска, где лечился:

«...Я знаешь, чем занимаюсь? Это в честь тебя: учу Пушкина. Выучил уже несколько стихотворений, а над «Вакхической песней» плакал. А смотри ещё какой:

¹ А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 3–4 мая 1928 г. Архив А. С. Макаренко.

То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай,
То ли дело, братцы, дома!
Ну, пошёл же, погоняй!

Поклонись от меня Александру Сергеевичу, миленькому...»¹

В беседе с молодыми писателями Макаренко утверждал необходимость для литератора знания музыки: «Очень важным в языке является музыкальное ощущение. Для этого нужно ходить на концерты, читать наших великих поэтов... Если писатель не знает музыки, не читает Пушкина, он не дотянется до поэзии»².

Сам Макаренко был знатоком и ценителем музыки. Она была внутренне необходима ему. Музыка вызывала у Антона Семёновича чувство душевного подъёма. Больше всего Макаренко привлекало звучание больших ансамблей — хора, симфонического оркестра, очень любил балет, оперы. «Ивана Сусанина» Глинки знал почти наизусть. Любил оперные и симфонические произведения Римского-Корсакова, мог бесконечно слушать любимого композитора Чайковского.

Страстный любитель театра, режиссёр и участник сотней модельных спектаклей, автор пьес и юмористических обозрений, Макаренко был очень непосредственным зрителем, от души переживавшим всё, что происходило на сцене. Об этом интересе к театру говорит, например, такая деталь. Ещё не живя в Москве постоянно, в один из приездов сюда Антон Семёнович ухитрился за двадцать четыре дня побывать на тридцати спектаклях³.

Макаренко хорошо знал русское изобразительное искусство. Антону Семёновичу близки были многие работы Репина, Серова, Врубеля (в частности, иллюстрации к Лермонтову). Нежно любил Макаренко поэтические пейзажи Левитана. С любовным вниманием относился он к произведениям русской архитектуры. Особенно ценил памятники древнерусского зодчества, так широко и разнообразно представленные в Москве. Антон Семёнович восхищался архитектурой старинных московских церк-

¹ А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 18 ноября 1938 г. Архив А. С. Макаренко.

² А. С. Макаренко. Беседа с начинающими писателями, 11 июля 1938 г. Стенограмма. Архив А. С. Макаренко.

³ Из воспоминаний Г. С. Макаренко, сообщённых автору книги.

вей, храмом Василия Блаженного, архитектурным ансамблем Кремля. Макаренко интересовали и великолепные памятники русской архитектуры XVIII—XIX веков.

Любя славное прошлое Москвы, Макаренко с пристальным вниманием следил за бурным ростом столицы Советского Союза. Ему, строителю, соиздателю по темпераменту, было близко социалистическое преобразование города. Как подлинный москвич, Антон Семёнович гордился московским метро — лучшим в мире, восхищался новым Крымским мостом, красивыми набережными Москвы-реки. Макаренко любил сестр в какой-нибудь троллейбус или автобус и очутиться на далёкой московской окраине, чудесным образом изменявшей свой облик. Макаренко внимательно изучал план строительства новой Москвы, выписывал журнал, посвящённый реконструкции города. В библиотеке писателя много книг о Москве.

Как и прежде, Макаренко, не менее чем искусство и литературу, любил историю. Антон Семёнович чувствовал себя настолько подготовленным в этой области, что начал работу над учебником русской истории для средней школы, на который тогда был объявлен конкурс. К сожалению, другие неотложные литературные работы помешали Макаренко осуществить этот замысел. Эрудиция Антона Семёновича в специальных вопросах истории русско-японской войны 1904 года поразила историка и участника войны генерала А. А. Игнатьева, автора знаменитой книги «Пятьдесят лет в строю».

Антон Семёнович внимательно следил за новейшими достижениями науки и техники. Многосторонняя одарённость сказала также в превосходном знании Макаренко математики и физики.

Невозможно до конца понять Макаренко-человека, не осознав одной важной черты его характера — лиризма. Обычная сдержанность Антона Семёновича, его нелюбовь ко всяческому излишнему только ещё более оттеняет это. Лиризм пронизывает произведение Макаренко, он проявляется в его отношении к людям, в любви к природе.

В московские годы Макаренко общается со среднерусской, «левитановской» природой, скромная прелесть которой была так близка сердцу писателя. Антон Семёнович любил природу, цветы, особенно розы.

Очень любил Макаренко море. «Вы не имеете никакого понятия о том, как я люблю море, — читаем мы в одном из писем Макаренко. — Я умею в море видеть не только воду, а всю человеческую историю. Оно живое и, правда же, умное, умное, сердитое, серьёзное, сильное. Таким должен быть человек, как море»¹.

С этими строками, написанными в 1928 году, переключаются строки из другого, позднейшего письма: «Мне целый день хочется смотреть на небо. Вы знаете, такая замечательная штука весна. Всё-таки жаль, что в нашей жизни не так много вёсен осталось»².

Отношение Макаренко к природе и искусству было далеко от какого бы то ни было потребления. Оно являлось глубоко творческим, основанным на понимании необходимости для внутреннего роста человека и науки, и литературы, и живописи, и музыки, и общения с природой. Всё воспринятое Макаренко сумел сделать органической частью своей личности.

Редкая культура, огромный ум, светлая воля сочетались у Макаренко с покоряющей сердечностью, и в этом было его особое обаяние.

Правда, Антон Семёнович далеко не сразу раскрывался перед людьми. Больше того: первое впечатление могло и не расположить к нему. С иными людьми Макаренко подчёркнуто держался на дистанции — он удивительно умел это делать.

Но вот Макаренко «брал вас к себе», и совершалось то, что могло показаться чудом. Серо-голубые, казавшиеся холодноватыми, глаза загорались тёплым огнём, а открытая, пленительная улыбка делала лицо Антона Семёновича бесконечно привлекательным, даже красивым. Тогда первое впечатление совершенно стиралось, и Макаренко становился бесконечно родным, близким, дорогим человеком.

Стратег педагогике, умевший определять пути множества людей, составляющих большой коллектив, Макаренко всегда был внимателен к отдельным людям:

¹ А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 25 апреля 1928 г. Архив А. С. Макаренко.

² А. С. Макаренко. Письмо к Р. А. Ковнатор, 21 апреля 1936 г. Цитируется по воспоминаниям Р. А. Ковнатор. Архив А. С. Макаренко;

А. С. Макаренко. Москва, 1936 г.

«Если к одному человеку относиться внимательно, к его затруднению, к его сомнению, к его теплу, то это, пусть ничтожный, но такой важный элемент какой-то важной человеческой культуры»¹, — говорил Макаренко.

¹ А. С. Макаренко. Запись в тетради, озаглавленной «Роман. 1935 г.». Архив А. С. Макаренко.

Подлинно культурным человеком, не внешне цивилизованным только, а именно культурным, был для Макаренко только тот, кто умел так относиться к людям. Человек интересовал Антона Семёновича как неповторимая индивидуальность, как сложный и прекрасный мир. Так писателя интересует герой книги, воспитателя — воспитанник, друга — близкий друг.

Макаренко в высокой степени обладал способностью понять социальную, нравственную стоимость человека. Он сам это ясно сознавал: «Я убеждён, что мне дарован особый талант в жизни знать ценность людей и уметь найти среди людей самого особенного, самого замечательного человека»¹.

Для Макаренко не было незначительных, неинтересных, маленьких людей. Каждый человек был для него по-своему интересен, чем-то примечателен. Макаренко умел входить в круг интересов своего собеседника, видеть то главное, чем в данное время живёт человек. Антон Семёнович обладал ещё одним, к сожалению, не так уж часто встречающимся качеством — он замечательно умел слушать другого человека. Всё это привлекало к нему самых различных людей.

«Особенно привлекало к Антону Семёновичу его исключительное благородство, — говорит один из ближайших сотрудников Макаренко, В. Н. Терский. — Он умел окружать людей вниманием и делать это так, что сам он здесь ни при чём, и не придёшь и не скажешь спасибо. Но все чувствовали его заботу, хотя и не все знали, когда и как она организована»².

Сделавшись известным, можно сказать знаменитым, Макаренко оставался таким же благородно простым и внимательным в отношении к людям. Этот «удивительный человек» не давал почувствовать другому своему его умственного или нравственного превосходства. Он относился к нему как равный к равному.

¹ А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко, 12–13 октября 1929 г. Архив А. С. Макаренко.

² В. Н. Терский. Из воспоминаний о А. С. Макаренко. Архив А. С. Макаренко

Макаренко стремился помочь человеку преодолеть трудности, умел заставить его научиться уважать себя, внушить ему веру в собственные силы. И каждый с Макаренко чувствовал себя выше и лучше.

Большую радость доставляли Антону Семёновичу встречи с воспитанниками, приезжавшими в Москву и приходившими запросто в квартиру на Лаврушинском. «У меня бывает много коммунаров, — писал Макаренко бывшему воспитаннику Л. Конисевичу. — Вася Ключник бывает у нас почти ежедневно. Были харьковские актёры во главе с Клавой Борискиной, заходят и другие. Народ всё правильный, и моя совесть не страдает»¹.

Очень возросло и письменное общение Макаренко с бывшими колонистами и коммунарами. «Мне приходится один день в неделю тратить на переписку», — говорил Антон Семёнович. Давно оставив родной коллектив, живя где-либо в дальних уголках Советской страны, воспитанники тянулись к человеку, заменившему им родного отца, делились с ним самыми задушевными мыслями и чувствами, получали от него моральную поддержку, одобрение или нелицеприятное осуждение. Молодёжь любила Антона Семёновича со всей искренностью, на какую только способна юность. Макаренко отвечал своим воспитанникам горячей и требовательной отцовской любовью.

В то же время Антон Семёнович с какой-то благоговейной нежностью относился к людям старшего поколения. За каждым из стариков Макаренко ощущал прожитую им большую трудовую жизнь, годы надежд и разочарований. Антон Семёнович не раз говорил: «Представляете, как надо относиться к старикам. У нас с вами, вероятно, ещё годы жизни, а старику, может быть, осталось прожить только немногие месяцы»². Макаренко стремился, как мог, украсить старость, внести хотя бы маленькую радость в угасающую жизнь старого человека.

Доброта Макаренко никогда не переходила в сентиментальное добродушие. Душевная отзывчивость не превращалась в бесплодное мягкосердечие. Антон Семёнович

был реалистом в отношении к людям в большом и личном смысле этого слова. Это реализм, основанный на трезвом понимании противоречий жизни, её внутренних закономерностей, на глубокой уверенности в нравственной победе человека над враждебными ему силами.

«Любовь — это самое великое чувство, которое вообще творит чудеса, которое творит новых людей, создаёт величайшие человеческие ценности»¹, — говорил Макаренко. Понимание любви к людям как величайшего творческого начала было органически присуще автору «Педагогической поэмы». Все лучшие силы своей души, огромный ум; редкий талант писателя и педагога, всю свою неистребимую любовь отдал Макаренко людям.

Источником нравственной силы Макаренко была любовь к Родине. Она пронизывает всю работу художника и воспитателя. Как патриот, живущий одной жизнью с советским народом, выступает Макаренко в своей публицистике, относящейся в основном к московским го-дам.

Публицистические статьи Макаренко — это правдивый, страстный голос советского человека, гражданина социалистической Родины. Публицистическому стилю Макаренко присущи эмоциональность, образность, живые, разговорные интонации, железная логика, глубина и ясность мысли.

В центре публицистики Макаренко — тема Советской страны и советского человека. Этой теме посвящена статья «О личности и обществе». Макаренко вскрывает всё бессилие попыток разрешения проблемы личности и общества идеологами экплуататорских классов, всю ложность деклараций буржуазных конституций, пытающихся иллюзиями «свободной личности» скрыть жалкое положение простого человека, живущего под буржуазным гнётом. Эту жизненную проблему, волновавшую человечество на протяжении многих столетий, писатель рассматривает в свете огромных завоеваний советского государственного строя.

Макаренко показывает конкретные пути разрешения этой проблемы в нашей стране — новую, социалистическую дисциплину, определяющую действительную

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. IV, М., 1957, стр. 458.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 459.

² Из воспоминаний Г. С. Макаренко, записанных автором книги.

свободу граждан Советской страны, творческий труд, радостное сознание единства личности и коллектива, реальность человеческого счастья в обществе, освобождённом от эксплуататоров.

В ряде статей Макаренко обращается к теме морально-политического единства советского народа, как залогом счастливой жизни советских людей, как важному условию успеха построения коммунистического общества. Этой теме посвящены статьи «Выборное право трудящихся», «Писатели — активные деятели советской демократии», «Прасковья Никитична Пичугина». Откликаясь на выборы в Верховный Совет СССР, на завоевание Северного полюса, на перелёт советских лётчиц Москва — Дальний Восток, писатель всюду возвращается к этой близкой для него теме.

С присущим ему мастерством портретиста Макаренко в очерке «Прасковья Никитична Пичугина» нарисовал образ простой русской женщины, прошедшей большой путь. В биографии П. Н. Пичугиной Макаренко увидел замечательный пример могущества советского социалистического общественного строя, освободившего, вызвавшего к жизни творческие силы народа.

В завоевании Северного полюса советскими людьми писателя «наиболее поражает нравственное звучание целого века». Вспоминая историю экспедиции капитана Скотта 1912 года, погибшего на обратном пути с Южного полюса, Макаренко рисует трагическую бесплодность «одинокого героизма личности», лишённой связи с народом. В участниках советской полярной экспедиции писатель видит «людей нового подвига и новой человеческой этики», «не случайных «джентльменов» героического почина, а «крепкий коллектив, связанный со всей страной многолетним напряжённым опытом борьбы»¹.

Об источнике великих побед советского народа Макаренко говорит в статье «Советские лётчицы» (1938 г.): «Гордись каждым подвигом, каждым проявлением героизма в нашей стране, мы возвращаемся мыслью к основным причинам нашего нового социального самочувствия — к Октябрьской революции. Только в социалистических условиях общественной жизни у человека вырастают настоящие крылья, и вырастают они у всего народа, обрадованного

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, 1958, стр. 19.

возможностью развернуть и расправить плечи...

И самый полёт — это не только сверхмерное, выпирающее из жизни явление, это уже порядок большого человеческого и гражданского значения, и это порядок, находящийся в глубокой и органической связи со всей советской жизнью. В этом порядке и высота души, и женская судьба, и техника, и человеческая защищённость — всё это как следствие строгих законов нового общества, как естественный результат великого нашего роста»¹.

Рассказывая о трудовых буднях Московского подшипникового завода, Макаренко с гордостью говорит о могучем ощущении нашей победы, об «энергии и оптимизме счастливого, творящего советского народа». Вместе с лучшими представителями нашей культуры Макаренко выступает в защиту мирного созидательного труда против империалистических поджигателей войны:

«Новое истребление человечества среди бела дня открыто готовится вокруг нас.

Невиданное в истории мира совершилось... вырос на равнинах некогда нищей и отсталой России сияющий великий социализм...

И если вспыхнет война, наш гражданин и гражданин мира под знаменем гуманизма спокойно свернёт шею любой фашистской гадине, под каким бы национальным флагом она ни бросилась на СССР. И эта победа будет самой гуманистической победой в истории»².

Макаренко, как и миллионы советских людей, вдохновляла великая идея строительства коммунизма. Эта идея вошла в его плоть и кровь, она продиктовала Антону Семёновичу полные глубокого смысла слова: «В борьбе за коммунизм мы уже сейчас должны воспитывать в себе качества члена коммунистического общества»³. В гармонически одухотворённом, неповторимом облике Макаренко воплотились черты прекрасного человека будущего коммунистического общества.

Московские годы вошли в жизнь Макаренко большой датой — 13 марта 1938 года Антону Семёновичу исполнилось пятьдесят лет. Свой полувек юбилей, скром-

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 56–57.

² Там же, стр. 149, 151.

³ А. С. Макаренко. Сочинения, т. IV, М., 1957, стр. 38.

но отмеченный друзьями и знакомыми писателями, Макаренко встретил в полном расцвете душевных сил.

31 января 1939 года «за выдающиеся успехи и достижения в развитии советской литературы» правительством СССР наградили орденами многих крупных советских писателей, и в их числе Макаренко. Антон Семёнович был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Макаренко ответил на высокую награду новым творческим подвёдом. Он написал ряд замечательных статей, и среди них глубокие по мысли «Литература и общество» и «О коммунистической этике». Антона Семёновича волновали новые художественные замыслы. Перед ним стояла задача продолжить и закончить «Книгу для родителей» и роман «Пути поколений». По завершении этих работ Антон Семёнович думал отдать года три большому труду о коммунистическом воспитании.

В начале 1939 года Макаренко особенно много выступал публично. 8 февраля он прочитал доклад «Воспитание в семье и школе» в Московском доме учителя. 18 февраля произнёс речь на двадцатилетнем юбилее школы № 1 Ярославской железной дороги. Здесь произошла сердечная встреча Антона Семёновича с его учителем, бывшим директором Полтавского педагогического института А. К. Волниным. 1 марта Макаренко прочитал публичную лекцию на тему «Коммунистическое воспитание и поведение» в Московском государственном университете. 29 марта Антон Семёнович выступил с докладом «Из опыта работы» на совещании учителей Ярославской железной дороги.

В последние годы своей жизни Макаренко особенно интересовался жизнью нашей школы. Ещё в 1935 году Антон Семёнович направил М. Горькому свою записку «Некоторые соображения о школе и наших детях», сохранившую своё значение и до настоящего времени. Здесь намечен широкий круг вопросов, касающихся строительства школы. В частности, затронуты вопросы формирования единого школьного коллектива, системы поощрения лучших учителей (введение званий «заслуженный учитель», «народный учитель»).

Макаренко стремится сделать свой педагогический опыт достоянием советской школы. Об этом свидетельствуют его статьи и педагогические выступления. Антон

Семёнович бывает в московских школах, встречается с педагогами и работниками народного образования.

Об интересе Макаренко к жизни школы свидетельствует эпизод, рассказанный К. И. Чуковским. Даже находясь на лечении в Кисловодске в ноябре 1938 года, Антон Семёнович, урывая время от отдыха и литературной работы, посещал уроки в местной школе. Вполне закономерным было решение Макаренко встать во главе рядовой московской средней школы, чтобы творчески применить здесь проверенные в его практике методы воспитания и обучения. Можно себе представить, какие блестящие открытия были бы сделаны Макаренко на новом для него участке педагогической работы и какое значение для нашей школы получил бы опыт Макаренко!

Макаренко находился в состоянии огромного творческого подъёма. О своём самочувствии литератора и гражданина Антон Семёнович с большой искренностью рассказал в статье «Писатели — активные деятели советской демократии»:

«С особенной яркой гордостью хочется всем сказать, ещё раз сказать, ещё раз повторить: я — гражданин Советского Союза.

В этом утверждении, таком как будто обычном и привычном, с каждым новым днём нашей жизни находишь новое, радостное содержание.

Мне хочется в каком-то коротком движении мысли, и воли, и чувства обратиться к нашему будущему, страшно хочется войти в него скорее, увлечь за собой других, хочется работать, творить, жадно хочется реализовать небывало прекрасные наши возможности.

Ощущение моей связи с партией, ощущение моего гражданского и человеческого, политического и нравственного единства с ней давно затупевало и нивелировалось звучание слова «беспартийный», — говорил Антон Семёнович.

В феврале 1939 года Макаренко подал заявление о вступлении в Коммунистическую партию. Вопрос о приёме Антона Семёновича в ВКП(б) был включён в повестку партийного собрания Союза советских писателей 4 апреля 1939 года.

В начале марта 1939 года Макаренко приехал в

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 139–140.

Харьков, где выступил в Педагогическом институте с лекцией «Мои педагогические воззрения». В Харькове Антон Семёнович тепло встретился с группой бывших воспитанников коммуны имени Держинского. Макаренко по-отечески расстрашивал молодых людей о их жизни, делился своими планами и замыслами.

Никто не мог предполагать, что это была последняя встреча. Напряжённый труд в течение многих лет подорвал крепкое здоровье Макаренко. Ещё в 1928 году Антон Семёнович писал жене: «По секрету. Я ведь всё время страшно боюсь, что меня не надолго хватит. Я ведь живу только за счёт нервов»¹.

Макаренко обладал совершенно исключительной впечатлительностью, которая была скрыта за его обычной сдержанностью. Каждое тяжёлое происшествие в жизни учреждений, которыми Макаренко руководил, переживалось глубоко внутри, внешне же Антон Семёнович был, как всегда, спокоен. Несмотря на всё ухудшающееся состояние здоровья, Макаренко работал с возрастающей энергией.

«Мне пришлось быть свидетелем исключительного трудолюбия Антона Семёновича во время совместного пребывания в Доме творчества писателя в Малеевке, — вспоминает профессор В. Н. Колбановский. — Антон Семёнович писал «Книгу для родителей». Писал настойчиво, по листу в день.

— Зачем вы так много пишете? Здесь дом отдыха, гуляйте побольше, — советовал я ему.

— Боюсь, не успею написать всего, что надо. А надо много написать... Много пережито и передумано... Поэтому надо писать как можно больше и скорее...

В голосе Антона Семёновича послышались грустные нотки. Вероятно, ощущение слабющего сердца навредило его на мысль о скорой смерти. Это как-то не вязалось с его обычной жизнерадостностью и оптимизмом².

Здоровье Макаренко всё ухудшалось, несмотря на то, что в 1938 году Антон Семёнович дважды лечился в санаториях. «Я много работаю, и в августе доработался до

обморока на улице. Милиционеры подхватили меня в объятия и прислали домой»¹, — писал Макаренко в октябре 1938 года одному из коммунаров.

Первого апреля 1939 года Макаренко возвращался в Москву из подмосковной дачной местности Голицыне. В руках у него был сценарий, который он вёз на кинофабрику. Макаренко вошёл в вагон пригородного поезда. Услев сказать только: «Я писатель Макаренко», Антон Семёнович скончался от разрыва сердечной мышцы.

Это была смерть в полном расцвете душевных сил, смерть на посту, глубоко поразившая многочисленных друзей-читателей. У гроба Макаренко, в зале правления Союза советских писателей, собрались воспитанники, соратники и друзья Антона Семёновича. В почётном карауле стояли герои его книг и читатели. Каждый, кому пришлось быть участником прощания с писателем, никогда не забудет глубоко искреннего проявления скорби не только тех, кто лично знал Макаренко, но и тех, кто никогда его не видел.

Всех присутствующих не покидало необычное ощущение. Об этом хорошо рассказано в предисловии к полному изданию повести «Флаги на башнях» её редактором Ю. Б. Лукиным. «У гроба Макаренко можно было видеть воочию материальное выражение бессмертия. Человек умер, но в собравшихся у его гроба юношах во всех есть какая-то неуловимая черта, которая делает их больше чем членами одной семьи. Выражение ли лица, макаренковский ли мягкий юмор, особая ли макаренковская душевная чистота, — но вы узнаете его черты, его внутренний облик. Он, Макаренко, часть его существа безусловно осталась жить в этих людях»².

Жизнь воспитанников Антона Семёновича, их борьба, боевые и трудовые подвиги являются наглядным выражением бессмертия дела Макаренко.

Макаренко похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище, этом Пантеоне русской литературы и искусства.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 459.

² А. С. Макаренко. Флаги на башнях. 1939, стр. 7.

писателя темой книги вытекала из актуальности проблемы семейного воспитания. Она была подготовлена и многолетними наблюдениями педагога и художника.

Мы знаем, что ещё в годы работы в Крюкове Макаренко уделял много внимания семьям своих учеников. Позднее, в 30-х годах, Антону Семёновичу снова пришлось близко соприкоснуться с жизнью семьи: трудными воспитуемые дети из неудачных семей стали основным контингентом «новичков», направляемых в коммуны имени Дзержинского. Ещё более приблизил Макаренко к жизни семьи работа в отделе трудовых коммун Министрства внутренних дел Украины. Антон Семёнович стал часто бывать в семьях воспитанников коммун, лично познакомился с родителями многих детей.

Макаренко накопил серьёзный опыт воспитания и у себя дома. Со времени женитьбы Антон Семёнович заменил отца приёмному сыну Л. М. Салько. В семье писателя некоторое время воспитывалась его племянница О. В. Макаренко.

Сыграли большую роль в обращении Макаренко к теме семейного воспитания и беседы с А. М. Горьким в первой половине 30-х годов. По словам Антона Семёновича, М. Горького в это время «очень интересовали вопросы семьи» и «что, по-моему, нужно сделать, чтобы укрепить семью»¹. В связи с подготовкой нового закона об укреплении семьи в 1936 году вопросы семейного воспитания оживлённо обсуждались в советской прессе и на собраниях трудящихся. Это также было стимулом для писателя.

Макаренко далеко не сразу нашёл тему и жанр книги. В октябре 1935 года, по окончании «Педагогической поэмы», Антон Семёнович писал: «...Поэма свалилась с плеч. Теперь ощущаю некоторую пустоту, абсолютно не знаю, о чём буду писать дальше. Галя [жена писателя Галина Стахивна] настойчиво советует писать «Книгу о мальчиках», где, по её мнению, нужно выложить всю мою педагогическую философию, но обязательно в художественной форме, сопровождаемая всё сравнениями, сентенциями, лирическими отступлениями и т. д. Я ещё

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 292.

ГЛАВА XIV

ПОИСКИ И СВЕРШЕНИЯ

Московские годы явились новым, важным этапом творческого, пути Макаренко. Огромный успех «Педагогической поэмы» не заставил Антона Семёновича успокоиться на достигнутом. По самому складу своей индивидуальности писатель не был способен на варьирование даже блестяще удавшейся ему темы. Макаренко упорно искал воплощения новых волновавших его идей.

Одно из лучших своих произведений этих лет, «Книгу для родителей», Макаренко посвятил вопросам семейного воспитания. В повести «Флаги на башнях» он создал обобщённый образ коллектива коммунаров. В рассказах о молодёжи, в повести «Честь» и незаконченном романе «Пути поколения» по-новому прозвучала тема воспитания жизни. От документальной в основе «Педагогической поэмы» Макаренко обратился к произведениям, где большее место занял художественный вымысел. Писатель значительно расширил свой жанровый диапазон. В творчестве Макаренко появились рассказ, повесть, роман, киносценарий.

1. «КНИГА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ»

Творчество Макаренко московских лет открывается «Книгой для родителей», впервые опубликованной в 1937 году в журнале «Красная новь» и в этом же году вышедшей отдельным изданием. Большая заинтересованность

не продумал это предложение и даже не представляю себе, что это может быть»¹.

В дальнейшем замысел этот изменился и расширился. «Книга для родителей» была написана Макаренко в соавторстве с женой. Галина Стахиевна давно интересовалась вопросами семейного воспитания; она собрала и подготовила обширные литературные материалы, относящиеся к данной теме. Эти интересные и ценные сами по себе материалы были переработаны и значительно дополнены Макаренко.

Макаренко в новом произведении поставил целью помочь миллионам родителей в разрешении повседневных воспитательных задач. По характеристике Макаренко, «Книга для родителей» должна была перевести общие положения марксизма-ленинизма по вопросам воспитания «на язык семейного быта и семейного поведения»².

Однако это не превратило книгу в педагогическую монографию или в серию очерков, иллюстрирующих теоретические положения автора. Макаренко создал оригинальное произведение, органически сочетающее рассказ, очерк, зарисовку с натуры с деловой публицистической речью. Всё вместе образовало неразрывное художественное единство, которому было найдено название «Книга для родителей».

Новаторство писателя станет ещё более понятным, если мы вспомним, что подобной книги не было ни в русской, ни в зарубежной литературе. Семья чаще всего рассматривалась со стороны супружеских отношений. Отражая буржуазную действительность, художественная литература изображала семью в плане бесконечно варьирующегося адюльтера, фатально неизбежного антагонизма между «отцами и детьми» или в плане распада семейных отношений. Советская литература ещё не накопила опыта изображения семейного воспитания. Таким образом, Макаренко стал пионером большой и важной темы.

Макаренко удалось разрешить необычайно трудную задачу органического слияния теоретических положений педагогической науки и образов искусства. Что объединяет

всю сложную структуру произведения? Конечно, прежде всего монолитность его темы, развёртывающейся в разнообразных художественных аспектах. Но не только это. Через всю книгу проходит образ автора-повествователя, данный с замечательным художественным тактом.

Автор — рассказчик, кровно заинтересованный в судьбах своих героев, проницательный воспитатель, жelaющей действительно помочь семье. Это — художник, умеющий в маленьком рассказе передать большое содержание. Это — увлекательный и умный собеседник. Живая интонация беседы человека, более сведущего в вопросах воспитания, чем читатель, человека, много видевшего и о многом думавшего, пронизывает всю книгу, объединяет различные тематические куски книги, делает естественными переходы от художественного текста к публицистическому, связывает разнообразные художественные компоненты произведения.

Рассказчик повествует о том, чему был свидетелем в жизни. Это не только художественный приём. В «Книге для родителей» много реальных наблюдений Макаренко. С другой стороны, здесь значительное место занимают события и ситуации, явившиеся плодом творческой фантазии писателя. Но такова уж сила Макаренко — художника слова, что это сочетание воспринимается читателем как монолитное единство.

После «Педагогической поэмы», с её эпически широкой темой коллектива, Макаренко не побоялся сузить поле своего изображения до маленького мирка семьи. На страницах «Книги для родителей» мы видим мелочи семейной жизни, то, на что люди чаще всего не обращают внимания. Но это не перевело книгу Макаренко в интимный камерный план. Писатель сумел в новом произведении взглянуть на семейные отношения с большой идейной высоты, связать вопросы воспитания в семье с основными проблемами коммунистического воспитания в целом.

С глубоким проникновением в психологию детей и родителей нарисовал Макаренко воспитание в семье как внутренне закономерный процесс, как важное общественное явление. Большая идейная, художественная ценность «Книги для родителей» состоит в том, что писатель рассматривает семью как неотъемлемую часть

¹ Архив А. С. Макаренко.

² А. С. Макаренко. Сочинения, т. IV, М., 1957, стр. 436.

советского общества и семейное воспитание как важнейшее слагаемое коммунистического воспитания.

В начале «Книги для родителей» дана превосходная, полная патриотической гордости характеристика «ни с чем не сравнимого мирового явления» — советской молодёжи. Писатель характеризует юношей и девушек нашей Родины как людей героического труда, строящих первое в мире социалистическое общество. На этом фоне кажутся особенно ненормальными случаи воспитательного «брака», порчи драгоценного человеческого материала.

Макаренко ставит своего читателя перед лицом неблагоприятия в семье, явного или тайного семейного конфликта. Вот отец, сознающийся, что он не в силах справиться с воспитанием тринадцатилетнего сына; родители, беспомощно жалующиеся, что «уличные мальчишки» «разлагают» их любимого Серёжу; семья, где дети самым возмутительным образом третируют отца и мать, извративших в своей воспитательной практике положение «родители и дети должны быть друзьями». Вот члены одной семьи, казалось бы самые близкие люди, но они превращаются в людей чужих и даже враждующих.

Кто в этом виноват? Ведь, за мальцами исключениями, родители — честные советские люди, любящие своих детей и желающие им всего самого хорошего. Таковы, например, герои книги: библиотекарьша Вера Игнатьевна Коробова, столяр Василий Иванович Минаев, военный работник Тимофей Петрович Волгин. Да и дети по существу вовсе не так уж плохи. Именно поэтому изменение условий семейного воспитания так быстро их «выправляет», пробуждает лучшие человеческие черты характера, включает в трудовую жизнь семьи.

Дело прежде всего в том, утверждает Макаренко, что многие отцы и матери, хорошие специалисты в пределах своей профессии, вовсе не квалифицированные воспитатели: они не приобщены к научным основам семейной педагогики. Родители часто не понимают, что всякий ребёнок с самых ранних лет должен быть самым тщательным и серьёзным образом *воспитан*, что воспитание должно происходить не от случая к случаю, а постоянно, систематически.

Автор «Книги для родителей» борется со старым представлением, что семейное воспитание это стихия, самотёк.

Макаренко подчёркивает, что воспитание не должно быть проявлением слепой родительской любви, боящейся «огорчить» любимого ребёнка. Каждой страницей книги Макаренко утверждает необходимость правильной, целеустремлённой, продуманной до мелочей научной *организации* этого процесса.

Воспользовавшись традиционным сравнением «дети — цветы жизни», Макаренко сумел раскрыть смысл воспитательного процесса на страницах «Книги для родителей».

«...«Цветы жизни». Это хорошо. Но скоропалительные в суждениях, сентиментальные люди не дали себе труда задуматься над этими прекрасными словами. Если сказано «цветы», значит, нужно цветами любоваться, ахать, носиться, нюхать, вздыхать...»

«Цветы жизни» надлежит представлять себе не в виде «роскошного» букета в китайской вазе на вашем столе. Сколько бы вы ни восторгались такими цветами, сколько бы ни ахали, эти цветы уже умирают, они уже обречены, и они бесплодны. Завтра вы прикажете их просто выбрать...»

Нет, наши дети вовсе не такие цветы. Наши дети цветут на живом стволе нашей жизни, это не букет, это прекрасный яблоневый сад. И этот сад — наш, здесь право собственности звучит, честное слово, очаровательно! Трудно, конечно, не любоваться таким садом, трудно ему не радоваться, но ещё труднее не работать в таком саду. Будьте добры, займитесь этим делом: вскапывайте, поливайте, снимайте гусеницу, обрезайте сухие веточки¹.

Ребёнок, непосредственно и жадно впитывающий в себя впечатления окружающего мира, воспитывается не на разговорах и поучениях, а прежде всего на повседневном примере жизни родителей, их отношений между собой, отношений к другим людям, к общественным, государственным обязанностям, к труду.

Для Макаренко успех семейного воспитания решает поведение родителей, их человеческие качества, общественное лицо, умение организовать жизнь семьи, общая семейная атмосфера. Могучее средство воспитания —

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. IV, М., 1957, стр. 21.

общественная жизнь Советской страны, в которую ребёнок включается в школе и в детских культурных учреждениях (Дома пионеров, клубы и т. д.).

В «Книге для родителей» одинаково поражает способность автора к широкому теоретическим обобщениям, сила научного синтеза и дар художника-аналитика. Макаренковский анализ обладает неотразимой силой убедительности, потому что он основан на глубоком знании действительности, на совершенном владении методами науки о воспитании. Автор «Книги для родителей» проникает в сложную структуру семьи, вскрывает явные или скрытые семейные конфликты, уясняет причины дефектности семейных отношений.

Произведение написано рукой большого художника, уже создавшего «Педагогическую поэму». Как и в «Поэме», в «Книге для родителей» Макаренко показал себя мастером точного, образного языка, смелой метафоры, великолепным портретистом, умеющим в немногих словах запечатлеть черты внешнего и внутреннего облика человека, нарисовать развитие характера. Писатель развернул в книге разнообразие индивидуальные и групповые портреты. Наконец, Макаренко выступил здесь как блестящий мастер публицистического жанра. Глубина мысли, заразительная эмоциональность, огромная сила утверждения характеризуют книгу.

Через «Книгу для родителей» проходит красной нитью мысль, что семья не простое соседство людей, связанных родственными отношениями, а *коллектив*, естественная первичная ячейка советского общества, основанного на принципе коллективизма. Чем дружнее, сплоченнее, организованнее семейный коллектив, тем полноценнее результаты воспитания. Наоборот, потеря качества коллектива с железной необходимостью ведёт к распаду семьи, обрекает на страдания родителей, духовно калечит детей.

В этом отношении характерен эпизод книги, посвящённый семье Евгении Алексеевны Жуковой. Уход мужа не только внёс большое горе в жизнь молодой женщины, он разрушил весь сложившийся строй семьи. Отец, оставив семью, нанёс жестокий удар и своему сыну, десятилетнему Игорю, озлобил его, лишил детской доверчивости, непо-средственности. Только когда в семью вошёл новый муж Евгении Алексеевны, любящий жену и детей человек,

мальчик стал внутренне выпрямляться. И мы почувствовали, что разрушенная семья будет восстановлена.

Причины неудач воспитания в семье разнообразны, как различны уклады жизни семей. Макаренко нашёл в «Книге для родителей» слова, определившие главную ошибку воспитателей: «Может быть, все провалы воспитания можно свести к одной формуле: «воспитание жадности». К этой краткой и простой формулировке писатель делает немаловажное добавление: «Постоянное, неутомленное, тревожное, подозрительное стремление побрести способно выражаться в самых разнообразных формах, очень часто вовсе не отвратительных по внешнему виду»¹.

«Воспитание жадности» начинается часто с мелочей, незаметных родителям. Макаренко рисует живую сценку, где всего три действующих лица: мать, двухлетний Жора и самая обыкновенная кошка. Ребёнок с презрением смотрит на чашку молока, которую настойчиво предлагает ему чрезмерно заботливая мать. Она говорит сыну, имитируя «детский» язык:

«— Кошка хочет съесть молоко. Кошка смотрит на молоко. Нет! Кошке не дадим! Жора скушает молоко! Пошла вон, кошка!»

Слова матери похожи на правду. Кошка действительно смотрит, кошка на самом деле не прочь позавтракать. Жора смотрит на кошку подозрительно. И природа-мать торжествует: Жора не может допустить, чтобы молоко ела кошка.

С таких пустяков начинается эгоист»².

Этот маленький эпизод является примером умения писателя от данного, на первый взгляд, частного «случая из жизни» подняться до большого обобщения. Макаренко выступает в «Книге для родителей» против воспитания эгоизма, в какие бы оно внешне привлекательные формы ни облекалось.

Большого внутреннего драматизма исполнен рассказ о семье Кетовых. Муж и жена, умные, образованные люди, горячо любят единственного сына Виктора. Они мечтают о воспитании необыкновенного человека и

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. IV, М., 1957, стр. 334.

² Там же, стр. 333–334.

жертвенно отдают себя сыну, действительно подающему большие надежды. Одарённый юноша рано начинает ощущать себя центром семьи. Макаренко мастерски рисует, как сознание своей исключительности меняет Виктора. Его глаза за тереют блеск юношеской непосредственности. Милая детская улыбка заменяется понимающей усмешкой «про себя», выражающей не открытость, а вежливое оживление и полное безразличие к окружающим людям. Слабые эмоции привязанности к родителям заменяются неприкрытой заботой о своём «я».

Виктор механически выживает из комсомола. Он начинает вести какую-то обособленную от семьи жизнь, не совсем чистую. Юноша не идёт на похороны товарища-однокурсника. Он равнодушно относится к серьёзной болезни отца, и это открывает родителям глаза на истинное лицо сына. Но исправить положение уже трудно, может быть, невозможно. Характер юноши искажён, разбита и жизнь родителей. А ведь всё могло быть иначе, если бы супруги Кетовы вовремя поняли, что они неправильно воспитывают сына.

Один из лучших, наиболее развёрнутых рассказов «Книги для родителей» — рассказ о семье Веры Игнатьевны Коробовой. Заведующая библиотекой большого завода, Коробова — уважаемый читателями и сотрудниками руководитель коллектива. Здесь, в библиотеке, она умеет любовно и, если нужно, сурово помочь расти молодому работнику, может строго потребовать или ободрить. Дома же она «умела только с панической, бессмысленной и вредной услужливостью пресмыкаться перед зоологическим слепым материнским инстинктом». Вот почему, горячо любя свою дочь красавицу Тамару, Коробова воспитала из неё эгоистку, «потреблявшую жизнь матери».

Но финал рассказа о Коробовой другой, чем финал рассказа о семье Кетовых. Вмешательство одного из членов заводского коллектива рабочего Андрея Климовича Стоянова, человека проникательного и справедливого, помогает Коробовой разобрататься в своих ошибках. Вера Игнатьевна осознаёт своё право на радость в семье. Изменилась мать, начала внутренне перестраиваться дочь. И, можно быть уверенным, Тамара Коробова не пойдёт по пути Виктора Кетова.

Сознательное или бессознательное стремление некото-

рых родителей воспитать у детей черты эгоизма писатель рассматривает как нечто глубоко не характерное для советского общества, чуждое его духу, как один из пережитков капиталистического строя с его морально жадности. Макаренко говорит о глубоко принципиальном отлучении советской семьи от семьи буржуазной, этой, по характеристике писателя, «организации накопления».

Семейные конфликты, изображённые в «Книге для родителей», обычно не возбуждают у читателей чувства безнадёжности, пессимизма. Макаренко со всей убедительностью даёт почувствовать огромный воспитательный потенциал советской семьи. «Я исповедую бесконечную, бесшабашную и безоглядную уверенность в неограниченном могуществе воспитательной работы, в особенности в общественных условиях Советского Союза», — утверждает писатель.

Дело — за сознательным отношением отцов и матерей к своему человеческому, гражданскому долгу. Макаренко развенчивает в книге педагогические «фокусы». Он показывает, что воспитание в семье — не отдельные эпизодические «вылазки» родителей, когда произошло какое-либо нарушение повседневно порядка семейной жизни, а большой, непрерывный, ответственный и далеко нелёгкий труд.

Писатель с иронией отзывается о супругах Кетовых, стремившихся «творчески» воспитать сына. Но это ирония только по адресу тех, кто ложно понимает характер семейного воспитания. Каждой страницей «Книги для родителей» Макаренко утверждает, что «умение воспитывать — это всё-таки искусство, такое же искусство, как хорошо играть на скрипке или рояле, хорошо писать картины, быть хорошим фрезеровщиком или токарем»².

Как во всяком искусстве, в труде воспитателя есть своя организационная, черновая работа, своя «техника». Как всякое искусство, семейное воспитание требует от человека всей жизни. Но всё это с избытком вознаграждается радостью преодоления трудностей, радостью открытия нового, радостью, что ты участвовал в создании нового человека.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. IV, М., 1957, стр. 66.

² Там же, стр. 438.

Для Макаренко воспитание в семье — процесс не односторонний, каким он представляется нам обычно. Конечно, родители воспитывают детей, но для отца и матери, если они по-настоящему относятся к своим обязанностям, их нелёгкий ежедневный труд также является своеобразной школой. Воспитывая своих детей, будущих граждан социального общества, родители должны сами непрерывно расти, как люди, как граждане Советской страны. Это одна из основных идей «Книги для родителей».

Книга Макаренко построена на контрастных образах. Желая показать, каким должен быть семейный коллектив, автор взял не какую-либо необыкновенную семью, а большую многодетную семью Веткиных, обладающую к тому же самым минимальным достатком. Рассказ о семье Веткиных — большая творческая удача писателя.

Глава семьи — Степан Денисович Веткин — хороший кузнец. Он знает и любит свою трудную работу, но знает цену и отдыху. Супруги Веткины с достоинством несут бремя ежедневных забот о своих тринадцати детях и не впадают в панику перед лишениями. Веткины неизменно внимательны к деталям семейной жизни, без чего, по словам Макаренко, воспитательная работа совершенно невозможна.

Воспитывая детей, супруги Веткины сумели найти нужное соотношение между требованием и лаской, что также очень важно. Они так организовали жизнь большой семьи, что каждый из детей в каждый данный момент знал своё место, имел дома свои обязанности и постоянно вносил свою долю труда в общее благосостояние семьи. Самое же главное, Веткины сумели создать в семье хороший, бодрый тон, воспитать у детей умение ценить и дорожить своим семейным коллективом. В этом смысле примечателен небольшой эпизод книги — самовольное возвращение домой пятнадцатилетнего Вани Веткина, пожившего некоторое время в обеспеченной и неплохо к нему относившейся семье дяди.

Макаренко рисует и другие удачные семьи. Бухгалтер Иван Прокофьевич Пыжов сумел так организовать жизнь семьи, что строгая дисциплина не тяготила детей, а сделала «приятной и жизнерадостной штучкой». Тонким и умным воспитателем, умеющим без лишних слов, всем авторитетом своей личности воздействовать на сына в

ответственный момент его внутреннего формирования, показан Тимофеем Петровичем Волгиным.

Конечно, такие семьи не исключение. Любая семья, где родители добросовестно исполняют свой долг перед детьми и перед обществом, может и должна быть дружным, сплочённым коллективом. «Разумно и точно провести ребёнка по богатым дорогам жизни, среди её цветков и сквозь вихри её бурь, может каждый человек, если он действительно захочет это сделать»¹.

В «Книге для родителей» есть ещё герои — дети. Жизнь детей для Макаренко так же интересна, сложна и значительна, как жизнь взрослых. Дети из счастливых семей, дети из семей несчастных. Дети, растущие и развивающиеся в здоровой семейной атмосфере, и дети, чьи характеры искажены ненормальными условиями воспитания. Во всех них читатель видит богатые человеческие возможности. Макаренко радуется, когда «выпрямляется» запущенный ребёнок. С большой любовью изображён в «Книге для родителей» мир ребёнка в рассказе «На кучурагах», о мальчишке Тимке Минаеве, который впервые из семьи попадает в большую жизнь.

Значение «Книги для родителей» выходит далеко за пределы темы семьи. Произведение затрагивает вопросы воспитания высоких, подлинно нравственных отношений человека к человеку. Рассказы о личной жизни молодой девушки Любы Гореловой, о подростке Александре Волгине посвящены воспитанию того, что Макаренко называет культурой любовного переживания.

Решение этого важного вопроса писатель тесно связывает с основной задачей семьи — воспитанием не хищника, не потребителя общественных благ, а человека нового, социалистического общества, создателя этих благ. Макаренко устанавливает прямую зависимость глубины и силы чувства мужчины к женщине (или женщины к мужчине) от общего уровня нравственной культуры личности и приходит к такому важному заключению:

«Силы «любовной» любви могут быть найдены только в опыте неполовой человеческой симпатии. Молодой человек никогда не будет любить свою невесту и жену, если он не любил своих родителей, товарищей, друзей. И

¹ А.С. Макаренко. Сочинения, т. IV, М., 1957, стр. 22.

чем шире область этой неполовой любви, тем благороднее будет и любовь половая.

Человек, который любит свою родину, народ, своё дело, не станет развратником, его взгляд не увидит в женщине только самку. И совершенно точным представляется обратное заключение: тот, кто способен относиться к женщине с упрощённым и бесстыдным цинизмом, не заслуживает доверия как гражданин; его отношение к общему делу будет так же цинично, ему нельзя верить до конца»¹.

В «Книге для родителей» мы находим такую глубокую мысль: «Научить любить, научить узнавать любовь, научить быть счастливым — это значит научить уважать самого себя, научить человеческому достоинству»². Макаренко ставит перед своими читателями высокий нравственный идеал человека, освобождённого от всего, что его искажает, человека достоинства.

Писатель П. Павленко назвал «Книгу для родителей» «учебником благородства»³. Люди нашего времени и будущие поколения черпают и будут черпать из книги Макаренко благородные идеи солидарности, любви и уважения к человеку.

Из задуманных Макаренко четырёх томов «Книги для родителей» был написан только один. Первый том, посвящённый характеристике семьи как коллектива, следует рассмотреть в перспективе всего творческого замысла писателя. Второй том Макаренко предполагал посвятить вопросам нравственного и политического воспитания в семье, проблеме формирования активного, целеустремлённого большевистского характера. Третий — трудовому воспитанию и выбору профессии. Четвёртый — «...важнейшему вопросу, к сожалению, до сих пор не поднятому в педагогике, вопросу о том, как воспитать человека, чтобы он был не только... хорошим гражданином, но чтобы он был ещё счастливым человеком»⁴. Таким образом, в итоге должна была получиться своеобразная художественная педагогическая энциклопедия семейного воспитания.

В архиве Макаренко сохранились черновые наброски

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. IV, М., 1957, стр. 246.

² Там же, стр. 220.

³ Там же, стр. 530.

⁴ Там же, стр. 485.

«Книги для родителей»¹. Вот, для примера, неопубликованные записи из «темника», начатого писателем 12 января 1939 г.

«Тема № 1. Дружба в школе.

Тема № 2. Ошибки школьников.

Тема № 3. Образцы поведения...

Воспитание правильных представлений о чести, гуманности, добре, зле, правде, взаимности общественной зависимости, дружбе и любви. Градация — сокращенца, товарищ, друг, любимый. Роль личных способностей при социализме. Интернационализм и патриотизм. Овладение культурой (навеяно письмом С. Москва)...

Тема № 9. «Честность»...

Мальчику в магазине дали сдачи на один рубль больше. Радость. Бежит к сестре, сообщает товарищам. Целая куча радостей и огорчений. Целая куча коллизий, советов, моральных сентенций»².

Эти и другие записи вводят нас в лабораторию писателя. Как характерна последняя запись! За маленьким эпизодом Макаренко видит интереснейшие художественные возможности.

Заглавие книги говорило не только о круге её тем, но и о тех, кому было адресовано произведение. Но таков уж масштаб книги Макаренко, что её читают миллионы советских людей, и среди них люди, у которых нет детей.

Советские и зарубежные читатели высоко оценили «Книгу для родителей». «Эта работа имеет колоссальное государственное и общественное значение и затрагивает интересы миллионов людей... Ведь если педагога годами обучают педагогике, то, кроме «чутья», родители ничем не вооружены»³ — писал один из читателей Макаренко из города Горького.

«Книга для родителей» заставила многих задуматься над вопросами семейной педагогики. Она будила активную творческую мысль. Она дала в руки родителей самое главное — метод воспитания. Высокий моральный пафос книги вызывал горячий ответный отклик. Всё это

¹ Некоторые из них были опубликованы в томе IV собрания сочинений А. С. Макаренко.

² Архив А. С. Макаренко.

³ ЦГАЛИ.

хорошо выражено в многочисленных письмах, полученных Макаренко. Вот одно из них:

«Каждый родитель, прочитав книгу, оглянется на свой пройденный педагогический путь и скажет: «А ведь это про меня писано или же про моих родных и знакомых»... От книги нельзя ждать какого-то рецепта, стандарта для воспитания. Но книга вдохновляет... Каждый эпизод, каждая фраза книги вызывают целый ряд вопросов, обращённых к самому себе. А как я думаю, как я воспитываю, как я веду себя и что я смог бы сделать и чего достигнуть в этой области?»¹

Значение темы, поднятой «Книгой для родителей», истине огромно. Ведь, по великодушному определению Макаренко, «...воспитывая детей, нынешние родители воспитывают будущую историю нашей страны и, значит, и историю мира»².

Беспрерывно входят в жизнь новые и новые семьи. Отцы и матери, только начавшие свой путь, родители, уже знакомые с опытом семейного воспитания, юноши и девушки, которым предстоит построить свои семьи, — все они обращаются и будут обращаться к «Книге для родителей», раскрывающей пути, решения насущных, близких каждому человеку вопросов.

«Книга для родителей» — одно из значительных произведений советской литературы, впервые с большой художественной силой раскрывшее тему воспитания в семье подрастающего поколения граждан Советской страны. Произведение Макаренко является одним из убедительных примеров того, как новая действительность, новые потребности общества вызывают к жизни новые литературные жанры. «Книга для родителей» — крупнейший вклад Макаренко в науку о воспитании и одновременно значительное новаторское произведение советской художественной литературы.

2. «ФЛАГИ НА БАШНЯХ»

Вторым крупным произведением Макаренко московских лет была повесть «Флаги на башнях», опубликованная в 1938 году в журнале «Красная новь» и вышедшая

¹ ЦГАЛИ.

² А. С. Макаренко. Сочинения, т. IV, М., 1957, стр. 11.

отдельным изданием в 1939 году, через несколько месяцев после смерти автора. В книге «Флаги на башнях» писатель правдиво и всесторонне нарисовал жизнь коммуны имени Ф. Э. Дзержинского.

Нет ничего удивительного, что Макаренко обратился к теме, которой уже посвятил несколько произведений — «Марш тридцатого года», «ФД1» и «Мажор». В первых, эти книги по тем или иным причинам остались неизвестными широким кругам читателей, во-вторых, они фиксировали только отдельные этапы жизни коммуны.

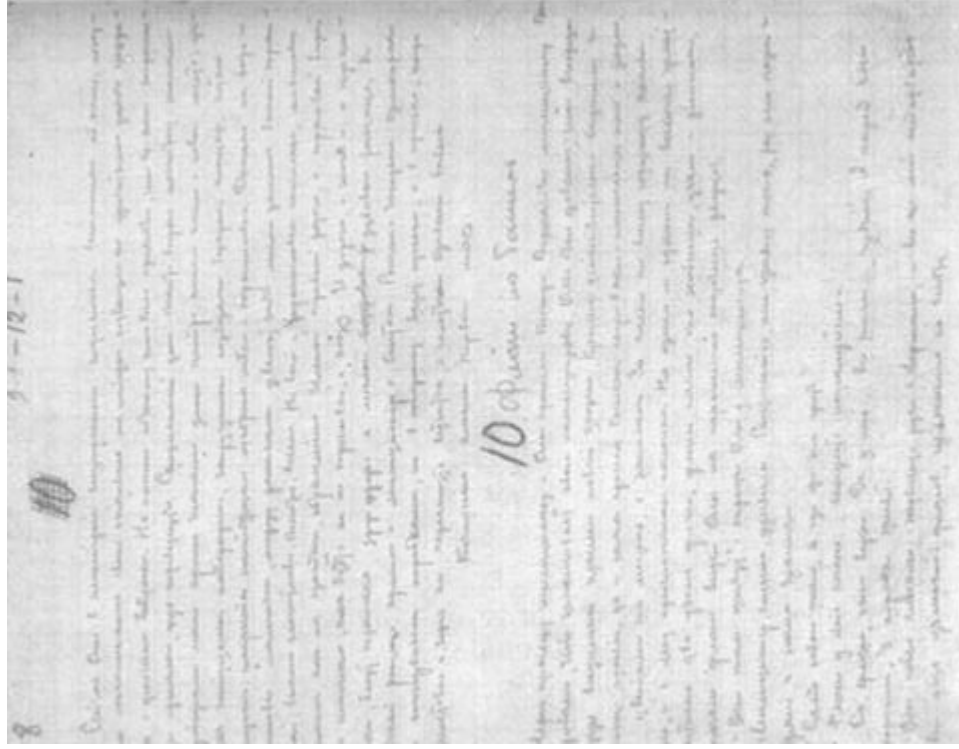
Оставив коммуну, Антон Семёнович с новой силой ощутил значение этой лаборатории коммунистического воспитания, значение восьми лет, отданных коллективу дзержинцев. Повесть «Флаги на башнях» была призвана подвести итог теме, близкой и дорогой Макаренко.

Вобрав в себя отдельные образы и ситуации из предшествовавших произведений, книга «Флаги на башнях» не стала простым сводом уже воплощённого материала. Макаренко сумел найти новое художественное выражение «старой» для него темы, раскрыть её новые стороны.

Стремясь к большему художественному обобщению, писатель отказался от жанра своеобразной очерковой монографии, подобной книге «Марш тридцатого года»; он не пошёл и по пути создания поэтической хроники, как в «ФД1». Автор показал теперь коллектив дзержинцев как бы со стороны: повествование ведётся не от первого лица, изменено название коммуны, и сам Макаренко выступает в книге под именем Захарова. Новое значительное по объёму произведение названо «повестью в трёх частях».

Повесть «Флаги на башнях» можно рассматривать как своего рода продолжение «Педагогической поэмы». Её героем является коллектив, о котором уже было сказано в эпиллоге «Поэмы», — коллектив коммуны имени Дзержинского. Как и «Поэма», повесть документальна в своей основе. По словам Макаренко, в книге «Флаги на башнях» «...нет ни одной выдуманной ситуации, очень мало сведённых образов, нет ни одного пятна искусственно созданного колорита»¹.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. III, М., 1957, стр. 450.

Флаги на башнях». Автограф А. С. Макаренко.

Книги имеют единый автобиографический образ заведующего колонией. Наконец, тема коммунистического воспитания подрастающего поколения — общая тема обеих книг.

Однако оба произведения Макаренко имеют и существенные отличия, вытекающие из своеобразия действительности, изображённой в книгах, из идейного замысла автора.

Если события, о которых рассказывается в «Педагогической поэме», относятся к концу гражданской войны, к восстановительному периоду и первым годам социалистической индустриализации страны, то действие повести «Флаги на башнях» происходит в эпоху пятилеток. Это время победы социализма по всему фронту, нового, грандиозного размаха социалистического строительства на всех участках нашей жизни, новых трудовых подвигов советских людей получило отражение в книге.

В «Педагогической поэме» Макаренко воплотил тему социалистического перевоспитания людей, заражённых пережитками капитализма, показал, в каких трудах и мучках рождался, рос молодой коллектив. Перед автором повести «Флаги на башнях» стояла другая, не менее значительная художественная задача. Вот как Макаренко определил содержание новой книги:

«*Моя тема: Образцовый воспитательный советский коллектив, давно сложившийся, растущий материально и духовно на основе больших концентрированных коллективных сил, обладающий традицией и совершенной формой, вооружённый тончайшей педагогической техникой — социалистической [подчёркнуто Макаренко] детской коллектив, в котором срывы и катастрофы невозможны...»*¹.

В новом для него жанре большой повести (в первоначатном тексте книга была названа романом) Макаренко выступил как своеобразный и тонкий художник, отразивший в полнокровных образах искусства высшее достижение своей педагогической деятельности.

В отличие от «Педагогической поэмы», где события, жизнь горьковского коллектива даны в основном через восприятие автобиографического героя, в книге «Флаги на башнях» Макаренко смотрит на всё происходящее не только глазами автора, но и удивлёнными, восхищёнными глазами своих юных героев. Это придаёт повествова-

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. III, М., 1957, стр. 451.

нию особенную непосредственность, взволнованность, юношескую свежесть.

На стиль произведения оказало влияние и то обстоятельство, что книга была предназначена для юных читателей. «Я писал их [«Флаги на башнях»] по заказу Детиздата для детей старшего возраста. Это определило очень простой тон и почти полное отсутствие словесного орнамента¹, — сообщил Макаренко профессору В. Н. Колбановскому.

Поэтическую интонацию повести хорошо передаёт заглавие, как всегда у Макаренко, кратко и выразительное. Писатель не сразу нашёл название произведения. В архиве Макаренко хранится листок, на котором рукой Антона Семёновича «столбиком» написано несколько коротких строчек. Это — поиски заглавия, поиски той эмоциональной тональности, в которой должна быть написана книга.

Вот эти записи (приводим их без авторской разбивки на строки): «Флаги на башнях. Флаги на башнях в солнечный день. Победа. Счастье победителям. Строй победителей. Законы победы. Диалектика радости. *Maestoso*. Гимн. Торжественная проза. Проза о торжественном. *Мажор*»².

Намётка эта очень интересна. Характерно, что Макаренко вводит здесь даже термин, заимствованный из области музыки — *maestoso*, что значит «величественно», «величаво» (да и «мажор» тоже музыкальный термин). Если «Педагогическую поэму» мы уподобили симфоническому произведению с резко контрастными темами, то повесть «Флаги на башнях» — удивительно ясная, чистая, точно пронизанная солнечным светом, симфония юности. Заглавие книги очень хорошо передаёт её свежий, жизнеутверждающий колорит.

Победно реющие под ветром флаги на башнях — мажорный лирический образ.

Образ флага, красного знамени, неоднократно встречается в книгах Макаренко. Известно, что в колонии имени М. Горького и в коммуне имени Дзержинского Макаренко воспитывал отношение к красному знамени, как к символу единства советского народа. Красные флаги — символ

борьбы и победы — развевались на башнях зданий коммуны, и повесть — это рассказ о победах социалистического коллектива, о молодом поколении советских людей, названном М. Горьким поколением победителей.

Как и в «Педагогической поэме», главный герой повести «Флаги на башнях» — коллектив, показанный многосторонне: во всём разнообразии индивидуальностей его членов, в их сложных взаимоотношениях, в общих делах, в умной организованности повседневной жизни, в дисциплине. Как и в «Поэме», жизнь колонии имени Первого мая нарисована Макаренко прежде всего как жизнь в коллективном труде.

Если в «Педагогической поэме» тема труда раскрывается на материале сельского хозяйства, то в книге «Флаги на башнях» она дана в плане индустриальном. Новая эпоха в жизни Советской страны, новый этап работы Макаренко породили и новый художественный аспект этой большой темы.

Рассказ о том, как от полукустарных мастерских, от построенного на скоруую руку деревообделочного цеха, иронически названного колонистами «стадионом имени Блюма», от «производства» маслёнок, стульев колония переходит к постройке и оборудованию по последнему слову техники завода, к освоению производства точнейшего электроинструмента, — есть рассказ о росте нового, советского коллектива, о социалистическом отношении к труду.

Колонисты своими руками строят завод и сами же работают на нём. Завод открывает перед каждым из первомайцев новые перспективы, повышает благосостояние коллектива, соединяет колонию ещё ближе с жизнью Советской страны. Колонисты идут на жертвы и единовременно приходят к решению «подтянуть животы», чтобы заработать на постройку завода дополнительно триста тысяч рублей. Первомайцы горячо откликаются на предложение увеличить вдвое намеченную норму выпуска электроинструмента и давать продукцию лучше заводской.

Как всеми советскими людьми, первомайцами движет сознание, что они работают на своё собственное социалистическое государство и в конечном итоге на себя

¹ А. С. Макаренко. Письмо к В. Н. Колбановскому, 12 ноября 1938 г. Архив А. С. Макаренко.

² Архив А. С. Макаренко.

самых. Создавая свой завод, колонисты освобождают страну от необходимости тратить дорогую валюту на покупку инструмента, дают продукцию, нужную для обороны Советского Союза. Высокое удовлетворение от решения поставленной задачи служит самой большой наградой членам первомайского коллектива.

Вкладывая в работу все силы, колонисты соревнуются между собой. Писатель рисует социалистическое соревнование как важную движущую силу жизни коллектива, как метод воспитания коммунистического отношения к труду.

Образ флагов на башнях в повести двупланов. Он не только обозначает тональность произведения, но поэтически выражает идею соревнования между цехами и бригадами завода колонии имени Первого мая. Алые флаги развеваются на башнях города, изображённого на огромной диаграмме, отмечающей ход соревнования. Каждый день продвигается здесь боевой фронт коммунаров, приближаясь к башням сказочно прекрасного города. Каждый день колонисты с гордостью любуются достижениями своих цехов и бригад.

«Завод — это новые люди» — таково убеждение одного из героев повести, такова мысль самого писателя, разветвляющаяся в индивидуальных образах книги. Показав черты трудового социалистического коллектива в облике колонии имени Первого мая, писатель раскрыл в каждом из новых героев черты нового, социалистического человека.

Замечательно, что в повести одухотворяется, одушевляется, очеловечивается, казалось бы, неживой мир машин. Вот новые станки на заводе колонии: «В механическом цехе стоит до полусотни прекрасных станков, и советских, и зарубежных: токарные, револьверные, шлифовальные, строгальные, зуборезные, фрезерные, сверлильные, долбежные. Каждый станок прекрасен, каждый по-своему наряден: у одного сияют никелированные части, другой солидно скромен в матовых отблесках стали, третий умён и изящен, как дипломат, четвёртый красив в неповторимо привлекательных линиях своего чёрного зеркального тела»¹. О только что появившейся на свет металлургической

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. III, М., 1957, стр. 414.

детали сказано: «тёплое тельце» шестерёнки!

В повести «Флаги на башнях» Макаренко выступает как писатель, влюблённый в труд, в людей труда. Колония имени Первого мая для Макаренко «одна из великих бригад тридцатых годов», борющихся за социалистическое преобразование страны.

В повести хорошо раскрыта неразрывная связь труда и дисциплины. Молодые герои книги Макаренко хорошо понимают значение дисциплины, её организующую, творческую силу. Дисциплина не только внешняя упорядоченность жизни или форма подавления антиобщественных действий отдельных воспитанников. Дисциплина, по образному выражению Макаренко, «лицо коллектива, его голос, его красота, его подвижность, его мимика, его убеждённость».

Советская дисциплина — дисциплина борьбы и преодоления. В повести со всей убедительностью раскрывается формула Макаренко: «Дисциплина есть свобода, она ставит личность в более защищённое, свободное положение и создаёт полную уверенность в своём праве, путях и возможностях именно для каждой отдельной личности»¹. Книга проникнута глубочайшим убеждением, что дисциплина есть необходимое условие расцвета творческих сил человека. Мы видим, что дисциплина в коллективе не только не тяготит человека, а является естественным проявлением его организованности, целеустремлённости, осознанной необходимостью, выражением прочности коллективных связей, свидетельством уважения к людям. «Флаги на башнях» — это повесть о социалистической дисциплине, о совершенстве, красоте сознательного, дисциплинированного коллектива.

Здоровая атмосфера коллективной жизни заставляет человека с самым высоким чувством удовлетворения делать и то, что тяжело и трудно, если это полезно, нужно коллективу. Писатель показывает, как пробуждается это подлинно социалистическое чувство даже у «пацана» Вани Гальченко, недавно попавшего в колонию: «Каждый день хотелось Ване поскорее закончить работу и вернуться в чистую, уютную спальню, слушать, говорить, смеяться, жить... Хотелось, чтобы Алёша

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 37.

[бригадир] что-нибудь приказал, даже самое трудное, — и чтоб салютнуть и сказать ему: «Есть!»¹.

Коллектив колонии имени Первого мая показан в книге Макаренко и как суровый, неподкупный судья, как требовательная сила. Быть может, нигде с такой рельефностью это не выступает, как в сценах, изображающих героев повести, виновных в чём-то перед своими товарищами, когда им приходится отвечать за свои проступки перед общим собранием колонистов. «Стать на середине» — это значит очутиться одному перед лицом соген испытующих, пронызывающих тебя глаз, это значит услышать нелицеприятную оценку своему проступку, узнать, что такое осуждение, а иногда и насмешка коллектива.

Требую и осуждая, коллектив делает это в интересах личности. Коллектив в повести «Флаги на башнях» — могучая, дружественная сила, поддерживающая и ведущая человека. Во всей продуманной до мелочей организации, в дисциплине, в чутком ритме жизни коллектива колонии имени Первого мая нет ничего от бездушности неодохотворённого механизма. Отношения людей здесь проникнуты подлинной человечностью, той теплотой, которая бывает в хорошей, сплочённой семье.

В рукописи повести есть один небольшой кусок, который воспринимается как своего рода поэтическая декларация: «Зима прошла, как сон, согретый лаской завтрашнего дня. Каждый день начинался щедро, с большой программы работы и чувства, и, казалось, лучше этого дня ещё не было у ней. А потом вышло, что день этот обыкновенный, но это было вовсе не хуже, потому что и обыкновенное в нашей жизни — прекрасно»² (подчёркнуто нами. — Евг. Б.).

Каждый трудовой день юношеского коллектива своему неповторим и красив. А сколько таких прекрасных дней мы видим в повести! Вот начало одной из глав книги, хорошо передающее общую интонацию повествования:

«В шесть часов утра играл Володя Бегунок побудку:

Ночь прошла, вставайте, братья,
Наступает новый день...

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. III, М., 1957, стр. 146.

² Архив А. С. Макаренко.

И уже при весеннем утреннем солнце просыпается колония, шумит в спальнях и коридорах, загибает на полверку, наводит вдруг столовую и потом разбегается по цехам и классам; чуть-чуть звенит рабочая тишина дня. В обед снова слышится смех, снова жизнь кажется искристой и шумной. И так до вечера, когда в классах собираются кружки, в парке отдыхающие, пацаны носятся, долетают звуки оркестра — сыгровка. И деловые, и дружеские, и серьёзные, и зубоскальные движения как будто тонкими ниточками соединяются в руках строгого, подтянутого дежурства, которое всё знает, всё видит, всему даёт направление и размах»¹.

Эта поэтическая взволнованность пронизывает художественную ткань книги «Флаги на башнях». Она выражена в портретах, в пейзажах, во всей системе метафор, в самом ритме речи повествователя. Раскрываешь наугад любую страницу повести и читаешь, например: «На сверкающем полу горели солнечные квадраты, дежурство в парадных костюмах тоже сияло», или «В кабинет они [колонисты] вбежали, как набегает тёплая волна на берег». И кто, кроме Макаренко, мог сказать «светлое человеческое лицо» коллектива!

Трудовые достижения первомайской колонии для писателя — лишь частица грандиозных достижений Советской страны. «Наш фронт — только маленький участок социалистического фронта, но и на маленьком участке очень нужно продвигнуться вперёд», — говорит один из колонистов. И другой, точно переключаясь с ним, утверждает: «Советская власть — это не только Алексей Степанович и учителя, но ещё... все колонисты»². Эти слова помогают понять определяющую черту колонистов — всегда и во всём они ощущают своё единство с жизнью Советской страны. Везде — в главном и в мелочах — проявляется у них высокое чувство советского патриота — величайшая преданность Родине, умение смотреть на свою работу с точки зрения интересов социалистического государства.

Вот Нестеренко, оставляющий колонию, передаёт свою восьмую бригаду новому бригадиру. Он говорит простыми и точными словами: «Бригадир должен быть

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. III, М., 1957, стр. 317.

² Там же, стр. 83.

весёлый и всё видеть, и не париться без толку, и не трепаться лишнее. И рука должна быть крепкая, власть — это тебе не пустяк, как там ни говори, а всё равно Советская власть»¹.

В повести есть, на первый взгляд, один частный «преходной» эпизод. Шофёр Петя Воробьёв приводит в колонию первую колониетскую полугоратонку. Появление «собственной» автомашины вызывает радость юношей и девушек. Первомайцы дружно качают нового члена коллектива — шофёра. Не ожидавший такого радужного приёма, Петя взволнованно и удивлённо спрашивает: «Что вы за народ?» — и получает ответ колониста Гонгаря: — «Мы, понимаешь ты, товарищ Воробьёв, народ советский, настоящий народ... наш»².

В жизни героев повести есть торжественный и радостный момент. Новичок, некоторое время пробывший в коммуне и хорошо проявивший себя в производственной, общественной работе и учёне, из воспитанников переводится в колонисты. С замиранием сердца слушает Ваня перед лицом пятисот колонистов слова бригадира Владимира Колодса: «Вот тебе значок колониста. Теперь ты будешь полноправным членом нашего коллектива. Интересы колонии и всего Советского государства ты будешь ставить впереди своих личных интересов. А если тебе потом придётся стать на защиту нашего государства, от врагов, ты будешь смелым, разумным и терпеливым бойцом»³. Эти слова — программа жизни молодого патриота.

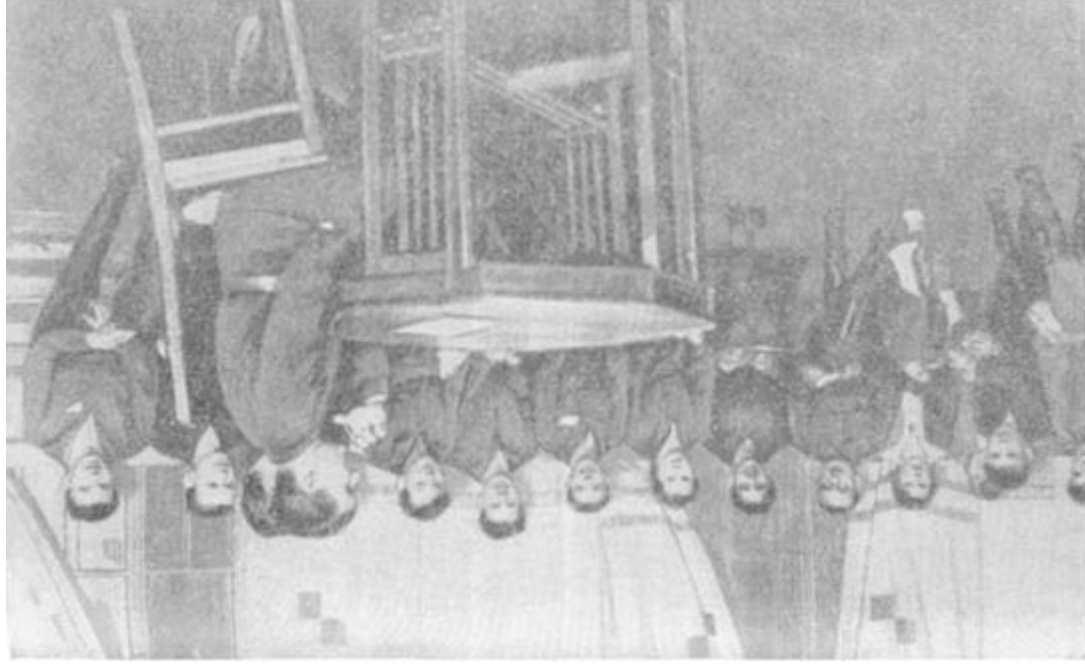
Мысль о воспитании будущих защитников Родины проходит через всю книгу. Тот же Ваня, стоя во время торжественного заседания в почётном карауле у знамени колонии и слушая слова представителя Красной Армии, думает, что «придёт и его время, и он тоже будет в Красной Армии, и у него будет в руках винтовка — пусть попробует кто-нибудь подумать, что Ваня не сумеет защищать свою страну»⁴. А сколько из тех, с кого написаны портреты юных героев повести, на полях битв Великой Отечественной войны с оружием в руках доказали свою беззаветную преданность Родине!

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. III, М., 1957, стр. 369.

² Там же, стр. 241.

³ Там же, стр. 230–231.

⁴ Там же, стр. 318.

Коммуна имени Ф. Э. Дзержинского. Заседание совета командиров.
А. С. Макаренко — пятый слева.

Любовь к Родине соединяется у молодых героев повести с пониманием ценности, чести и достоинства коллектива. В таком понимании, по словам Макаренко, – основа политического воспитания. Это воспитание в колонии имени Первого мая происходит не от случая к случаю, а всё время, каждый день и каждый час. Поэтому «Флаги на башнях» воспринимаются как художественное произведение о воспитании советского патриотизма.

Автор показал юношеский коллектив, достигший высокой точки, но книга от этого отнюдь не стала статичным описанием жизни колонии. Повесть пронизана глубокой внутренней динамикой. Растёт, изменяется, преодолевая трудности, весь коллектив, растут, совершенствуются люди, его составляющие. Этот процесс изображён писателем всесторонне: человеческий, нравственный рост неотделим здесь от роста политического, гражданского.

В условиях монолитного, дисциплинированного, стоящего на высоком уровне юношеского коллектива процесс перевоспитания, как правило, происходил, без особого напряжения. Тема перевоспитания в книге «Флаги на башнях» уже не занимала того места, как в «Педагогической поэме». Она отнесена на дальний план. О том, какое место эта тема занимает в повести, говорит один эпизод. Речь идёт о приёме в колонию в течение двух дней пятидесяти беспризорных, собранных на вокзалах, на крышах вагонов, между составами товарных поездов.

«Это были классические фигуры в клифтах, все они казались бронеитами, и пахло от них всеми запахами «социальной запущенности». Ближайшее будущее представлялось им в тонах пессимистических, дело было летом, а летом они привыкли путешествовать... То, что произошло дальше, Захаров называл «методом взрыва», а колонисты определяли проще: «Пой с нами, крошка!»

Колония встретила новеньких на вокзальной площади, окружённая тысячами зрителей, встретила блестящим парадом, строгими линиями развёрнутого строя, шелестом знамён и громом салюта «новым товарищам». Польщённые и застенчивые, придерживая руками беспомощные полы клифтов, новенькие заняли назначенное для них место между третьим и четвёртым взводами.

Колония прошла через город. На привычном фоне

первомайцев новенькие и на себя и на других произвели сильное впечатление...

Дома, после бани и стрижки, одетые в форменное платье, румяные, смущённые до глубины своей юной души и общим вниманием и увлекательной придиричivosti дисциплины, новенькие подверглись ещё одному взрыву. На асфальтовой площадке, среди цветников, были сложены в большой куче их «костюмы для путешественников». Политое из бутылки керосином, «баракло» это горело буйным, дымным костром, а потом пришёл Миша Гонтарь с веником и ведром и начисто смёл жирный мохнатый пепел, подмаргивая хитро ближайшему новенькому:

– Вся твоя автобиография сгорела! Старые колонисты хохотали над Мишиным неповоротливым остроумием, а новенькие оглядывались виновато: было уже неловко¹.

Этот эпизод, запечатлевший картинку жизни коммуны имени Дзержинского, вспоминается как символ разрыва с прошлым обитателей вокзальных задворков и асфальтовых котлов.

В повести «Флаги на башнях» Макаренко дал развёрнутые образы бывших беспризорных Игоря Черныгина, Ванды Стадницкой, Вани Гальченко и других. Судьбы этих молодых героев позволили писателю показать во всей силе и широте воспитательное влияние коллектива. Вместе с недавними беспризорными мы входим в повседневную жизнь колонии, «изнутри» знакомимся с её людьми, всматриваемся во всё удивлёнными и внимательными глазами, становимся участниками изображаемых событий.

Вышедший из интеллигентной семьи и привыкший чувствовать свою неотразимость, умственное превосходство, Игорь Черныгин видит, что в колонии он не возбуждает ни удивления, ни восхищения. На него просто никто не обращает внимания, а его поза остроумного пролетаря даже вызывает ироническое отношение колонистов.

Не желающий и не умеющий трудиться, отказывающийся от «неинтересной» для него работы, Игорь встречает справедливое и суровое требование коллектива на

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. III, М., 1957, стр. 138.

общем собрании: «Конечно, тебе ненужно сейчас чистить проножки [в столойной]. Но это нужно колонии, а значит, и тебе нужно». Этот урок Игорь хорошо запомнил. Игорь за- помнил также слова члена восьмой бригады Санчо Зорина: «А вообще — ты свободный гражданин! Куда хочешь!» Санчо широким жестом показал на окно. За окном было поле, а на самом горизонте виднелись постройки города¹.

Игорь знает, что в любое время он сможет уйти, но что- то удерживает его в колонии. Коллектив, который вначале кажется ему «непонятной, уверенной и вежливой силой», неизяснимо притягивает его. Умная и тонкая организация коллективной жизни включает Игоря в круг повседневных дел и интересов колонии. Игорь понимает, что новая жизнь в колонии неизмеримо богаче, интереснее, привлекательнее той, которая осталась позади.

Он увлекается работой, становится душой штаба социалистического соревнования. Огромный мир идей и образов предстает перед ним в произведениях мировой литературы, и учење в школе уже не тяготит, а делается интересным и необходимым. Юмористический склад его характера проявляется теперь в бодром, мажорном тоне, в метком слове, вызывающем дружный смех товарищей.

«Прозевал как-то Игорь тот момент, когда переменился его характер. Иногда и теперь хотелось позлословить, показать оригинальным, и, собственно говоря, ничего в нём как будто не изменилось, но слова выходили иные, более солидные, более умные, и юмор в них был уже не такой. И однажды он спросил у Санчо Зорина:

— Санчо, знаешь, надо мне в комсомол вступить... Давай поговорим»².

С каждым днём Игорь ощущает в себе какую-то новую силу. Меняется его отношение к миру и к людям. Привыкший мальчишески свысока или панибратски относиться к девушкам, Игорь становится другим и в отношении к ним. В колонии он узнаёт и радость большого и светлого чувства любви.

Игоря увлекают новые перспективы, и, главное, он

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. III, М, 1957, стр. 82.

² Там же, стр. 334.

осознаёт, что его будущее самым непосредственным образом зависит от судьбы и благосостояния коллектива, частью которого он теперь стал. В финале повести мы видим Игоря секретарём совета бригадиров, руководящим вместе с Захаровым большой и трудной работой колонии.

Ванда Стадницкая озлоблена на жизнь, не доверяет людям, болезненно относится к своему прошлому. Как придорожное растение, согнутое сапогом прохожего, медленно поднимается от земли, так Ванда не скоро начинает верить в людей. Ванда с трудом привыкает к колонии. Ничто её по-настоящему не интересует, не увлекает, и ничего она не умеет делать.

Общий труд, принцип забвения прошлого, строго соблюдаемый в колонии, дружба с колониисткой Оксаной — всё это «выпрямляет» её, помогает преодолеть отчуждённость от товарищей. Ванда бросает более лёгкую работу в швейной мастерской и первой из девушек переходит на «мужскую» работу в столойную.

В тяжёлый момент, когда прошлое неожиданно и больно напоминает о себе, Ванда получает крепкую моральную поддержку коллектива. «Она наша сестра, понимаешь ты, гад», — резко говорит тому, кто пытался её обидеть, один из колониистов, и Ванда знает, что её новые товарищи — это действительно родные, близкие люди, что коллектив, когда нужно, защитит её и поможет ей. В колонии Ванда встречает человека, горячо и нежно полюбившего её, и становится его верной, любящей женой. Вместе с многими из своих товарищей она выходит на широкую дорогу советской жизни.

Двенадцатилетний Ваня Гальченко, живой и весёлый мальчиш, уже успевший испытать всю тяжесть существования ребѣнка, лишѣнного семьи и оставшегося на улице, полюбил колонию, работу, задорных и внимательных товарищей и стал одним из преданнейших членов коллектива.

В каждом из действующих лиц повести, при всех индивидуальных различиях характеров, можно вынести за скобку нечто общее, существенное. Это со всей непо- средствомственностью юношеского восприятия почувствовал Игорь Чернявин. Очутившись в колонии и присмотрев-

шись к новым товарищам, он уловил в облике каждого колониста «два характера, две линии»:

«Что-то в каждом было своё, мальчишеское, назвать это Игорь не умел, но это были несомненная энергия, агрессивность, проказливость, боевой нрав и самостоятельный, плутовской, расторопный взгляд, от которого трудно укрыться — все более или менее знакомые типы лиц и привычек, которые Игорь и раньше наблюдал и которые ему нравились. С другой стороны, у всего этого народа, живущего в колонии, ясно были заметны и другие черты характера...»

Не было никаких сомнений, что вся эта публика... составляет одну семью, очень дружную, сбитуую — и гордую своей собранностью»¹.

Общее, что объединяет всё разнообразие характеров молодых героев повести, — дух коллективизма. Как и «Педагогическая поэма», «Флаги на башнях» — повесть о гармоническом единстве личности и коллектива.

Члены первомайского коллектива вовсе не какие-либо исключительные люди. Это обыкновенные советские юноши и девушки, дети и подростки. В них нет ничего внешне эффектного, никакой поэмы.

Молодые герои книги «Флаги на башнях» очень разные, не похожие друг на друга. Добродушный бригадир Нестеренко. Живой и быстрый Санчо Зорин. Весёлый, деятельный Алёша Зырянский, за свою нетерпимость к недостаткам товарищей прозванный Робеспьером. Проказливый Филька Шарий. Гордый своим званием горниста «пацан» Володя Бегунок. Общественник по натуре Марк Грингауз. Красивый, внутренне собранный Вася Ключнев. Серьёзная, деловая Клава Каширина. Женственная, открытая людям Оксана.

Очень интересно задуман писателем образ коммунара Воленко. Это представитель нового поколения интеллигенции, человек благородный, глубоко чувствующий, наделённый высокообразованным чувством чести, человеческого достоинства. Через Воленко мы ещё непосредственнее ощущаем высокий моральный уровень колонии имени Первого мая.

В уста автобиографического героя повести писатель вкладывает слова, помогающие понять одну важную

сторону характеров героев повести. Воспитавший сотни людей, Захаров «знал их силы и поэтому мог без страха стоять перед ними с большим политическим требованием:

– Будьте настоящими людьми!»¹ Молодые герои повести — настоящие люди нашей советской эпохи. Они обладают чувством человеческого достоинства. Они доброжелательны и внимательны к другим людям. Они не оставляют товарища в беде и, если нужно, подвергнут его критике. Они понимают свою ответственность перед коллективом не только за самих себя, но и за всё окружающее. Они не потребители, а творцы, стремящиеся строить, созидать, обогащать жизнь.

«...Советская педагогика должна отправляться от политических целей, а в нашем представлении это значит от того, каким должен быть новый человек, человек коммунистического общества»². Эта исходная точка зрения Макаренко с большой убедительностью развёртывается в художественных образах книги «Флаги на башнях». Это не толстовское «самоусовершенствование» уединённой личности, а требовательность человека-коллективиста, основанная на высоком социалистическом идеале.

В повести Макаренко показана тончайшая, филигранная шлифовка характеров. «Флаги на башнях» — это книга о борьбе за нравственную культуру, за новую культуру воспитания, поэтому здесь особое место занимает образ руководителя колонии Захарова. Если в «Педагогической поэме» Макаренко рассказал о себе в первом лице, непосредственно, то в повести он взглянул на себя как бы со стороны. Это не мешает читателям без труда узнать в образе Захарова самого Антона Семёновича Макаренко.

Тождество героя и прототипа сказывается уже во внешнем облике Захарова. Макаренко нарисовал в повести автопортрет. Писатель даёт портрет Захарова через восприятие подростка, впервые попавшего в колонию. «В этом человеке [Захарове] не было ничего особенного: подстриженные усы, стёклышки пенсне, под машинку стриженная голова... И глаза у него были обыкновенные: серые, чуть-чуть холодные».

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. III, М., 1957, стр. 115–116.

² А. С. Макаренко. Сочинения, т. III, М., 1957, стр. 137.

² А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 376.

А. С. Макаренко. 1930 г.

Мы как бы всматриваемся в лицо Захарова, и перед нами раскрывается его прекрасная человеческая сущность. По мере того как Захаров душевно приближается к своему воспитаннику, юноша видит, что «у заведующего нет ничего холодного, ничего скучноватого», что у него «живое и требовательное лицо».

Портрет завершает одна чёрточка, делающая ещё более близким образ Захарова: «Алексей Степанович улыbnулся вдруг просто и дружески, и в его улыбке было что-то такое задорное, почти мальчишеское, только у детей так свободно, беззастенчиво открываются губы, у них не остаётся никаких узких щелей и углов»¹.

Конечно, это не более чем эскиз автопортрета, но эскиз, очень схожий с оригиналом. С большим художественным тактом Макаренко воссоздаёт образ своего автобиографического героя, не выдвигая его на первый план, и не снижая его огромного организующего значения в жизни коллектива. Захаров — требовательный, авторитетный, уважаемый всеми руководитель, человек суровой и нежной любви к людям.

Слова Захарова звучат каждый раз по-новому, с новой силой и убедительностью, и в них мы легко узнаём голос самого Макаренко. Именно Макаренко может сказать: «Иногда наказать человека, значит выразить уважение к нему». У Макаренко может быть убедительная телота, когда он произносит суровые слова. По-макаренковски выглядит обращение Захарова к одинокой, обиженной жизнью девушке: «Я тебе могу быть вместо отца»: И совсем по-макаренковски «тёплая, мягкая, ласковая рука» любовно утешает маленького колониста в его детских огорчениях.

Для характеристики Захарова, для понимания всего идейного замысла книги большое значение имеет глава «Не может быть!» Само название главы звучит иронически. Писатель как бы отвечает здесь некоторым критикам, усомнившимся в реальности того, о чём рассказано в книге. Но значение этой главы гораздо шире — она передаёт нам заветные мысли автора, она обращена ко всем читателям.

Макаренко говорит о том, что коллектив колонии имени Первого мая имел большую предысторию, что поразительный воспитательный успех был завоёван тяжёлым многолетним трудом. Писатель рассказывает о

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. III, М., 1957, стр. 50.

формировании новаторской педагогической теории, порождающей новую жизнь, трудом и борьбой многих людей:

«Новая педагогика рождалась не в мучительных судорогах кабинетного ума, а в живых движениях людей, в традициях и реакциях реального коллектива, в новых формах дружбы и дисциплины. Эта педагогика рождалась на всей территории Союза, но не везде нашлись терпение и настойчивость, чтобы собрать её первые плоды»¹.

Автор повести возвращается к одному из важнейших положений новой педагогики: дети не только объект воспитания, они участники борьбы и строительства. Макаренко говорит о главном источнике победы новой педагогики — Октябрьской революции, о том, что здоровая жизнь детского коллектива закономерно вытекает из всей советской действительности.

В этой же главе Макаренко рассказывает о тернистом пути автобиографического героя повести, о «таланте оптимизма», который помог ему преодолеть все препятствия. И мы, читатели, понимаем, что победа Захарова—Макаренко — не случайная удача, а результат неустанного, повседневного труда, напряжения воли, умения учиться у самой жизни, умения видеть и предвидеть.

Система воспитания, так глубоко и всесторонне изображаемая в книге, была для писателя отражением закономерностей, присутствующих в советском обществе. «Я хотел показать [в книге «Флаги на башнях»], что настоящая педагогика — это та, которая повторяет педагогику всего нашего общества»², — говорил Макаренко.

М. Горький в своих выступлениях настоятельно призвал советских писателей «отмечать, освещать, изображать всё то качественно важное, новое, положительное», что неуклонно растёт в советской действительности. Повесть «Флаги на башнях» воспринимается как своеобразный ответ Макаренко на этот призыв основоположника литературы социалистического реализма.

Познакомившись с коммуной имени Дзержинского, М. Горький сказал: «Это окно в коммунизм». Слова Горького не только являются лучшей оценкой замечательного

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. III, М., 1957, стр. 137.

² А. С. Макаренко, Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 456.

юношеского воспитательного учреждения, руководимого Макаренко, они могут служить превосходным комментарием к повести «Флаги на башнях».

Изобразив в своей повести коммуну имени Дзержинского, Макаренко осуществил большую и важную художественную задачу. Писатель увидел в советской действительности первой половины 30-х годов конкретные, зримые черты будущего. Книга «Флаги на башнях» всеми своими образами свидетельствует о том, какие безграничные творческие возможности открываются перед людьми по мере движения нашей страны к коммунизму. Читателю может показаться странным, что повесть «Флаги на башнях», с такой точностью запечатлевшая жизнь коммуны имени Дзержинского, подверглась нападкам некоторых критиков, обвинявших Макаренко, что он в своей книге изобразил нечто нереальное, утопическое, «сказочную страну чудес». Эти нападки вызвали резкий отпор Макаренко и воспитанников коммуны. Теперь, когда прошло почти четверть века со времени появления книги, ошибочные утверждения критиков у каждого, кто сколько-нибудь знаком с биографией Макаренко и историей коммуны, могут вызвать только улыбку. С большим волнением прочитали повесть воспитанники коммуны имени Дзержинского. В героях книги они узнали самих себя и своих товарищей. Выражая общее отношение бывших коммунаров к повести, один из них, участник строительства Комсомольска-на-Амуре, Василий Зайцев писал Макаренко:

«Сейчас читаю в «Красной нови» «Флаги на башнях»... Всех узнаю и вижу (одного Черныгина да Ванду не узнаю — думаю, «сборные типы»). Каждую строку читаешь с замиранием сердца. Не знаю, как читатель вообще встретит книгу, но я чувствую себя частью её и отношусь к ней прекрасно»².

Советские читатели, и прежде всего те, для кого была написана книга — молодёжь, с большой радостью встретили повесть Макаренко. Об этом горячо и искренне написала автору пионерка Марианна Яковлева:

«Флаги на башнях» — одна из тех немногих книг,

¹ Образы Черныгина и Ванды в повести не имеют близких прототипов.

² Архив А. С. Макаренко.

которые можно читать и перечитывать без конца. Очень хорошо было бы, если она была бесконечной (это, конечно, невозможно), её никогда не надоест читать, как колонистам колонии имени Первого мая никогда не надоело сидеть на «бесконечном» диване в кабинете Захарова»¹.

28 июля 1938 года Макаренко занёс в свой дневник: «Вчера в Союзе советских писателей директор Гослитиздата говорил, что нет книг к 20-летию комсомола. Я промолчал о «Флагах на башнях». Эта книга, вся наполненная атмосферой советской молодёжи, была бы лучшим подарком к юбилею комсомола»². Тема молодёжи глубоко волновала писателя. В молодых советских людях Макаренко видел черты человека будущего, какие-то огромные и новые творческие возможности.

В архиве Макаренко хранится автограф Антона Семёновича, точно приоткрывающий дверь в творческую лабораторию писателя, стремившегося осмыслить разнообразие черт характеров своих молодых современников. Текст разбит Макаренко на короткие параграфы (приведём этот небольшой по объёму текст целиком):

«1. Сила. Мужество. Открытая вера. Благородство. Спокойствие. Скрамность. Преданность. Любовь.

2. Чтение. Знание. Придирчивость. Наблюдательность. Покой. Понимание.

3. Суровость. Требовательность. Ум. Анализ. Понимание. Придирчивость. Душа. Талантов не много.

4. Глаз. Благородство. Чутьё. Сомнение. С трудом выходит. Правдивость. Прямота.

5. Счастье. Доверие. Добрага. Культура души. Любовь к людям. Улыбка. Красота. Оптимизм.

6. Красота. Нежность. Талант. Обидчивость. Неуверенность. Нервность. Жажда ласки, заботы. Благодарность.

7. Яркий талант. Блеск. Принципы коллектив[изма]. Настойчивость. Понимание своей ступени. Марш. Отбрасывание лишнего.

8. Страсть. Наблюдательность. [Одно слово неразборчиво.] Резкость. Негибкость. В глаза.

9. [Два слова неразборчивы]. Уверенность. Понимание.

¹ ЦГАЛИ.

² Архив А. С. Макаренко.

Уменье. Оптимизм. Анализ. Каждый шаг вперёд – благо.

10. Восторг. Простите. Всё ясно. Ничего не выйдет. Всем верит. Никогда не падает духом.

11. Восторг телачий. Визг. Эстетика. Слепота. Видит одну точку. Слезы на пять минут»¹.

Здесь поражает разнообразие определений. Мы видим, как богат, сложен, иногда противоречив в сознании писателя характер молодого человека нашей эпохи. Из всего многообразия отмеченных Макаренко черт «положительной молодёжи» встаёт привлекательный образ человека душевного благородства, большой «культуры души».

Теме советской молодёжи посвящён ряд произведений Макаренко, созданных одновременно с книгой «Флаги на башнях». Эта тема прежде всего звучит в полный голос в его рассказах и киносценариях.

3. РАССКАЗЫ, КИНОСЦЕНАРИИ

Жанр рассказа, с которого началась литературная работа Макаренко, занял видное место в творчестве писателя последнего периода. В значительной степени циклом рассказов является «Книга для родителей». В 1937–1939 годах в различных газетах и журналах был напечатан ряд новых рассказов Макаренко. Здесь писатель снова выступил как уверенный и тонкий мастер, умеющий создать образ человека, показать пути развития характера в процессе внутреннего роста.

В этом смысле характерны рассказы «Доктор» и «Домой хочу». Мы знаем, что в эпиллоге «Педагогической поэмы» Макаренко только упоминает о судьбах своих героев по выходе их из колонии. Рассказы Макаренко посвятил дальнейшей жизни колонистов.

«Доктор» — это рассказ о жизненном пути бывшего колониста Васьки Корнеева, принадлежавшего к числу наиболее «социально запущенных»². Писатель показывает, как суровая требовательность руководителя коллектива «выпрямляет» Корнеева и помогает ему воспитать

¹ Архив А. С. Макаренко.

² Прототип его — Н. Ф. Шершнёв.

в себе непреклонное упорство в достижении поставленной цели. «Своё обещание сделать доктором он [Василий] выполнял с великим, совершенно героическим напряжением. И в грамотности и в развитии он далеко отстал от сверстников, каждый абзац каждого учебника он брал медленной, непосильной осадой — в поте лица, в бесконечном повороте, на границе невозможности. И улица, и бродяжничество, и «воля», и недоверие к людям, рецидив дикого, хмурого одиночества всегда тянули Ваську куда-то назад. Я видел, с каким отчаянным, молчаливым упорством Васька совершал работу преодоления. И, за исключением только одного случая, он никогда «не пищал», не просил снисхождения, не склонялся на чей-нибудь жилет»¹.

Письмо Василия, завершающее рассказ, подводит итоги этой борьбы, концентрирует в себе смысл произведения. После долгого молчания Корнеев почувствовал себя вправе написать своему учителю, толкнувшему его на благородный путь служения людям: «Я участвовал в защите Хасана как хирург... Я торжествую, дорогой, и я должен Вам об этом написать. И, конечно, я так благодарен Вам за то, что Вы дали первый толчок. А теперь я победитель, и мне очень весело, хочется много жить, хорошо жить. И говорят, знаете что? Говорят, что я хороший хирург. Крепко жму Вашу руку и поздравляю с победой»². «Доктор» — это рассказ о непреклонной воле человека, воспитанной коллективом, о величии подвига во имя Родины, о радости победы.

Герой рассказа «Домой хочу» — мальчик, которого бабушка привезла из деревни в колонию, сначала настойчиво хочет уйти домой, в родную избу. Но коллектив воспитывает в нём новые стремления. Сенька Дружных мечтает о профессии лётчика. В условиях советской жизни эта мечта становится реальностью. В финале рассказа мы видим смелого лётчика-орденоносца, приехавшего навестить семью, товарищей. Несмотря на горячий приём товарищей, Семён мечтает о возвращении в боевой коллектив лётчиков, на родной аэродром, и слова «домой хочу» наполняются теперь новым смыслом.

В рассказах «Доктор» и «Домой хочу» Макаренко рисует единство принципов воспитания в коллективе и

всей советской жизни: оставив колонию, человек попадает в условия, позволяющие развить и приумножить душевные богатства. Оба рассказа говорят о широком спектре, открывающихся перед молодыми советскими людьми, о торжестве идей и методов коммунистического воспитания.

Сюжет рассказа «Случай в походе» основан на действительном происшествии. Во время кавказского похода коммунары взяли с собой два чемодана — с документами и деньгами в мелких купюрах на сумму пятьдесят пять тысяч рублей. Ночью из тёмного вагона неизвестным вором вместо чемодана с деньгами по ошибке был украден чемодан с документами — расписками коммунаров за деньги, выданные им из их заработка на текущие расходы в общей сумме на восемнадцать тысяч пятьсот сорок один рубль двадцать пять копеек. На общем собрании Макаренко попросил каждого из пятисот коммунаров дать новую расписку на все деньги, полученные в дороге. Когда были собраны все расписки и подсчитан итог, оказалось, что всё сошло — копейка в копейку. Обаятельные образы молодых советских офицеров рисует Макаренко в рассказе «Новые годы».

Иногда писатель обращался к прошлому. Место действия рассказа «Гришка» — русский захолустный уездный городок, время — 1917 год. Герой рассказа Гришка работает батраком у купца Пивоварова. Революционные события, встреча с большевиками перевоспитывают тёмного, несознательного парня. Гришка берёт винтовку в руки и вместе с солдатами-большевиками идёт в бой за власть Советов.

Один из лучших рассказов Макаренко — «Из истории героизма». В рассказе отражены впечатления, относящиеся к периоду работы Антона Семёновича в Долинской. Но главный герой рассказа не Макаренко, а один из первых русских лётчиков, поручик Яблонский. Из-за поломки лётчик сажает самолёт в степи, недалеко от школы. Ученики и педагоги принимают горячее участие в судьбе лётчика, простого, весёлого, доброго человека. Лётчик продолжает перелёт. Узнав о несчастном случае, едва не стоившем жизни Яблонскому, школьники по копейкам собирают деньги на телеграмму своему любимцу. Возмущённый «крамольным» поступком учеников,

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 103–104.

² Там же, стр. 104–105.

жандармский штаб-ротмистр вызывает для объяснения Макаренко. В ответ на слова Макаренко, что телеграмма послана защитнику родины, военному лёгчику, жандарм грубо бросает: «Вас это не касается».

Таков несложный сюжет рассказа, но он даёт возможность писателю поставить большой вопрос об одиночестве героя в старое время, о равнодушии к герою не только официальных властей, но и так называемого общества. Рассказ заканчивается словами автора, исполненными скорби за прошлое и патриотической гордости советского человека:

«Я сейчас часто вспоминаю этого весёлого простого паручика. Его жизнь так характерна для последних лет царской реакции. Так холодно и так неудобно было героям в нашем Отечестве... Большому человеческому чувству, чувству любви к Родине, чувству гордости и радости за неё так мало было простора. И сейчас, когда невозможно различить, где кончается героизм отдельного человека и начинается героизм моего народа, когда каждое движение сердца и каждое движение советских самолётов так душевно и так родственно связаны, я благодарю судьбу, что она позволила и мне жить в наше прекрасное, горячее и искреннее время»¹.

С большой лирической теплотой написан автобиографический рассказ «Преподаватель словесности». Макаренко воздаёт здесь должное передовому учителю, воспитателю не одно поколение русских людей. В облике героя произведения Мефодия Васильевича Нестерова писатель запечатлел черты своего любимого учителя Григория Петровича Каминского.

Старый педагог-словесник, по словам Макаренко, «отличался от всех педагогов удивительным выражением достоинства и человеческой простоты». «Доходили до нас слухи, — говорит писатель, — о тяжёлой и неудачной его карьере, об одиноком его учительском демократизме... Мы в то время ещё не вполне ясно различали за его фигурой великие тени революционных демократов, страстных патриотов своей родины, — Чернышевского, Добролюбова, Некрасова»².

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 72.

² Там же, стр. 113.

Мефодий Васильевич Нестеров — художник по натуре, человек, горячо любящий Россию и родную литературу. Эту любовь он передаёт своим ученикам. Писатель по-прежнему зывает нам старого учителя, читающего в классе бесмертное «Слово о полку Игореве». Голос великого поэта, жившего в XII веке, потрясает юных слушателей лирической силой, силой любви к Родине.

Диапазон художника всё более расширялся — от короткого рассказа Макаренко обратился к киносценарию. Писателя давно интересовало кино, он внимательно следил за его достижениями, был в курсе всех наиболее значительных киноновинок. Макаренко привлекала массовость кино, его динамика, богатство художественных возможностей.

Первый опыт Макаренко в жанре киносценария относится ещё к началу 30-х годов. Это был сценарий не большого документального фильма о коммуне имени Дзержинского. Антон Семёнович сообщил жене 19 ноября 1932 года: «Я вчера за один присест написал сценарий на 5 частей настоящего большого фильма со всеми фокусами — бегущими ногами и в этом роде»¹. Это обращение Макаренко к новому для него жанру осталось лишь эпизодом. Только в московские годы писатель стал серьёзно заниматься кинодраматургией.

В архиве Макаренко сохранился киносценарий «Колонисты», представляющий экранизацию книги «Флаги на башнях». Здесь использованы также некоторые ситуации и персонажи «Педагогической поэмы». В письме к начальнику сценарного отдела Одесской киностудии Антон Семёнович так охарактеризовал свой замысел:

«Я изображаю счастливого и активный детский коллектив в моменты наивысшего и красивого подъёма его жизни, изображаю настоящий, живой уголок социализма, в котором, как в фокусе, отображаются все явления нашей «взрослой» жизни... Я рассчитывал, что такой уголок жизни, показанный детям, даст очень много живых политических и этических толчков для их духовного развития, сообщит им начала того советского благородства, которое так необходимо»².

¹ Архив А. С. Макаренко.

² Там же.

К сожалению, сценарий остался незаконченным. Рукопись начинается остро сатирическими сценами в кабинете Брегеля и у педолога, «исследующего» Олега Огнёва (в дальнейшем, как и в повести «Флаги на башнях», он назван Игорем), и обрывается на эпизоде любовного объяснения Игоря с Нагашей.

В 1938 году Макаренко написал сценарий «Настоящий характер» (первоначальное название «Ласточкин хвост»). Тема сценария — воспитание личности советского молодого человека. Герои произведения — юноши и девушки, ученики школы фабзавуча оборонного завода. Показывая борьбу коллектива фабзавучников за то, чтобы дать больше продукции Красной Армии, Макаренко создаёт привлекательные образы молодых рабочих.

В центре внимания автора — образ шестнадцатилетнего комсомольца, изобретателя Васи Кулешова. Скромный юноша, ничем не замечательный на первый взгляд, одерживает моральную победу над противопоставившим себя коллективу, склонным к рисовке и героической позе Колей Постниковым. Васа помогает товарищу избавиться от своих недостатков. «Настоящий характер» — это умение поставить интересы коллектива выше собственных, это внимание к человеку, это социалистическое отношение к труду, это преодоление трудностей. Сценарий Макаренко — взволнованный рассказ о настоящем характере одного из миллионов молодых строителей нашей Родины.

11 января 1939 года Макаренко записал в дневнике: «Сценарий «Союздетфильму» сдал и прочитал. Хоть и много над ним повозился, но, по-моему, сценарий вышел совсем не плохой... К моему удивлению, он был встречен довольно холодно. Что-то такое говорили: есть, конечно, достоинство, но это повесть, нет драматизма, облегчённый конфликт.

Нужно давать убийства и «конфликты» — это в ФЗУ!..»¹

Кинофильм по сценарию Макаренко не был поставлен. В 1939 году Макаренко написал киносценарий «Командировка» (вариант названия «Трудный характер»). Сценарий также посвящён жизни рабочей молодёжи.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VI, М., 1958, стр. 444.

Место действия — судоремонтные мастерские на большой реке, рабочий посёлок, недалеко от границы. Сюжет развёртывается вокруг командировки в военное учебное заведение, полученной заводской комсомольской организацией.

В проспекте сценария об одном из главных действующих лиц сказано: «Борис Орлов [в рукописи сценария — Огнёв], 18 лет. Кассир на пристани... Хорошо говорит, вообще делает вид активного комсомольца. Он с некоторым презрением относится к товарищам, потому что убеждён в своём большом развитии, и уверяет, что он поступит в военно-политическую академию или в этом роде. Жаден и эгоист. Не уважает женщин»¹. Борис грубит матери. Зарабатывая больше, чем мать, он не желает помогать семье. Небрежно относится к своей работе.

Борису противопоставлена нравственно здоровая, честно относящаяся к труду рабочая молодёжь, молодые работники конструкторского бюро мастерских.

Такой, на первый взгляд, частный эпизод, как командировка в военное училище, даёт возможность писателю поставить принципиально важные вопросы морального воспитания советского молодого человека. Одним из идейных узлов сценария является обсуждение кандидатуры в военную школу, в котором принимают участие члены комсомольской организации мастерских Иван, Алёша, Борис Огнёв, Кагя и студентка-практикантка Надя.

В ответ на самоуверенную реплику Бориса: «Я конкурентов не вижу», Алёша открыто заявляет товарищу, что будет голосовать против него. Далее развёртывается такая сцена:

«Борис. Ну, Алёша, если так придираешься... у каждого человека есть недостатки. Человек же не кукла.

Надя. Правильно!

Иван. А по-моему, это моральный оппортунизм!.. Моральный оппортунизм! А как это иначе назвать? У человека должны быть достоинства и недостатки? С какой стати недостатки? Почему у комсомольца должны быть недостатки? Кто эту норму придумал?

Борис. По-моему, все люди должны быть ангелами?

¹ Архив А. С. Макаренко.

Надя. Похоже.
Иван. Не ангелами, а большевиками. [*Обращаясь к Катю*]. ...Скажи только правду в глаза, какие недостатки ты простила бы своему любимому?

Катя (*она понимает поэтическую ценность поставленного вопроса, и в её голосе звучит хорошая эмоция*). Моему любимому?

В дальнейших вопросах, отвечая на них, Катя сначала говорит весело, с кокетливым раздумьем, вертя иногда головой, потом нахмуливает брови и отвечает всё более убежденно, серьёзно и страстно...

Иван. Да! Воровство простила бы?

Катя. Что ты!

Иван. Шкурничество...

Катя. Нет.

Иван. Пьянство...

Катя. Нет!

Иван. Хамство...

Катя. Нет, нет!

Иван. Разврат?

Катя. Ни за что!

Иван. Плохую работу?

Катя. Никогда!

Общее воодушевление.

Алёша (*стукнул кулаком по столу*). Иван правильно сказал! Правильно сказал! Я на его стороне! Кто ещё?

Катя (*смотрит на Ваню благодарно, склонив голову чуть-чуть набок*). И я на твоей стороне, Ваня!»!

В итоге командировку получает не Борис, а молодой шофёр Гриша — скромный, настойчивый, трудолюбивый человек.

Горячо принимает к сердцу интересы молодёжи капитан канонерки «Буря», пришедшей на ремонт в заводской бутон. Понимая, что обсуждение кандидатуры в училище будет для Бориса хорошим уроком и что этот воспитательный урок должен получить продолжение, капитан Тарасов предлагает Борису перейти на работу в военное управление на должность промерщика перекатов. При этом Тарасов предупреждает Бориса, что «терпеть не может лени, поэзы,

болтовни и хамства». Борис с благодарностью принимает предложение и уезжает из родного посёлка. Перед ним открывается возможность стать настоящим советским человеком.

Подлинными героями сценария Макаренко являются комсомольцы — члены бригады, ремонтировавшей судно. Обращаясь к ним, секретарь партийной организации говорит: «Ваша бригада никому не известна, да и сама за славой не гонялась. Вы ничего не изобрели, вы не поразили мир секретным открытием... В такое небольшое дело, как ремонт канонерки — маленького военного судна, — вы вложили много души, много любви, находчивости, честности, любви к Родине. А за вашей бригадой шёл и весь завод. Поэтому и хочется вас особенно поблагодарить, пожать вам руки и порадоваться. Вы замечательные люди, и за вами стоят тысячи таких же замечательных, по-новому благородных людей. И сама наша «Буря» и вся наша Красная Армия нужны только для того, чтобы защищать таких людей, как вы, чтобы защищать, жизнь, создающую таких людей»!

Нетрудно заметить связь между сценарием и предшествовавшими произведениями Макаренко. Тема формирования характера, утверждение воспитательной силы коллектива, страстное обличение всяческого «морально-го оппортунизма» роднит сценарий с повестью «Флаги на башнях» и с другими книгами писателя.

Киносценарий «Командировка» был принят к постановке, но смерть Макаренко помешала её осуществлению.

4. «ЧЕСТЬ»

Особое место среди произведений Макаренко московского периода занимает повесть «Честь», в первоначатном тексте названная романом. Повесть написана в 1937–1938 годах и тогда же была опубликована в журнале «Октябрь». Новое произведение не может быть поставлено в один ряд с лучшими книгами писателя. Оно страдает некоторой растянутостью, композиционной рыхлостью. Тем не менее оно имеет право на внимание

не только как свидетельство поисков художника. Повесть вводит в литературу новый литературный материал, ставит важную проблему, обозначенную уже в заглавии произведения.

От изображения современности Макаренко обратился здесь к эпохе первой мировой войны и начала Октябрьской революции. В повести отразились воспоминания молодости Макаренко. В облике провинциального города и посёлка Костромы запечатлены черты Кременчуга и Крюкова. Прототипы двух героев «Честь» — старого рабочего Теплова и его жены Василисы Пантелевны — родители Макаренко.

Герои произведения — рабочий Теплов, его сын Алёша, друзья Алёши — жизнерадостная молодёжь рабочего посёлка, солдат Степан Колдунов и другие.

С большинством действующих лиц повести мы встречаемся летом 1914 года, накануне мировой войны.

Один из наиболее интересных образов повести — старый токарь Семён Максимович Теплов. Это человек труда, самый лучший токарь на заводе, знающий цену себе и своему мастерству. Суровый, гордый, умный, он ведёт строгую трудовую жизнь, заботится о воспитании сына. Семён Максимович понимает всю важность борьбы рабочих за образование. Вот почему, отказываясь вместе с женой от самого необходимого, он говорит сыну Алёше: «Реальное не для нас строили, а ты покажи им.. Принесёшь четвёрку... лучше не принеси! Пятёрки. Понимаешь?»¹

Сын Теплова Алексей — даровитый юноша. Ценой крайнего напряжения сил семьи он, единственный из своих сверстников, поступает в реальное училище, успешно оканчивает его и становится студентом высшего учебного заведения — Института гражданских инженеров. В начале империалистической войны Теплова призывают на военную службу. Закончив военную школу, он становится офицером царской армии. Тяжело раненного в бою, потерявшего на время память, утратившего способность речи, Алексея направляют в госпиталь, находящийся в родном городе. А по окончании лечения Алёша возвращается домой к родителям.

Герои романа живут в важную переломную эпоху в жизни страны. Великие исторические события взрывают

в провинциальном захолустье сложившийся в течение долгих лет уклад жизни, изменяют людей и привычные отношения между обитателями посёлка. Гибель миллионов людей на фронте, нужда и лишения, поражения царской армии — всё это вызывает ненависть народных масс к царскому правительству, обостряет движение против империалистической войны, подготавливает революционный взрыв. Макаренко показывает представителей народной массы — солдата Степана Колдунова и друзей юности Алексея, участников войны, сына плотника Николая Котлярова, большевика Павла Богатырёвчука и других.

В сущности «Честь» тоже роман о воспитании. Мы видим, как растут люди в процессе революционной борьбы, как освобождаются они от того, что мешало их революционному, человеческому росту. Старый рабочий Теплов, остро ощущающий несправедливость капиталистического строя, становится членом партии большевиков. Крестьянин в шинели, денщик-балагур Степан Колдунов вырастает в политически сознательного человека. Полный стихийной ненависти к капиталистам и помещикам, кочегар Иван Груздён осознаёт величие и силу своего класса. Приходят к революции люди и из другого лагеря: кадровый офицер — капитан Бойко, дочь буржуазного интеллигента Нина Остробородько.

Более сложен путь Алексея Теплова. Душевно чистый и глубоко честный человек, временно оторвавшийся от рабочей среды, Алексей сначала не вполне понимает своих товарищей — большевиков. Рабочее окружение, развернувшиеся революционные события делают его коммунистом. Алексей становится командиром Красной гвардии и в один день со своим бывшим денщиком Степаном Колдуновым подаёт заявление о приёме в партию. Алексей ощущает огромный душевный подъём, своё единство с восставшим народом. «И культуру и силу Алёша чувствовал в самом себе, — отражение великой культуры народной, сознательной воли, организуемой Лениным».

Мы расстаёмся с Алексеем на рубеже Великого Октября. Возглавляемый Алексеем Тепловым отряд красных бойцов направляется на борьбу с контрреволюцией. Начинается новая — самая значительная полоса

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VI, М., 1958, стр. 15.

в жизни героев книги, новая эра в жизни России и всего человечества.

С темой революционного воспитания народа тесно связана другая тема романа. Макаренко показывает, как в процессе революции меняются, приобретает новые черты понятие о чести, становясь огромной моральной и политической силой.

Старик Теплов с горькой иронией говорит сыну о помещиках и капиталистах — «хозяевах жизни»: «Ты понимаешь? Они, сволочи, всё воображали, что это они хозяева, они и герои. Куда ни помотришь, всё они — начальники и герои. А наш брат вроде как для чёрной работы, вроде волов. Нагонят тысячи нашего брата — серая скотина!.. Да, скотина! У них всё! У них и деньги и мундиры. У них и родина. А мы безродные как будто»¹. Произведение Макаренко обращено против старого, классово ограниченного, абстрактного понимания чести.

Носителями подлинного чувства чести являются растущие в борьбе представители революционного народа. Несмотря на тяжкую жизнь под гнётом самодержавного государства, несмотря на бедность и отсутствие внешнего лоска, эти люди сумели сбересть своё большое душевное богатство, сохранить чувство человеческого достоинства, уважения к труду.

Алексей Теплов мучительно решает проблему чести. Понимающий в глубине души справедливость умных слов отца, но воспитанный на том представлении о чести, которое внушалось в старой армии, он не может найти вначале правильного решения. Лишь в процессе революционной борьбы Алексей приходит к правильному пониманию чести. Захватённый в плен белогвардейцами, Теплов даёт достойный отпор председателю военно-полевого суда, пытаясь апеллировать к его старой, офицерской чести: «Я знаю, что такое честь... Честь — это как здоровье, её нельзя придувать и пригнуть к себе на канате, как это вы делаете. Кто с народом, кто любит людей, кто борется за народное счастье, у того всегда будет и честь»².

Тема чести переплетается в романе с темой Родины. Вернее, это грани одной и той же большой патриотической

темы. Весь роман пронизан живым, глубоким, страстным чувством любви к Родине, к русскому народу и гордостью его великими революционными подвигами. Вместе с политическим, человеческим ростом Алексея Теплова растёт, углубляется понимание им Родины. От чувства глубокой скорби за Родину, терзаемую капиталистами и помещиками, Алексей приходит к радостному утверждению новой, революционной России. Он осознаёт всемирно-историческое значение русской революции. В новой, революционной России он находит не только разрешение вопроса о чести, но и ту настоящую Родину, о которой тосковал. Жизнь Алексея и его дела сливаются теперь с жизнью и делами освобождённого народа.

«Я не выдумал своих героев, — писал Макаренко. — В нашем рабочем классе, в русском народе я видел и всегда вижу богатые силы, сложные личности, тонкие движения ума и сердца. Я знаю свой народ прекрасным, сильным, способным на подвиг и мужество»¹.

Макаренко показывает, какие богатые человеческие возможности заключены в простом русском трудящемся человеке, как ещё под гнётом помещиков и капиталистов вырастает в рядовом русском рабочем сознание своего человеческого достоинства, презрение к паразитам и туземцам. «Честь» — повесть о формировании новой интеллигенции, неразрывно связанной с народом, о революции, разбудившей творческие силы народных масс.

Несмотря на различия в эпохе и героях, изображённых в романе «Честь» и в других художественных произведениях Макаренко, нельзя не уловить глубокую внутреннюю связь между ними. Тема чести была поставлена писателем ещё в «Педагогической поэме». В колониальном понимании о чести органически выросло из трудовой организации и борьбы горьковского коллектива за лучшую жизнь.

К вопросу о чести Антон Семёнович неоднократно возвращается и в своих педагогических выступлениях. Макаренко призывает к воспитанию «того чувства чести, которое ни в какой мере не напоминает старого гонора зазнавшегося насильника»². Не тупое высокомерие

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VI, М., 1958, стр. 426.

² А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 355.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VI, М., 1958, стр. 54.

² Там же, стр. 306.

аристократа, не чувство превосходства, основанное на принадлежности к привилегированным слоям общества, а чувство человеческого достоинства, чувство гордости собой, как частью коллектива, — патриотическое чувство советского гражданина — таково для Макаренко содержание понятия чести. В совершенном коллективном организме, созданном Макаренко, — в коммуне имени Дзержинского, «понятие о чести в лучшем его значении сделалось в последние годы важнейшим моментом воспитания»¹.

В романе на ином историческом материале писатель раскрыл то радикально новое, что внесла Великая Октябрьская социалистическая революция в понятие чести. Показывая рост благородного чувства подлинной чести в массе разбуженного революцией трудового народа, Макаренко помогает осветить один из узловых вопросов воспитания человека.

5. ТВОРЧЕСКИЕ ЗАМЫСЛЫ

Безвременная смерть помешала осуществлению интереснейших творческих замыслов Макаренко. Многие остались незаконченными, другое только началом, иное лишь задуманным. Макаренко не один раз возвращается к замыслу большого романа. Жанр этот давно привлекал внимание писателя, но только во второй половине 30-х годов Макаренко обратился к нему всерьёз.

В архиве писателя есть автограф, озаглавленный: «Человек» — роман Макаренко». Текст написан в третьем лице. Это краткая аннотация, подготовленная Антоном Семёновичем для какой-то газеты. — Вот что здесь сказано:

«А. Макаренко заканчивает большой роман «Человек». Это первая попытка писателя создать книгу о взрослых. Но о тех взрослых, которых буржуазное общество искалечило своим диким, уродливым отношением.

А. Макаренко покажет в своём романе все явления человеческой неполноценности: дураков, авантюристов, мажоранов, чудаков, людей как бы «2-го сорта», порождённых социальными условиями

дореволюционного времени. Это будут литературные портреты тех живых людей, с которыми автор лично сталкивался в своей богатой опытом жизни»¹. В заключение сообщается, что писатель собирается закончить книгу к двадцатилетию Октябрьской революции.

На первый взгляд эти замыслы кажутся неожиданными для Макаренко. Ведь он всегда интересовался явлениями человеческой полноценности, ростками нового в людях. Но это только на первый взгляд. Макаренко-художника привлекали и различные категории «трудных людей». Вспомним «Педагогическую поэму», одна из глав которой названа «Ни одна блоха не плоха».

В тетради, озаглавленной «Роман. 1935 г. Начат 6 октября 1935 г. Материалы закончены 18 февраля 1936 г.», содержатся записи отдельных мыслей, эпизодов, характеристик, являющиеся этюдами к будущему роману. Здесь нет ещё сюжетной схемы произведения, не конкретизированы образы. Они лишь намечены. Черты грубости, глупости, собственничества, эгоизма, цинизма, рвачества. Люди, для которых другой человек существует лишь постольку, поскольку он «удобен», эгоистически «нужен» им. Пошляки, для которых понятие «хорошей жизни» исчерпывается сытной едой, выпивкой, примитивными удовольствиями. Люди, которых, «кажется, никаким динамитом нельзя взорвать так; чтобы показала живая душа»².

Одна из записей как бы суммирует характер портретной галереи: «Куда же девать негодных людей, дураков, мешан, шкурников. Из них-то и составляются коллективы. Не травить их? Выбрасывать? На Марс их не выбросишь? Всё дело в том, что их можно воспитывать, в каждом человеке что-нибудь можно найти. И коллектив всегда лучше отдельных его членов»³. Вероятно, с этим замыслом связаны и другие заглавия проектировавшегося романа: «Дураки», «Чудаки».

Это зрелище не пугает писателя. Макаренко уверен в безграничных воспитательных возможностях нашей действительности.

¹ Архив А. С. Макаренко.

² Там же.

³ Там же.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 375.

Макаренко хочет вернуться к драматургии. Он обдумывает комедию на тему «забота о человеке». Писатель так излагает содержание будущей пьесы: «К первому мая открывается санаторий на 300 человек. Санаторий хороший, организуется с заботой и вниманием, но получается так, что в заботе о будущих больных организаторы забыли, что служащие и окружающие их работники тоже люди и забота о человеке распространяется и на них... Действие происходит в одном из украинских санаториев, расположенных на Днестре»¹.

В Макаренко наряду с писателем и педагогом всегда жил историк. Антон Семёнович с давних пор интересовался историей Киевской Руси. Его внимание привлекала блистательная эпоха Владимира Мономаха — время расцвета Киевской Руси, ставшей мировой державой. В беседе с молодыми литераторами в 1938 году Антон Семёнович поделился своим новым творческим замыслом:

«Сейчас я задумал роман из эпохи Владимира Мономаха, с которым я живу, когда читаю книги о нём, вместе с ним живу в Переяславле, в Киеве, живу его жизнью»². К сожалению, замысел этот Макаренко не успел осуществить.

Писатель напряжённо ищет новых тем, новых способов художественного выражения. Порой он испытывает острое чувство неудовлетворённости. «Я знаю, что нужно сказать, но вопрос «как сказать» — вопрос чрезвычайно трудный, — пишет Макаренко. — Способ «Педагогической поэмы» от первого лица, — уже не годится, и от третьего лица я никак не найду стиля». «Честь» написана в одном стиле, «Флаги» в другом... Сейчас заканчиваю новый роман... может быть, в нём поймаю стиль за хвост. Пока знаю только одно: штампованных, стандартных вещей делать не буду»³.

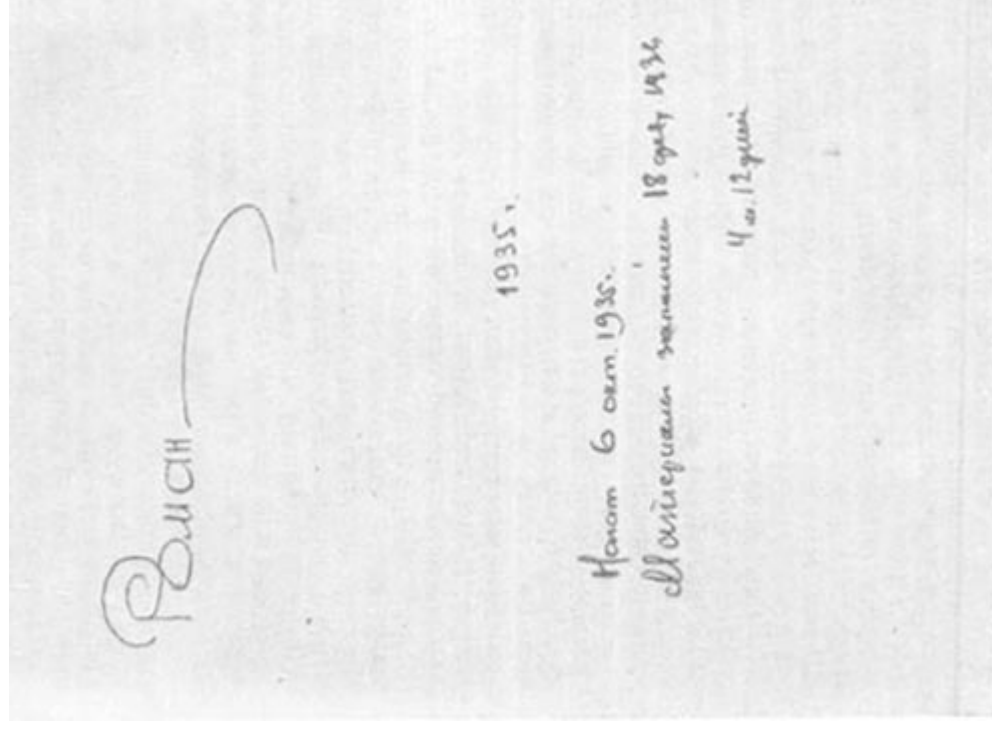
Роман, о котором идёт речь в письме, был последней большой работой Макаренко-писателя. Над романом писатель трудился в течение нескольких лет. В ходе этой работы замысел претерпел значительные изменения. Первоначальная стадия работы над романом представлена в архиве

¹ Архив А. С. Макаренко.

² Там же.

³ А. С. Макаренко. Письмо к Н. Ф. Шершнёву, 7 сентября 1938 г. Архив

А. С. Макаренко.

Материалы к роману 1935-1936 гг. Автограф А. С. Макаренко

писателя проспектом, относящимся к 1936 году. В центре романа, не имеющего ещё заглавия, — герой, названный Бакуриным.

Бакурин полон ненависти «к старой России, к кошелям, дармоедам и эксплуататорам», он искренне хочет познать новую жизнь, но наследие прошлого в людях — эгоизм, головоугодничество, шкурничество — ещё заслоняет от него нового человека. Бакурин пока остаётся один со своим предзрением ко всему, что духовно искажает человека.

«Во второй части романа по этому характеру быют два обстоятельства. Бакурин замечает детей, отдельные явления среди молодёжи, студенчества и, в особенности, среди безпризорных и бывших беспризорных. На него сильное впечатление производит посещение коммуны. Он не видит ещё новых людей, но он видит совершенно новые явления среди нового коллектива. Эпоха начинает представляться ему в несколько новом свете...»¹

В третьей части проспекта романа процесс воспитания Бакурина вступает в новую, решающую фазу. Герой Макаренко понимает теперь, что столь ненавистные ему проявления собственности не являются неизменной, абсолютной и устойчивой категорией, а остатком старого мира, который может и должен быть уничтожен. Перед Бакуриным открываются пути создания нового человека, и он начинает видеть ростки нового там, где их раньше не замечал.

«Культура и люди приобретают совершенно новое значение в его глазах. Люди остаются с прежними недостатками, и Бакурин не уменьшает своей злобы по отношению к глупости, но он уже понимает, что путь к культуре есть путь к новому обществу, и на этом пути люди способны бороться, хотя и спотыкаются. В его самочувствии появляется ясная программа культуры, и он понимает, для чего нужна борьба за эту программу... У Бакурина появляется новая способность: в тех же людях видеть больше положительного, чем отрицательного, видеть взмахи чувства, мысли, героизма...»²

В образе Бакурина можно узнать черты характера главного действующего лица, намеченные в проспекте романа 1929 года. Основная тема обоих литературных замыслов

одинакова — социалистическое перевоспитание интеллигента-одиночки. Как и прежде, Макаренко отказался от реализации своего замысла. Работа над романом пошла совсем по другому руслу, и в новом варианте осталась только фамилия главного героя — Бакурин, образ которого по существу имеет мало общего с Бакуриным из проспекта романа 1936 года.

Второй вариант романа, датированный в рукописи 1938 годом, назван «Ньютоновы кольца» и посвящён двадцатилетию комсомола. Ряд героев и ситуаций сливается с одноимённой пьесой, написанной в 1934 году. По характеристике писателя, это «роман о человеческих недостатках и о человеческом достоинстве»¹.

Третий вариант назван «Мелкий случай». Как и в предшествовавшем варианте, действие развёртывается на заводе электроинструмента. В центре написанных глав романа как будто «боковой» эпизод — «мелкий случай». Молодая девушка Валя Шалимова, работавшая в библиотеке дома отдыха, была несправедливо обвинена директором дома отдыха — нечестным человеком, развратником — в воровстве, изгнана с работы и оставлена без крова. Валя попадает на завод, где её приютили чужие люди — работники завода. На этом рукопись романа обрывается.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства есть письмо Макаренко к директору Гослитиздата от 24 августа 1938 года. Антон Семёнович сообщает, что он работает над романом «Пути поколения», который собирается передать журналу «Молодая гвардия». «Тема романа — картина тех путей, — рабочих, моральных, личных, которые стоят перед нашей молодёжью, и среди которых она должна выбирать. В романе я утверждаю, что такой выбор есть дело далеко не простое и, во всяком случае, чрезвычайно важное, ибо в нашем обществе остаются ещё пережитки старых общественных норм...»

Как видно из сохранившейся рукописи четвёртого и последнего варианта романа, эта тема снова видоизменилась, приобрела новые очертания. В кратком наброске «основного плана», имеющемся в архиве Макаренко,

¹ Архив А. С. Макаренко.

² Там же.

тема романа определена так: «Отношение к людям – воспитание кадров из материала второсортного».

Роман как бы суммирует многое из того, что было задумано писателем ранее. Нетрудно узнать в написанных главах ряд образов и эпизодов из предшествовавших произведений. И тема романа — освоение нового в нашей стране производства плёночных фотоаппаратов — была уже дана ранее, в пьесе «Ньютоновы кольца». Но масштабы произведения иные. По замыслу Макаренко, это пути поколения граждан СССР, борющихся за индустриализацию страны, за построение социализма.

В образах инженеров, рабочих, служащих Макаренко хотел показать простых советских людей, которые, создавая завод и преодолевая многочисленные трудности, воспитывают в себе качества нового, социалистического человека. Антон Семёнович много раз говорил о своём желании показать в романе, что в Советском Союзе каждый человек поставленный на своё место, становится социальной и человеческой ценностью.

Наиболее значительный образ романа — директор завода, инженер Дмитрий Иванович Бакурин. Это не интеллигент-одиночка, как одноимённый герой проспекта романа, а молодой большевик, воспитанный Ленинским комсомолом, человек большой души, дерзаний, смелости. Это подлинный большевистский организатор, живой человек, для которого дело даже самого большого масштаба не может слониться конкретных людей со всеми их надеждами, стремлениями, бедами и радостями. В характере Бакурина, несомненно, много автобиографических черт.

Рядом с Бакуриным — образ секретаря партийной организации завода Елены Павловны Рязановой. В её характере, по замыслу автора, сочетаются качества умного большевистского руководителя и обаятельная женственность. Любовь Бакурина и Рязановой должна была внести лирическую струю в роман. По воспоминаниям жены писателя, Макаренко хотел показать в романе хорошую советскую семью, настоящее большое счастье двух людей, строителей социализма.

В произведении Макаренко имеется ещё один развёрнутый женский образ — библиотекаряша Валя. Это рядовой работник, страстно любящий своё скромное дело и создающий его общественное значение. Истории Вали,

хотя она непосредственно не связана с темой строительства завода, уделено довольно много места в рукописи романа. Это не случайно: писатель хотел показать, что в Советской стране даже попавший в беду человек никогда не должен ощущать себя одиноким, что коллектив может ему преодолеть тяжкое личное горе. Роман «Пути поколения» остался незаконченным. К последнему году жизни Макаренко относится замысел ещё одного романа.

«...Я надеюсь, что в середине года [очевидно, 1939-го] я напишу небольшой роман, до 10—12 листов... Тема этого романа старая: любовь. Я предполагаю в этой вещи просто изобразить историю любви двух молодых людей, которая мне кажется достаточно выразительной для нашей эпохи, как образец отношений этого порядка»¹, — писал Макаренко. Очевидна связь этого замысла со страницами «Книги для родителей», посвящёнными «культуре любовного переживания».

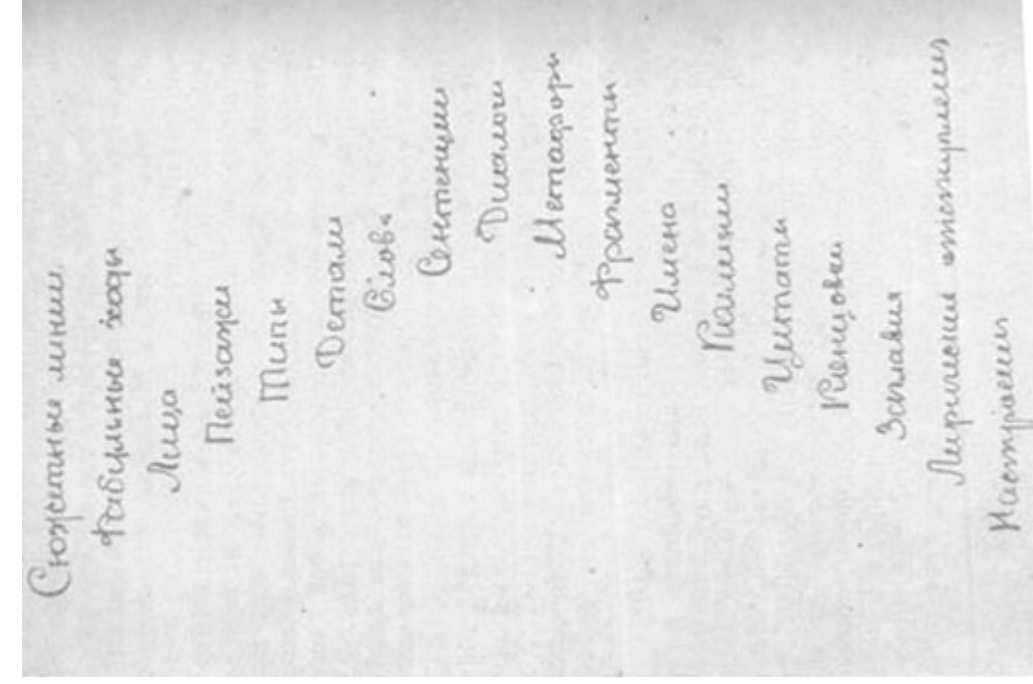
Говоря о той части литературного наследия Макаренко, которая осталась в основном ещё неизвестной читателям, нельзя пройти мимо записных книжек. Каждая из них представляет большой интерес для исследователя творческой лаборатории писателя. Но, подобно записным книжкам больших художников слова, записи Макаренко живут и своей самостоятельной жизнью².

В записных книжках Макаренко рассыпано множество интереснейших наблюдений, индивидуальных и коллективных портретов, жанровых сцен, пейзажей, диалогов, сюжетов, глубоких оригинальных мыслей. Это не просто «заготовки» для очередных произведений, не только набор выразительных художественных деталей. Это жизнь, увиденная большим художником, которому в равной степени близки и тончайшая лирика, и мягкий юмор, и острая, бичующая сатира. Это жизнь, отражённая в её реальных противоречиях, освещённая горячей любовью к людям.

За три месяца до смерти, 28 декабря 1938 года, Макаренко записал в свой дневник: «...Какую я хорошую

¹ А. С. Макаренко. Письмо в Гослитиздат, 24 августа 1938 г. ЦГАЛИ.

² Орывки из записных книжек Макаренко были опубликованы в «Литературной газете» и других изданиях.

книгу мог бы написать о человеке, как я его вижу в нашей замечательной потенции»¹. Писателю не удалось осуществить этого замысла. Мысль о человеке, о его творческих возможностях, о его душевной красоте и могучей нравственной силе пронизывает все произведения Макаренко и, в частности, произведения, созданные в последний период его жизни.

Московские годы для Макаренко — время страстных поисков новых тем, новых жанров, новых художественных воплощений. Не всё писатель мог и успел свершить. И, кто знает, проживи Макаренко ещё десять—двадцать лет, какими бы новыми ценностями обогатилась наша литература! Но лучшее из того, что было создано Макаренко, живёт и будет жить многие годы в сознании миллионов читателей.

¹ Архив А. С. Макаренко.

МАКАРЕНКО И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Всякий большой художник глубокими корнями связан с окружающей его действительностью, с жизнью и борьбой народа, со своей эпохой. В то же время, каким бы крупным новатором ни был писатель, он опирается на опыт своих предшественников (или от него отталкивается). Конечно, в этом отношении Макаренко не был исключением. Порождённое социалистическим общественным строем творчество Макаренко продолжило лучшие традиции русской классической и советской литературы, внесло новый, ценный вклад в сокровищницу мировой культуры.

Глубокая идейность, страстная любовь к Родине, высокий гуманизм, моральный пафос, удивительная сердечность русских писателей-классиков по-новому предстали в произведениях Макаренко.

Макаренко-художнику помог утвердиться на избранном им пути творческий опыт Н. В. Гоголя. Автору «Педагогической поэмы» было близко стремление великого писателя поэтически увидеть обыкновенную жизнь и та «высокая поэзия смеха», о которой говорил Гоголь. В поисках жанра своей лучшей книги Макаренко в какой-то степени шёл от поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души», сочетавшей эпически широкие картины русской жизни, огромную силу сатирического обличения крепостнического строя с лиризмом темы народа, России.

В статье о романе А. Первенцева «Кочубей» Макаренко, выражая критикам, которые, как думалось Антону Семёновичу, обязательно будут упрекать автора романа в подражании Гоголю, писал: «Но ведь влияние Гоголя вовсе не такое уж плохое влияние, и читатель только благодарит Первенцева за восстановление страстной гоголевской эпической приподнятости»¹.

Эта эпическая приподнятость ощущается, когда читаешь многие страницы «Педагогической поэмы». Гоголевская характерная интонация чувствуется порой и в гиперболических описаниях, и в лирических отступлениях. Но рисующие иную действительность, данные в другой образной системе «гоголевские» куски «Поэмы» звучат не как подражание, а по-макаренковски своеобразно и неповторимо.

Макаренко-художнику был близок А. П. Чехов. «Я — писатель чеховской школы, я — лирик»², — говорил Антон Семёнович. Автору «Педагогической поэмы» был близок задушевный чеховский лиризм, мягкий юмор, чеховская любовь к простым людям, чеховская поэзия и правда русской жизни.

В архиве Макаренко сохранилась запись, запечатлевшая отношение писателя к одной существенной стороне творческого облика Чехова. Вначале речь идёт о грубом, примитивном понимании конфликта некоторыми критиками. В этой связи Макаренко замечает: [В социалистическом обществе] «конфликт становится более тонким, более глубоким, более нежным, он отражает более сокровенные глубины человеческой личности. Это «очеловечение» конфликта заметно у Чехова, и в этом отношении он гораздо более социалистический писатель, чем кто-либо другой, с той только разницей, что разрешение этих очеловеченных конфликтов у него пессимистическое, что вполне соответствует его эпохе»³.

Это высказывание свидетельствует о глубоком понимании Чехова. Определение «очеловечение конфликта», данное Макаренко, глубоко и плодотворно. Оно направ-

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 193.

² Из воспоминаний Г. С. Макаренко, записанных автором книги.

³ Архив А. С. Макаренко.

лено против узкого, обедняющего литературу понимания природы конфликта. Оно открывает перед советскими писателями новые художественные перспективы.

Макаренко продолжил благородную традицию классической русской литературы изображать положительных героев, органически связанных с народом. Таков Рахметов — герой романа Чернышевского «Что делать?», Елена и Инсаров из «Накануне» Тургенева, Гриша Добросклонов из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и другие. Мы не должны забывать, что тема единства личности и народа была поставлена писателем-демократом В. Г. Короленко в лирико-философской повести «Слепой музыкант».

Автор «Педагогической поэмы» не мог не использовать творческий опыт русских писателей-классиков, создавших свои произведения на документальной основе. Это очень различные по темам, по жанрам, по стилю произведения. Достаточно назвать «Былое и думы» А. И. Герцена, «Детские годы Багрова внука» С. Т. Аксакова, «Записки из Мёртвого дома» Ф. М. Достоевского, «Историю моего современника» В. Г. Короленко.

Из перечисленных произведений, вероятно, всего ближе к писательской индивидуальности Макаренко «История моего современника». «Здесь не будет ничего, что мне не встречалось в действительности, чего я не испытал, не чувствовал, не видел. И всё же... я не пытаюсь дать собственный портрет. Здесь читатель найдёт только черты из «истории моего современника», человека, известного мне ближе всех остальных людей моего времени...»¹ — писал Короленко.

В четырёхтомной автобиографической эпопее Короленко нарисовал свой жизненный путь, как типический путь одного из передовых представителей демократической интеллигенции, сформировавшейся в бурную эпоху революционного подъёма 1860–1870-х годов. Образом героя эпопеи — «современника» — автор со всей убедительностью утверждал, что только в самом близком участии в жизни народа формируются лучшие душевные качества человека и гражданина. Эпический разворот большой исторической темы связан в произведении Короленко с вдохновенным и тонким лиризмом.

¹ В. Г. Короленко. Собрание сочинений, т. 5, М., 1954, стр. 8.

Русская литература не раз обращалась к теме воспитания. Учитель явился героем ряда произведений писателей-классиков. С большим сочувствием рисовала литература прошлого положение народного учителя в царской России, его унижения, забитость, одиночество. Достаточно вспомнить рассказ А. П. Чехова «На подводе».

«Учительница в селе. Из хорошей семьи. Брат где-то офицером. Осиротела, пошла в учительницы по нужде. Дни за днями, бесконечные вечера, без дружеского участия, без ласки, личная жизнь погибает; удовлетворения нет, так как некогда подумать о великих целях, да и не выдать плодов»¹. Эта заметка в записной книжке А. П. Чехова хорошо передаёт общую тональность рассказа.

Но чаще всего, изображая учителя, русские писатели создавали зловещие образы педагогов, духовно калечивших юношество. «Старая наша литература от Помяловского до Чехова дала огромную галерею портретов педагогов-садистов и равнодушных чиновников, людей «в футляре», она показала нам ужасающую фигуру Передонова, классический тип раба — «мелкого беса». В старой художественной и мемуарной литературе так же редко и эпизодически, как в действительности, мелькает учитель, который любил своих учеников и понимал, что дети сего дня — завтра будут строителями жизни...»² — писал М. Горький.

Макаренко очень интересовался творчеством Н. Г. Помяловского. Профессору И. А. Соколянскому, который собирался писать статью о «Педагогической поэме», Антон Семёнович настоятельно советовал провести параллель между «Поэмой» и «Очерками бурсы» Помяловского³. И в самом деле, трудно назвать другие более контрастные произведения.

Книга писателя-демократа 1860-х годов как бы сконцентрировала в себе все те черты казённой «педагогики», которые были рассеяны в мемуарной и художественной литературе XIX века. В сущности говоря, «Очерки

¹ А. П. Чехов. Полное собрание сочинений, т. XII, М., 1949, с. 235.

² М. Горький. Собрание сочинений в 30-ти томах, т. XVII, Гослитиздат, М., 1952, стр. 160.

³ Из воспоминаний профессора И. А. Соколянского, записанных автором книги.

бурсы» Помяловского — страшный рассказ о том, как в самодержавной России школа уродовала человека, вытравляла из него всё человеческое.

Душевно опустившиеся люди, чиновники, садисты, пьяницы, взятчики, сквернословы — таковы педагоги бурсы. Ожесточённые нелепой зубрёжкой, жестокой поркой, физкальством, развращённой обстановкой «камчатки» — таковы воспитанники. Два лагеря — воспитателей и воспитуемых — находились в состоянии непрерывной войны. «Многие честные дети честных отцов возвращаются домой подлецами; многие умные дети умных родителей возвращаются домой дураками»¹. Вот, по словам Помяловского, печальные результаты бурсацкого «воспитания».

Правда, в бурсе было своеобразное товарищество — бурсаки были едиными в своём ожесточении и ненависти к «начальству». Но это «товарищество» разрушалось, как только они оставались предоставленными самим себе. Здесь уже начиналось издевательство сильного над слабым, жестокие игры. Характерно, что когда обитатели бурсы попадают вне училища, то «шестивие их знаменуется порчею разных предметов, без всякого смысла и пользы для себя, а просто из эстетического наслаждения разрушать и паковать»².

Помяловский вводит читателей в изображаемый им мир, рисуя зимний вечер в бурсе: «В классе так темно, что за два шага не распознать лица человеческого. Всякие игры прекратились в эти часы, и бурсак может развлекаться только звуками, странными и разнообразными. Общее впечатление было дико...»

Звуки мешаются и переплетаются. Раздаётся крик какого-то несчастного, которому, вероятно, *въехали в загорбок*... слышен плач; *грегочет* какая-то тварь, т. е. ржёт по лошадиному, выделяемая «и-и-го-го-го!»». Ругань висит в воздухе, крики и хохот...

Появились лай, мяуканье и криканье, свист и визг... Ко всей этой ерунде присоединилась голосов в сорок бурсацкая *разноголосица*: участвующие в ней разбирают между собой все тоны, употребляемые в пении, и

все ноты берут сразу... Пастей во сто вырабатывается бесшабашный гвалт, и всё это совершается в непроглядной темноте... Грегочут, тянут «холодно», дуют разногolosицу во все ноты, в вопиющих и взывающих звуках растут-разрастаются голоса и отдаются дрожью в оконных стёклах...»¹

Эта бессмысленная звуковая какофония лучше всего выражает общий дух бурсы. Невольно вспоминается другая картина зимнего вечера, изображённая в «Педагогической поэме», картина, полная веселья, мира и дружбы.

«Училищный и уличный тать [вор] Аксютка был человек необыкновенный, талантливый, человек сильной воли и крепкого ума, но его сгубила бурса... как она сгубила сотни и сотни несчастных людей»², — говорит Помяловский. Один из бурсаков — Тавля стал взяточником и ростовщиком. Горблагодатский превратился в ожесточившегося «отпетого», Меньшинский стал подлинным зверем, Семёнов — доносчиком, Лягва — несчастным существом, почти переставшим быть человеком. Вот почему, рисуя бурсацкую жизнь, Помяловский вспоминает каторгу. Разоблачительная сила книги была так велика, что «Очерки бурсы» стали обвинительным актом против самодержавного строя.

Вслед за Помяловским М. Горький называет имя Чехова, создавшего образ учителя гимназии Беликова. Имя героя чеховского рассказа «Человек в футляре» давно уже стало нарицательным для обозначения маниакальной боязни всего нового. Где-то рядом с Беликовым стоит жуткий образ Передонова из книги Ф. Сологуба «Мелкий бес».

На мрачном фоне беликовых и передоновых резко выделяются немногие положительные образы педагогов, созданные дореволюционными русскими писателями. Почти через полвека после «Очерков бурсы» завершил свой монументальный труд «История моего современника» В. Г. Короленко. В отличие от автора «Очерков», Короленко показал, как, вопреки «кагорге образцового педагогического порядка», под могучим воздействием

¹ Н. Г. Помяловский. Полное собрание сочинений, т. II, М. —Л., 1935, стр. 112–113.

² Там же, стр. 48.

¹ Н. Г. Помяловский. Полное собрание сочинений, т. II, М. —Л., 1935, стр. 29, 31–32.

² Там же, стр. 55.

образов лучших книг русской литературы и произведений критиков-революционеров, вырос и сформировался его автобиографический герой.

В первом томе «Истории моего современника» нарисован образ учителя гимназии Авдеева, человека, страстно любящего родную литературу и своих учеников. Образ героя рассказа Макаренко «преподавателя словесности» Мефодия Васильевича Нестерова перекликается с обаятельным образом Авдеева.

Творчество М. Горького как бы соединяет классический и советский периоды истории русской литературы. Великий писатель, начавший свою деятельность в конце XIX века, М. Горький стал основоположником литературы социалистического реализма. Макаренко не только в своей педагогической работе глубоко и полно реализовал идеи М. Горького. Он стал одним из ближайших продолжателей традиций М. Горького в художественной литературе.

Горьковское отношение к человеку, горьковский оптимизм, горьковское понимание труда как величайшей творческой силы пронизывают всю деятельность автора «Педагогической поэмы». Макаренко непосредственно связывает с М. Горьким понимание единства личности и коллектива.

«Чем разнообразнее, глубже, шире связь человека с жизнью вселенского коллектива, — говорит М. Горький, — тем он духовно сильнее, интереснее для самого себя, красивее и нужнее для всех и энергичнее в борьбе за изменение условий общечеловеческого бытия к лучшему.

Личность есть горящая вершина огромной пирамиды опыта; чем шире её основание, тем более она вовлекает в себя этот живой опыт, тем ярче, неугасимее и прекраснее её горение»¹.

Эти слова широко развёртываются в публицистических выступлениях и в художественных произведениях М. Горького. Отрыв человека от коллектива с неизбежностью ведёт его к нравственной гибели, разрушает его личность, утверждает писатель. Наоборот, органическая связь человека с коллективом, с народом, с жизнью Родины бесконечно

¹ М. Горький. Несобранные литературные критические статьи, Гослитиздат, М., 1941, стр. 434.

обогащает его, делает сильным и прекрасным.

Коллективу — носителю революционной энергии, силе, формирующей личность, посвящены такие, например, произведения М. Горького, как поэма в прозе «Говариш», пьеса «Враги», роман «Мать».

Напечатанный за десять лет до Великой Октябрьской социалистической революции, роман М. Горького «Мать» стал провозвестником победы Октября, показал лицо будущих строителей нового мира. Рисуя широкую картину революционной борьбы рабочего класса, раскрывая в речи большевика Павла на суде величие исторических задач пролетариата, М. Горький выдвинул ещё одну значительную идею. Это идея революционного воспитания масс, задавленных непосильным трудом на эксплуататоров, темнотой и нищетой. Книга М. Горького может быть названа романом о воспитании в широком смысле этого слова. Силой, которая осуществляет это воспитание, является революционный коллектив, партия большевиков.

От толпы, разрозненной и бессильной, к сознательному, спящему революционному авангарду — таков путь, пройденный героями романа «Мать». И не случайно книга начинается с картины тяжёлого движения угрюмой, покорной и испуганной толпы к «высоким каменным клеткам фабрики». Чувство подстерегающей злобы всего больше ощущается в отношениях между людьми: «Опасаться надо людей — ненавидят все друг друга! Живут жадностью, живут завистью. Все рады зло сделать», — говорит мать.

Горький показывает, как участие в революционной борьбе духовно выпрямляет человека, как вырастает сознание непобедимой мощи коллектива, как рождается новое отношение к миру. Весёлое и призывное слово «товарищ» становится символом этого нового, растущего коллектива пролетарских революционеров.

Тема боевого содружества проходит лейтмотивом через всю книгу М. Горького. С особенной силой она звучит в словах Андрея Находки, этого поэта революционного коллектива: «Знаете, иногда такое живёт в

¹ М. Горький. Собрание сочинений в 30-ти томах, т. VII, Гослитиздат, М., 1950, стр. 206.

сердце,— удивительное! Кажется, везде, куда ты ни придёшь, — товарищи, все горят одним огнём, все весёлые, добрые, славные. Без слов друг друга понимают... Живут все хором, а каждое сердце поёт свою песню. Все песни, как ручьи, бегут — льются в одну реку, и течёт река широко и свободно в море светлых радостей новой жизни¹. Мысль «я не один на земле» высоко поднимает человека, возбуждает непреклонное желание бороться до победы.

Образом развернувшихся могучих сил революционного пролетариата становится в романе М. Горького картина первомайской демонстрации, а красное знамя, развевающееся в руках Павла, — символом единения рабочих. Партия воспитывает Павла, вырастающего из рядового фабричного парня в стойкого революционного руководителя. Партия освобождает Ниловну от тяжёлого груза прошлого, приобщает её к жизни, наполняет её существование высоким смыслом. Даже сын старого вора Данилы, известный фабричной слободе нелюдям Николай Весовщиков стал другим. «Он нашёл себя... — говорит о нём революционерка Саша... — Главное — в нём родилось истинно товарищеское чувство».

Изображение революционного коллектива в романе «Мать» имело огромное принципиальное значение для всей советской литературы, для Макаренко, продолжившего традицию М. Горького. Прямая переписка Макаренко с романом М. Горького «Мать» ощущается в повести «Честь». Здесь также рабочая среда, общая тема революционного воспитания народа, хотя и другая эпоха — период первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции.

Тема воспитания жизнью дана на другом материале в книгах М. Горького «Детство», «В людях», «Мои университеты», высоко ценимых Макаренко. Трилогия М. Горького рисует формирование молодого человека из социальных «низов» в условиях дореволюционной русской действительности. Заглавие заключительной, третьей части «Мои университеты» образно передаёт идею трилогии. Главный герой повести — Алексей Пешков показан в столкновении со «свинцовыми мерзостями дикой русской жизни».

¹ М. Горький. Собрание сочинений в 30-ти томах, т. VII, Гослитиздат, М., 1950, стр. 278–279.

И в тесной связи с лучшими представителями народной массы. Этот образ сердечного, чуткого, нравственно сильного, духовно растущего, умевшего учиться у действительности человека — воплощение поднимающегося к великой освободительной борьбе русского народа.

Автобиографизм не только характеризует трилогию М. Горького, он присущ всему творчеству великого писателя. Исследователи находят реальных прототипов героев многих произведений М. Горького. И сам Горький утверждал: «...Никто не выдумывает меньше меня. Когда-нибудь я напишу свою автобиографию и в ней со ссылками на лица и места оправдаю все, иногда как будто невероятные события и состояния душ в моих рассказах¹».

Макаренко глубоко воспринял умение М. Горького рассматривать свою жизнь как общественное явление. Об этом говорит весь творческий опыт автора «Педагогической поэмы».

Как раз в те годы, когда Макаренко работал над «Позмой», появилась серия очерков М. Горького «По Союзу Советов». Горьковские очерки имели большое значение для Макаренко. Прежде всего они явились замечательным примером художественного воплощения различных сторон жизни Советской страны. В очерках М. Горький рассказал о колониях для беспризорных и правонарушителей. Перевоспитание обитателей этих колоний было показано М. Горьким как часть грандиозного процесса формирования нового человека.

Очерк — документален, он, по словам М. Горького, стоит где-то между рассказом и исследованием. В советской художественной литературе документальность получила широкое развитие. Для судеб документального жанра очень важно высказывание В. И. Ленина о книжке не литератора-профессионала, а советского работника А. Тодорского «Год с винтовкой и плугом», вышедшей в 1918 году в Весёгонске.

На обложке книжки под заголовком поставлена дата: «7 ноября 1917–1918 гг.». Перед нами рассказ о начале Советской власти в Весёгонском уезде Тверской

¹ Цитируется по статье С. Касторского «К вопросу о прообразах героев повести «Мать». «Звезда», № 5–6, 1946, стр. 163.

губернии. Первая часть книги повествует о борьбе всеягонских большевиков и трудового народа за власть Советов, вторая говорит об успехах мирного строительства в городе и районе. Жанр этой небольшой книги своеобразен. Это не сухой отчёт, не художественный очерк, а правдивый безыскусственный рассказ об огромных изменениях, которые внесла революция в жизнь российского провинциального захолустья всего в течение одного года. По ходу повествования автор приводит документы и цифры.

Познакомившись с книгой вскоре после её появления в свет, В. И. Ленин дал ей оценку: «Описание хода революции в захолустном уезде вышло у автора такое простое и вместе с тем такое живое, что пересказывать его значило бы только ослаблять впечатление. ...Издание нескольких сотен или хотя бы нескольких десятков лучших, наиболее правдивых, наиболее бесхитростных, наиболее богатых ценным фактическим содержанием из таких описаний было бы бесконечно более полезно для дела социализма, чем многие из газетных, журнальных и книжных работ записных литераторов, сплошь да рядом за бумагой не видящих жизни»¹.

Интерес Ленина к маленькой книжке, изданной в провинциальной глуши, говорит о том, какое огромное значение он придавал изображению строительства новой жизни непосредственными участниками этого строительства. Книга А. Тодорского, не претендовавшая на место в художественной литературе, говорила о возможностях того жанра, который даст со временем ряд значительных, получивших широкую известность произведений советских писателей.

После Великой Октябрьской социалистической революции в литературу вступили люди, вышедшие из самых глубин жизни, — рабочие, крестьяне, воины Красной Армии, представители новой демократической интеллигенции. Одними из первых художественно-значительных произведений, построенных на документальной основе, были книги «Чапаев», «Мятеж», созданные политическим работником, военным комиссаром Д. А. Фурмановым.

«Чрезвычайно полезно в основу [произведения] положить факт действительной жизни, сведя до минимума выдумки (трактовка, развитие и художественность формы,

¹ В. И. Ленин. Сочинения, 4-е изд., т. 28, стр. 363.

разумеется, не выдумка)»¹. «...Я не смотрел на эти книжки [«Чапаев» и «Мятеж»] как на чисто художественные произведения (и в прежнем толковании этого термина), как на повесть, рассказ, роман... Я писал *исторические*, научно проработанные вещи, дав их в художественной форме»², — писал Фурманов А. М. Горькому. В этих высказываниях есть общее с тем, что говорил Макаренко о жанре «Педагогической поэмы». Обе книги, являющиеся ценнейшими историческими документами, дают вместе с тем широкую художественную картину нашей советской действительности. Не случайно Макаренко откликнулся на «Чапаева» сочувственной, очень интересной статьёй.

Конечно, утверждения Фурманова не имели ничего общего с формалистическими устремлениями теоретиков так называемой «литературы факта». Слепо преклоняясь перед фактом, как таковым, стремясь противопоставить факт художественному вымыслу, левовцы тем самым, хотели они этого или не хотели, идейно разоружали советскую литературу, низводили её до натуралистического копирования действительности, снижали её художественный уровень. Ложные левовские теории целиком опровергнуты самой жизнью, развитием литературы, в том числе творчеством Фурманова и других крупных писателей.

Представитель старшего Поколения советских писателей А. С. Серафимович в статье 1926 г., посвящённой безвременно скончавшемуся автору «Чапаева», писал: [Фурманов] «ушёл — и говорит нам своим художественным творчеством: берите живую жизнь, берите её, трепещущую, — только в этом спасение художника. И не бойтесь. Всё, что есть старого в писательстве, всё, что есть в нём забвенного, всё это с кривым лицом бросит в вас обвинение в фотографичности, в мемуарности. Не бойтесь. Выдумку всякий дурак сумеет обобщить, — живую жизнь сумеет синтезировать только истинное художественное творчество».

И ещё: истинное творчество тогда не мертво, когда оно глядит на жизнь, на борьбу революционными глазами

¹ Д. Фурманов. Сочинения, т. III, М., 1952, стр. 212.

² Д. Фурманов. Письмо к М. Горькому, 9 сентября 1925 г. «Октябрь», 1937, № 6, стр. 95.

ми восставшего класса, а не померкшим взглядом уходящего в забвение»¹.

Пример Фурманова показывал, что документальность и художественность вовсе не взаимно исключают понятие, что решающее значение для писателя имеет угол зрения на окружающую жизнь. Но этим не ограничивалось значение творческого опыта Фурманова для советских писателей, для Макаренко. В произведениях Фурманова была поставлена большая и важная тема боевого коллектива, тема воспитания народных масс в огне и буре гражданской войны.

Великая Октябрьская социалистическая революция дала поистине грандиозные масштабы воспитанию человека в Советской стране. На базе новых общественных отношений стало возможным воспитание полноценного советского гражданина, борца и строителя коммунизма. Макаренко превосходно охарактеризовал значимость этого процесса:

«Коммунистическое воспитание многомиллионных масс советского народа началось с первого дня революции, с первого слова Ленина, с первых боёв на фронтах гражданской войны. И потом... коммунистическое воспитание... сознательно и целенаправленно проводилось на протяжении всего грандиозного опыта социалистической стройки. Буквально можно сказать: нет ни одного акта, ни одного слова, ни одного факта в нашей истории, которые, кроме своего прямого хозяйственного, или военного, или политического значения, не имели бы и значения воспитательного...»²

Вот почему тема коммунистического воспитания советского народа в боях за великие завоевания Октября, в процессе мирного созидательного труда стала ведущей темой литературы социалистического реализма.

В статье о «Чапаеве» Фурманова Макаренко так характеризует героический облик полководца, вышедшего из самых глубин народной массы, воспитанного и поднятого великим Октябрем: «...Он [Чапаев] идёт всё к той же цели — к победе. И он такой не потому, что его перевоспитал комиссар Клычков, а потому, что он рождён и воспламенён революцией, потому, что за ним, впереди

него, справа от него и слева — идёт революция, идёт под знаменем Ленина поднявшийся трудовой народ»¹.

Этот образ массы, ещё сырой, но полной ненависти к врагу и воли к победе, проходит через всю книгу Фурманова. Ординарец Петька, командир взвода конных разведчиков Вихорь, красноармеец Иван Тёткин, девятинадцатилетняя девушка Маруся Рябинина и многие другие чапаевцы являются членами одной тесной семьи боевых товарищей. Сам Чапаев воплощает в себе лучшие черты этих отважных, полных презрения к смерти бойцов.

Именно через него Фурманов прежде всего раскрывает лицо героического коллектива, имя которому — чапаевская Дивизия. Изображает ли писатель боевые будни, рисует Слонихинский бой или взятие Уфы, рассказывает ли о выступлениях Чапаева перед красноармейцами, или описывает импровизированный концерт на фронте — везде перед нами встаёт образ разбуженной революцией массы. Организаторами и руководителями этой массы являются командир Чапаев и комиссар Клычков.

Победа небольшой, идейно сплочённой группы большевиков над разбушевавшейся стихией многочисленной толпы мятежников — тема другого замечательного произведения Фурманова «Мятеж». Победа передового советского воспитателя над анархической толпой беспризорных и правонарушителей показана в «Педагогической поэме». Обе книги утверждают коммунистическую идейность, умение организовывать и вести массы.

Тема революционного воспитания народа дана в замечательном произведении советской литературы 20-х годов — «Железном потоке» А. С. Серафимовича, появившемся почти одновременно с «Чапаевым» Фурманова. Как и «Чапаев», «Железный поток» документален в своей основе. «...В «Железном потоке» у меня выдумки мало. События в большинстве случаев представлены так, как были...»

Отбор фактического материала я подчинял основной идее, основной линии, основной мысли... — это реорганизация сознания массы»², — говорил Серафимович.

¹ А. С. Серафимович. Сочинения, т. X, М., 1948, стр. 336.

² А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 421.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 243.

² А. С. Серафимович. Сочинения, т. IX, М., 1948, стр. 175–176.

Превращение несознательной, в основном крестьянской, массы в закалённых революционных бойцов — таков идейный смысл этой книги. Автор показывает, что эта «реорганизация сознания» массы осуществляется в кровавых боях с белогвардейцами, в преодолении чудовищных трудностей, холода, голода и зноя — во всём ходе борьбы за Советскую власть, организатором которой является руководителем похода — Кожух.

Разумеется, нельзя поставить знак равенства между воспитанием самой жизнью и воспитанием в собственном педагогическом смысле. Но, показывая связь произведений Макаренко с магистральной темой советской литературы, мы имеем право взять за скобки то общее, что характеризует идейную направленность книг Макаренко и некоторых произведений наших крупных писателей.

В советской литературе 20–30-х годов широко представлена неразрывно связанная с темой воспитания тема коллектива. «Разгром», «Чапаев», «Поднятая целина» заключают очень большие коллективные образы и коллективные явления¹, — отмечал Макаренко.

В повести А. А. Фадеева «Разгром» получила художественное отражение героическая борьба дальневосточных партизан за власть Советов, свидетелем и участником которой был автор. В центре внимания писателя не какой-либо отдельный герой, а коллектив, отряд.

Показывая жизнь боевого отряда партизан, рисуя образы командиров и бойцов отряда, автор особое внимание уделяет не только командиру отряда, но и рядовому партизану Морозке. С двенадцати лет Морозка испытал тяжёлый, подневольный труд. В 1918 году вместе с тысячами себе подобных он взял в руки оружие и пошёл защищать власть Советов. Нелёгко был процесс освобождения от наследия прошлого. Уже будучи у партизан, Морозка пьянствует, ворует на баштане дыни у человека, который в течение месяца кормил и одевал его, как родного сына. Но в трудный момент, когда решалась судьба отряда, посланный в дозор Морозка, зная о том, что погибнет, предупреждает товарищей об опасности, а благовоспитанный по внешнему облику, но никчёмный индивидуалист Мечик трусливо бежит с поля битвы.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. III, М., 1957, стр. 454.

Самоотверженность Морозки не случайна, она отражает те глубокие процессы, которые происходили в самых толщах масс, она вытекает из основной идеи произведения — идеи перделки народных масс в революции и гражданской войне. «Эта перделка человеческого материала происходит успешно потому, что революцией руководят передовые представители рабочего класса — коммунисты, которые ясно видят цель движения и которые ведут за собой более отсталых и помогают им перевоспитываться и перерабатываться»¹.

Таким большевиком-руководителем является командир партизанского отряда, скромный и даже невзрачный по внешности, но сильный духом Левинсон. «Огромная, не сравнимая ни с каким другим желанием, жажда нового, прекрасного, сильного и доброго человека», стремление «видеть всё так, как оно есть, для того, чтобы изменить то, что есть, приблизить то, что рождается и должно быть»² сближает образ Левинсона с образом Макаренко в «Педагогической поэме». Пафос «Разгрома» — пафос революционного воспитания массы в её героических делах и подвигах, в преодолении, казалось бы, непреодолимых препятствий, в борьбе под знаменем коммунизма.

«Коллективизация нашего села есть, может быть, самый яркий в истории случай активного и целеустремлённого перевоспитания масс, одно из самых глубоких и смелых по замыслу педагогических явлений человечества»³, — писал Макаренко. Роман М. Шолохова «Поднятая целина», запечатлевший процесс коллективизации, — одно из самых значительных произведений советской литературы. Драматическая напряжённость конфликта, глубокий реализм и пластичность образов крестьян Гремязего Лога, большевика Давыдова — всё это служит одному: раскрытию темы формирования советского коллектива.

Тридцатые годы широко ввели в литературу тему воспитания нового человека и неразрывно связанную с ней тему труда. Ведь воспитание человека в СССР происходит прежде всего в социалистическом труде. Эта

¹ А. Фадеев. Литература и жизнь, 1939, стр. 152.

² А. Фадеев. Разгром, М., 1940, стр. 127—128.

³ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 201.

большие, определившие развитие литературы 30-х годов темы выдвигались самой жизнью. Страна решительно и смело, невиданными в истории темпами осуществляла планы индустриализации некогда экономически отсталой царской России.

Начало 1933 года ознаменовалось огромной исторической победой рабочего класса и крестьянства СССР — вытеснением первой пятилетки в течение четырёх лет и трёх месяцев. В 1935 году возникло мощное стахановское движение, открывавшее новые возможности подъёма производительности труда, необходимые для перехода от социализма к коммунизму. Вспомним и такие беспримерные подвиги советских людей этих лет, как завоевание стратегической сферы, полёт В. Чкалова и его товарищей, подвиги завоевателей Арктики.

Успехи социалистической индустриализации с новой силой выдвигали задачу коммунистического воспитания миллионов строителей нового общества. Эта задача реализовалась в поистине гигантских масштабах. Советская литература, тесно связанная с жизнью и борьбой народа, отражала грандиозный процесс социалистического переустройства страны.

В течение сравнительно небольшого отрезка времени появились такие разнообразные и значительные произведения, как «Гидроцентральный» М. Шагинян, «Соть» Л. Леонова, «Энергия» Ф. Гладкова, «Время, вперёд!» В. Катаева, «Люди из захолустья» А. Малышкина и др. Советская литература накопила большой опыт изображения новой революционной действительности, нового положительного героя.

Почти одновременно с «Педагогической поэмой» вышел в свет роман Н. Островского «Как закалялась сталь». В книге Н. Островского слились две большие темы советской литературы — тема гражданской войны и тема социалистического строительства, чтобы с наибольшей рельефностью раскрыть основную тему романа — тему воспитания нового человека.

Эта тема в произведениях Н. Островского и Макаренко представлена в судьбах разных героев. Сын работницы, ещё в детстве узнавший гнёт капитализма, доблестный участник гражданской войны, воспитанный Ленинским комсомолом, член Коммунистической партии — таков Павел Корчагин. Бывшие беспризорные и правонарушители, становящиеся

созидательными строителями социализма, — таковы молодые герои «Педагогической поэмы».

Павел Корчагин — человек из самых глубин народной массы. Суровая школа борьбы выковывает из охваченного стихийной ненавистью к эксплуататорам, ещё не понимающего значения революционной дисциплины Павла сознательного революционера, вся жизнь которого подчинена одной цели — борьбе за освобождение человечества. Сознание единства личного и общего, непреклонная воля к преодолению трудностей, коммунистическая идейность помогают слепому и неподвижному Корчагину победить и самую страшную для бойца трагедию — трагедию выхода из строя.

Вместе с Павлом растут и закаляются в борьбе и труде его юные друзья и товарищи-комсомольцы, растёт весь советский народ, частью которого является Корчагин. В книге Н. Островского получили художественное выражение мысли В. И. Ленина о решающей роли народных масс в революции, о народе — герое и творце истории.

«Я в одиночку не проживу», — говорит Павел секретарю райкома, когда болезнь оторвала его от людей, от любимого дела. Одна из ведущих идей книги «Как закалялась сталь» — решающая роль коллектива в формировании человека. Единство личности и коллектива — источник душевной стойкости Корчагина, и его победа является победой коллектива. Тема коллектива роднит «Как закалялась сталь» и произведение Макаренко.

Книги Н. Островского и Макаренко объединяет ещё одна тема. Автор книги «Как закалялась сталь» показывает формирование своего героя как постоянное преодоление трудностей, как воспитание коммунистической воли. Это одна из основных идей и «Педагогической поэмы».

В книге Островского есть образ, который может служить непосредственным звеном, соединяющим её героев с героями Макаренко. Это — Иван Жаркий. Беспризорный, подобранный красноармейцами и усыновлённый взводом бойцов, он получает воспитание в армии и доблестно сражается на фронте гражданской войны.

«Человеческая руда» — так образно назвал Макаренко в «Педагогической поэме» своих воспитанников —

куражан. Процесс плавки этой руды, процесс образования человеческой стали — вот общая тема книги «Как закалялась сталь» и произведения Макаренко. И то, что эта тема в обоих случаях развёрнута на автобиографическом материале, ещё более сближает эти два замечательных произведения советской литературы.

Книги Макаренко и Н. Островского — документальные в своей основе художественные произведения. Николай Островский не раз подчёркивал, что в романе «Как закалялась сталь» описано то, чему он, автор, был свидетелем. И действительно, в романе нашли своё отражение многие факты биографии Н. Островского, являющегося прототипом главного героя произведения Павла Корчагина. В книге запечатлены боевые товарищи и друзья Н. Островского, члены его семьи.

Вместе с тем Островский решительно предостерегал читателей и критиков от того, чтобы рассматривать его книгу как мемуары или исторический очерк. Как подлинный художник Островский сумел отобрать из биографии реальных лиц (в том числе и из собственной) наиболее существенное для показа формирования своего поколения революционной молодёжи, закалившегося в великих испытаниях.

Николай Островский с самым живым интересом и горячей симпатией относился к Макаренко. Жена писателя Раиса Порфирьевна рассказывала, что Островский настоятельно советовал ей прочитать вышедшую тогда отдельным изданием «Педагогическую поэму»¹. Литературный работник Б. А. Шиперович, помогавший писателю комплектовать его библиотеку, вспоминает об одной интересной беседе с Н. Островским, касавшейся Макаренко. Разговор шёл о некоторых критиках, не понявших художественного своеобразия книги «Как закалялась сталь», мешавших писателю в его работе.

«[Островский] вдруг, с каким-то особенно сосредоточенным выражением лица сказал: — А ведь я не одинок. Слышали ли вы о таком знаменитом педагоге Антоне Семёновиче Макаренко? — К своему стыду, сведения о А. С. Макаренко в ту пору были у меня скудные, и поэтому я ничего не мог сообщить Николаю Алексеевичу.

— Так вот, — снова заговорил Островский. — Это замечательный педагог, организатор знаменитой исправительной колонии на Украине. Он создал свою систему воспитания детей. Из бывших беспризорных, искалеченных людей он воспитал сознательных и активных строителей коммунизма.

Николай Алексеевич, рассказывая о А. С. Макаренко, оживился — видимо, судьба этого человека его часто занимала... — У меня сложилось твёрдое убеждение, что Макаренко — прекрасная, светлая личность... А разве Макаренко не преследовали, не травлили, не пытались сбить его с правильного пути и даже опорочить его метод воспитания детей?... А ведь нелегко ему было тогда, — продолжал Островский. — Сколько ему приходилось бороться против лженауки!

— Читали ли вы пьесу «Мажор»? — снова спросил меня Островский, будучи уверен, что я ничего об этой пьесе не знаю. Но я сказал, что знаком с её содержанием. Островскому это понравилось...

Островский привёл примеры, как чудесный метод воспитания А. Макаренко преобразовывал людей, рассказывал, как многие... ошибались в подростках, а Макаренко угадывал в них способных людей и в дальнейшем воспитывал из них стойких комсомольцев, организаторов, передовых бойцов производства.

— Жаль, что до сих пор не опубликованы его работы, — сказал в заключение Островский (очевидно, речь шла о педагогических работах Макаренко)¹.

Читатели справедливо сблизили «Педагогическую поэму» и книгу Н. Островского. «Разве здесь, в «Педагогической поэме», не происходит своеобразная закладка стали? — спрашивает молодая читательница. — Конечно, много сорта, нежели в книге Н. Островского. Но ведь сталь бывает разных сортов»². Подобных высказываний много.

Есть все основания полагать, что творческий опыт Н. Островского и поразительный успех его романа явились моральной поддержкой Макаренко в завершении его работы над «Педагогической поэмой». В «Книге для

¹ Из воспоминаний Б. А. Шиперовича, представленных автору книги.

² Письмо читательницы С. У. к А. С. Макаренко, ЦГАЛИ.

родителей» Макаренко так передал отношение одной из героинь произведения — хорошего советского человека библиотекарши Коробовой к роману «Как закалялась сталь»: «...Это книга святая, её нельзя небрежно бросить на стол, при ней неловко сказать сердитое слово»¹. В простых словах Коробовой — голос самого Макаренко.

К сожалению, писателям, в чьём творческом облике было так много общего, не удалось познакомиться лично. Макаренко переехал в Москву, когда автора книги «Как закалялась сталь» уже не было в живых, — он скончался в декабре 1936 года.

Вместе с Н. Островским и Макаренко в 30-х годах в литературу пришли с самых различных участков социалистического строительства многие одарённые люди и среди них инженер Юрий Крымов. В повести «Танкер Дербент» он, на хорошо знакомом ему материале жизни нефтяников, новому показал тему социалистического труда.

Макаренко увидел в писательском пути Ю. Крымова нечто знаменательное, нечто внутренне близкое. «Есть... советские писатели, которые вошли в литературу... через большой жизненный опыт, накопленный в результате работы по своей специальности, — писал Макаренко вскоре после появления повести. — Ближайшим, последним по времени примером является горный инженер Юрий Крымов, написавший «Танкер Дербент». В этой повести автор описывает работу небольшой группы людей на нефтеналивном судне в Каспийском море. Может показаться, что нет ничего интересного, любопытного, а тем более исключительного в жизни команды танкера, обречённого на монотонность плаванья между двумя портами в таком скучном море, как Каспийское...

Изображение жизни танкера он не пытался украсить приключениями, «сильными» характеристиками, драматическими положениями. Тем не менее книга поистине захватывающая.

Это не только потому, что Крымов — одарённый писатель, но и потому, что он знает своих героев, работал с ними и прошёл весь тот путь, который он описывает в своей книге. И наконец, есть ещё одна причина успеха таких книг, как «Танкер Дербент», «Педагогическая поэма»,

и других книг такого же рода. Она состоит в том, что советский читатель способен оценить и понять такие книги. Нет человека в нашей стране, кто бы не работал, для кого труд был бы лишь источником существования, не являлся бы, прежде всего, основой его политического и нравственного сознания»¹.

Макаренко ставит «Педагогическую поэму» в один ряд с книгой Крымова, и такое сближение закономерно. Педагог Макаренко, инженер Крымов, комсомольский работник Н. Островский, военный комиссар Фурманов и другие столь различные по своему облику писатели принесли с собой в литературу страстное желание рассказать о великих событиях жизни нашей Родины, участниках которых они были. В повседневной, окружавшей их жизни увидели они своих реальных героев — новых советских людей, увидели живые, конкретные черты социалистического идеала.

Важнейшая тема советской литературы — тема труда — наполнилась в творчестве Макаренко существенно новым содержанием. Показав поэзию социалистического коллективного труда, изменяющего жизнь, Макаренко глубоко и всесторонне раскрыл тему труда педагога-новатора.

Разумеется, при всём том общем, что сближает произведения Макаренко с книгами ряда советских писателей о воспитании, необходимо помнить и о существенном отличии. Автор «Педагогической поэмы» изображает воспитание, как организованное созидание нового человека, как процесс, направленный волею умного воспитателя, деятеля передовой социалистической науки.

На первый взгляд «Педагогическая поэма» очень близка целому ряду произведений о беспризорных, которых было довольно много в литературе 20-х годов. Но это только на первый взгляд. Макаренко дал в «Поэме» такую характеристику этих книг:

«Почему-то в нашей литературе и среди нашей интеллигенции представление о беспризорном сложилось в образе некоего байроновского героя. Беспризорный — это прежде всего якобы философ, и притом очень остроумный, анархист и разрушитель, блажник и противник

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 168–169.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. IV, М., 1957, стр. 257.

решительно всех этических систем. Перепуганные и слезливые педагогические деятели прибавили к этому образ целый ассортимент более или менее пышных перьев, надроганных из хвостов социологии, рефлексологии и других богатых наших родственников. Глубоко веровали, что беспризорные организованны, что у них есть вожаки и дисциплина, целая стратегия воровского действия и правила внутреннего распорядка. Для беспризорных не пожалели даже специальных учёных терминов: «самовозникающий коллектив» и т. п.

И без того красивый образ беспризорного в дальнейшем был ещё более разукрашен благочестивыми трудами обывателей (российских и заграничных). Все беспризорные — воровы, пьяницы, развратники, кокаинисты и сифилитики...

А между тем... ничего подобного в жизни нет.

Надо решительно отбросить теорию о постоянно существующем беспризорном обществе, наполняющем будто бы наши улицы не только своими «страшными преступлениями» и живописными нарядами, но и своей «идеологией»¹.

Когда читаешь и перечитываешь повести, рассказы и очерки о беспризорных и правонарушителях, то видишь всю справедливость слов Макаренко. В центре внимания авторов произведений были обычно мытарства очутившегося на улице ребёнка или подростка: знакомство с воровским притоном — «малиной», участие в «деле» — грабеже или краже, побег из изолятора для несовершеннолетних правонарушителей, возвращение на улицу, ночёвки на вокзале, в асфальтовом котле, рискованные «путешествия» в дальних поездах, — словом всё, что может быть определено заглавием одной из повестей, появившихся в те годы, — «беспризорный круг».

Нередко образы героя этих книг вставали в воображении доверчивого, невзыскательного читателя как некие экзотические фигуры в ореоле дешёвого романтизма и сентиментальности. Хотел автор этого или не хотел, он заставлял читателя любоваться ребёнком или подростком в лохмотьях, таким смелливым, ловким, независимым, остроумным. И обычно только в самом конце произведения сообщалось скорговоркой, что беспризорный нашёл теперь путь к настоящей жизни и благополучно работает на фабрике, заводе или живёт в детском доме.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 467–468.

На этом фоне выделялись немногие произведения, и прежде всего рассказ Л. Н. Сейфулиной «Правонарушители», напечатанный ещё в 1921 году. Сильной стороной этого талантливого произведения явилась, по справедливой характеристике Макаренко, «глубокая искренняя вера в человека, вера в то, что не может быть прирожденной преступности, вера в лучшие человеческие качества», слабой стороной — изображение метода перевоспитания «в совершенно неуловимых влияниях природы и труда»¹.

Правдиво и рельефно был нарисован в рассказе беспризорный Гриша Песков, совершенно неудачно — воспитатель, педагог-чуждак Мартынов. «Этот Мартынов, на каждом шагу дёргающийся и кривляющийся, проповедующий своеобразный пантеизм и отрицание семьи, мог, конечно, паразитить на некоторое время десяток-другой ошеломлённых жизнью беспризорных, но серьёзного воспитательного дела поручить ему нельзя, а тем более нельзя видеть в нём какой-либо «пробораз» социалистической педагогики»². Всё же это произведение сыграло в своё время положительную роль и, в частности, по словам Макаренко, заставило его задуматься над некоторыми вопросами воспитания.

Отдал дань теме перевоспитания правонарушителей и Горький, не только как очеркист. Уже после смерти Макаренко, в 1941 году, была опубликована черновая рукопись киносценария Горького «Преступники», над которым он работал в начале 30-х годов. Сценарий начинается картинами жизни дореволюционной колонии малолетних преступников. Далее действие переносится в 20-е годы, изображается жизнь колонии для беспризорных и правонарушителей.

Эта незаконченная работа не даёт возможности во всей полноте судить о значительности произведения. Можно думать, что по замыслу Горького сценарий должен был быть построен на контрасте «воспитания» преступников в царской России и подлинного перевоспитания бывших беспризорных и правонарушителей в Советской стране.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 365–366.

² А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 202.

Макаренко мало что мог дать опыт советской литературы в создании характера педагога.

Если учитель и становился героем романа, повести или рассказа, то писателя обычно интересовало не его непосредственная трудовая деятельность, а личная жизнь, иногда общественная работа.

Жизнь советской школы также совершенно недостаточно отразилась тогда в советской литературе. «Что же имеется в нашей литературе о школе и семье как факторах воспитания?— спрашивает Макаренко в статье «Детство и литература». — Почти ничего.

Особняком стоит «Дневник Кости Рябцева» Н. Огнёва. Можно спорить о верности нарисованной здесь картины нашей школы в первые годы нэпа, но нельзя отказать этой книге в живом и здоровом остроумии, в удачно схваченном колорите юношеского общества. В книге педагогика ещё беспомощна, школа ещё слабо организована и часто вызывает ироническую улыбку.

Дети в произведениях наших писателей, как правило, отсутствуют. Герои наших романов и повестей принципиально бездетны, наше советское общество имеет чрезвычайно взрослый вид.

Между тем дети составляют самую красивую, самую звучную и радостную часть этого общества¹.

Наряду с «Дневником Кости Рябцева» необходимо упомянуть книгу Г. Белых и А. Пантелеева «Республика ШКИД», хорошо в своё время встреченную читателями. Это — повествование об одном из детских домов первых лет революции, написанное очень живо, с тёплым юмором. С большой симпатией нарисован здесь образ заведующего детдомом Виктора Николаевича Соркина, любовно прозванного детдомовцами Викниксором.

Однако, несмотря на человеческую привлекательность Викниксора, книга, по характеристике Макаренко, есть «добрососебно нарисованная картина педагогической неудачи»². Авторы этой талантливой книги увлеклись описанием всяких «духовных прыжков»³, экзотики была. В сущности, тема «Республики ШКИД» была дана не с точки зрения проницательного, умного воспитателя, а

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 203.

² Там же, стр. 202.

³ А. С. Макаренко. Письмо к Г. С. Макаренко. 23 сентября 1933 г. Архив А. С. Макаренко.

глазами воспитанника, школьника.

Чем же объяснить, что попытки изобразить труд педагога были малоубедительными. Ведь среди авторов произведений о школе были одарённые люди. Неудача писателей объяснялась прежде всего тем, что они не смогли раскрыть самого главного — нового содержания, которое революция внесла в работу воспитателя.

В этом смысле имеет принципиальное значение отзыв Макаренко о повести Г. А. Медынского «Бубенчики» из жизни нашей средней школы (повесть под изменённым названием «Девятый А» была напечатана в 1939 году). Отмечая несомненные достоинства произведения, Макаренко так говорит об его недостатках:

«У автора нет никаких представлений о возможности улучшения школьной организации как целого. Он мыслит в тех рамках, в каких мыслит и его главная героиня Мария Митрофановна [учительница], — в пределах одного класса, а ещё чаще в пределах индивидуальной истории отдельного ученика. Иначе говоря, у автора нет педагогически-философских (марксистских) обобщений...»

Самая деятельность Марии Митрофановны... ограничивается часто словесным прикосновением к тому или другому «несчастному» случаю, возникающему в семье или в классе. Организуя влияние, настоящего воспитания, создающего характеры и предупреждающего «несчастные» случаи, у Марии Митрофановны нет»¹.

Представим себе на минуту, что Макаренко — герой «Поэмы» пошёл бы по пути такого «чисто словесного прикосновения» к многочисленным «несчастливым» случаям в колонии. Но, как мы знаем, основной задачей Макаренко было создание условий, которые сделали бы возможным «несчастные» случаи в массе, создание главного орудия воспитания личности — коллектива.

Соединение в одном лице педагога и крупного писателя вызвало к жизни замечательные художественные произведения Макаренко. Автор «Педагогической поэмы» вывел тему воспитания из сферы эмпирического описательства на широкие просторы большой литературы. Макаренко сделал вопросы воспитания живыми, необходимыми и интересными для самых широких

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 282–283.

кругов читателей.

Теме воспитания посвящён ряд книг зарубежных писателей. Наиболее прославленным произведением мировой литературы о воспитании является роман Ж.-Ж. Руссо «Эмиль», появившийся в XVIII веке и пользовавшийся большой популярностью в XIX и XX веках. Макаренко хорошо знал эту книгу и не раз упоминал её в «Педагогической поэме».

Трудно сопоставлять такие произведения, порождённые столь различными и хронологически далёкими друг от друга общественно-экономическими формациями, как период перехода от феодального строя к капитализму и эпоха строительства первого в мире социалистического общества. Однако эти произведения могут и должны быть сопоставлены по своим педагогическим идеям.

Крупнейший французский писатель и философ Руссо смело выступил против всей системы феодальной педагогики, скрывавшей внутреннее развитие человека. Великий гуманист, он провозгласил уважение к личности человека, как краеугольный камень воспитания. Вместе с тем во взглядах Руссо на вопросы воспитания, отразившихся в романе «Эмиль», есть черты, глубоко чуждые нашему времени.

Руссо поставил задачей нарисовать в своём романе, идеальную картину воспитания человека с первых лет младенчества до того времени, когда герой книги сам становится отцом. В облике воспитателя автор изобразил самого себя, своему воображаемому воспитаннику дал имя Эмиль. Начиная с первых страниц книги, Руссо противопоставляет две формы воспитания — «общественную» и «частную», отдавая все свои симпатии последней. В качестве начала, формирующего человека, у него выступает природа. Вот почему, со своей точки зрения, последовательно он изолирует Эмиля от родителей, от товарищей, от общества в широком смысле этого слова и прямо называет своего ученика «воспитанником природы».

Произведение Руссо — апология индивидуалистического воспитания. Эмиль «знает» существенные отношения человека к вещам, но ничего о моральных отношениях человека к человеку...

Он смотрит на себя безотносительно к другим и доволен тем, что другие не думают о нём. Он ни от кого ничего не требует, и за собой не признаёт никакого обязательства

перед кем-либо. Он один в человеческом обществе и рассчитывает на себя одного»¹.

Характерно, что «в высшей степени удачным трактатом об естественном воспитании» является для Руссо знаменитый «Робинзон Крузо» Дефо. Герой этой книги, «одинокий, лишённый помощи себе подобных, каких бы то ни было орудий, и тем не менее обеспечивающий себе пропитание, сохранение и достигающий даже известного благосостояния»², — является для автора «Эмиля» идеальным образом человека, воспитанного природой.

Положения, развиваемые в «Эмиле», стали исходной точкой для некоторых позднейших реакционных теорий и особенно для теории так называемого свободного воспитания, борьба с которыми заняла такое большое место в жизни автора «Педагогической поэмы».

Макаренко сознавал: «Я в течение нескольких лет находился в состоянии кровожадности в отношении педологов. Я не пускал их к себе в колонию... А они боялись со мною встречаться даже в коридорах Наркомпроса... Моя ненависть к педологам обратилась в болезнь. Это было в тот период, когда я писал свою первую часть «Педагогической поэмы». В частности, мои чувства были направлены против Руссо»³.

На страницах «Поэмы» писатель выступает против деятелей «Олимпа», опиравшихся на положения Руссо и считавших ересью то, что Макаренко образно назвал «педагогической техникой»: «На «небесах» ребёнок расматривался как существо, наполненное особым составом, название которому даже не успели придумать... Предполагалось... что газ этот обладает способностью саморазвития, не нужно только ему мешать. Об этом было написано много книг, но все они повторяли, в сущности, изречения Руссо:

«Относитесь к детству с благоговением...»

«Бойтесь помешать природе...»

Главный догмат этого вероучения состоял в том,

¹ Ж.-Ж. Руссо. Эмиль, или о воспитании. СПб, 1915, стр. 197.

² Там же, стр. 171.

³ А. С. Макаренко. Доклад в научно-практическом институте спецшкол и детских домов 20 октября 1938 г. Бюллетень «Учебно-воспитательная работа в детских домах», 1941, № 2-3, стр. 26.

что в условиях такого благоговения и предупредительности перед природой из вышеуказанного газа обязательно должна вырасти коммунистическая личность. На самом деле в условиях чистой природы вырастало только то, что естественно могло вырасти, то есть обыкновенный полевой бурьян...»

Выступая, как и Руссо, против всего, что мешает творческому развитию личности, Макаренко в основном вопрошает воспитания находится на ином, противоположном полностью по отношению к автору романа «Эмиль». Произведения Макаренко до конца опровергают теории сторонников индивидуалистического воспитания. Книги Макаренко утверждают воспитание в коллективе и через коллектив.

В 1937 году в русском переводе вышел в свет большой двухтомный роман Кнута Беккера «Мир ждёт», посвящённый жизни колонии для беспризорных и правонарушителей. Тема книги и время её появления — она была напечатана в Дании в 1934 году, одновременно с «Педагогической поэмой» — делают во многом поучительным её сопоставление с произведениями Макаренко.

Сюжет романа несложен. Сын мелкого коммивояжёра, пытавшийся убежать из душной атмосферы родительского дома, попадает в некое «воспитательное заведение» «Радость Шелланда». Здесь он входит в среду недавних бродяг, воришек, малолетних участников уличных банд и просто детей, потерявших родителей. Жизнь Кая и его товарищей Виктора, Эжена, Нильса в приюте, а также их дальнейшая судьба и составляют содержание романа.

Ощущение нестерпимой духоты, страшной тяжести, почти ужаса охватывает, когда знакомишься только с одним днём жизни «заведения» (первая глава романа так и названа «Один день»). Воспитательный кодекс «Радости Шелланда» достаточно прост. Он выражается в немногих словах: «Здесь релсы — это повиновение», «безусловное повиновение каждому взрослому или каждому приказанию, исходящему от взрослого». Это не свободная, творчески организуемая человека дисциплина, как в коллективе Макаренко, а подавление личности, искажающее ребёнка и подростка. Каждый из воспитанников в глазах воспитателей — не неповторимая человеческая

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 557.

индивидуальность, а обезличенная единица, обозначенная порядковым номером по списку.

Руководитель учреждения — единодушно ненавидимый всеми, отвратительный, жестокий лицемер Монрад. А воспитатели — чиновники, садисты, избивающие детей и наслаждающиеся их страданиями. И даже внешнее выражение «порядка» — резкий, пронзительный свисток, сзывающий колонистов, словно выдрессированных охотничьих собак.

Воспитатель Серенсен говорит: «У нас всё основано на физическом труде». Но это непосильная, бессмысленная, истощающая душевные и физические силы работа. Вместо украшенных будней, чудесных праздников, увлекательных, всё расширяющихся перспектив — томительное чувство полнейшей бесцельности, страшной скудости жизни. «Бесконечно длинная неделя сплошь состоит из серых будней, заполненных пилкой дров, стиркой, чисткой, работой в коровнике».

Эти безрадостные дни разnobразятся только очередными проишествиями, играми в воров и полицейских и мечтами о том времени, когда будет оставлен приют. Маленький, тщедушный Виктор мечтает: «Нам следовало бы удрать отсюда всем вместе. Мы живём здесь как скоты, как бараны». Полуголодные, забытые дети завидуют даже животным. «...Коровы жрут и жрут без конца! Хорошо быть коровой! Гораздо лучше, чем мальчишом», — говорит Эжен. Воспитанники отделены, отрезаны от остального мира, им даже запрещено разговаривать с «чужими». Прогрессивный журналист Санд даёт справедливую характеристику «Радости Шелланда»: «Это приют для маленьких рабов, униженных... угнетённых».

Воспитанники Макаренко, герои его книг, с радостной гордостью ощущают себя членами коллектива; оставив колонию, они приезжают сюда погостить, поработать, как в родной дом. Герой романа К. Беккера юноша Нильс не желает иметь ничего общего с приютом: «Он хочет быть таким же, как все другие люди, не желает быть «оттуда». Но за стенами приюта воспитанника ожидает безрадостное существование батрака, обязанного за жалкий стол и нищенское вознаграждение работать

с раннего утра и до позднего вечера и беспрекословно подчиняться хозяйну — деревенскому кулаку.

Не узнавшие радости жизни, чувствующие себя бесконечно одинокими, душевно опустошённые молодые люди возвращаются в общество для того, чтобы снова нарушать законы, приведшие их в воспитательное заведение. Такова судьба Нильса и Бернхардта. А друзья Кай и Эжен перед выпуском, сидя рядышком в темноте и обняв друг друга за плечи, мечтают стать... бандитами в Лондоне. Буржуазный мир не ждёт их, как не ждал и других воспитанников «Радости Шелланда».

Нравственное разложение и в конечном итоге душевная и физическая гибель — таков итог процесса «перевоспитания» юных героев Кнута Беккера. Изображая страдания детей и подростков, рисуя жуткие картины жизни «воспитательной колонии», автор романа, по существу, не поднимается над описываемым им миром, в котором для писателя страшны и омерзительны угнетатели, жалки и беспомощны угнетаемые. Для К. Беккера выхода нет — налицо безнадежный и мрачный тупик, отчаяние, душевная прострация.

Всё это резко контрастирует с образами «Педагогической поэмы». Писатель не закрывает глаза на всё тяжёлое, мешающее его героям идти вперёд, но он показывает, как коллектив освобождает человека от всего нравственно его искажающего, делает его новым человеком, сознательным строителем социалистического государства. Сравнивая книги Макаренко с романом Кнута Беккера, мы ещё глубже ощущаем смысл творчества Макаренко.

Только сопоставив произведения Макаренко с книгами писателей-современников и писателей прошлого, мы до конца сможем оценить то неповторимое, художественно-значительное, что им было внесено в литературу. Важным источником для понимания писательской индивидуальности автора «Педагогической поэмы» являются литературно-критические статьи и рецензии Макаренко. Они помогают раскрыть некоторые существенные стороны эстетических взглядов писателя. Они говорят об отношении Макаренко к явлениям литературной жизни. Наконец, они служат своеобразным и ценным автокомментарием к произведениям писателя.

Макаренко выступает за передовые, творческие

принципы советской литературы, за высокое искусство жизненной правды, против всяческого упрощения, схематизма. Страстные, эмоциональные, полные глубоких мыслей, критические выступления Макаренко сохраняют всё своё значение для наших дней. Они делают для нас ещё более близким живой образ писателя и человека.

Литературно-эстетические взгляды Макаренко сформировались прежде всего под могучим воздействием идей Горького. В своём художественном творчестве и в критических статьях Макаренко плодотворно развивал эстетические принципы великого писателя-революционера. В центре эстетики Макаренко — человек, являющийся органической частью коллектива, народа. Горьковское жизнеутверждение, горьковский пафос труда, преобразующего мир, горьковский гуманизм живёт новой жизнью в творчестве Макаренко.

Тема социалистического гуманизма развёртывается в целом ряде выступлений Макаренко. В статье «Сила социалистического гуманизма» Макаренко говорит об одной из важнейших особенностей советской литературы — её неиссякаемой любви к человеку. «Гуманизм нашей литературы не заключён в скобки формальных пожеланий, он не литературная поза, он заключён в самих наших темах, в самом тоне писателя, в его социалистическом самочувствии. Социалистический реализм может с полным правом быть назван гуманистическим реализмом, ибо наш реализм построен на оптимистической убеждённости, на мажоре всей нашей жизни и на предвидении освобождения человечества»¹.

Человек — величайшая ценность для Макаренко. Мысль о человеке, о его силе и слабости, о его душевной красоте и творческих возможностях — постоянные мысли Макаренко. В черновых записях к «Педагогической поэме» есть одна примечательная запись Макаренко: «Дефектность не людей, а отношений»². Эта краткая формула очень важна для понимания педагогических, эстетических взглядов писателя. Макаренко как бы вступает здесь в многовековой спор о человеке, о его нравственной сущности, о добре или зле, лежащих в природе человека. Всем содержанием своих книг писатель утверждает

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 151.

² Архив А. С. Макаренко.

ждает, что человек в своём существе не дефектен, а прекрасен, как бы ни было иногда скрыто это прекрасное под слоями душевной грязи и всяческой накипи.

Каждым образом своих книг Макаренко говорит о необходимости и реальности изменения человека в условиях подлинно человеческих отношений между людьми, отношений дружбы, товарищества, сотрудничества. «Педагогическая поэма» не только поэма о воспитании, это поэма о человеке, его огромных творческих возможностях, его нравственной красоте.

Творческую деятельность Макаренко пронизывает идея активной, формирующей личности красоты. Прекрасное для Макаренко не абстрактная категория, это сама жизнь во всей её сложности и многообразии, в её движении к совершенным формам общественных отношений, к коммунизму. Самое прекрасное в мире — человек. Красота человека предстает в произведениях Макаренко во всей своей покоряющей художественной убедительности. Красивый человек для писателя — это прежде всего человек, чувствующий себя членом коллектива, человек социалистического труда. Это человек одухотворённый, органически соединяющий в себе светлый разум и сердечность, умеющий отзывать на всё прекрасное в жизни.

Не случайно и не один раз Макаренко говорит в своих работах об эстетике поведения. Каждой страницей своих произведений писатель утверждает единство этики и эстетики. Самая несомненная красота в мире — красота нравственного поступка, и обыкновенное лицо, освещённое лучами этой красоты, прекрасно. Высшее проявление красоты — это подвиг во имя блага Родины, человечества.

Осмысливая свой писательский опыт, а также опыт советской литературы в целом, Макаренко приходит к важному выводу: «Новое общество... новая этика и новые связи между людьми требуют и новой эстетики»¹.

Макаренко вскрывает черты нового, социалистического общества, его социальную, человеческую высоту. «Советское общество по характеру человеческих взаимоотношений не только выше, но и сложнее, и тоньше старого общества», — говорит Макаренко. — «Первые в истории родились настоящие человеческий коллектив, свободный от неравен-

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 164.

ства и эксплуатации... Гораздо важнее, чем раньше, стали категории связи, единства, солидарности, сочувствия, координирования, понимания зависимости внутренней и многие другие... Коллектив — это не простая сумма личностей, в нашем коллективе всегда что-то родится новое, живое, только коллективу присуще, органичное, то, что всегда будет и принципиально социалистическим». Макаренко поясняет свою мысль сравнением, заимствованным из мира музыки: «Вопросы мелодики, даже камерной гармонии, даже гармонии более широкой нас уже не могут удовлетворить в своём охвате. Нас уже должны особенно интересовать вопросы оркестровки, — созвучия разных и количественно значительных тембров, колоритов, сложных красок коллектива»¹.

В сущности, творчество Макаренко может служить яркой иллюстрацией этих высказываний писателя. В своих художественных произведениях, педагогических трудах и литературно-критических статьях Макаренко глубоко разрабатывает вопросы эстетики коллектива. Писатель показывает всю эстетическую ценность отношений между людьми, сложившихся в обществе, где нет эксплуатации человека человеком.

Макаренко-художнику, как и Макаренко-критику, была особенно созвучна тема «личность и коллектив», шире — «человек и общество». Эта одна из «вечных тем» мировой литературы по-новому звучит у Макаренко. Наглядный пример этому — одна из самых глубоких по мысли и блестящих по форме статей писателя, названная «Счастье».

«...Мы мало говорим о человеческом счастье, — пишет Макаренко. — Часто, правда, мы вспоминаем о нашем счастье, вспоминаем с волнением и благодарностью, но мы ещё не привыкли говорить о нём с такою же точностью и определённостью, как о других победах революции». Макаренко утверждает, что такое отношение к счастью нами исторически унаследовано, ибо в обществе, основанном на эксплуатации человека человеком, люди привыкли вести счёт только бедственным явлениям жизни, и художественная литература прошлого была «бухгалтерией человеческого горя».

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. III, М., 1957, стр. 453–454. 453

Даже переходя к изображению счастья любви, писатели прошлого, по словам Макаренко, «самую лучезарную любовную радость... предпочитали смять новым набором бедствия, горя и препятствий... Самая патетическая история любви «Ромео и Джульетта» есть в то же время и самая бедственная история...»

Самые милые для нас, самые близкие сердцу произведения художественной литературы стараются обходить счастье десятой дорогой или удовлетворяются констатацией пушкинского типа:

А счастье было так возможно,

Так близко...

...Почему это так? — спрашивает Макаренко. — Почему вся прошлая художественная литература так не умеет, так не любит изображать счастье, то есть то состояние человека, к которому он всегда естественно стремится и из-за которого, собственно говоря, живёт?!

Макаренко отвечает на поставленный вопрос. Писатель говорит об ограниченности, непрочности эгоистического счастья, о его полной обособленности от общественной жизни, о правдивости нашей классической литературы, которая не могла изобразить такого счастья.

Не только «Евгений Онегин», о котором здесь вспомнил Макаренко, но и такие столь различные книги, как «Мещанское счастье» Помяловского, «Семейное счастье» Л. Толстого, «Учитель словесности» и «Крыжовник» Чехова и ещё многие, здесь не названные произведения, говорят о невозможности, призрачности, об уродстве «счастья» в условиях эксплуататорского общества. И даже знаменитый афоризм из рассказа «Парадокс» В. Короленко: «Человек рождён для счастья, как птица для полёта» — звучит чудовищным контрастом по отношению к тому, кто его производит, — жалкому калеке-уродцу.

Тема поисков счастья, полноты жизни звучит и в мировой литературе. Конечно, не случайно Макаренко в «Педагогической поэме» упоминает о герое «Фауста» Гёте, воплотившем эту тему. Это упоминание по-макаренковски дано в неожиданном контексте. Рассказывая о встрече воспитанников колонии имени М. Горького и коммуны имени Ф. Э. Дзержинского, автор замечает:

«...Когда рушится строй и ребята бросаются к друзьям, жмут руки, смеются и шутят, я думаю о докторе Фаусте: пусть этот хитрый немец позавидует мне. Ему здорово не повезло, этому доктору, плохое он для себя выбрал столетие и неподходящую общественную структуру»¹.

Полушутливая сентенция полна, однако, большого, серьёзного смысла. Макаренко утверждает, что самые страстные поиски истины, счастья бесплодны, если они одиноки, оторваны от мысли о людях, о счастье народа.

Возражая тем, кто полагает, что счастье не может быть предметом художественного отображения, так как произведение невозможно без коллизий и противоречий, Макаренко писал: «Этот вопрос поддежит, разумеется, серьёзному и глубокому теоретическому исследованию. Но уже и сейчас можно высказать некоторые предчувствия, и единственным основанием для таких предчувствий является новый образ счастья, выдвинутый Октябрьской революцией»².

Макаренко раскрывает новый образ счастья, рождённый Октябрьской революцией, которая разрешила проблему личности и общества, создала реальную базу для подлинного, нравственного, принципиально чистого счастья. Счастье перестало быть отвлечённой моральной категорией, недостижимым идеалом, романтической мечтой. Оно реально и многообразно. Счастье не только в удовольствиях, в «наслаждении жизнью». Счастье — в единении с людьми, в дружном труде, в борьбе за лучшее будущее. Тогда и осознанная необходимость отказа от узколичного во имя блага человека, во имя общества должна стать источником огромного морального удовлетворения, счастья.

Основа нашего счастья — советский государственный строй, социалистические отношения между людьми. Макаренко нашёл слова, запечатлевшие отношение самого писателя, советских людей к вопросу, который волновал лучшие умы человечества.

«Мы научились быть счастливыми в том высочайшем смысле, когда счастьем можно гордиться. Мы научились быть счастливыми в работе, в творчестве, в победе, в борьбе. Мы познакомились с радостью человеческого

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. I, М., 1957, стр. 629.

² А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 32.

единения без поправок и исключений, вызванных соседством богача. Мы научились быть счастливыми в знании, потому что знание перестало быть привилегией грабителей. Мы научились быть счастливыми в отдыхе, потому что мы не видим рядом с собой праздности, захватившей монополию отдыха. Мы научились быть счастливыми в ощущении нашей страны, потому что теперь это страна наша, а не нашего хозяина. Мы знаем теперь, какая красота и радость заключаются в дисциплине, потому что наша дисциплина — это закон свободного движения, а не закон своеволия поработителей.

В каждом нашем ощущении присутствует мысль о человеке и о человечестве, и наше счастье поэтому не только явление общественное, но и историческое¹.

Лишь в советской литературе тема счастья получила подлинно большую жизнь. «Счастье начинается с ненависти к несчастью...»² — сказал Горький. Эти слова вводят нас в круг произведений советских писателей, посвящённых данной теме. Начиная со стихов Маяковского, тема счастья предстаёт уже не как абстракция, как мечта, оторванная от жизни, а как чудесная реальность.

Слепой, неподвижный, прикованный к постели Николай Островский в письме к молодой читательнице от лица героя своей книги, Павла Корчагина, говорит: «Скажи ей, пусть она создаст себе счастливую жизнь, счастье же — в создании новой жизни, в борьбе за обновление и перевоспитание человека, ставшего хозяином страны, нового человека, большого и умного, человека эпохи социализма. Борьба за коммунизм, истинная дружба, любовь и молодость — всё для того, чтобы быть счастливым»³. Мы знаем о замысле Н. Островского написать третью часть романа «Как закалялась сталь» под названием «Счастье Корчагина».

Проблема счастья в её художественном, философском воплощении давно волновала Макаренко. В проспекте романа, который послужил своеобразным эпиграфом к «Педагогической поэме», уже намечена тема реальности счастья. Темы «нового человеческого счастья» даны в «Педагогической поэме» и в «Книге для родителей». Макаренко

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 34.

² М. Горький. Собрание сочинений в 30 томах, т. XXX. Гослитиздат, М., 1956, стр. 277.

³ Н. Островский. Сочинения, т. II, М., 1953, стр. 328.

утверждал, что поэзия и счастье юношеской жизни — тема книги «Флаги на башнях». Отправляясь от нового содержания понятия «счастье», раскрытого Октябрьской революцией, писатель, как он сам говорил, хотел изобразить в своей книге «счастье в суровой дисциплине, в труде, в тесной связанности с Родиной, со всей страной».

Социалистический общественный строй, разрешивший проблему личности и коллектива, открыл безграничные возможности для развития литературы. Этой теме посвящён ряд выступлений Макаренко и, в частности, статья «Литература и общество». Писатель говорит об огромном богатстве советской жизни, порождающей разнообразные и красочные явления литературы, о важной, благородной роли литературы, борющейся за великие идеи коммунизма.

«Советское общество — это общество на великом походе. Мы живём в то замечательное время, когда человечество закончило какой-то тысячелетний период предвзрительной жизни и впервые в истории подняло знамя *человеческой* организации. Мы вооружены стратегией марксизма-ленинизма, мы ведём бой за новое счастье, за новый разум, новую жизнь...»

Советская литература должна не только отражать то, что происходит. В каждом её слове должна заключаться проекция завтрашнего дня, призыв к нему, доказательство его рождения. На боевом пути советского общества литература... — разведчик будущего. Она должна обладать могущественным напряжением, чтобы в динамике нашей жизни предчувствовать формы напряжения и победы¹.

Писатель, сумевший увидеть в своих современниках черты человека грядущего коммунистического общества, обращается с пламенным призывом к советским писателям открывать это будущее:

«Наша жизнь сплошь новая. Всё в этой жизни: единство, строительство, борьба, победы — всё по-новому богато, по-новому радостно и по-новому трудно. Каждый день приносит нам самые новые и самые неожиданные открытия в самой природе человека, в его красоте, в его радости, любви и даже в его слабости, страдании, ошибке.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 170–171.

Художественная литература теряет смысл, если писатель не будет открывать это новое, если он не способен показать наше общество в движении, если он не способен предчувствовать завтрашний день»¹.

Патриот, горячо любящий свою Родину, Макаренко расмагивал своё творчество как служение народу, а себя как художника, выражающего мысли и чувства граждан Советской страны. В статье «О темах для писателей» Антон Семенович поставил большой и важный вопрос о художественно углублённом воплощении темы советского патриотизма в литературе.

«Лично мне, — говорил Макаренко, — самой значительной и требующей срочной разработки представляется та группа тем, которая касается самочувствия гражданина нашего социалистического Отечества...»

Это самочувствие нового гражданина: вот это ощущение новой эпохи, нового общества, новой свободы, нового человечества, новых психологических ходов и представлений — в конечном счёте есть тот советский патриотизм, который делает наш Союз таким уверенно сильным и уверенно счастливым.

Но это самочувствие в то же время не так просто и примитивно, чтобы о нём можно было говорить поверхностно, в форме простой констатации его существования. Эта группа тем требует глубокой и очень тонкой разработки, которая должна проникнуть до самых интимных и таинственных глубин человеческой психики. Это важно ещё и потому, что в новом человеке мы не встретим ничего стандартного, остановившегося, мы должны изображать его «на походе», в процессе самого бурного, невиданного в мире развития»².

Макаренко-критик гневно выступает против шаблонов в литературе, против беспомощного описательства, упрощения жизни. «Художественное произведение не имеет права оперировать заезженными средними понятиями, это право принадлежит только лубку»³, — с иронией замечает Макаренко. Писатель возвышает свой голос за принципиальное, смелое новаторство, за произведение литературы, достойные нашей великой эпохи.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VI, М., 1958, стр. 416.

² А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 152.

³ Там же, стр. 215.

Автор «Педагогической поэмы» призывает к избранию действительности в её правде, во всей её сложности, многообразии, противоречиях. И разве не звучит по современному такое, например, высказывание Макаренко: «...Наш, советский человек вовсе не бесконфликтен. Напротив, характерной особенностью нашей жизни является её конфликтный характер... Наша жизнь именно потому прекрасна, что мы способны бороться, то есть разрешать конфликты, смело идти им навстречу, смело и терпеливо переживать страдания и недостатки, бороться за улучшение жизни, за совершенствование человека...»

Жизнь в Советской стране строится по диалектическому принципу движения и совершенствования... Характер нашего героя отнюдь не бесконфликтностью должен отличаться, а готовностью к конфликту, способностью идти ему навстречу. Эта готовность проистекает из идеологической вооружённости, из мужественной ориентировки, из общих эмоциональных и интеллектуальных установок, но вовсе не проистекает из бытовой упрощённости или бесчувственности нашего человека.

И поэтому наша литература должна быть литературой конфликта и его разрешения»¹.

Писатель, чьи произведения стали действенным оружием коммунистического воспитания, выдвигал на первый план воспитательную функцию современной литературы. Обращаясь к членам Союза писателей, Макаренко говорил: «Наша общая государственная социалистическая задача: воспитывать коллективиста, воспитывать человека новой эпохи»².

Умного и тонкого педагога, всегда особенно остро ощущавшего роль художественного образа в формировании подрастающего поколения, волновали вопросы детской литературы. Этой теме посвящены статьи писателя «Воспитательное значение детской литературы» и «Стиль детской литературы». Макаренко ставит перед пишущими для детей основную задачу — воспитание целевой коммунистической личности — и высказывает интересные мысли об особенностях стиля детской литературы.

Большой интерес представляет статья Макаренко

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VI, М., 1958, стр. 419–420.

² А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 143.

«Детство и литература». Анализируя произведения советских писателей о детях, указывая на их сильные и слабые стороны, Макаренко выступает против поверхностного, натуралистического описательства и ставит перед нашей литературой задачу создания полноценных художественных образов будущих строителей социалистического общества. Макаренко резко выступил здесь против ложного романтизма дешёвой сентиментальности в изображении жизни беспризорных некоторыми писателями. В остроумной рецензии писатель показал художественную никчёмность блатной экзотики романа Ф. Олесова «Возвращение».

В выступлениях Макаренко по поводу конкретных литературных явлений нет ничего от ползучего эмпиризма, эстетства, субъективных вкусовых оценок. Статьи Макаренко поднимают большие, принципиально важные для развития советской литературы темы. Идея, содержание художественного произведения и вопросы писательского мастерства для Макаренко всегда неразрывны, и это отражено в критических оценках, данных писателем.

Среди статей и рецензий Макаренко, связанных с конкретными явлениями литературы, необходимо выделить прежде всего статьи-воспоминания о Горьком. Оригинальные по жанру, они не только свидетельствуют о глубокой внутренней связи Горького и автора «Педагогической поэмы», но и дают глубокую характеристику творчества великого социалистического гуманиста. Макаренко как бы проецирует основные идеи творчества Горького в сферу воспитания нового человека.

Одна из особенно значительных работ Макаренко-критика — уже упоминавшаяся статья о «Чапаеве» Фурманова. Это замечательное произведение привлекло Макаренко не только своим документальным характером, но и художественным воплощением близкой писателю темы героизма.

Макаренко показывает, что добросовестность, точность повествования, отсутствие преувеличений, писательская скромность автора «открывает путь для легенды», ибо «оставляет у читателя чувство любви, восхищения, преклонения перед славным подвигом людей великой борьбы». «Хочет того Фурманов или не хочет, а как раз в его книге мы видим Чапаева впереди полков, видим в воодушевлённом,

горячем движении: да, верхом на коне, да, с занесённой чудесной чапаевской саблей»¹.

Макаренко говорит о значительной теме книги — дружбе Чапаева и комиссара Клычкова, «глубоко деловой и человеческой дружбе двух людей, горячо, до последней капли крови преданных революции, идущих рядом во главе славной дивизии на разгром Колчака», и утверждает, что книга Фурманова есть «история раскрытия образа Чапаева в представлениях, мыслях и делах комиссара».

В романе А. Первенцева «Кочубей» о борьбе красного казачества Кубани Макаренко привлекло умение автора показать подвиг не как «личную эстетическую позу», а как «совершенно необходимое и совершенно естественное движение, вызванное крепкой связанностью масс, удивительным чувством единства коллектива»².

В книге Т. Сёмушкина «Чукотка» о возрождении одного из наиболее отсталых народов, населяющих Чукотский полуостров, о самоотверженной культурной работе группы советских людей на далёком северо-востоке Союза Макаренко увидел то, что характерно для многих лучших произведений советской литературы и что так близко писательской индивидуальности самого Макаренко — простоту и правду в изображении наших будней:

«Нет ни одной строчки, ни одного слова, которые пытались бы изобразить их [советских учителей на Чукотке] работу как нечто героическое... Никакого самомнения, никакой позы, ни одного слова хвастливого, ни одного штриха, говорящего об усталости, напряжении, колебании... в книге показаны ничем не выдающиеся, прекрасные советские будни, именно поэтому книга дышит такой светлой уверенностью, такой основательностью и так убедительна»³.

В статье о романе А. Толстого «Пётр I» Макаренко выступает не только как тонкий критик, но и как вдумчивый историк, умеющий в полной мере оценить избрание переломной эпохи прошлого России. Подводя итоги анализу идей и образов книги, Макаренко говорит

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 236.

² Там же, стр. 193.

³ Там же, стр. 281.

о произведении А. Толстого, как большом достижении социалистического реализма в жанре исторического романа.

«Художественный оптимизм автора, украшенный ярким, красивым и немного ироническим словом, огромная сила воображения, буйная страстность в чередовании картин эпохи, стремительный бег мысли и полнокровное мощное движение — вот что делает книгу А. Н. Толстого неотразимо привлекательной. В ней реализм действительно является реализмом социалистическим в самом высоком и полном значении этого слова, ибо трудно себе представить описание исторических деятелей и событий, которое было бы так наполнено понятными и близкими нам ощущениями движения, веры, энергии и здоровья. Это редкая книга, которая в одинаково сильной степени и русская и советская»¹.

Творческий путь Макаренко-писателя, как и путь педагога, вовсе не был подобен триумфальному шествию. Макаренко пришлось встретиться с непониманием или явно враждебным отношением рутинёров. Трудно представить, что, наряду с высокими оценками произведений Макаренко, в одном из журналов 30-х годов могла появиться статья под заглавием «Антипедагогическая поэма» и что статья о «Книге для родителей» могла быть названа «Вредные советы родителям о воспитании детей». Но ведь так было!

Творчество писателя-новатора пробивало себе дорогу в борьбе с рутинёрами от литературы и педагогики. Стремясь разъяснить читателям и критикам идейный и художественный смысл своих книг, Макаренко написал несколько статей, где выступил с автокомментариями своих произведений. Сюда же относятся и некоторые публичные выступления писателя. Здесь необходимо упомянуть статьи «Против шаблона», «О книге «Честь», «Открытое письмо тов. Ф. Левину», «Разговор с читателем», «О «Книге для родителей», «Ответ товарищу А. Бойму».

Ряд статей Макаренко посвящён важной теме «Писатель и его место в жизни Советской страны». «Кто хочет быть хорошим советским писателем, тот должен начинать с вопроса о своём отношении к жизни. Он должен активно

участвовать в этой жизни, активно её изучать».¹ Эти слова из беседы Макаренко с начинающими писателями хорошо подытоживают общий смысл выступлений писателя.

Макаренко ставит вопрос о новом типе писателя Советской страны, говорит о требовательности литератора к своей работе, о необходимости высокой культуры личности писателя. Макаренко выступает против остатков мешанского индивидуализма в жизни писателей. Он возвышает свой голос за единство слова и дела литератора, за писателя-человека, достойного нашей великой эпохи борьбы за коммунизм.

«...Мы, писатели, должны ближе стать к вопросам коммунистического поведения, должны приблизиться к ним практически, не только наблюдая образцы коммунистического поведения граждан Советской земли, но и предьявляя к себе серьёзные требования коммунистической этики. Новый человек должен быть коллективистом в каждом своём поступке, в каждом своём помышлении, Я не представляю себе, что описывать и создавать этого человека в нашем воображении можно, оставаясь самому по старинке индивидуалистом»².

Жизнь и творчество Макаренко являются примером монолитного единства слова и дела, глубокого знания действительности, активного участия в формировании нового человека, в строительстве коммунизма, Макаренко — большой советский писатель, достойный представитель литературы социалистического реализма.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М, 1958, стр. 159.

² Там же, стр. 164.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 276–277.

по ним равняться»¹, — говорил Макаренко.

Выступая в 1938 г. на встрече с читателями в Ленинграде, Макаренко рассказал об одном примечательном эпизоде: «Меня пригласили профессора помочь им написать учебник [педагогике]. Я ответил согласием, но при условии, если они ответят на один вопрос: будем ли мы писать педагогику сегодняшнего дня или завтрашнего? Они сказали, что не могут писать педагогику завтрашнего дня. Тогда я сказал — пока вы будете писать педагогику сегодняшнего дня, жизнь вас перегонит, и в результате вы напишете педагогику не сегодняшнего, а вчерашнего дня»².

«Педагогика завтрашнего дня» — трудно дать лучшее определение смысла новаторства Макаренко, деятеля передовой науки о воспитании. Педагогические труды Макаренко, художественные произведения писателя актуальны, потому что они обращены к будущему. В период перехода к коммунизму, когда усиливается роль воспитательной работы, значение литературного наследия Макаренко ещё более возрастает.

Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР поставил перед школой большую и ответственную задачу — подготовку учащихся к жизни, к общественно-полезному труду. Опыт соединения обучения с производительным трудом в детских воспитательных учреждениях, руководимых Макаренко, вошел в жизнь советской школы. Педагогические идеи Макаренко применяются в практике передовых советских школ и воспитательных учреждений. Многие советские педагоги творчески продолжают опыт Макаренко.

Н. С. Хрущёв в речи на III съезде писателей СССР, говоря о перевоспитании, заметил: «Мне трудно соревноваться в описании таких случаев с всеми уважаемым и всем известным автором «Педагогической поэмы» Антоном Семёновичем Макаренко. Он показал благородство человека, великую силу веры в человека»³.

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. IV, М., 1957, стр. 432.

² А. С. Макаренко. Сочинения, т. III, М., 1957, стр. 447.

³ Н. С. Хрущёв. Служение народу — высокое призвание советских писателей. Речь на III съезде писателей 22 мая 1959 г. Госполитиздат, 1959, стр. 19.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(ВСЕМИ УВАЖАЕМЫЙ, ВСЕМ ИЗВЕСТНЫЙ)

После смерти Макаренко произошли огромные изменения в жизни Советской страны. Построение коммунистического общества стало непосредственной практической задачей советского народа. Важнейшим документом, определяющим пути строительства коммунизма, пути воспитания нового человека, является Программа Коммунистической партии, принятая историческим XXII съездом КПСС. Новая Программа в полной мере воплощает лозунг партии: «Всё во имя человека, для блага человека».

Программу, моральный кодекс строителя коммунизма, по характеристике Н. С. Хрущёва, «пронизывают благородные идеи гуманизма и коллективизма»¹. Мы знаем, что гуманизм и коллективизм — основы творческой деятельности Макаренко.

Многие высказывания Макаренко о моральном облике советского человека, о воспитании звучат так, точно они произнесены в наши дни. «Вперед у нас стоят великие цели коммунизма, каждый сознательный гражданин Советского Союза видит эти цели и в своей практической жизни, в своей морали, в своём отношении к людям старается

¹ Н. С. Хрущёв. Речь на XIV съезде комсомола 19 апреля 1962 г. «Известия» от 20 апреля 1962 г.

Творчество Макаренко пользуется всенародным признанием. Писатель живёт вместе с Советской страной, он в первых рядах борцов за коммунизм. Произведения Макаренко изданы в Советском Союзе 245 раз на 29 языках, общим тиражом в 8 миллионов 199 тысяч экземпляров¹.

Большую роль в ознакомлении широких кругов читателей с литературным наследием Макаренко сыграло семитомное собрание сочинений Макаренко, вышедшее тремя изданиями². Здесь были впервые опубликованы неизвестные читателям произведения Макаренко. Издание снабжено ценным научным аппаратом.

О Макаренко существует огромная по объёму литература³.

Миллионы людей смотрели кинофильмы по произведениям Макаренко «Педагогическая поэма», «Флаги на башнях».

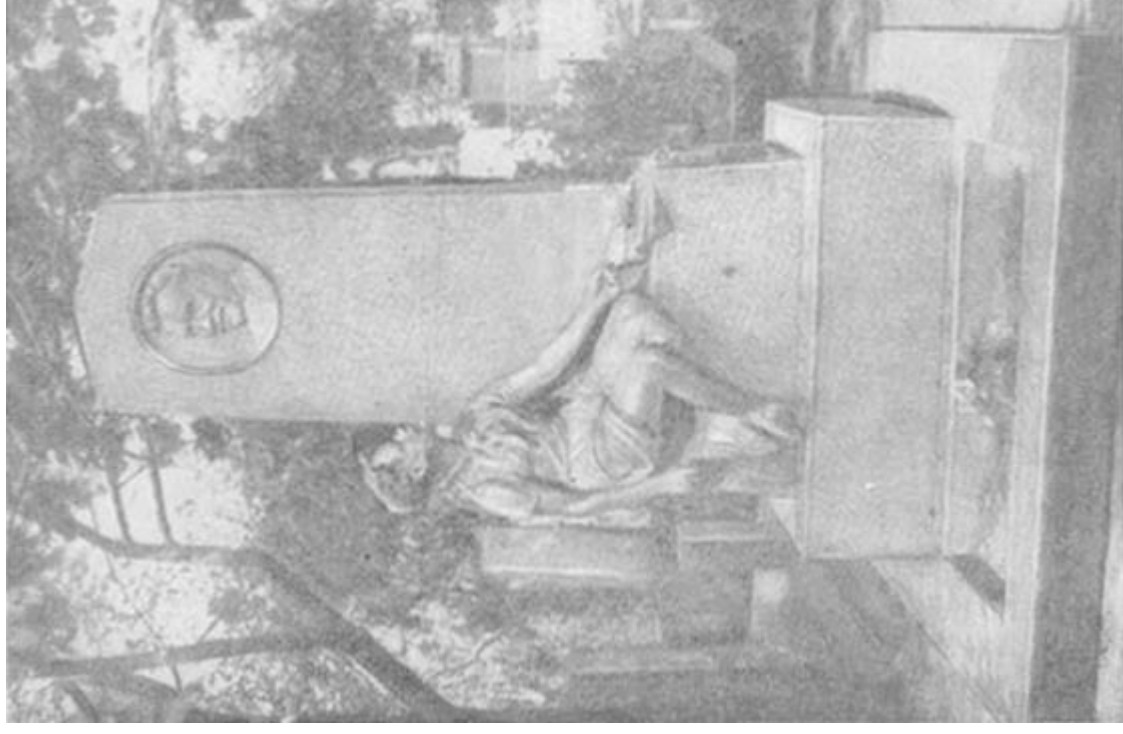
Советская страна увековечила память Макаренко. По решению правительства Украинской Социалистической Советской Республики в г. Крюкове-на-Днестре, в доме, где жил Макаренко, открыт музей. В Куряже, вблизи Харькова, открыт Музей-комната А. С. Макаренко. В ряде городов школы, библиотеки, педагогические учебные заведения, улицы названы именем Макаренко. Недавно в Москве именем Макаренко названа улица, где находится ряд институтов Академии педагогических наук.

В 1952 г. в Москве, на могиле Макаренко установлен памятник работы скульптора В. Цигаля. Памятник представляет собой гранитный пилон, на котором укреплён бронзовый барельеф — портрет Макаренко. Возле пилона

¹ По данным Всесоюзной книжной палаты на 1 января 1963 г.

² Собрание сочинений издано под редакцией И. А. Каирова, Г. С. Макаренко и Е. Н. Медынского. Текст подготовлен в основном В. Е. Гмурманом.

³ См. «А. С. Макаренко». Библиографический указатель. Составитель В. А. Хрусталёва, под редакцией Н. А. Сундукова. М., 1959 г., а также—Н. А. Морозова «А. С. Макаренко» (Семинарий. Изд. второе, переработанное, Л., 1961 г.). Творчество писателя получило освещение в ряде книг и статей: в книгах Е. Балабановича «А. С. Макаренко». Очерк жизни и творчества, М., 1951 г.; Б. Костелянца «А. С. Макаренко». Критико-биографический очерк, М., 1954 г.; Ю. Луккина «А. С. Макаренко». Критико-биографический очерк, М., 1954 г., в статьях В. В. Ермилова и др.

Памятник на могиле А. С. Макаренко. Новодевичье кладбище. Москва

бронзовая фигура мальчика-пионера, который с любовью вглядывается в дорогие и близкие всем советским людям черты Макаренко. К памятнику никогда не зарастает народная тропа. Ежедневно сюда приходят новые и новые люди — москвичи и приезжие из самых различных уголков Советского Союза.

Ещё в 1933 г. Горький писал Макаренко: «Огромнейшего значения и поразительно удачный педагогический эксперимент Ваш имеет мировое значение, на мой взгляд»¹. Предвидение Горького давно стало явью. Имя педагога и писателя получило известность во всём мире. Книги Макаренко изданы в Англии, Аргентине, Албании, Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республике, Индии, Италии, Исландии, Китае, Мексике, Нидерландах, Норвегии, Польше, Румынии, Уругвае, Финляндии, Франции, Чехословакии, Югославии, Швеции, Японии². Инсценировки «Педагогической поэмы» шли в театрах Англии, ГДР, Польши и Чехословакии.

О значении творчества Макаренко для зарубежных читателей хорошо сказал известный немецкий прогрессивный писатель Вилли Бредель: «С увлечением читаются в ГДР произведения А. Макаренко. Они издаются очень большими тиражами, но «Педагогическая поэма» находит себе всё новых читателей. Для многих молодых людей эта книга стала истинной нравственной поддержкой на пути в жизни. Книги Макаренко заставили понять и полюбить советскую литературу, многим они раскрыли душу для восприятия благородных идей социализма»³.

О том, как близок Макаренко — писатель и педагог зарубежным читателям, свидетельствуют и многочисленные письма, полученные Галиной Стахивной Макаренко. Так, например, квартальный комитет Отечественного фронта города Варна (Болгария) писал:

«Труды А. С. Макаренко являются ценным пособием в воспитании наших детей — завтрашних строителей нового,

¹ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 355.

² По данным Государственной библиотеки иностранной литературы.

Сведения эти не могут считаться исчерпывающими.

³ Вилли Бредель. Благотворное влияние. «Советская культура», 16 ноября 1954 г.

социалистического и коммунистического общества в нашей солнечной родине, под отцовскими заботами БКП. Восторг и восхищение вызывают у нас прекрасные произведения талантливого писателя. Кто не восторгался знаменитой «Педагогической поэмой», «Флагами на башнях», «Книгой для родителей»...

Наша цель одна — подготовить наших детей для завтрашнего дня, чтобы они вошли в новую жизнь с чистым сердцем. В той неотступной борьбе за воспитание перед нашими глазами оживают незабываемые картины трудовой колонии около Полтавы, носившей имя М. Горького, и коммуны имени Ф. Э. Дзержинского»¹.

Зарубежным читателям дорого не только наследие педагога и писателя, но весь облик Макаренко-человека. Руководитель одного из прогрессивных детских воспитательных учреждений во Франции Робер Ардуэн сделал такую запись в книге посетителей архива А. С. Макаренко: «Огромная работа, великолепный разум, глубокое сознание того, что нужно ребёнку, чтобы стать человеком, а также доброта сердца Макаренко являются для нас в выполнении нашей задачи драгоценным путеводителем. Мы стремимся воздать нашими делами дань почтения его великой жизни»².

Высокие идеи социалистического гуманизма и коллективизма, выраженные в трудах Макаренко, до конца воплощены в личности автора «Педагогической поэмы». «...У человека должна быть единственная специальность — он должен быть большим человеком, человеком настоящим»³, — писал Антон Семёнович. Рядом с книгами, созданными писателем, с людьми, им воспитанными, стоит во всей своей нравственной красоте образ Макаренко — человека нашей великой эпохи.

Единство жизни и творчества Макаренко столь органично, что равного ему немного найдётся в мировой литературе. Беспредельная преданность делу строительства коммунизма, отношение к литературе и педагогической работе, как к орудию воспитания человека, высокая нравственная культура — всё это делает Макаренко человеком нового общества.

¹ Архив Г. С. Макаренко.

² Там же.

³ А. С. Макаренко. Сочинения, т. VII, М., 1958, стр. 465–466.

Идеи и образы произведений Макаренко, весь опыт его жизни обращены к каждому из нас лично, и каждый из миллионов читателей черпает в облике автора «Педагогической поэмы», в его литературном наследии нечто глубоко важное для своего внутреннего роста.

С каждым годом возрастает интерес советских и зарубежных читателей к Макаренко — мыслителю и художнику слова. И это понятно, ведь произведения Макаренко посвящены теме, волнующей миллионы людей, — теме воспитания подрастающего поколения, в руках которого будущее земли, судьбы мира во всем мире.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Глава I	
Детство и юность	7
1. Белополье	7
2. Крюков-на-Днепре	14
Глава II	
Народный учитель	28
1. Школа в Крюкове	28
2. Долинская	40
Глава III	
Путь к культуре	46
Глава IV	
Полтавский педагогический институт	55
Глава V	
В годы гражданской войны	72
Глава VI	
На третьем фронте	82
Глава VII	
Большие победы	109
Глава VIII	
Зрелость	131
Глава IX	
Встреча с М. Горьким	149
Глава X	
На новом творческом поприще	167
Глава XI	
Педагог-писатель	189

Глава XII		
«Педагогическая поэма»		205
1. Поэма о коллективе		212
2. Герой и повествователь		235
3. Личность и коллектив		270
4. Вокруг колонии		307
5. Документальность и художественный вымысел		315
6. Заключение		325
Глава XIII		327
Московские годы		
Глава XIV		360
Поиски и свершения		360
1. «Книга для родителей»		374
2. «Флаги на башнях»		397
3. Рассказы, киносценарии		405
4. «Честь»		410
5. Творческие замыслы		
Глава XV		420
Макаренко и художественная литература		
Заключение		464
«Всеми уважаемый, всем известный»		

ОПЕЧАТКА

На стр. 466 в сносках 2-ю строку сверху следует читать:
Собрание сочинений издано под редакцией И. А. Канрова

Евгений Зенонович Балабанович
МАКАРЕНКО. ЦЕЛОВЕК И ПИСАТЕЛЬ

***

Редактор Д. Терентьева
Художественный редактор А. Игнатьева
Художник Е. Ганнушкин
Техн. редактор М. Шлык

***

Издательство «Московский рабочий», Москва, пр. Владимирова, 6.

Лб1621. Подписано к печати 28/VI 1963 г. Формат бумаги 84×108^{1/32}.
Бум. л. 7,38. Печ. л. 24,19. Уч.-изд. л. 24,04. Тираж 20 000.
Цена 1 р. 10 к. Зак. 169.

Типография изд-ва «Московский рабочий», Москва, Петровка, 17.

